ЛЮДЕНДОРФ

BB971
1935

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—1918

ТОМ ВТОРОЙ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульвар, 53. Телефон № 2-15-20.

ЦЕНТР. СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Арбат, Глазовский пер. 1. Тел. 2-45-98.

ЛЮДЕНДОРФ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—1918 г. г.

Т. I, 326 стр., 14 сх.+8 карт

Ц. 4 р. 50 к.

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Т. I, 434 стр.+6 схем

ДЖОН ФУЛЛЕР

ТАНКИ

В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 г. г.

352 стр., с 12 рис. и 9 черт. в тексте, 9 пл. сраж. и 1 картой

В. НЬЮБОЛЬД

КАК ЕВРОПА ВООРУЖАЛАСЬ К ВОЙНЕ (1871—1914 г. г.)

Ф. ЭНГЕЛЬС

Франко-Прусская война

СТАТЬИ

Л. ТРОЦКИЙ

ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАДАЧИ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

30 стр. Ц. 30 коп.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Т. II, 240 стр.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

Т. III, 236 стр.

Н. КАКУРИН

РУССКО-ПОЛЬСКАЯ КАМПАНИЯ

1918—1920 г. г.

75 стр. Ц. 40 к.

БОЕВАЯ РАБОТА КРАСНЫХ АРМИЙ И ФЛОТА

1918—1923 г. г.

Под редакцией В. А. Антонова-Овсеенко и П. М. Шапошникова

94 стр. Альбом схем. Ц. 1 р. 75 к.

ТРУДЫ

ВНО при ВОЕННОЙ АКАД.

СБОРНИК 4-й

ОТДЕЛЫ: в. истор. и в. искусства

Цена 1 р. 20 к.

ПРИКАЗ РВСР

№ 279—1923 г.

К 5-ЛЕТИЮ КР. АРМИИ

Обл. и ил. худ. Ю. П. Анненкова

Ц. 1 р. 50 к., на лучш. бум.—2 руб.

Э. ЛЮДЕНДОРФ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914 — 1918 г.г.

ПЕРЕВОД С 5-го НЕМЕЦКОГО ИЗД. ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. СВЕЧИНА

ТОМ ВТОРОЙ

3-й экз.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1986

ВВ271
1938 р

331122

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 797
Петрооблит № 8272
Гиз №5 839 Тираж 7000
Военная типография
Штаба Р.-К. К. А.
(Площ. Урицкого, 10)

От издательства.

В предисловии к первому тому воспоминаний Людендорфа мы указывали читателю на необходимость разделять в авторе военного руководителя германской армии с одной стороны, от политика—с другой и отмечали, что поскольку первый является для нас глубокопоучительным, постольку второй ни в какой степени не может вызвать нашего восхищения.

Выпуская второй том „Воспоминаний", мы могли бы только полностью повторить все сказанное, если бы в этой части своих воспоминаний германский полководец не выступал перед нами, как политик по преимуществу, выявляя в силу последнего свои отрицательные стороны с особой рельефностью.

Идеальный оператор, в отдельных решениях которого заключены классически отточенные мысли, человек несокрушимой воли, он является фанатическим поклонником того „старого немецкого бога", который должен был не только привести немцев к победе, но и возвеличить Германию этой победой пред лицом всего мира. Отсюда и политическое credo Людендорфа, приводящее его к узкому и одностороннему взгляду на текущие события: отсюда и решение его кончить войну в тот момент, когда он убедился в существовании на мировой арене новых, неведомых и непонятных ему социальных сил. Его телеграмма по этому поводу из Спа, где находилась тогда ставка, носила буквально ультимативный характер и дальнейшие переговоры между Спа и Берлином ни к чему не привели. Ставка требовала начать мирные переговоры немедленно, не вразумляясь даже тем, что такая поспешность, как намекали из Берлина, могла повлечь за собою потерю не только Эльзаса-Лотарингии и некоторых восточных провинций, но и кое-что бóльшее. Даже обнародование детальной программы военных целей, которая должна была подчеркнуть согласие Германии с принципами Вильсона, казалось ставке излишней проволочкой времени [1]).

[1]) Ferd. Runcel: „Die Deutsche Revolution".

Сознание бесполезности дальнейшей борьбы дошло до того, что Людендорф, тот самый, который в своих воспоминаниях относится с чувством чуть ли не благоговения к кайзеру, теперь врывается без доклада к нему в кабинет и в крайнем возбуждении спрашивает: „Новое правительство еще не готово? Оно должно быть образовано немедленно, ибо мирные предложения необходимо сделать сегодня, сейчас же“ [1]).

Здесь, в этой решительности ставки с Людендорфом во главе—полное подтверждение сказанного о нем, как о военном деятеле, растерявшемся в тот момент, когда оружие в его руках оказалось сломанным. В то же время мы видим несостоятельность его и как политика, который до последнего, самого рокового момента не мог и не хотел понимать ни превосходства экономической мощи своих противников, ни того, что наступательная сила армии была сломлена еще в июле 1918 года, после чего она, как дисциплинированный механизм, существовала только по инерции, ни общего развала страны, заключавшего все предпосылки революции, а также и развала армии, ни того, ясного (даже) для статс - секретаря Кюльмана положения, что мир не может быть достигнут одной только силой оружия. Рассмотрение этих факторов, необходимое для современного полководца, оказалось вне его задач и компетенции, а когда обстоятельства заставили его обратить на них внимание, то генерал, великолепный специалист-оператор, оказался не в состоянии взглянуть на них глубоко и об'ективно, а мог отразить только общеизвестное консервативно-юнкерское мировоззрение: революция развалила армию, а армия, выскользнув из рук командования, погубила войну, а вместе с тем и старого немецкого бога, классового бога, которому молились и Гинденбург и Людендорф и весь пышный и самоуверенный германский генералитет с кайзером во главе. Отсюда понятная ненависть к революции, в частности,—большевикам, относительно которых во II томе Людендорф рассеивает последние следы легенды о „немецких деньгах и русской революции“, отсюда же и преданность его контр-революции и готовность поддержать ее везде и во всех проявлениях.

Эта величайшая трагедия Людендорфа для читателя является глубоко поучительной, потому что на ней с особенной ясностью можно убедиться, какие требования пред'являет жизнь современному полководцу и какие трудности должен преодолеть главнокомандующий на своем пути к победе. „Воспоминания“ Людендорфа (в особенности во втором томе) являются лучшей иллюстрацией того, что экономика, политика, стратегия и живая масса народа есть нечто целое, не подлежащее делению. Поэтому рассматриваемая даже только с этой точки зрения предлагаемая книга приобретает огромный интерес.

---

[1]) Бернштейн, Э. „Германская Революция“—изд. Берлин—Дрезден.

Наступление Антанты в первой половине 1917 года.

I.

По человеческому разумению, центр тяжести нашей обороны в 1917 году должен был лежать на западе, хотя бы острота положения на востоке и продолжалось. Непосредственная совместная работа с австро-венгерским командованием являлась уже необходимой не в той мере, как в течение румынского похода, так как командование на восточном фронте сильно упростилось. Верховное командование всецело отдалось теперь западному фронту. Я предложил избрать для нашего дальнейшего пребывания Спа или Крейцнах. Спа было отклонено; Крейцнах являлся очень удобным пунктом, так как он был соединен с фронтом многочисленными телеграфными линиями. Там имелось много гостиниц и меблированных домов, что представляло большие удобства для расквартирования. В виду этого было указано подготовить Крейцнах, Мюнстер на Штейне и Бинген для размещения ставки. Переезд намечался на вторую половину февраля. Временно сохранялась возможность возвращения в Плесс.

Австро-венгерское командование переехало в Баден близ Вены.

1 февраля 1917 года началась подводная крейсерская война. Скоро выяснилось, что какие либо мероприятия, направленные против Голландии и Дании, излишни. Таким образом, имевшиеся для этого в виду штабы и войска освобождались для западного фронта.

На западе надо было ожидать продолжения английского наступления на поле сражения на р. Сомме; следовало лишь учитывать, что это наступление, быть может, несколько расширится к северу. Было возможно, что его будет сопровождать французская атака между Руа и Нуайоном, но более вероятным представлялось, что Франция, как и в 1915 году, атакует наш фронт на участке Суассон-Реймс-Аргоны

Таким путем Антанта, напирая на оба фланга нашего фронта, выдвинувшегося дугой внутрь Франции, оказывалась в выгодном положении для стратегического использования результатов своих атак. Какая именно часть фронта подвергнется французской атаке, предугадать еще было нельзя. Но и при такой комбинации вспомогательная атака французов у Руа оставалась возможной. Имелись также данные о возможности атак на лотарингском фронте и на Зундгау, где оборудование системы наших укрепленных позиций еще не подвинулось существенно вперед. Там мы всегда испытывали известное чувство слабости, а операции местного значения в этом районе были возможны в любой момент, и мы лишь с трудом могли перебросить туда подкрепления.

Иногда поступали данные, указывавшие на угрозу со стороны Вердена. Здесь французы были в состоянии атаковать в любое время. Наконец, обсуждалась также возможность удлиннения фронта английского наступления на север. Таким образом, на всем фронте не оставалось ни одного пункта, на котором нам не надо было бы готовиться к упорной обороне; обстановка оставалась неясной.

Нельзя было сомневаться в том, что бои на фронте Изонцо не прекратятся, так как Триест продолжал составлять цель Италии. В Македонии и на Вардаре атаки были более чем вероятны; в Турции, а также в Палестине и у Багдада, надо было с уверенностью ждать наступления.

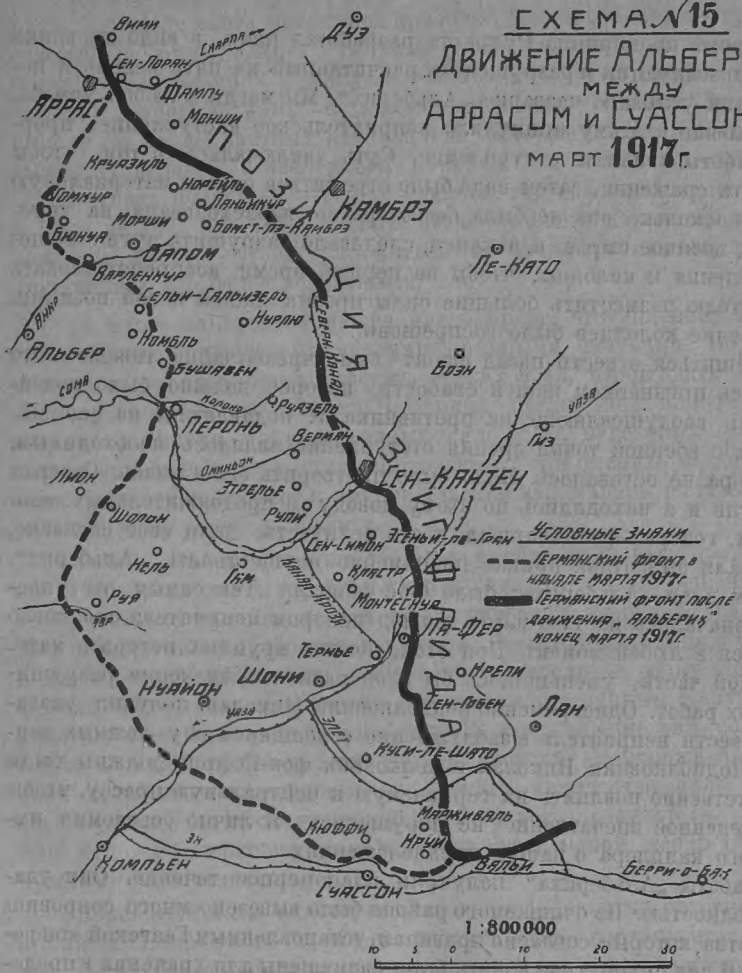
На востоке я учитывал преимущественно возможность наступления в южной части фронта против австро-венгерских войск. Но в конце января главнокомандующего востоком, а также и нас, неожиданно всполошил удар русских в направлении на Митаву; поспешно стянутыми резервами едва удалось его локализировать.

Момент начала большого наступления еще нельзя было предугадать. На востоке едва ли можно было ожидать боевых действий раньше апреля; большое русское весеннее наступление 1916 года началось в марте и сильно затормозилось состоянием дорог и почвы. Столь раннее повторение наступления было мало вероятно. Было возможно, что и Антанта на западе задержится до этого времении с наступлением. Но обстановка на р. Сомме была столь напряженной, что мы должны были быть готовы и к более раннему началу.

Общее положение требовало от нас по возможности оттянуть бои на западе, чтобы выгадать время для решительных действий подводных лодок. В пользу этого говорили также тактические соображения и недостаточный запас заготовленных снарядов.

Одновременно мы должны были, посредством сокращения фронта, стремиться к более выгодной группировке сил и выделению более значительных резервов. В Бельгии и во Франции против наших 154-х стояло 190 неприятельских дивизий, частью значительно более силь-

ных; это было для нас весьма невыгодное соотношение сил, особенно при растянутости нашего фронта. Надо было стремиться, как можно дольше уклонять участки фронта от крупных неприятельских атак,



и тем самым препятствовать противнику ввести в дело крупные силы. Одновременно это давало нам позиции, которые могли быть заняты более слабыми и истощившимися в боях свои силы дивизиями.

Эти соображения, в тесной связи с началом подводной войны, привели к решению отвести наш фронт с дуги, выгнутой в сторону

Франции, на позицию Зигфрида, которая к началу марта должна была быть уже обороноспособной, и произвести планомерные разрушения в полосе, шириною в 15 километров, перед новой позицией.

Фронт кронпринца Рупрехта разработал план, в виде дневника работ по эвакуации и разрушению, расчитанный на пять недель и получивший условное название „Альберих". Мы могли в любой момент, если бы нас к этому принудило неприятельское наступление, прервать работы и начать отступление. Суть заключалась в том, чтобы избежать сражения, затем надо было стремиться спасти материальную часть, поскольку она не была безвозвратно израсходована на укрепления, военное сырье, и, наконец, следовало разрушить пути сообщений, селения и колодцы, чтобы на первое время воспрепятствовать неприятелю разместить большие силы против нашей новой позиции. Отравление колодцев было воспрещено.

Решиться отвести назад фронт было чрезвычайно тяжело. Это являлось признанием нашей слабости, которое должно было подействовать воодушевляюще на противника и подавляюще на нас. Но так как с военной точки зрения отступление являлось необходимым, то выбора не оставалось. Надо было претворить его в жизнь. Генерал фон-Куль и я находились по этому поводу в продолжительных сношениях, генерал-фельдмаршал и его величество дали свое согласие, 4 февраля был отдан приказ планомерно осуществлять „Альберих". Первым днем „Альбериха" было 9-ое февраля. Тем самым отступление назначалось на 17-е марта, но под напором неприятеля оно могло начаться в любой момент. При этом, помимо крупных потерь в материальной части, уменьшилось бы и оперативное значение разрушительных работ. Одновременно подполковник Николаи получил указание—ввести неприятеля в заблуждение сообщением ему ложных данных. Подполковник Николаи и полковник фон-Гефтен должны были соответственно повлиять на германскую и нейтральную прессу, чтобы произведенное впечатление не нарушалось. Я лично осведомил имперского канцлера о наших предположениях.

Работы „Альбериха" получили планомерное течение. Они удались полностью. Из очищаемого района было вывезено много сокровищ искусства, которые, согласно правилам, установленным Гаагской конференцией для сухопутной войны, были размещены для хранения в пределах оккупированной же области. Что много имущества и добра местного населения погибло, было очень печально, но этого нельзя было избежать. Большая часть населения была эвакуирована на восток, и только небольшая часть сосредоточена в некоторых пунктах, как например, Нуайон, Гам и Нель, где она была снабжена нами продуктами на несколько дней и покинута. С одной стороны, нельзя было предоставлять противнику возможности увеличивать свои силы за счет

местного населения, как способными носить оружие, так и рабочими руками, а с другой стороны, представлялось желательным передать ему возможно большее число едоков.

На английском фронте на р. Сомме бои никогда вполне не замирали. В начале марта появились признаки возобновления наступления севернее р. Соммы. Южнее Руа также резче начали обозначаться наступательные намерения французов. Было ли и то и другое вызвано нашими мероприятиями, оставалось неясным. Тяжелое испытание выпало на нервы частных начальников, которые все же должны были выжидать заранее назначенного момента для начала отступления. Осуществить полностью этого не удалось, так как 11 марта на севере, а 13-го на юге, пришлось сделать незначительные изменения в расположении фронта, чтобы уклониться от атак противника, которые становились все более вероятными.

16 марта началось большое планомерное отступление, которое было дружно проведено немногими крупными скачками. Верховное командование стремилось избегать всяких боев, чтобы дать войскам время устроиться на позиции Зигфрида, прежде чем перед ней появится противник в превосходных силах. На некоторых участках находившиеся в резерве дивизии должны были сменить на новых позициях отступавшие части, другие участки занимались частями, находившимися и ранее на фронте.

Только южнее Сен-Кантена было решено атаковать противника, когда он переправится через р. Сомму и канал Кроза. Это решение было осуществлено; но атака велась с недостаточной энергией, вследствие чего результат ее не бросался в глаза. Фронт кронпринца Рупрехта и мы в ставке обсуждали, возможен ли переход в атаку по всему фронте Зигфрида. Мы охотно бы сгладили крупным тактическим успехом наше признание в слабости. Но соотношение сил, состояние войск, а также местность, которую мы сделали бездорожной, исключали возможность развертывания такого количества сил, которое обеспечивало бы достижение действительного результата. Хорошо или худо, но верховное командование от большой контр-атаки вынуждено было отказаться.

Войска Антанты вплотную следовали за нашими отступающими армиями. Неприятель стремился раздуть наше отступление в крупный успех. Но в печати нами была произведена столь действительная и искусная подготовка, что это ему не удалось. В действительности же неприятельские войска не одержали никаких боевым успехов. Благодаря слухам, которые мы распространили, противник не сумел помешать нашим работам по эвакуации и разрушению. Все движение было блестящим успехом вождей и войск, и представляет пример заботливой работы и предвидения германского генерального штаба.

Мы теперь стояли крепче и более сплоченно, чем на нашей прежней растянутой позиции. Противник убедился, что мы свели на нет его тактическую подготовку, он был лишен возможности продолжать наступление в прежнем направлении Оставленный нами район стал совершенно неуютным. Чтобы войска могли на нем существовать, требовалось его предварительно оборудовать; прежде же чем направить через него атаку, было необходимо произвести бесконечно много крупных строительных работ. В виду этого, противник развернул против нашего нового фронта сравнительно незначительные силы, вследствие чего мы могли здесь несколько разредить линию нашего фронта, выведя из него отдельные дивизии. То, что мы хотели достигнуть маневром „Альберих“ и занятием позиции Зигфрида, было осуществлено полностью; этот результат сохранил свое значение надолго, и отступление вполне себя окупило. Все начальники мечтали, чтобы германская армия имела побольше Зигфридовских позиций с бетонированными убежищами, что сильно бы облегчило ведение войны в 1918 году. Но для возведения таковых не хватало рабочих сил. В дальнейшем, хорошие позиции утратили часть своей обороноспособности из-за танков, преодолевавших широчайшие препятствия.

Нам пришлось примириться с тем, что Антанта опять стала нас называть „гуннами“ за произведенные нами разрушения и увод населения, и вновь заработала против нас на все голоса ее пропаганда. Это было ее правом. Но мы действовали на основании права и обычаев войны, и даже не воспользовались ими в том размере, как это делали стороны во время войны за нераздельность Соединенных Штатов. В 1914 году при отступлении из Польши мы обошлись со страной очень бережно. При наличии больших расстояний, я возлагал там все надежды на разрушение путей сообщений. Здесь же, при незначительности удаления, стране пришлось пострадать сильнее. Тогда мы могли спокойно оставить население вражеской страны, теперь же чувство гуманности и требования необходимой обороны заставили нас эвакуировать население. Или мы должны были бросить его на погибель в уничтоженных селениях? Во всех наших мероприятиях мы исходили исключительно из военных требований. Во всем прочем, насколько это было возможно, господствовала человечность. Мы не были такими мелочными, чтобы увеличивать чужое несчастие необоснованной жестокостью и злостными распоряжениями. Так было не только в этом случае, но и повсюду. Мы применяли резкие меры только там, где это вызывалось требованиями военной безопасности, как, например, в борьбе с шпионажем.

II.

В конце марта я расчитывал, как на стратегическое последствие нашего отступления, на то, что английская атака будет отнесена к северу. Точно установить участок, на который она обрушится, было невозможно. Атака у Арраса, повидимому, назревала.

В середине февраля 1917 года 3-я армия, находившаяся на сентябрском поле сражения 1915 года в Шампани, провела операцию местного значения для того, чтобы занять более выгодное тактическое положение. Она имела успех. Среди захваченных трофеев находился приказ по 2-й пехотной дивизии от 29 января, который ясно указывал, что в апреле намечается большое французское наступление на реке Эн. Эта данная явилась очень важной точкой опоры для наших суждений. С этого времени мы стали уделять очень мало внимания поступающим сведениям о готовящихся наступлениях в Лотарингии и в Зундгау.

Благодаря большому количеству рабочих сил, Антанта оказалась в состоянии подготовить исходное положение для наступления не только в районе Вердена, но и на большей части протяжения остального фронта, оборудовав его необходимыми путями сообщений и складами боевых припасов. Это давало ей возможность в кратчайший срок организовать переход в наступление на различных участках фронта, не выдавая преждевременно обширными работами своих планов. В виду этого, фотографические снимки неприятельских позиций и постоянная работа по сличению их с новыми снимками, которые доставляли нам летчики, не могли дать нам твердых данных для оценки намерений противника.

Французский фронт между Вельи на р. Эне и Аргонами был особенно хорошо укреплен, так что особая подготовка к наступлению здесь вообще была излишня. С работами, которые были в действительности выполнены южнее Шмен-де-Дам, мы ознакомились при нашем наступлении 1918 года. Вероятно, постройка этих позиций относилась к 1915—16 году; надо думать, что Франция хотела еще в 1916 году атаковать в этом направлении, и что ей помешало наше наступление на Верден.

Наше положение на западном фронте укрепилось. Но мы еще находились под гнетом сражения на Сомме и боев под Верденом, и это повышало, естественное напряжение, которое неизбежно треплет нервы при обороне.

Распределение командования было упорядочено.

В ведении фронта кронпринца Рупрехта находились 4-я, 6-я, 1-я и 2-я армии, расположенные между Каналом [1]) и Ла-Фер.

---

[1]) Просто „Каналом“ на западе называют пролив Ламанш. *(Прим. ред.).*

Отсюда, и приблизительно до р. Орн (восточнее Вердена), тянулся фронт Германского Кронпринца—7-я, 3-я и 5-я армии.

Далее следовал фронт генерал-фельдмаршала герцога Альбрехта Виртенбергского, передавшего командование 4-й армией генералу Сиксту фон-Армину; фронт состоял из армейских групп *C*, *A* и *B*; начальником штаба фронта был генерал Крафт фон-Дельмензинген. Образованием этого фронта обстановка в эльзас-лотарингском районе было существенно оздоровлена.

Предпринятое между Аррасом и Ланом сокращение фронта освободило штаб 1-й армии. Он был переведен на фронт германского Кронпринца, и получил участок между 7-й и 3-й армией, по обе стороны Реймса. Такой вывод армейского управления и размещение его вновь представляет, вследствие связанных с ними изменений в организации тылов, длительную операцию. Переезд на новое место не может быть совершен в один день, если не идти на то, что будут иметь место очень сильные трения. Я надеялся, что штаб 1-й армии успеет расположиться в Ретеле прежде, чем на фронте германского кронпринца начнется французское наступление.

Вследствие альберихского маневра, войска смогли использовать еще два месяца на отдых и обучение. Правда, силы уже были в значительной степени восстановлены, но на фронте кронпринца Рупрехта все еще встречались истощенные дивизии.

Обучение велось усиленным темпом. Вновь сформированные дивизии частью уже занимали участки на спокойных фронтах, но частью только успели закончить формирование и обучение. В Бельгию были переброшены дивизии из Румынии. Верховное командование заменило дивизии, непригодные для борьбы на западе, боеспособными с восточного фронта, несмотря на связанное с этим ослабление последнего.

Укреплением позиций занялись серьезно. Рабочие силы, освободившиеся после занятия Зигфридовской позиции, были распределены в тылу участков фронтов, на которые неприятельская атака являлась возможной. Теперь здесь явилась возможность спешно усовершенствовать тыловую укрепленную полосу.

Снаряжение войск улучшилось; благодаря уменьшившемуся расходу снарядов в течение лишних месяцев и у нас образовались значительные запасы боевых припасов. Был собран резерв боевых припасов, который являлся известным обеспечением, посколько бои на западном и восточном фронте не затянутся слишком долго. Программа Гинденбурга постепенно давала себя чувствовать. Дальнейшая доставка снарядов была гарантирована.

На итальянском фронте было спокойно. В феврале и марте Антанта произвела в Македонии несколько атак местного характера у Монастыря и в излучине р. Чарна, которые были отбиты с большими потерями.

В Турции, на азиатском театре войны, с наступлением благоприятного времени года для военных действий, начались бои. Англичане закончили подготовительные работы и перешли в наступление. В Палестине, благодаря полковнику фон-Кресс, английская атака на Газу не удалась.

В Месопотамии вскоре выяснилось, что турецкая армия в районе Ирака не способна иа дальнейшее сопротивление. 25 февраля пала Кут-ель-Амара. 11 марта англичане уже заняли Багдад, что было тяжелым ударом для Турции. Это заставило ее очистить и пограничную персидскую область. Вследствие этих событий, Энвер обратился к германскому верховному командованию с просьбой предоставить в его распоряжение штаб германского фронта с германским вспомогательным корпусом, чтобы освободить Багдад. Подготовка к этому предприятию требовала месяцы. Надо было заранее подготовить тыл, и затем двигать войска. В январе 1917 года было открыто движение по широкой колее через тунель Аманус, а осенью предстояло открытие узкоколейного движения через тунель Тавра, что должно было сильно улучшить сообщения в Малой Азии. Намеченная Энвером операция казалась выполнимой. Может быть, мы могли при помощи немногих германских батальонов двинуть в бой массу турецких войск, и принудить Англию развернуть в Праке значительные силы. Германское верховное командование, хотя и не особенно охотно, но пошло на просьбу Энвера. Генерал фон-Фалькенгайн, по собственному желанию, был назначен командующим этим фронтом. Военное министерство приступило к формированию слабого азиатского корпуса.

На востоке наступила огромная перемена. В марте споспешествуемая Антантой революция свергнула царя. Власть захватило правительство с сильной социалистической окраской. Какие основания имела Антанта работать рука об руку с революцией, мне не ясно. Увидала ли она перед собой неминуемое народное движение, и потому к нему присоединилась, или же царь, из боязни внутреннего переворота, обнаружил тенденцию к заключению сепаратного мира, и потому должен был быть устранен? Или были к тому еще какие-нибудь основания? Но несомненно, что Антанта надеялась извлечь из революции выгоды для ведения войны, и по крайней мере спасти то, что еще могло быть спасено. В виду этого она действовала без колебаний. Царь, начавший войну в интересах Антанты, должен был пасть. В этом таилась бесконечная сила воли, которая ни перед чем не отступала, когда дело шло о том, чтобы отечество вышло победителем [1]). Антанта так же поступила бы еще в 1916 году, если бы Штюрмер действительно оказался сторонником мира.

[1]) Здесь, как и везде, Людендорф готов все об'яснять влиянием Антанты. Это так же верно, как и то, что Временное Правительство было с „сильной социалистической окраской". *(Прим. ред.).*

Революция резко осветила состояние России; народ и армия прогнили, в противном случае революция была бы невозможна [1]). Русская армия, как и наша, являлась частью своего народа; народ и армия в России также составляли одно целое. Сколько раз я мечтал о том, что русская революция облегчит наше военное положение, но эти чаяния всегда оказывались воздушными замками; теперь революция наступила и наступила внезапно. Огромная тяжесть свалилась у меня с плеч. Тогда я еще не считал возможным, что в дальнейшем она подорвет и наши силы.

Какова будет развязка на востоке—нельзя было никак предугадать, и надо было продолжать считаться с возможностью наступления; но все-таки революция обозначала, в виду неизбежно связанного с ней понижения боеспособности России, значительное ослабление Антанты и существенную разгрузку нашего столь тяжелого положения. Ближайшие выгоды для верховного командования заключались в том, что на востоке экономились войска и боевые припасы. Мы получили возможность также в более широком размере производить смену истощенных боями дивизий на западе на лучшие дивизии с востока.

Посредством пропаганды, которую нам еще предстояло создать, тяготение к миру в русской армии надо было развить в непосредственной и резкой форме.

Русская революция принадлежит к числу тех событий, которых ни один полководец не может наверное вводить в свои расчеты. Но теперь она уже являлась не мечтой, а действительностью, над которой я, как солдат, мог работать.

Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня теперь не страшили.

Подводная война давала хорошие результаты, далеко превзошедшие ожидания морских кругов. Убыль в тоннаже и потопленном грузе должна была начать сказываться. „Экономист“ в номере 7 сентября 1918 года полагал, что начало 1917 года являлось самым критическим и беспросветным моментом, пережитым Англией с начала войны. Антанта оказалась вынужденной вложить в войну на море человеческий материал и материальную часть, которыми до сего времени она располагала для действий на суше. И эти требования увеличивались во все возрастающей степени.

5-го апреля Соединенные Штаты об'явили, что они находятся с нами в состоянии войны. Вероятно это было вызвано развалом России, нашими успехами в подводной войне и желанием помочь в борьбе с подводными лодками своими боевыми средствами. С 3 февраля Америка уже прервала с нами дипломатические сношения.

---

[1]) Точнее было бы сказать: буржуазный строй в России прогнил. *(Прим. ред.).*

Я сомневаюсь, возможно ли было в этот промежуток времени притти с ней к соглашению, принеся в жертву основы подводной войны. Попытка министерства иностранных дел заключить военное соглашение с Мексикой обострила отношение к нам общественного мнения Соединенных Штатов. Несмотря на мои предостережения, министерство иностранных дел пользовалось устарелым и легко разгадываемым шифром.

Вскоре после об'явления войны Америкой, против нас выступил весь мир; лишь немногие государства, в том числе Аргентина и Чили, сохранили нейтралитет, несмотря на давление на них наших врагов.

Остальные государства четверного союза, за исключением Болгарии, также оказались в состоянии войны с Соединенными Штатами. В Софии же остался американский дипломатический представитель. Несмотря на мои многократные просьбы, германское правительство не настояло, чтобы Болгария потребовала его отозвания. За эту поблажку впоследствии пришлось тяжело расплатиться.

Вступление Соединенных Штатов в число наших врагов не было для нас неожиданностью. Даже если бы мы не начали подводной войны в обостренной форме, я его учитывал на тот случай, если победа начнет склоняться на нашу сторону. Еще в начале 1915 года в этом смысле высказался некий американский корреспондент на восточном фронте. Несомненно он отражал не только свое собственное мнение.

В мирное время Америка не знала Германии, а теперь, находясь в кровном родстве с Англией, смотрела на нее и на события в Европе только сквозь призму пропаганды Антанты. Часть населения, немецкая по происхождению, имела лишь ограниченное влияние. Игра на их расовом происхождении против их нового отечества, которую мы вели некоторое время, была мало искусна и приводила к обратным результатам. Позиция ирландской части населения мне никогда не была ясна. Соединенные Штаты всегда оставались равнодушными к угнетению этой несчастной страны.

Уже ответ Вильсона на письмо императора, полученный осенью 1914 года, в котором Вильсон ссылался на правовое сознание американцев, оскорбленное бельгийскими зверствами, заставляло задуматься.

Экономические интересы Соединенных Штатов все теснее связывали их с Антантой. Англия уступила им свою позицию первой капиталистической державы, Антанта сильно задолжала, и ее поражение нанесло бы материальные убытки Америке.

Поведение Соединенных Штатов в вопросе поставки снаряжения не оставляло никакого сомнения, что свой нейтралитет они понимают односторонним образом. Невероятные нарушения Англией международного права на море были возможны лишь с согласия

Америки. На одном заседании в министерстве иностранных дел за несколько лет до войны мне возражали, что Америка не допустит таких мероприятий. И мы всегда расчитывали на неограниченный ввоз через Голландию.

И действительно, американское правительство протестовало против английского произвола на море.

Серьезным тоном была написана нота протеста Соединенных Штатов от 30-го марта 1915 года. Она твердо устанавливала, что так называемая английская блокада „является почти полным отрицанием суверенных прав наций, не находящихся в состоянии войны", и заканчивалась указанием на то, что „примирение с образом действий Англии было бы равносильно занятию не нейтральной позиции, по отношению к государствам, являющимся ныне противниками Великобритании, что несовместимо с лежащим, при настоящих условиях, на Соединенных Штатах высоком долге". Это заявление было совершенно ясно. Вторая американская нота от 5-го ноября 1915 года резко указывала, что так называемая блокада, об'явленная 11-го марта того же года, является незаконной и недействительной, и должна квалифицироваться, как неправомерная. Оба протеста были Англией отвергнуты полностью, и правительство Соединенных Штатов на том успокоилось. По собственному же определению, Америка почти два года держалась анти-нейтрально по отношению к Германии.

Посол граф Бернсторф, в обращении к правительству и народу Соединенных Штатов, согласно „Таймсу", от 13-го апреля 1915 года, по этому поводу высказался следующим образом:

„Если американский народ хочет соблюдать истинный нейтралитет, то он найдет способ положить конец этому исключительному и одностороннему массовому вывозу, или, по крайней мере, использовать эти массовые поставки Антанте, как средство принуждения, чтобы добиться установления закономерной торговли с Германией, главным образом продуктами питания".

От одностороннего благоприятствования до открытого участия был всего лишь один небольшой шаг.

Я приведу здесь только две точки зрения.

Недавно скончавшийся американский посол в Лондоне Чот 7 апреля 1917 года писал Карлу Грею:

„Как Вы знаете, я с самого начала держался того мнения, что мы могли оказать делу союзников большие услуги, оставаясь нейтральными, и поставляя Вам то оружие и снаряжение, которое мы могли изготовить, и, что я могу сказать с особым удовольствием, направляя к Вам приток одиночных людей. Тем не менее, нашим долгом оставалось помочь закончить войну, дать торжество праву и цивилизации, в корне подавить прусский милитаризм и, если мы могли этого достигнуть только нашим вмешательством в войну, то высту-

пить со всей нашей мощью и со всеми нашими неисчерпаемыми источниками. Теперь час настал".

3 июля 1917 года американский адмирал Симс в Лондоне высказался следующим образом:

„В 1910 году, когда американский флот посетил Англию, я произнес краткую, но может быть не дипломатичную речь. Я высказал тогда свое мнение, которое теперь стало действительностью. Я тогда заявил, что если существованию английского государства когда-нибудь будет грозить серьезная опасность, то Англия может расчитывать на каждое судно, каждый доллар и каждую каплю крови по ту сторону Атлантического океана".

Особенно характерна для мировоззрения американских официальных кругов следующая беседа между лицом, которому есть полное основание доверять, и некиим американским генеральным консулом, отвечающая предыдущей точке зрения.

На вопрос, действительно ли инцидент с „Лузитанией" мог вызвать выступление Америки, генеральный консул ответил:

„Нет, это только спичка, которой можно поджечь солому, но он был основательно использован для пропаганды. Без него нам бы пришлось искать другой способ воспламенения, чтобы вмешаться в это дело! Если бы мы теперь не вступили в союз с Антантой, то после войны мы были бы ничем, а так мы надеемся быть № 1, и будем № 1!"

На вопрос, какую роль предполагает играть Америка, оказавшись № 1, он ответил:

„До войны Германия была бесспорно самой прилежной страной в Европе. Мы (Америка), а также и Англия, видели, на какую огромную высоту поднималась Германия, и понимали, что через несколько десятилетий она превратилась бы в величайшую державу и диктаторствовала бы не только в Европе, но и во всем мире. Нарождалась опасность, и мы (Америка) ее своевременно усмотрели. С этой точки зрения мы подходили к вопросу и полагали его рассматривать. Мы убеждены, что после войны руководящее значение перейдет к нашему народу. Мы будем руководить не только Германией, но и всей Европой. Народы ждут от нас многого, и прежде всего мира, и они его получат, но на наших условиях и по нашим ценам!"—

Относительно положения Америки после войны американский генеральный консул ошибся, потому что революция обезоружила Германию, и тем самым передала Англии господство над миром. Америке не хватает партнера для Англии в Европе [1]).

Но для Германии война ни в коем случае не была аферой. Мы были вынуждены воевать. Дело шло о нашем экономическом

---

[1]) Последнее заключение не верно. *В пол. ред.*

будущем и нашей свободе, это было для нас вопросом жизни и смерти.

Я оставляю вопрос открытым, поскольку приведенные выше взгляды отвечают мнениям президента Вильсона и большей части населения Соединенных Штатов. Во всяком случае, они приобрели руководящее значение. Под предлогом подводной войны, Америка вступила в войну в критический для Антанты момент. В 1918 году Соединенные Штаты помешали нам победить; если бы не было подводной войны, то выступление их, вероятно, задержалось бы на некоторое время. Но как развились бы события на суше без подводной войны—установить нельзя.

9 января 1917 года нельзя было предвидеть развала России, и никто на нем не базировался. Мы расчитывали, что подводная война приведет к благоприятному для нас решению прежде, чем новые формирования Америки смогут принять участие в войне; без подводной войны разгром четверного союза в 1917 году казался неизбежным.

История в этом году пошла совершенно иным путем: западный фронт продержался, подводная война не оказала решающего действия, но Россия распалась. На востоке мы пришли к состоянию, колеблющемуся между войной и миром. Вследствие этого создалась возможность, о которой до осени 1917 года никто не мог и думать: решить в 1918 году войну наступлением на суше, которое должно было сложиться успешно, если подводная война к тому времени настолько уменьшит тоннаж, что перевозка новых американских формирований в срочном порядке окажется невозможной, или если подводные лодки смогут утопить хотя бы часть транспортных судов. В соответствии с данными, представленными морским ведомством, этого надо было ожидать.

III.

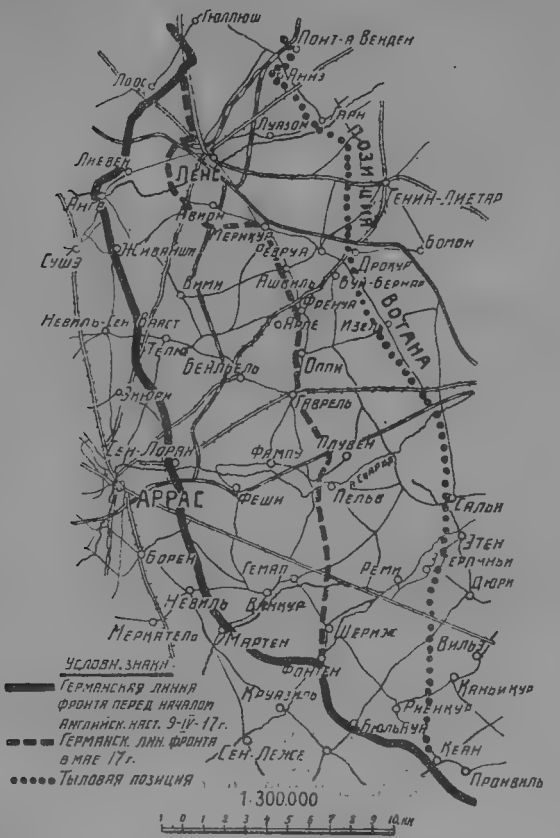
Верховное командование расчитывало, что в середине апреля начнется великое наступление Антанты во Франции, на фронте Изонцо и в Македонии. Из Крейцнаха, куда мы переехали в середине февраля, я часто ездил на западный фронт, и обсуждал положение со штабами фронтов и армий, а также с расположенными на наиболее опасных участках штабами корпусов, и обменивался тактическими взглядами.

Фронт кронпринца Рупрехта и германского кронпринца были усилены дивизиями, артиллерией и боевыми припасами: им было подвезено все необходимое в первую очередь для победной обороны. Я, по мере возможности, шел на встречу всем выполнимым желаниям.

6-я армия хотела, при помощи атаки местного значения, выравнять фронт у Сюшэ, между Ленсом и Аррасом, и подготовляла удар

к началу апреля. 6 апреля у меня не было никакого сомнения, что в ближайшие дни у Арраса предстоит большое английское наступление, вследствие чего мы отказались от операции у Сюшэ. Я просил штаб фронта, чтобы 6-я армия подтянула резервы ближе к фронту.

Схема 16 Сражение у Арраса в начале 1917 г.



Последние октябрские и декабрские атаки у Вердена вновь подтвердили старую истину, что непосредственно на поле сражения надо располагать резервами. В виду этого подготовка к „оборонительному сражению“ должна заключаться в том, чтобы непосредственно за атакуемым фронтом были расположены на готове „активные дивизии“ (Eingreifdivisionen), которые должны двинуться на встречу врывающемуся в передовую линию неприятелю и отбросить его.

6-я армия, правда, продвинула вперед дивизии, образовавшие вторую и третью волну боевого порядка, но к 8 апреля они еще не подошли достаточно близко. 9 апреля, после непродолжительной, но необыкновенно сильной артиллерийской подготовки, неприятель, при поддержке танков, нанес армии чувствительный удар по обоим берегам р. Скарпы. Несколько наших дивизий было смято. Соседние дивизии, дравшиеся из последних сил, понесли крупные потери. Еще до полудня противнику удалось ворваться в район наших артиллерийских позиций и захватить высоты, командовавшие всей местностью далеко на восток. Активных дивизий не оказалось на месте, чтобы сейчас же отбросить противника. Могли быть подвезены на грузовиках лишь отдельные части. Положение создалось очень критическое, и если бы противник продолжал натиск, то весь фронт оказался бы в опасности.

Но англичане удовлетворились своим крупным успехом, и в течение 9-го апреля наступление не развивали.

В Крейцнахе я праздновал в этом день свое рождение. Предстоящая атака не вызывала у меня накакого беспокойства и я был глубоко поражен ее исходом. Неужели таков был результат всех забот и усилий последнего полугодия? Были ли ложны указания, данные для „оборонительного сражения“, и если да, то каковы будут последствия? Деталей хода сражения я еще не мог охватить.

Я вызвал к себе офицеров, которые принимали участие в сражении в передовых линиях; от них, а также из бесед по телефону, я вынес впечатление, что основные указания, данные верховным командованием, были правильны. Но их нужно было правильно и применять, а это уже относится к области командования. К тому же здесь сплоховала дивизия, имевшая раньше хорошую репутацию.

Сражение у Арраса, имевшее место 9-го апреля, являлось плохим почином для решительной борьбы этого года.

10 апреля и следующие за ним дни явились периодом кризиса. Прорыв в 12—15 километров ширины не так просто замкнуть. При чрезвычайной убыли в людях, орудиях и боевых припасах, для этого требуется многое. Задачей верховного командования было решение вопроса о резервах в широком масштабе. Но при существующем наличии войск и при данной военной обстановке, иметь позади каждой могущей выйти из строя дивизии—другую, было просто невозможно. Такой день, как 9-е апреля, нарушал все расчеты. Много дней должно было истечь, прежде чем новый фронт мог действительно создаться и укрепиться. Как всегда бывает в таких случаях, даже при наличии резервов, разрешение кризиса существенно зависило от того, будет ли противник продолжать наступление после первой победы, и не затруднит ли он нам новым успехом создание прочного

фронта. Раз ослабление неприятеля достигнуто, добиваться новых успехов очень легко.

Начиная с 10-го апреля англичане вели атаки в месте прорыва большими силами, но, в общем, без большого размаха; они расширили наступление в обе стороны, в особенности в южном направлении к Бюлькуру. 11 апреля они захватили Монши, а в ночь на 12-е мы очистили высоты Вими. 23-е и 28-е апреля, а также 3-е мая, опять были тяжелыми боевыми днями. В промежутках шли тяжелые местные бои. Затем бои продолжались; мы производили успешные местные контр-атаки, но с другой стороны то тут, то там, утрачивали незначительные клочки местности.

Командующий 6-й армией генерал фон-Фалькенгаузен, начальником штаба при котором был полковник фон-Лосберг, энергично организовывал оборону на новом фронте. Ему помогали штаб фронта и верховное командование. В дальнейшем отходе фронта на еще находившуюся в постройке позицию Вотана, что некоторое время имела в виду 6-я армия, необходимости не встретилось.

Во второй половине апреля сражение у Арраса еще только достигло кульминационного напряжения и обусловливало большие требования на резервы и боевое снабжение, а 16-го числа и французы начали свое широко-задуманное наступление на р. Эн и в Шампани.

33122

Английское наступление, несомненно, преследовало крупные стратегические цели, но для меня они остались невыясненными. Несмотря на узкий фронт атаки, я предполагаю, что здесь был намечен большой прорыв, а не просто бой на истощение или для отвлечения сил. Возможно, конечно, что английские войска также еще не вполне оправились от сражения на р. Сомме и предприняли здесь лишь вспомогательную атаку в момент, когда французская армия должна была добиться решения.

Генерал Нивель поставил себе крупную стратегическую цель— в первой же день наступления германский фронт между Вельи и Реймсом должен был быть прорван. Произведенный вслед за тем удар восточнее Реймса, до реки Сюип, должен был расширить прорыв и тем самым обрушить наш фронт на протяжении 70 километров! Центр тяжести атак французской армии направлялся на фронт германского кронпринца.

Напором от Арраса в восточном направлении на Дуэ и прорывом по обе стороны Реймса через Ретель на Мезьер французы намечали обойти позицию Зигфрида, постройка которой была установлена многочисленными летчиками. Антанта хотела поколебать весь наш фронт до самого моря.

Фронт кронпринца и 7-я и 8-я армия особенно тщательно готовились к обороне. Кронпринц и начальник его штаба, полковник граф

БИБЛИОТЕКА

Шуленбург, работали без устали. Командующий 7-й армии генерал фон-Боен был одним из лучших генералов германской армии; это офицер старо-прусского закала до мозга костей, настоящий воспитатель войск и человек непоколебимой энергии. Начальник его штаба полковник Рейнгардт—большая умница—тщательностью своей работы дополнял командующего армией. Командующий 3-й армией генерал Эйнем известен, как военный министр; он был очень развитым и дальновидным офицером, знатоком организации и психики войск. И в этой армии начальник штаба, будущий генерал фон-Ольдерсгаузен, в котором свежесть и молодость так и били ключем, отличался чрезвычайным прилежанием, представляя удачный контраст своему начальнику. Штаб 3-й армии, впрочем, в самом сражении почти не участвовал. В первой половине апреля он передал свои функции штабу 1-й армии, командующим которой был генерал Фриц фон-Белов. Рука об руку с ним работал полковник фон-Клюбер, который приобрел большой опыт в сражении на р. Сомме и обладал, как и его начальник, необычайно ясным тактическим суждением. Впоследствии он был убит спартаковцами в Галле на своем служебном посту.

Войска сначала не верили в наступление, так как не замечали никаких подготовительных работ, и только постепенно их сознание сосредоточилось на том, что предстоят тяжелые бои.

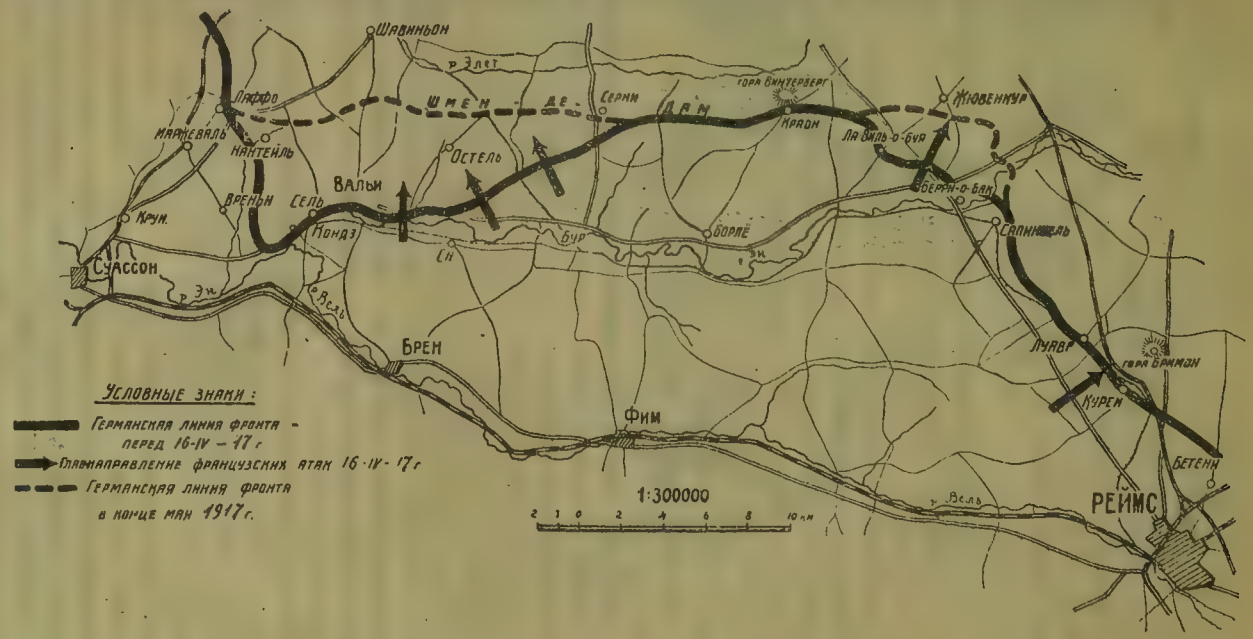
Утром 16-го апреля, после продолжавшейся целый день артиллерийской подготовки, французы атаковали между Вельи и Бримоном, северо-западнее Реймса. На Шмен-де-Дам французы ворвались во многих местах. Мы были вынуждены очистить с большими потерями выступ у Вельи и отступить на линию высот Шмен-де-Дам. Далее к востоку наши войска крепко уцепились на склоне, круто обрывающемся на север в долину р. Элет. Между Винтербергом и р. Эн французы продвинулись при помощи танков до Жювинкура, но здесь активная дивизия помешала их дальнейшему продвижению. Непосредственно восточнее р. Эн войска удержали свои позиции. В направлении Бримона имел место новый прорыв, который был, однако, ликвидирован контр-атакой активной дивизии.

17-го и 18-го апреля противник возобновлял атаки, но они не дали никаких результатов.

Тем временем начались атаки и в Шампани. Они были направлены на выступ Маронвилье. Одна дивизия не устояла и мы потеряли командующие возвышенности.

Но когда французы захотели спуститься по северному склону, они попали под наш артиллерийский огонь и должны были залечь; к сожалению наши активные дивизии, как я выяснил впоследствии из беседы с командиром полка одной из этих дивизий, были введены в бой слишком рано, вследствие чего попытка 19-го апреля вновь овладеть возвышенностями не удалось. Потеря их была болезненна,

Схема 17 Двойное сражение на р Эн и в Шампани в начале 1917 года



так как оттуда открывался широкий кругозор на север, но с этим нам пришлось примириться.

Кульминационный пункт апрельского сражения миновал.

Во время боев французская пехота наступала густыми массами, и понесла чрезвычайно большие потери.

В начале мая генерал Нивель еще раз попробовал добиться победы на р. Эн и в Шампани. Но наш фронт был уже приведен в порядок и вновь крепко организован, так что новые атаки на обоих боевых участках этого упорного двойного сражения были отбиты с огромными потерями.

7-го мая упорные бои еще шли по всему фронту; затем они начали затихать на р. Эн, а после 9-го и в Шампани. Но 20-го мая они опять развились в Шампани с полной силой.

Французское наступление явилось весьма кровопролитным, и хотя Франция и праздновала его, как победу, однако настроение французов было подавленное. В июле французский военный министр признался, что наступление сопровождалось такими потерями, повторение которых являлось недопустимым. Убыль была так велика, что пострадал дух армии и даже вспыхнули бунты, о которых, разумеется, до нас доходили лишь скудные сведения, с запозданием. Только впоследствии мы разобрались в сложившемся у французов положении.

В командовании французскими армиями также произошли перемены. Генерала Нивель сменил генерал Петен. Оба приобрели известность под Верденом: генерал Петен оборонительными боями весной и летом 1916 года, генерал Нивель—октябрским и декабрским наступлением. От тех вождей, которые имели успех под Верденом, весной 1917 года французская армия ждала окончательной победы.

Но, благодаря нашей оборонительной тактике и устойчивости фронта германского кронпринца, вместо победы получилось поражение французской армии. Мы проявили крайнее напряжение, достигли большого результата и показали свое превосходство над противником в обучении.

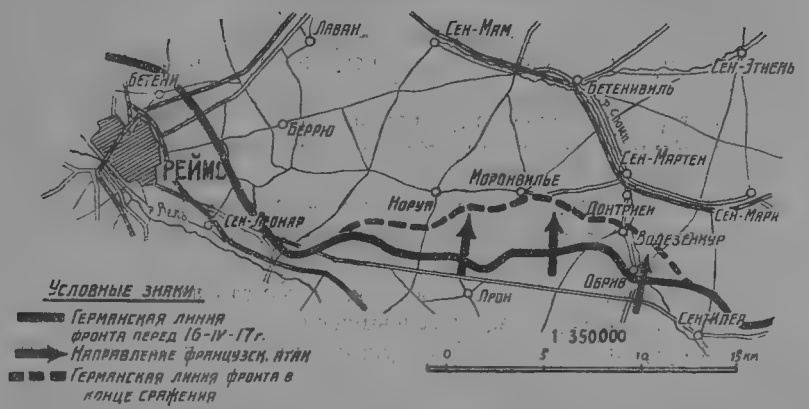
Расход человеческого материала и боевых припасов у нас также был чрезвычайно велик. Как разовьются бои в дальнейшем и какие новые требования будут предъявлены к нам, предвидеть мы не могли.

Так-как русские не перешли в наступление, то весной 1917 года, несмотря на всю серьезность обстановки на западном фронте, нам не пришлось переживать такого общего кризиса, какой мы пережили в сентябре 1916 года. Я отнюдь не являюсь сторонником бесполезных обсуждений, но я все же должен дать себе отчет в том, как сложилась бы обстановка, если бы русские в апреле или мае перешли в наступление и одержали хотя бы незначительные успехи. Мы оказались бы тогда, как осенью 1916 года, втянутыми в чрезвычайно

тяжелую борьбу. Наличность боевых припасов у нас также значительно бы понизилась. Когда теперь я мысленно прикраиваю русские июльские успехи на апрель или май, то я с трудом себе представляю, как бы верховное командование вышло из создавшагося положения. В апреле и мае 1917 года, несмотря на одержанную победу на р. Эн и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели.

Русское наступление началось только в июле, т. е. через два, три месяца после французского наступления. Здесь не было общего

Схема 18. Двойное сражение на р. Эн и в Шампани в начале 1917 г.



удара, как осенью 1916 года, а было движение врозь, и мы, действуя по внутренним линиям, смогли отбить и справиться с каждым противником в отдельности.

В мае на итальянском фронте также шли сильные бои. 10-е сражение у р. Изонцо опять закончилось для итальянской армии безуспешно.

В Македонии широко-задуманное неприятельское наступление потерпело крушение перед болгарским фронтом.

В апреле и мае подводная война продолжалась успешно и значительно разгрузила западный фронт.

IV.

После неудачи наступления в апреле и мае, и в виду временного отпадения России, для Англии и Франции создалось новое положение. Они решили предпринять второе большое наступление, чтобы все-таки еще в 1917 году одержать победу. Но одновременно они

хотели обеспечить себе на худой конец окончательный успех в 1918 году. В виду этого, они перенесли центр тяжести наступления на Ипр, чтобы захватить во Фландрии базу германского подводного флота. Борьба с нашими подводными лодками была нужна, чтобы в 1918 году обезпечить перевозку во Францию новых формирований из Соединенных Штатов.

Французская армия бездействовала, чтобы внутренне оправиться от понесенного ею поражения. В дальнейшем она приняла участие лишь в атаках местного характера, хотя и достигавших большой силы. Английские и бельгийские войска, подкрепленные французами, были подготовлены к наступлению главными силами на Фландрском фронте. Новые атаки намечались также на р. Изонцо, в Македонии и в Палестине.

Летом 1917 года я, конечно, еще не имел такого ясного представления о приводившихся уже в исполнение неприятельских планах и мероприятиях, какое получил в июле и августе того же года.

Во второй половине мая стало заметным, что французские атаки идут на убыль. Французские войска продолжали действовать сдержано. Но мне все-же приходилось считаться с возможностью атаки в любой момент в том или другом пункте. Английская армия во второй половине мая попрежнему продолжала бои восточнее Арраса. Правда, атаки здесь не достигли той силы, как некогда во время битвы на Сомме, но все-таки продолжали терзать наши нервы.

В начале июня стала заметна повышенная деятельность неприятеля южнее Ипра, около нашего выступа у Витшате, который вдавался в неприятельские позиции. Захват его в июне явился вступлением к фландрскому сражению. Пока он был в германских руках, все английские атаки у Ипра и севернее его фланкировались нами с юга. Тактическое положение германских войск в выступе у Витшате было неблагоприятное. Имелись сомнения, не очистить ли нам его и не занять ли положение по хорде. Но штаб армии полагал, что он сможет его удержать. Каждая отбитая атака представляет для обороняющегося большую ценность, так-как с ней неизбежно связаны чрезвычайно тяжелые потери у противника. В виду этого, фронт и верховное командование согласились на сохранение выступа у Витшате. И нам бы действительно удалось удержать эту позицию, если бы англичане не устроили минных взрывов в совершенно необычайных размерах, и тем самым не проложили дорогу атаке, которую они повели своим обычным образом, при поддержке сильной артиллерии, густыми пехотными массами. Под впечатлением этих взрывов, 7 июня прорыв неприятелю удался.

Витшатские и Мессинские высоты в прежние годы были районом, где развивалась энергичная минная война. Но взрывы наших и неприятельских мин уже давно перестали здесь раздаваться; все было

тихо и в слуховых галлереях неприятельские работы больше уже не замечались. В виду этого надо предполагать, что мины были заложены уже давно. Моральное действие взрывов было чрезвычайно велико: наши войска во многих пунктах сдали перед натиском неприятельской пехоты. Сильный артиллерийский огонь, направленный на выступ у Витшате, помешал нашим резервам успешно вступить в бой и восстановить положение. Теперь, с нашего согласия, была занята позиция по хорде. Я воспротивился стремлению еще сильнее срезать фронт.

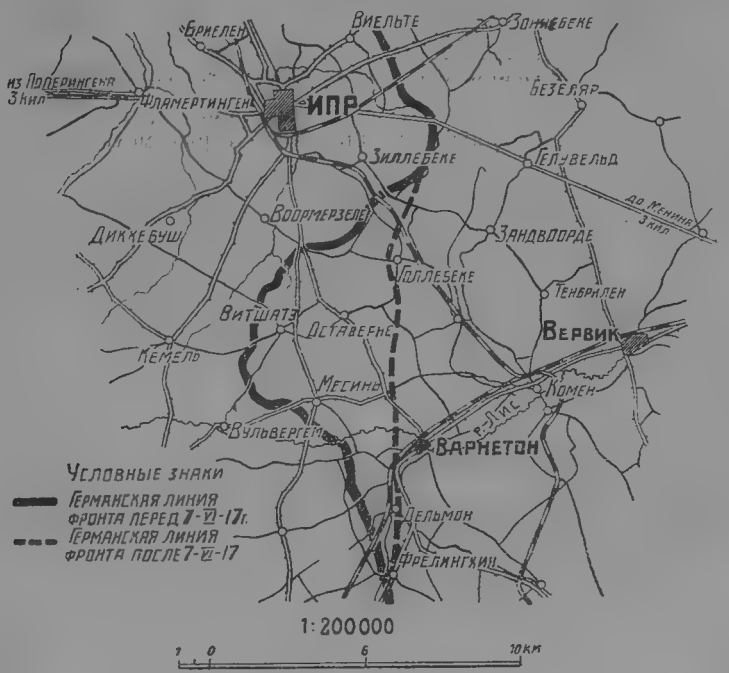


Схема 19 Бои в изгибе у Витшате 1917 г.

7 июня дорого нам обошлось. В виду удачи неприятельской атаки, наши потери были очень велики. Здесь также протекло не мало дней, прежде чем фронт опять укрепился. Английская армия не продолжала развивать эту атаку; очевидно, она только хотела улучшить исходную позицию для большого фландрского наступления.

Сначала бои возобновились на старом поле сражения у Арраса; кроме того, англичане предприняли атаки между Ла-Бассэ и Ленсом. Для нас эти бои являлись борьбой на измор; они велись неприятелем с целью отвлечь наше внимание от Ипра.

В командовании 6-й армии произошла перемена. Генерал барон фон-Фалькенгаузен был назначен генерал-губернатором Бельгии вместо скончавшагося генерала барона фон-Биссинг. Барон фон-Фалькенгаузен был особенно выдающейся личностью, и мы продолжали относиться к нему с полным доверием и на его новом посту. 6-ю армию получил генерал Отто фон-Белов; командование фронтом в Македонии он передал генералу фон-Шольцу, который до того командовал армией на восточном фронте.

После сражения на р. Эн и в Шампани, положение линии фронта 7-й и 1-й армий во многих местах, в особенности вдоль Шмен-де-Дама, было весьма неудовлетворительно. Очищение обратных склонов явилось бы французским успехом и оказало бы гнетущее действие на войска, которые так храбро их отстаивали. Фронт кронпринца германского и 7-я армия хотели предпринять ряд мелких операций для улучшения позиции, чтобы добиться линии фронта, представлявшей удобства для долговременного ее занятия. Это отвечало и намерениям верховного командования. Целым рядом боев, подготовленных с большой осмотрительностью соответственным начальством и искусно проведенных войсками, был создан более благоприятный фронт и оживлен дух войск.

Командующий 5-й армией генерал фон-Гальвиц, исходя из таких же соображений, хотел приступить к местному улучшению фронта на западном берегу Мааса, которому расположенные там войска придавали большое значение. Штаб фронта кронпринца германского присоединил свое ходатайство, и верховное командование одобрило этот проект. Атаки 18-го и 19-го июня были успешны. Но здесь, как и в других случаях, подтвердилось, что атаковать гораздо легче, чем удержать захваченное.

В позиционной войне, при всяком наступлении, подобном предпринятому 7-й, а затем 5-й армией, всегда принималась во внимание возможность неприятельского контр-удара, а следовательно учитывалось и то количество сил и боевых припасов, которое верховное командование могло выделить на их отражение. Мы стремились избегать всяких безбрежных планов. Но несмотря на то, что все внимание устремлялось на отражение контр-атак, последние, к сожалению, удавались противнику слишком часто. 7-я армия с ними справилась. Под Верденом же французы вырвали у нас большую часть захваченного нами. Я был очень доволен, когда бои под Верденом закончились, и упрекал себя в том, что согласился здесь на наступление. Как раньше, когда я был начальником штаба на востоке, так и теперь, я отнюдь не был сторонником „драться направо и налево“, так-как при этом достижения не окупают потерь.

Против 4-й армии англичане уже с 1914 года держались в узком предмостном укреплении у самого моря. Этот участок всегда был

уязвимым пунктом морского корпуса, 4-я армия, в состав которой входил этот корпус, получила разрешение захватить это предмостное укрепление. Атака имела место 10 июля. Она удалась одним приемом: Изер представлял серьезное препятствие для неприятельского контрудара.

С середины мая и до начала июля боевое напряжение на западном фронте было таково, что, несмотря на тяжелые бои в первой половине июня за обладание выступом у Витшате и на других участках английского фронта, мы смогли частично пополнить войска и создать резервы. Таким образом, к моменту обострения событий на востоке, армии на западе находились в полной готовности.

V.

Мы с уверенностью учитывали, что революция понизит боеспособность русской армии; наши предположения осуществились. Тяга к миру начала в России усиливаться. Но позиция русского правительства с одной стороны, и русского народа с другой, по отношению к миру были различны. Министр иностранных дел Милюков требовал продолжения войны и перекройки карты Европы за счет четверного союза, другие же министры говорили о мире без аннексий и контрибуций и о самоопределении народов. Но решительнее всего подчеркивалось требование сохранения союза с державами Антанты. Надо было считаться с тем, что последняя поведет планомерную борьбу с мирными стремлениями России. У Антанты не являлось ни намека на отказ от мысли уничтожить нас.

Поведение русских войск местами шло нам навстречу, и мы охотно держались предупредительно. На иных же участках фронта боевые действия продолжались; мы стремились их избегать повсюду.

В апреле, мае и части июня наше общее военное положение не было столь блестящим, чтобы мы могли стремиться к усиленной боевой деятельности на восточном фронте. Правительство имело также опасения, что наш переход в наступление может приостановить развал России. В начале апреля, когда развитие событий шло там полным ходом, фронт Линзингена произвел северо-восточнее Ковеля местную атаку, чтобы овладеть предмостным укреплением на Стоходе, оставшемся после боев 1916 года в руках неприятеля. Сама по себе это была не имеющая значения операция, но число русских пленных оказалось так велико, что даже я удивился. Имперский канцлер обратился ко мне с просьбой, как можно меньше раздувать этот успех. Я исполнил его просьбу, хотя и не охотно. Войска, участвовавшие в этой атаке, не заслуживали, чтобы их подвиг замалчивался. В печати наше сдержанное сообщение о боях на Стоходе вызвало удивление и только. Я это понимал, но считал своей обязанностью

следовать указаниям имперского канцлера, чтобы не явиться помехой реально-появившимся надеждам на мир. В дальнейшем верховное командование воспретило предпринимать какие-либо операции на восточном фронте.

В мае, когда так резко выдвинулась вперед фигура Керенского, вновь начала расти опасность, что русская армия опять сплотится. Англия, Франция и Соединенные Штаты ничего не жалели для достижения этой цели. В связи с этим, обстановка на восточном фронте все чаще обсуждалась в ставке с той точки зрения, что немедленное наступление с теми дивизиями, которые мог бы собрать главнокомандующий востоком, усиленными несколькими дивизиями с западного фронта, является желательнее пассивного созерцания. Время для атаки русской армии в момент понижения ее боеспособности еще не ушло. Я не пошел на это, хотя положение на западе стало много лучше. Я не хотел допускать ничего, что могло разрушить хотя бы призрачную возможность мира. С военной точки зрения это решение также имело свое оправдание, так как всякая революция пожирает боеспособность войск и разлагает их. Правда, мне пришлось в этом усумниться, когда 1 июля началось русское наступление—сначала только в Галиции. Время мертвящего ожидания на востоке окончилось. Теперь верховное командование уже ничем не было связано, и имело полную свободу действий.

План русского наступления был задуман широко. Атаки должны были развиться у Рижского предмостного укрепления, на озере Нароч, у Сморгони и южнее и на всем фронте Восточной Галиции, от железной дороги Тарнополь—Зборов—Львов вплоть до Карпат. Центр тяжести лежал на юге.

Благодаря большому количеству перебежчиков, предстоящее наступление к концу июня не являлось тайной для главнокомандующего востоком. Он принял все меры для отражения наступления. Но для контр-удара, к которому он стремился, были необходимы подкрепления с запада. Правда, в данный момент там было спокойнее, но надо было считаться с тем, что бои на западе могут в дальнейшем развиться. Но как бы то ни было, верховное командование должно было использовать сложившуюся обстановку на востоке. Что бы ни случилось, чтобы покончить расчеты с Россией и развязать себе здесь руки, шесть дивизий были взяты с западного фронта и переброшены на восток. Больше выделить в то время было невозможно. На западном фронте начальники с большой неохотой отдавали дивизии на восток. Они не уясняли себе, какой крупной цели мы достигали.

На восточном фронте выгоднейшим пунктом атаки, если не считать форсирования Западной Двины выше Риги, представлялся в Восточной Галиции участок от Зборова до долины Серета. Отсюда можно было стремиться к охвату расположенной далее к югу части

русской армии. Эту идею главнокомандующий востоком хотел теперь реализовать. Верховное командование согласилось с ним. Но как пойдет атака и во что она выльется—в операцию ли, как я в тайне

надеялся, или лишь в тактический контр-удар, и как в общем будет сражаться русская, а также и австро-венгерская армия, все это были вопросы, решение коих я ждал с большим напряжением.

Русское наступление в Восточной Галиции сопровождалось большим расходом боевых припасов; атаки велись в густых массах. Там, где были расположены австро-венгерские войска, русские имели успех, против германских же и турецких войск—нет. 1 июля большие русские силы прорвали австро-венгерский фронт между Зборовом и Бржезанами. Австро-венгерские войска массами передавались противнику. Главнокомандующий востоком должен был ввести в бой значительные резервы, чтобы 20 июля задержать натиск. Дальнейшие русские атаки не удались. Против южной армии наступление началось 4 июля. Горячая борьба, продолжавшаяся несколько дней, закончилась полным успехом в оборонительном бою армии генерала графа фон-Ботмера, которая состояла почти исключительно из германских войск.

6 и 7 июля русское наступление против 3-й австро-венгерской армии южнее Днестра увенчалось полным успехом. Австро-венгерские войска подались назад; только что прибывшая свежая германская дивизия пыталась остановить отступление, но была увлечена общим потоком. Русские продвинулись до Ломницы и заняли Калуш. Положение главнокомандующего востоком было критическим. Он сосредоточил на Тарнопольском направлении предназначенные для контр-удара между Зборовом и Серетом войска, и туда же были в пути дивизии с запада. Как год тому назад, сначала приходилось поддержать фронт эрцгерцога Карла, и затем только развертываться против Румынии, так и теперь главнокомандующему востоком пришлось сначала усилить австро-венгерские войска, главным образом 3-ю австро-венгерскую армию, и затем лишь выполнить необходимое для контр-удара развертывание. Если он все же осуществил удар севернее Зборова, несмотря на неустойчивость фронта южнее Днестра и сильные атаки, начавшиеся на севере, и без оглядки назад провел операцию, то это надо расценивать, как высокое достижение.

У Калуша счастье нам улыбнулось. Русская армия уже растратила имевшийся у нее наступательный порыв, и за Ломницу не продвинулась. В виду этого, первым же подошедшим германским войскам удалось, отчасти благодаря энергичной деятельности майора моего штаба барона фон-дем-Бусше, восстановить фронт. 15 июля они смогли продвинуться вперед и тем самым преодолеть кризис.

На прежнем фронте главнокомандующего востоком надо отметить особенно сильную атаку, последовавшую 21 июля у Крево, южнее Сморгони. Русские прорвали там ландверную дивизию, которая оборонялась необыкновенно храбро, но была растянута на очень широком фронте. Несколько дней обстановка была очень серьезной,

пока наши резервы и артиллерийский огонь не восстановили положение. Русские очистили наши окопы. Это уже были не прежние русские солдаты.

Тем временем ударная группа закончила развертывание между Зборовым и Серетом. В виду неблагоприятной погоды атаку, к сожалению, пришлось отложить на два-три дня, т.-е. до 19 июля. Это был день, когда германский рейхстаг обсуждал резолюцию о мире. Результат атаки был блестящий; на участке, шириной в 20 километров, мы продвинулись на 15 километров в глубину. Вся армия была в приподнятом состоянии, но в германском рейхстаге победа германского оружия была истолкована, как попытка воздействия на его голосование.

На следующий день удар в направлении на Тарнополь развивался, и 25 июля последний уже пал. Южнее железной дороги Зборов—Тарнополь русский фронт стал постепенно отрываться от наших позиций. Тактический контр-удар превратился в крупную операцию. Развал русского фронта все больше распространялся на юг. Южная, 3-я и 7-я австро-венгерская армия, в состав которых входило особенно много германских войск, перешли в наступление. Восточный фронт пришел в движение, захватывая даже часть Буковины. Русская армия в беспорядке отходила назад—ее мозг был одержим недугом революции.

2 и 3 августа, с непрреывными боями, мы дошли до Збруча и заняли Черновицы и Кимполунг. Этим закончилось оперативное использование контр-удара 19 июля. Правда, у меня еще мелькала надежда на вторжение 3-й и 7-й австро-венгерских армий в Молдавию, но наступательная сила австро-венгерских войск была слишком ограничена, а одних германских войск было недостаточно. Кроме того, тыловые сообщения складывались так трудно, что организовать правильное снабжение армий, до восстановления железных дорог, было невозможно. Работами по восстановлению их были заняты большие силы, но разрушения оказались столь капитальными, что должны были пройти недели, прежде чем можно было думать развивать далее операцию южнее Днестра.

Германские войска, как и в предыдущую осень, прекрасно зарекомендовали себя в условиях маневренной войны; они почувствовали себя как бы вырвавшимися с каторги позиционной войны. Боеспособность австро-венгерской армии, несмотря на все обращенные на нее заботы, оказалась клонящейся к упадку, что являлось весьма угрожающим.

На р. Збруче бои теплились еще несколько дней. Южнее Черновиц фронт эрцгерцога Иосифа, который заместил короля Карла в командовании в Венгрии, немного продвинулся к востоку. Но операция закончилась, несмотря на начавшиеся, бои на Румынском фронте.

Здесь, в горах от Фокшан до границы, 24 июля началась русско-румынская атака, с целью отвлечь наши силы. Удар пришелся по слабому месту фронта, и имел успех.

Наше продвижение севернее Карпат—вниз по Днестру и через Буковину на Молдавию—находилось в тесной связи с идеей возобновления операции против румынских войск; атаки могли быть направлены на нижний Серет, в то время как австро-венгерские армии продолжали бы наступать через Черновицы и южнее. Эта идея в июне месяце заставила перебросить в Румынию Альпийский корпус, и тем самым еще больше ослабить западный фронт. Русско-румынский удар последовал, когда основания намечаемой атаки еще не были окончательно установлены. Теперь создались новые ударные направления: для фронта Макензена — по западному берегу Серета на север, а для южной части фронта Эрцгерцога Иосифа — от перевала Ойтос на Окну. Бои начались в первой половине августа и затянулись и на вторую половину. На обоих направлениях они дали результаты местного характера, и заставили неприятеля покинуть участок, захваченный 31-го июля.

При содействии Франции, румынская армия получила такой закал, что до возобновления наступления в Буковине достигнуть стратегического успеха нам представлялось невозможным. А наступление в Буковине временно являлось неосуществимым. Наступление фронтов Макензена и Эрцгерцога Иосифа было остановлено. Румыны теперь вновь перешли в наступление, но безрезультатно. Боевая деятельность и здесь постепенно замерла.

Великое наступление Антанты, которое должно было сокрушить нас в начале лета 1917 года, пронеслось; в общий дружный натиск оно не сложилось, вследствие русской революции. Россия не приняла участия в англо-франко-итальянском напоре; к началу русского наступления западный фронт уже ослабел. На западе мы выдержали, хотя и получили порядочные подзатыльники, а на востоке смогли отметить большие успехи. Военный упадок России раскрылся перед всем миром.

Шесть месяцев прошло с начала подводной войны. Результаты были велики, в цифровом отношении даже большие, чем можно было расчитывать, но, в конечном итоге, она не дала того, что от нее ожидали. Я еще сохранял надежду, что в ближайшее время ожидания моряков все же сбудутся. Теперь я начал интересоваться вопросом, строилось ли в действительности максимально—возможное количество подводных лодок. Должно было быть сделано все, что только могло повысить действительность подводной войны. Однако, в виду напря-

женности военного и экономического положения, верховное командование не было в состоянии передать из армии большого количества квалифицированных рабочих в морское ведомство, или сократить в его пользу программу Гинденбурга.

VI [1]).

Общее военное положение несколько облегчилось, благодаря неустанной работе и решимости, а также тому выигрышу, который нам давала русская революция. Но при отсутствии, как в Германии, так и в Австро-Венгрии, единой решительной воли, это военное облегчение, в связи с экономическими лишениями и возрастающими результатами неприятельской пропаганды, создало условия, которые все больше понижали боеспособность обоих союзных государств и угрожали тому, что уже было достигнуто в военном отношении. Надежды народов Антанты на внутренний развал их врагов с этого времени начали систематически вскармливаться. Возможность заключить мир этим была неизмеримо затруднена и окончание войны—затянуто.

Имперский канцлер фон-Бетман и граф Чернин всецело находились под влиянием русской революции. Они оба опасались того же в своей стране. Оба думали исключительно о заключении мира, возможность которого была, к сожалению, еще очень отдаленна, вместо того, чтобы, пока шла война, напрягать для нее все силы. Их творческая деятельность должна была бы повышать народные силы, как это делало верховное командование в тяжелой борьбе с могущественным противником по отношению к боевым силам войск. Их политика базировалась на постоянных внутренних уступках, и таким образом они сами отказались от руководства народом. При их общем складе мышления, они не замечали того неописуемого вреда, который они причиняли внешнему могуществу своей страны, а, следовательно, и всему течению войны. Оба мужа, которых судьба выдвинула в столь ответственное время вождями их народов, не имели тех сильных характеров, которые требовались настоящими условиями. Не могло быть сомнения в том, что и внутри государства следовало вести упорную борьбу. Для графа Чернина эта задача была бесконечно тяжела, вследствие племенного многообразия населения. Положение канцлера фон-Бетмана было легче; ему надо было лишь действовать, исходя из того хода мысли, который резко и определенно подчеркивался самой сущностью этой войны и вытекал из нашего положения по отношению к решимости врага уничтожить нас. Вместо того, чтобы лелеять идею соглашательского мира, который в действительности был недостижим,

[1]) Нумерация глав переводчика, так как в подлиннике две V главы (прим. редакции).

он должен был сплачивать народ, указывать ему цели и великие задачи войны, давать армии то, что для нея требовалось. Германскому народу надо было все время напоминать, за что он борется и какие стремления таятся у его врагов. Большинство немцев последовало бы за ним так же, как и в 1914 году. Что касается до людей, которые не могут ничему научиться, то таковые всегда будут. Неужели же и после ответа противников на наше мирное предложение от 12 декабря и на ноту Вильсона от 18 декабря, имея в виду всю совокупность их исторического прошлого и весь ход их мышления, могли еще действительно существовать заблуждения относительно их точки зрения и их целей? Не было ли очевидно, что понижение боеспособности родины должно было подорвать энергию ведения войны?

Насколько серьезно верховное командование оценивало обстановку, резко обнаруживалось даже штатским людям его решением начать подводную войну и отвести фронт на позицию Зигфрида. Правительству должно было быть ясно, что спасение могло дать только реальное и всеобъемляющее творчество.

В первых числах апреля в Гомбурге императора посетил император Карл. В его свите находился граф Чернин и генерал фон-Арц. Имперский канцлер, генерал-фельдмаршал и я также были вызваны в Гомбург.

Канцлер фон-Бетман и граф Чернин уже встречались раньше. 27 марта они оба набросали соглашение. Этот „Венский Документ" был в тот же день запротоколен и спрятан. Он охватывал минимальную программу мирных условий, основанную на status quo anti, и программу на случай благоприятного исхода войны, примыкавшую к тому ходу мысли, представителем которого являлся я. Об уступках противнику в каких-либо направлениях здесь не могло быть и речи.

Статс-секретари и верховное командование узнали об этом важном документе только 5-го февраля 1918 года.

В Гомбурге, пока их величества и государственные люди вели переговоры, генерал фон-Арц, генерал-фельдмаршал и я совещались о положении. Мы обосновались на позиции Зигфрида в ожидании большого апрельского наступления. В то время я с часа на час ждал натиска англичан. В марте подводная война дала хорошие результаты. Имперское министерство внутренних дел начало высоко расценивать ее действительность. Значение Америки казалось вполне уничтоженным. Мы рассматривали наше положение, как серьезное, но прочное, и надеялись в ближайшее время отразить наступление Антанты; в общем же мы считали необходимым выждать дальнейших результатов подводной войны и развития событий в России.

Генерал фон-Арц возлагал те же надежды на австро-венгерское фронты, но присовокупил, что австро-венгерская армия, вследствие недостатка в сырье и больших потерь в людском составе, может про-

должать войну лишь до начала зимы. Никаких сомнений не являлось, что сейчас войну надо продолжать вести с полной энергией. Как сложится к зиме конъюнктура, еще нельзя было определить.

Около 12-ти часов дня началось совещание, в котором участвовали имперский канцлер, граф Чернин, генерал-фельдмаршал, генерал фон- Арц и я. Перед началом заседания имперский канцлер спросил меня, не считаю ли я, что наступило время сделать первый шаг к миру. Я ему мог только ответить, что мы с часу на час ожидаем удара, для которого Антанта напрягает все свои силы, и что я не думаю, чтобы с военной точкой зрения это был бы подходящий момент. Далее этот вопрос не рассматривался, даже в связи с событиями русской революции. Граф Чернин предложил, чтобы мы отдали Франции для скорейшего заключения мира Эльзас-Лотарингию. Австро-Венгрия присоединила бы Галицию к Польше, и согласилась бы на включение Польши в Германию. В это время наше заседание с обоими государственным людьми, длившееся приблизительно десять минут, было прервано, так как имперский канцелер и граф Чернин были вызваны к обоим императорам. Этим закончилась для меня официальная часть заседания, собранного в связи с приездом австрийского императора. После полудня я представился императору Карлу.

После завтрака граф Чернин изложил мне свои взгляды в частном разговоре. Он обосновывал свои стремления к миру на внутренних отношениях в двуединой монархии. Я не имел оснований скрывать мое личное мнение. Ведь, в конце концов, я также был сыном своего отечества, и имел полное право говорить, что я думаю. Я сказал графу Чернину, что он должен крепче держать в руках народности двуединой монархии, и должен поднять их дух. Он ответил мне, что это невозможно. Тогда я перешел к разбору его предложений. Его польский проект казался мне очень сомнительным. Как отнесется к нему Польша? Как это отразится на восточной части нашего государства! Меня тем более удивлял весь этот план, что Австро-Венгрия в польской политике в Варшаве проявила очень мало искренности по отношению к германским интересам. В польском проекте вообще все было очень смутно, уступка же Эльзас-Лотарингии Франции, наоборот, задевало нас очень существенно, и пока мы не были разбиты, с моей точки зрения, об этой уступке не могло быть и речи. Всякая нация живет, пока отстаивает свою честь, и гибнет с ее утратой. Что Эльзас-Лотарингия — германская страна, и что для нас является вопросом чести защищать ее до последней капли крови — на этом сходились все партии, до независимых социал-демократов включительно. Всякое правительство, а также и верховное командование, которое бы отказалось признать эту точку зрения, было бы свергнуто волей возмущенного народа. Наше положение, несомненно, было серьезным, но мы еще были способны к большему напряжению

сил, и нам надо было только захотеть. Отказ от Эльзас-Лотарингии явился бы открытым признанием нашей слабости, понятным даже самым простодушным людям. В то время для такого отказа не было еще никаких оснований. Можно было с уверенностью ждать, что Антанта во всех этих проектах не усмотрит ничего другого, кроме какой-нибудь ловушки, или признания нашего военного поражения, и еще значительно повысит свои требования.

На вопрос, удовлетворится ли Антанта одной Эльзас-Лотарингией, граф Чернин не смог дать мне определенного ответа.

Граф Чернин высказывал самые серьезные опасения за внутреннее положение Германии. Очевидно у него были очень хорошие осведомители. На том наша беседа закончилась.

Об отделении Галиции от Австрийского государства граф Чернин больше не говорил. Он еще некоторое время развивал мысль, что Румыния войдет в сферу влияния Австро-Венгрии, а восток с Польшей включительно в сферу влияния Германии. Это были широкие и ясные мысли, к которым верховное командование могло только присоединиться. Они были изложены в соглашении, заключенном 17—18 мая в Крейцнахе.

Но вскоре на востоке граф Чернин выступил ярым и искусным защитником австро-польского решения и тем самым открыл истинные стремления Австро-Венгрии. Отречение от Польши произвело бы в Астро-Венгрии потрясающее впечатление. Вопрос шел также и о престиже молодого министра. Ясным намерением графа Чернина было прижать нас к стене, как в Польше, так и в Румынии.

Австро-польское решение представляло большие опасности для Германии, и в частности для Пруссии. Генерал-фельдмаршал и я опасались, что оно будет равносильно распадению союза с Австрией и поведет к непосредственной угрозе нашим восточным провинциям. Поляки продолжали бы постоянно претендовать на германские области и прусские поляки работали бы им на руку. Любое венское правительство оказалось бы вынужденным превратиться в орудие этих чаяний. Пока эти стремления были представлены изолировано стоящими поляками, Германия могла с ними справиться, но если за ними выростала поддержка славянской Австрии, то картина вдруг приобретала иной облик: жизненные интересы Германии оказались бы под серьезной угрозой, и образовавшийся между обоими государствами конфликт поставил бы Германию в исключительно тяжелое военно-политическое положенее. Силезия оказалось бы охваченной, и наши сообщения с Восточной Пруссией, Литвой и Курляндией находились бы под ударом. Анексия двух последних областей в то время отнюдь не являлось фантазией. Мне также было неясно, как Германия, в случае австро-польского решения, справилась бы в экономическом отношении; величайшие экономические затруднения

явились бы для нас в самой Польше и в отделении нас от русского рынка. Мы по опыту знали, какие препятствия нам чинила Австро-Венгрии, как транзитная страна, в торговле на Балканах. Впоследствии этот вопрос обсуждался многократно, и пережил в оценках германского правительства еще много фазисов.

Австро-Венгрия постоянно возбуждала вопрос о скорейшем заключении мира. Так, император Карл в письме к его величеству в середине апреля обсуждал проект мира, сопряженный, в случае необходимости, с большими жертвами. В нем было очень красочно описана опасность интернациональной революции, и на ней обоснована настойчивая необходимость заключения такого мира. Как это, так и другие соответственные письма, его величество передовал для составления ответа имперскому канцлеру. Генерал-фельдмаршал и я должены были в этих случаях высказывать свое мнение с военной точки зрения, а начальник морского генерального штаба—с точки зрения войны на море. Мы, естественно, по долгу службы, высказывали то, что считали истиной; расценить же наше мнение уже было делом имперского канцлера. В данном случае, его представления совпадали с нашими, а также и с взглядами начальника морского генерального штаба.

В своем ответе от начала мая имперский канцлер стоял на той точке зрения, что в данной момент, в виду далеко идущих расчетов Антанты на решительный успех ее наступления и ее надежд на новое усиление России, резко подчеркнутая с нашей стороны готовность к миру была бы обречена на неуспех; наше миролюбие было бы понято, как знак безнадежного истощения центральных держав, и могло бы только вновь оживить энергию противника. В данный момент мир мог быть куплен лишь ценою подчинения воле противника, но такого мира народ бы не понял и не принял.

До сих пор события в России развивались в нашу пользу [1]) и там все резче сказывались стремления к миру. Нашей первой задачей являлось внимательно следить за процессом разложения России, содействовать ему и итти навстречу ее попыткам найти почву для заключения мира, с тем, чтобы эти попытки привели к реальным мирным переговорам. Может быть им суждено будет стать и прелюдией к общему миру.

На этом пути мышления создался и оффициальный ответ на письмо императора Карла.

Граф Чернин еще многократно выступал с вопросом о мире. Он высказывался в пользу уступок Франции, но при этом не мог

---

[1]) См. стр. (38, 39), где Людендорф достаточно ярко рассказывает о том, что русская революция далеко не была на пользу юнкерской Германии.

Прим. ред.

сказать, имеется ли вообще у Антанты склонность к заключению мира, и существует ли хоть один доступный путь. Если бы только граф Чернин нашел такой путь, то он наверно указал бы нам его.

В своей речи от 11-го декабря 1918 года граф Чернин дал подробное изложение своих взглядов на вопросы войны и мира. Правда, он хотел только подчеркнуть, что он предвидел катастрофу. Но это безплодное дело. Пессимисты всегда оказываются умными людьми, и когда несчастье обрушивается, тогда все начинают удивляться их мудрости и толпа начинает воскуривать им, а заодно и себе, фимиам. Они всегда предвидят несчастье, но если последнее не наступит, то и пессимисты и толпа чувствуют себя вполне довольными. Они всегда оказываются в выигрыше. Людям дела—много хуже. Они находят себе оправдание только в случае успеха. И тогда толпа носит их на руках. Если же успеха нет, и даже обрушивается несчастье, то та же толпа избивает камнями тех же людей дела. Пессимисты и толпа не спрашивают, что сделали они сами и каковы заслуги людей дела в борьбе с несчастием. От неспособной к рассуждению массы этого нельзя и ожидать. Но я удивляюсь, что граф Чернин пошел по тому же пути. Отдал ли он отчет себе и всему миру, что он в сложившейся обстановке фактически сделал, чтобы не выйти из войны побежденным, и чтобы предотвратить катастрофу от своей страны и от своего союзника?

К сожалению, граф Чернин не соблаговолил своевременно сообщить нам те факты, которые стали мне известны только из его речи. Именно, он сказал:

„Между нашими представителями и представителями Антанты по различным поводам неоднократно установливливался контакт, но это возникавшее общение ни разу, к сожалению, не сгустилось до начала более конкретных переговоров. Мы часто получали впечатление, что нам представляется возможность заключить сепаратный мир, без Германии, но в то же время нам ни разу не были указаны конкретные условия, на которых и Германия, со своей стороны, могла бы заключить мир. Прежде всего нам никогда не указывалось, что Германия может сохранить за собой свою довоенную территорию... Тем, что Антанта не соглашалась вести переговоры с Германией, отказывавшейся от каких-либо завоевательных стремлений, и тем, что Антанта продолжала стоять на желании уничтожить Германию она только заставила нас вести оборонительную войну для Германии и невероятно усложняла наши задачи в Германии".

Если бы эти слова были произнесены раньше, то они заставили бы замолкнуть толки о соглашательском мире, и, на спасение отечества, вновь воспламенили бы нашу волю к войне.

Но граф Чернин молчал, и тем возложил на себя невероятную ответственность. Или он поделился своими сведениями с имперским

канцлером и предоставил последнему задачу осведомить народ? Германский народ имеет право знать истину.

Государственного человека, который бы стоял на высоте задач данной войны, и который бы вместе с военными вождями добивался победы над противником, недоставало не только Берлину, как это думает граф Чернин, но и Вене.

Руководящие государственные люди не верили в победу, не находили пути к миру и все-таки оставались на своих постах!

VII.

В интересах ведения войны и в интересах заключения мира, я очень сожалел о событиях, произошедших в Германии весной и летом 1917 года, как о каждом проявлении слабости. Теперь, задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции. С одной стороны, правительство было озабоченно опасностью подобного же развития событий у нас, а с другой стороны, выявило свою неспособность влить в широкие народные массы новые силы и укрепить в них понижающуюся, по бесконечно многим причинам, волю к войне. Конечно, неясность нашего военного положения и слишком большие неоправдавшиеся упования, которые, к сожалению, возлагались на подводную войну, затрудняли поднятие духовной энергии. Что она от этого страдала — отрицать нельзя. Но, в конце концов, летом 1917 года наше военное положение, вследствие развала России, было лучше положения Антанты, и у нас были основания для надежд на будущее. Наше моральное падение об'ясняется и другими причинами. У правительства не было необходимой решимости, чтобы прибегнуть к силе для устранения недоразумений. На ряду с этим, рейхстаг также не проявлял определенной воли—часть его была искренне озабочена нашим будущим, но другая часть увлекалась, исходившей из чисто эгоистических побуждений, погоней за властью.

7 апреля был опубликован манифест его величества об избирательном праве в Пруссии. Я узнал об этом шаге лишь после его оглашения. Не только император, но и имперский канцлер фон-Бетман, никогда не говорили со мной о внутренних делах. Я и не стремился к подобным беседам, так как был очень далек от внутренней политики.

Связь между манифестом об избирательном праве и русской революцией была слишком очевидна. Это-то и заставляло задуматься. Если изменение избирательного права было необходимо, а в этом сомневаться не приходится, то оно должно было быть произведено до войны, или никак не позже, чем в августе 1914 года, как смелый жест свободного решения сильного правительства.

Теперь же таким шагом правительство вмешивало престол в центр политических схваток, вместо того, чтобы держать его в стороне от всяких партийных устремлений. Это мероприятие, помимо узких демократических кругов, обрадовало только врагов, которые с удовлетворением разгадали вызвавшую его причину. При всяком новом шаге, правительство прежде всего должно было бы задаваться вопросом, как он отразится не только на собственном государстве, но как он повлияет на настроение неприятельских народов? Во время войны и во внутренних вопросах руководящее и господствующее положение должно принадлежать мысли о противнике. Каждый государственный человек должен помнить, что всякое обострение внутреннеполитичсских отношений влечет за собой понижение боеспособности народа.

Первый манифест от 7 апреля, и второй, последовавший за ним 11 июля, обнаружили противнику нашу слабую сторону и показали, что мы боимся революции. Если только появляется дым, то неприятель будет зорко следить, так как где-то, по меньшей мере, что-то тлеет, и надо ждать пожара. Переворот произойдет! И вывод противника мог только гласить: держаться и раздувать огонь, пока не будет достигнута цель — переворот в Германии и ее уничтожение.

Апрельский манифест отчасти отозвался таким же образом и внутри Германии. Элементы разложения разгадали опасения правительства и стали требовательнее. Во второй половине апреля их ответом на манифест явились забастовки; они были отголоском русской революции и являлись свидетельством ужасающего равнодушия к тяжелой борьбе на фронтах. Они показали также, в какой мере рабочие массы ускользали из рук вождей, которые до того ими правили. Манифест не оказал успокоительного действия, на которое, конечно, расчитывало правительство; время на то было упущено, а правительство было недостаточно сильно и само по себе неспособно к созданию чего-нибудь нового.

Прусское избирательное право мало затрагивало интересы народа, и только некоторые политические круги и газеты принимали его близко к сердцу. К сожалению, было сделано послабление по углублению внутренней трещины и усилению разлагающей подпольной работы. В армии весь этот вопрос не нашел никакого отголоска; флот же, находившийся ближе к родине и живший более спокойно, отнесся к нему с бо́льшим интересом. Мысль о предвыборной кампании во время войны меня подавляла, так как она должна была повлечь за собой новое ослабление наших боевых сил. Я также считал выборы несправедливостью по отношению к солдатам, стоявшим перед лицом противника, которые, по вполне правильным тогдашним понятиям, не имели права принимать в них участия. Сторонники и

противники избирательного права втянули меня в парламентские распри, хотя я не занимал никакой позиции в этом вопросе. В этом смысле я часто высказывался и министрам. Лично я надеялся на установление избирательного права по профессиональному принципу; Бисмарк также считал его наиболее приемлемым: оно может быть оказалось бы в состоянии дать новые силы нашей замирающей и бесплодной общественной жизни. Но на такую проницательность мы тогда еще не были способны. Неясный современный лозунг о „конституционном закреплении рабочих советов" вновь указывает на необходимость профессионального народного представительства, хотя бы, по крайней мере, в нижней палате. Конечно, немыслимо, чтобы только один класс имел конституционные права, а остальные оставались бы ни с чем.

Дальнейшие события являлись уже признаком упадка нашей воли к борьбе, которая еще 27 февраля, т.-е. до начала русской революции, так усиленно подчеркивалась в рейхстаге. Идея соглашательского мира все глубже западала в германский народ, и последний совершенно упускал из вида стремление врага уничтожить нас. Она особенно жадно воспринималась теми, которые видели в победе опасность для их внутренне-политических вожделений. В мае и июне, с одобрения правительства, под предлогом мнимого содействия подходу к миру, состоялось много поездок наших депутатов в Стокгольм, Австро-Венгрию и Швейцарию. Мы шли туда прямо в распростертые Антантой сети. Я был против этих поездок, и того же мнения держался главнокомандующий во внутренних прусских областях. Но император высказал решение в их пользу. Замещающее генеральный штаб управление в Берлине должно было выдать паспорта. Граф Чернин также командировал в Стокгольм австро-венгерских социалистических вождей. Опираясь на русскую революцию, оттуда должны были взывать к рабочим массам неприятельских государств, чтобы они также провозглашали и проводили лозунг „примирения всего человечества". Эти домогательства не свидетельствовали о знании людей и ни в коем случае не считались с психикой, как неприятельских, так и собственных народов; явно же революционные цели под час преследовались здесь открыто. На неприятеля не было произведено никакого впечатления, у нас же и в Австро-Венгрии было еще больше ослаблено стремление к борьбе. Вера в собственные силы была утрачена. Правительство все больше выпускало из своих рук бразды правления, и, что хуже всего, они переходили не к народу в целом, а к группам лиц, предназначенным, по всему их историческому прошлому, только критиковать, но не творить.

Антанте такие конференции и заговоры о соглашательском мире были только на руку. Они давали ей ключ к нашему мышлению. Антанта же правильно оценивала психику народа, не разрешала по-

добных поездок своим социалистическим вождям и чувствовала себя ничем не связанной. Она преследовала совсем иные цели. Летом 1917 года французский премьер-министр Рибо дал французской идее уничтожения Германии такой ясный облик, что какое либо непонимание его становилось невозможным, если не итти на него умышленно. Ни один сколько-нибудь здравомыслящий человек не мог сомневаться в том, что все громкие лозунги были для Антанты лишь одурачивающими массы плакатами, которые должны были дать насилию видимость права.

Правительство, рейхстаг и бо́льшая часть народа принимали все за чистую монету. В рейхстаге социал-демократические представители первый раз с начала войны открыто угрожали революцией. „Мир илотов", о котором имперский канцлер в эти дни говорил верховному командованию, как о неизбежном, если мы уступим, пока у Антанты нет никакой склонности к миру, надвигался.

Верховное командование с все возрастающим беспокойством указывало на твердую линию поведения неприятельских правительств и следило за упадком настроения на родине, и в особенности в Берлине, что неизбежно должно было гибельно повлиять на дух народа и войск. Генерал-фельдмаршал уже многократно докладывал его величеству, насколько верховному командованию недостает поддержки имперского канцлера. Еще чаще мы обращались к последнему в заботах об укреплении внутренней боеспособности.

19 июня 1917 года генерал-фельмаршал фон-Гинденбург писал имперскому канцлеру, предостерегая от ожидания окончания войны не позже осени 1917 года:

„Эта опасность (подводной войны) несомненно усматривается ясно-мыслящими людьми среди наших противников. И если они всетаки стоят за продолжение войны, то следовательно они ожидают, что развал Германии и ее союзников последует изнутри. Они, может быть, надеятся добиться развала Германии и военным путем, посредством победы на суше, но в первую очередь они расчитывают на экономические и внутренне-политические осложнения, т.-е. на продовольственные затруднения и недостаток в сырье, а также на несогласованность, на общее недовольство и на победу радикальной части германской социал-демократии. При этом они основываются на ослаблении нашей внутренней способности к сопротивлению, на усилении интернациональных течений, на нашем продовольственном положении и на нашей жажде мира, которая, к сожалению, многократно оглашалась.

Укрепление наших внутренних сил прежде всего убедило бы противников в бесполезности продолжения войны, и тогда они не стали бы ждать, иначе она начала бы разлагающе действовать и на уклад их собственной жизни. Всякая же жалоба на несбывшиеся надежды

всякое проявление у нас и у наших союзников истощения и жажды мира, всякое слово и указание на невозможность выдержать новую зимнюю кампанию, наоборот, могут только явно затянуть войну".

25 июня имперский канцлер ответил в весьма сдержанных выражениях. Имперский канцлер думал различно с нами. Он не видел выхода из положения, и тем более не находил сил для дела. Он опасался „мира илотов", и говорил о соглашательском мире, хотя сам считал неизбежной предпосылкой для него готовность Англии к миру, но склонить к этому Ллойд-Джорджа он отчаивался.

Взгляд же канцлера на внутреннее положение стал тверже, что мы могли установить из его телеграммы императору от 5 июля.

Но 27 июня генерал-фельдмаршал уже написал императору следующее:

„В данный момент нас больше всего беспокоит падение настроения среди народа. Оно должно быть поднято, иначе мы проиграем войну. Наши союзники также нуждаются в большем усилении тыла, иначе может создаться опасность их отпадения. Для этого надо прежде всего разрешить наиболее тяжелые экономические вопросы внутри страны, важнейшие для ее будущего... Теперь ставится вопрос, способен ли канцлер резрешить эти вопросы—а они должны быть разрешены правильно, иначе мы погибнем".

Понижение нашей духовной боеспособности 6 июня нашло себе внешнее выражение в заседании комиссии рейхстага. Депутат Эрцбергер в своей речи, совершенно неожиданно для нас, указал на полнейшую безнадежность подводной войны, и оспаривал возможность вообще выиграть войну, что окончательно подавляюще подействовало на настроение рейхстага. Имперский канцлер, внезапно меняя свои точки зрения, повидимому оказался 5 июня впавшим в заблуждение. Совершенно ясно обнаружилось, куда мы уже были загнаны на внутреннем фронте и каковые занимаем позиции. Если в Германии все продолжало бы итти в этом направлении, и ничего не предпринималось для воодушевления и морального укрепления народа, то военный погром становился неизбежным.

Военный министр разделял наше воззрение на пагубное влияние берлинских событий на военное положение, и считал необходимым, чтобы генерал-фельдмаршал доложил об этом его величеству. Вследствие этого 6 июня вечером генерал-фельдмаршал и я выехали в Берлин. Император рассматривал берлинские события, как исключительно внутренний вопрос, не имеющей никакого касательства к представителям военной власти, которая, к тому же, согласно конституции была представлена военным министром. Таким образом наше пребывание в Берлине 7 июня осталось во всех отношениях безрезультатным. Вечером мы выехали обратно в Крейцнах.

Положение в Берлине обострялось. 8 июня имперский канцлер, несмотря на то, что он правильно оценивал стремления противника уничтожить нас, присоединился к предполагаемой мирной резолюции партий большинства, и одновременно подал им определенные надежды на распространение избирательного права в рейхстаг на выборы в прусский ландтаг. И то и другое должно было неизмеримо усилить волю противника. 10 июня имперский канцлер нашел нужным подать прошение об отставке, но 11 утром оно было отклонено.

В Крейцнахе мы некоторое время предполагали, что его приемником будет граф фон-Бюлов. Но события еще осложнились, когда австро-венгерское правительство неожиданно взяло сторону имперского канцлера фон-Бетмана, и явно высказалось против графа фон-Бюлова.

Император решил оставить фон-Бетмана на посту имперского канцлера, и прибывший в Берлин кронпринц также на это согласился. После всего происшедшего, я уже не мог больше считать канцлера подходящим человеком, способным выполнить ту работу, которую от него требовала война, пробудить глубоко упавшую энергию германского народа и повести его к победе. Чтобы победить на поле сражения, верховное командование нуждалось в сотрудничестве государственного человека, это становилось мне все яснее, по мере того, как я входил в свою должность и шире разбирался в обстановке. Такого сотрудничества нам не удалось добиться. Национальное мышление и настроение народа катились под гору. В политическом руководстве отсутствовал всякий дар творчества, и какая-либо сильная идея, которая бы захватила душу народа и позволила развернуться его силам. В 1914 году нас воспламеняли самоотвержение, любовь к отечеству и упование на собственную мощь. Теперь нам нужен был новый импульс и новый курс, которые бы позволили германскому народу пройти через многолетние страдания и нужду, горести и разочарования, наполняли бы его священным огнем, силой и уверенностью, и дали бы ему возможность новым толчком опрокинуть вооруженные силы противника. Имперский канцлер недооценивал значение этих невесомых данных. Германский же народ должен был продолжать бедствовать.

Противник отклонил наше мирное предложение, а имперский канцлер оставил это без последствий и не раз'яснил народу, что по воле противника мы не можем получить по сходной цене мира, и что нас, по его же словам и убеждениям, скорее ожидает „мир илотов". Он не преисполнил народ новой решимостью продолжать войну, и не призвал его к борьбе за жизнь и честь с противником, обладавшим сильной волей и жаждавшим нашего уничтожения, вместо того он, сам сомневаясь в нашей победе, допускал энервирующие толки о

недосягаемом соглашательском мире, и тем самым работал для триумфа Антанты.

Устанавливая голодную блокаду, направленную против нашей плоти и крови, Англия нарушала международное право, а мы, вместо того, чтобы ответить на нее пламенным протестом, переполнить сердца сильной и мужественной ненавистью и направить священный гнев народа на бесчеловечного врага—мы молчали, и недовольство, вызванное этой блокадой, обращалось на само государство, углубляло ее действие и разлагало жизнь народа.

Бесчеловечное обращение с нашими военнопленными, которые все были плотью от нашей плоти, не должно было возбуждать никаких чувств, направленных против неприятеля, (конечно я не имею в виду пленных, находившихся в наших руках); всякое проявление гнева подавлялось, и сеялось разочарованне.

Имперский канцлер не заслонил императора, когда Вильсон, при вступлении в войну Соединенных Штатов, сделал попытку внести раскол между императором, государями и народом. Рейхстаг протестовал, но имперский канцлер молчал. Он не призвал народа на защиту монархической идеи, которая тогда, да и теперь, твердо коренится в сердцах миллионов немцев; канцлер не стал препятствовать, когда начали заносить топор над империей и ее величием.

Кроме этого, историческому руководству Германии не хватало сильной руки, которая властно правила бы страной. В то время народные массы еще не шли за дешевыми лозунгами, и только хотели иметь уверенность, что нет лиц, пользующихся особыми преимуществами в укладе и ходе их жизни, и что все распределяется дешево и по справедливости; они также хотели мира, но не такого, каким мы наслаждаемся теперь, и который и тогда был для нас доступен. Правительству не хватало воли к победе, нехватало веры в силу Германии, которая проявлялась столь блестяще в течение трех лет и только теперь пошатнулась из-за недостатка руководства. Таким образом, армия не получала того, что ей было необходимо для победы на поле сражения. Я уже больше не верил в возможность изменения курса при существующем имперском канцлере. Когда я вступал в верховное командование, я надеялся работать для победы в полном согласии с имперским канцлером, но мои надежды не оправдались. В виду этого я написал прошение об отставке.

Нависшие над Германией и Пруссией конституционные вопросы не затрагивали моих служебных функций. Я, лично, озабоченно смотрел на перегородку, которую имперский канцлер воздвигал между монархом и народом. Император был слишком мало знаком с людьми. Я многократно просил имперского канцлера свести его с руководящими деятелями, но напрасно; а такое сближение могло быть только полезно. Поэтому, возможность включения парламент-

ских статс-секретарей в кабинет не представлялась мне нецелесообразной. Мне казалось, что благодаря им отечество скорее бы получило для войны все то, что ему было столь необходимо.

Генерал-фельдмаршал примкнул ко мне, и одновременно со мной подал прошение об отставке. 12 июля днем было послано предварительное извещение генералу фон-Линкеру, а вечером оба прошения были отправлены в Берлин. Одновременно была получена телеграмма от военного министра, в которой последний, принимая во внимание наше военное положение, считал настоятельно необходимым вторичный доклад генерал-фельдмаршала в Берлине. Император также выразил намерение с ним переговорить.

Между тем, 12 утром кронпринц вел переговоры с лидерами партий рейхстага, которые в большинстве высказались за немедленную смену канцлера, остальные же не возражали против нее. В пользу канцлера не выступил никто.

После доклада кронпринца, император решил принять вторичное прошение имперского канцлера фон-Бетмана об отставке.

Когда 13 утром мы прибыли в Берлин, это решение уже состоялось. Я надеялся, что правительственная власть перейдет к человеку, который сумеет сплотить силы германского народа.

Еще во время нашего первого пребывания в Берлине, 7 июля, генерал-фельдмаршал и я выразили готовность в непринужденной форме, в здании генерального штаба, дать членам рейхстага пояснения относительно военного положения. Мне тогда было важно воздействовать успокаивающим образом. 13 днем это обсуждение состоялось. Перед началом заседания статс-секретарь доктор Гельферих и помощник статс-секретаря Ваншаффэ очень взволнованно говорили со мной о возможности принятия мирной резолюции.

Исключительная оборона, которой мы держались в течение всей первой половины 1917 года, различные неудачи—у Арраса, в выступе у Витшате и в Галиции, где мы еще не перешли в наступление, не давшая еще решительного результата подводная война и серьезность нашего положения относительно снабжения продовольствием и сырьем вызывали большие опасения. Эти вопросы и следовало бы обсудить. Но все решительно находились под впечатлением мирной резолюции рейхстага, намеченной и, может быть, даже выработанной при содействии графа Чернина.

Таким образом, в Берлине создалось совершенно ошибочное мнение, что мы прибыли для участия в совещании по поводу мирной резолюции. Фактически депутаты все время к ней и возвращались.

Мы резюмировали наше военное положение на суше, как серьезное, но прочное. Нам следует проявить простую выдержку, так как наши противники еще не хотят мира. Снабжение боевыми при-

пасами у нас улучшилось и налицо имеется достаточное количество сырья. Относительно предстоявших операций в Галиции, в виду их секретности и неизвестности, какое течение они примут, никаких сообщений сделано не было. У нас сохранилось еще доверие к успеху подводной войны, хотя до сих пор она не оказала того решающего действия, на которое мы расчитывали. Возможность перевозки американской армии во Францию обсуждалась с точки зрения, на которой стояло морское ведомство, а именно, что перевозка выполнима лишь в ограниченных размерах. О мирной резолюции мы, к сожалению, высказались очень сдержано. Она не отвечала нашим взглядам, так как должна была вредно отозваться на духе войск и на воле к победе народа, противником же она будет истолкована, как признак нашей слабости, что несомненно неблагоприятно отразится на нас. Кроме того, мы указали, что она может пагубно отразиться на Болгарии, которая имеет большие завоевательные претензии.

Я кончил так: мы победим, если позади армии народ будет представлять сплоченное целое. А этому должно помочь народное представительство.

Свидание прошло совершенно непринужденно. Статс-секретарь доктор Гельферих обратился к депутатам с просьбой—временно не предпринимать никаких шагов по мирной резолюции. На два следующих дня он пригласил их на совещания в имперское министерство внутренних дел, на которых должен был присутствовать новый имперский канцлер; приглашение было принято. Но, несмотря на это, на следующее утро мирная резолюция была помещена в „Форвертс“. Я пытался еще воспрепятствовать ее оглашению и обратился к помощнику статс-секретаря Ваншаффэ, а также к депутату Зюдекуму, с просьбой повлиять в этом смысле на „Форвертс“. Но обнародование уже нельзя было задержать, и за него стояло большинство рейхстага. Дальнейшие совещания казались мне мало целесообразными и безплодными.

Имперским канцлером стал доктор Михаэлис. Начальник гражданской канцелярии императора фон-Валентини назвал генерал-фельдмаршалу несколько лиц, из которых его величеству приходилось выбирать. Среди них не было графа фон-Бюлова, о котором генерал-фельдмаршал раньше докладывал императору. Граф Гертлинг отказался, заявив, что он вместе с верховным командованием работать не может. Я этому вовсе не удивился, так как из переписки с ним через посредство баварского военного министра фон-Гелингрота, я убедился, что он, как и весь Мюнхен, смотрит на верховное командование глазами „Вильгельмштрассе“. Впоследствии граф Гертлинг стал канцлером, и когда оставлял должность, то выразил мне свое удовольствие по поводу приятной совместной работы с верховным командованием. Генерал-фельдмаршал об'явил начальнику

гражданской канцелярии императора фон-Валентини, что он будет приветствовать всякое лицо, назначенное его величеством. Меня поразило, что у ответственных инстанций во всякое время нет на готове преемника на должность имперского канцлера, и что Германия в столь важном для ее судьбы вопросе живет сегодняшним днем. Путь, пройденный нашей внутренней эволюцией, не оставил простора для развития личности. Удивительно, как профессия офицера, члены которой должны были бы рассматриваться, как наиболее связанные, воспитывала радостно берущие на себя ответственность характеры, в то время как чиновничья карьера не была на это способна в такой степени. Лица, руководившие общественной жизнью, держались в стороне, и шли своей дорогой. Может быть, в рейхстаге и были выдающиеся личности, которые могли бы руководить судьбами государства. Но при господствующем делении на классы, возможность выдвинуться для них была исключена. Мы были бедны людьми. Наша политическая система не создала новых творческих умов, и своей неплодородностью произнесла над собой приговор.

Новый имперский канцлер возбудил вопрос о том, чтобы мы приняли участие в дальнейших партийных совещаниях в имперском министерстве внутренних дел о мирной резолюции. Я попросил его нас от этого уволить. Мной овладело чувство, что наша задача закончилась предыдущим днем, и в дальнейшем мы только можем втянуться в политическую сутолоку. Но имперский канцлер настаивал на своей просьбе. В виду того, что мы стремились, по возможности, помочь ему вступить в тяжелое наследство, мы решили исполнить его желание. Тем самым мы хотели показать доктору Михаэлису, как высоко мы ценим взаимное доверие и совместную работу с имперским правительством. Это мнение генерал-фельдмаршал и я часто высказывали, устно и письменно, новому имперскому канцлеру.

Особенно примечательно на этих собраниях для нас было то, что партии большинства основывали необходимость мирной резолюции на внутреннем настроении, и считали, что если желанный мир не наступит, то только таким путем можно ожидать от масс необходимой выдержки. Эта картина мрачных настроений оказалась еще хуже, чем я ожидал. Но одновременно зарождалась надежда на разруху у неприятеля, так как русские социалисты хотели заставить прочие государства Антанты отказаться от их завоевательных планов. В остальном ничего нового сказано не было.

Генерал-фельдмаршал, как старший представитель верховного командования, вторично высказался против резолюции. Я еще раз напомнил рядом со мной сидевшим членам партий большинства, что резолюция совершенно забывает об армии. Вследствие этого заявле-

ния, мои собеседники добавили к резолюции предложение, из'являвшее от имени народа благодарность войскам. Когда мы расходились, я обратился к депутату Эрцбергеру с просьбой помешать принятию мирной резолюции. В общем, у меня было чувство, что мое присутствие на совещании о мирной резолюции было лишним, и мне было бы лучше туда не являться. Впоследствии я этого не скрывал и, между прочим, высказал это, в числе других, депутату Мюллеру (от Мейнингена).

С трибуны рейхстага мирная резолюция пошла гулять по свету. Как легко можно было предвидеть, на наших врагов она не оказала никакого политического воздействия. Противник учел ее, как признак нашей слабости. Болгария и Турция начали сомневаться в том, что мы победим. Внутри Германии она подействовала не так, как надеялись ее инициаторы. Вместо того, чтобы сделать выводы из отрицательного отношения к ней наших противников и укрепить решимость продолжать борьбу, у нас, не считаясь с неприятелем, все больше втягивались в эту несчастную идею соглашательского мира, как будто мы могли заключить его в любой момент. В этом и заключается судьба мирной резолюции. Верховное командование, с военной точки зрения, осуждало ее. Генерал-фельдмаршал и я уполномочили имперского канцлера оффициально заявить, что мы присоединяемся к его точке зрения на мирную резолюцию, если он, в интересах ведения войны, пожелает избежать конфликта с большинством рейхстага. Тем самым мы взяли на себя и ответственность за мирную резолюцию, считая это менее вредным, чем внутренние столкновения. Вот как далеко зашло внутреннее состояние Германии! Мы надеялись, что новый канцлер, хотя и постепенно, но улучшит положение, и в виду этого считали необходимым итти навстречу его пожеланиям.

Ухудшение настроения на родине в Берлине мне резко бросилось в глаза. Я не мог смотреть, сложа руки, как прогрессирует духовный развал народа, и тем самым ставить под вопрос нашу боеспособность. В виду этого, я повторил имперскому канцлеру просьбу, с которой в декабре предыдущего года я обращался к его предшественнику, чтобы руководство прессой и политическая ориентировка народа перешли в руки учреждения, находящегося в непосредственном его, имперского канцлера, ведении. Он обещал, что мое заявление будет рассмотрено в конце августа [1]).

---

[1]) Не следует забывать, что эти записки Людендорфа—германского фашиста, написаны после войны и после революции. Людендорф всячески старается доказать, что только он и его группа могли и могут спасти Германию—основной лозунг фашистского движения.

Примеч. в.-полит. ред.

VIII.

Настроение на родине настоятельно требовало работы. У нас были лучшие шансы на выигрыш войны. Но она еще не была закончена, и надо было удержать захваченное. Требовалось еще много усилий, но настроение на родине все ставило под сомнение. Стала так же заметной непосредственная работа по разложению армии. Генерал-квартирмейстер писал 25 июля [1]). „Не подлежить сомнению, что независимые социал-демократы ведут среди войск в высшей степени вредную для дисциплины агитацию". Что это так было уже в тот момент, подтверждается лидером независимой социал-демократической партии Ледебуром. В связи с событиями 5—9 ноября 1918 года, он заявил на одном из собраний совета рабочих и солдатских депутатов следующее:

„В эти последние четыре дня перед 9 ноября, Шейдеман и его товарищи пожали плоды почти двухгодичной работы независимых".

Другой вождь, Рихард Мюллер, указал следующее: „Подготовка революции началась с июня 1916 года, хотя тогда цели еще не были ясно поставлены".

Независимая социал-демократическая партия заблаговременно планомерно подготовляла переворот. Большинство рейхстага и часть прессы и народа, хотя иногда и бессознательно, но, к сожалению, давало пищу для этой работы.

В конце 1917 года у меня сложилось определенное мнение, что верховное командование, в сложившихся обстоятельствах, не должно было оставаться в бездействии до конца августа. То, что оно могло дать для воскрешения нашей моральной боеспособности, должно было быть сделано немедленно. Я конечно знал, что работа до тех пор будет имет частичный характер, пока само правительство энергично не вступит на этот путь.

При медлительности и запутанности внутреннего механизма правительственного аппарата, у меня не было гарантий, что новый канцлер выполнит эту работу целиком, даже если он лично станет возглавлять работу по политической ориентировке народа. Ему также было не легко что-нибудь протолкнуть и вызвать к жизни нечто новое, так как большинство имперских учреждений было проникнуто тем же духом, который до сих пор исходил из помещения имперского канцлера; по меньшей мере, они ему совершенно не противились, что сводится к тому же.

Я уже давно возбуждал вопрос о введении в армии политическо-просветительного обучения. Теперь этот вопрос явно выдви-

[1]) На это указывалось и в предыдущих сношениях.

нулся на очередь. По проекту, предложенному мне подполковником Николаи, верховное командование ввело в действующей армии патриотическое преподавание, но это был лишь слабый суррогат, сравнительно с той глубокой политической работой, которую Антанта вела у себя.

Значение патриотического преподавания или, как оно еще недавно называлось, просветительной деятельности среди войск, определялось в следующих словах:

„Германская армия превосходит неприятеля и служит твердой опорой союзникам, благодаря своему духу.

Основанием его в начале войны являлись воодушевление и дисциплина, воспитанная продолжительным обучением мирного времени. За три года войны эти основания изменились и расшатались. Понятная тоска по родине, семье и мирным занятиям наносят ущерб боевой решимости и притупляют волю выдержать до окончательной победы.

Продолжительность войны в возрастающей степени влечет за собой лишения и жертвы, как населения, так и войск. И чем больше это бремя давит на дух армии, тем ярче выступает значение убежденности, чувства долга и ясной решимости, как основы боеспособности армии.

Задачу патриотического преподавания среди войск и составляет попечение о них".

15 сентября 1917 года я писал:

„Воля неприятеля уничтожить нас и необходимость продолжения войны труднее воспринимаются в сознании этапных, гарнизонных и тыловых частей, чем в действующей армии. В виду этого, духу этапных войск следует посвящать особое внимание и усиленно вести в них занятия по патриотическому преподаванию.

Взаимодействие между родиной и армией очерчено в основных указаниях. В отношении духа и выполнения отечественных задач народ и армия неразделимы. Следовательно, совместная с гражданскими властями работа по воскрешению патриотического духа в населении имеет громадное значение. В виду этого, военные власти в тылу должны особенно заботиться о воздействии в этом направлении".

Я сознательно распространял патриотическое преподавание и на родину, хотя в него непосредственно не вмешивался. Но я не мог смотреть, как все катится по наклонной плоскости. Я надеялся пробудить инициативу, но несмотря на то, что имперский канцлер доктор Михаэлис и статс-секретарь фон-Кюльман признали необходимость создать какую-нибудь организацию, чтобы поднять настроение, я не встретил, хотя бы ничтожной, поддержки со стороны властей. Создалось впечатление, что не допускалось ничего, что могло бы умножить национальные порывы. Мы зашли так далеко, что смотрели

на развитие национального чувства, как на достойное проклятия преступление.

Военное министерство выразило свое согласие на распространение патриотического преподавания на районы ведения замещающих штабы корпусов управлений. Летом 1918 года, по желанию военного министерства, компетенция его в отношении патриотического преподавания была ограничена.

Как первую задачу преподавания, я ставил разбор причин войны, условий экономического развития Германии и его значения, последствий проигранной войны, в особенности для германских рабочих, необходимости продолжать воевать, пока не будет сломлена воля противника уничтожить нас, и не будут созданы гарантии для дальнейшего экономического развития.

Далее я подчеркивал основательность наших надежд на конечную победу и необходимость управления и авторитета с одной стороны, и подчинения с другой.

„Перед величием общей цели собственное я должно отойти на второй план. Забастовки представляют опасность для войны и оплачиваются кровью войск, а грезы о мире, равно как и малодушие, затягивают войну. Внутренняя сплоченность создает силу, а все, что нарушает единение—расслабляет".

Целью войны я выставлял: „Обеспечение нашего будущего", и заканчивал словами: „Народ и армия должны до окончания войны всеми силами сплоченно поддерживать вождей империи".

Эти указания отвечали обстановке войны. Содержание их определялось само собой из нездорового хода мышления на родине. Я делал все, чтобы подчеркнуть серьезность нашего положения, не подавляя, однако, тем самым еще более дух; вместе со многими другими, я всегда исключительно высоко ценил духовный фактор; также высоко, как я, его расценивали и многие другие—к сожалению и те, которые сознательно рыли яму для моральной боеспособности германского народа, а с ней вместе и для войсковой дисциплины. Но между нами находились широкие массы, которые не понимали ни психики своего народа, ни психики неприятеля.

В духе моих требований, военное управление по делам печати вновь и вновь подчеркивало политико-просветительным органам необходимость останавливаться на описании несчастий, связанных с проигранной войной.

Патриотическое обучение должно было держаться в стороне от какой-либо партийной агитации, в том числе и от установления точки зрения на мирную резолюцию и от дебатов по вопросу о целях войны. Никаких отклонений я не допускал. Но я ничего не имел против, если на вопросы солдат о целях войны, начальники, в частном по-

рядке, в спокойной и деловой форме изложат своим подчиненным свои взгляды по этому поводу.

В октябре вопрос о патриотическом преподавании рассматривался в рейхстаге с узкой точки зрения партийных интересов, при непонимании его существа; это был нехороший признак. Указания по преподаванию были проконтролированы, и из них ничего не пришлось выбросить. Я напряженно ждал, не раздастся-ли голос, требующий, чтобы и правительство взялось за работу, или не почувствует-ли оно само потребность взяться за нее. Но рейхстаг довольствовался критикой, созидательная же работа была ему чужда. Правительство радовалось, что создавшийся камень преткновения был обойден. Народ же остался в неведении об угрожавших ему опасностях.

Но в Германии еще были люди, которые правильно понимали образ мышления неприятеля. Они хотели укрепить волю к борьбе и основали „Отечественную партию“ Я не стоял с ними ни в какой связи. В интересах войны я весьма приветствовал их деятельность; правда, устанавливая цели, они шли слишком далеко, но это ничему не вредило. Военные бури позаботятся сами о том, чтобы деревья не доростали до неба.

Я начал надеяться, что благодаря „Отечественной партии“ возможно будет еще достигнуть хороших результатов. Но эта надежда была скоротечной. Отечественная партия тоже втянулась во внутреннюю политику; мы занимались только внутренней, а не военной политикой. Правительство и враги „Отечественной партии“ остановили ее натиск—название для нее было выбрано неудачно, и при ее основании были допущены некоторые промахи. Гр. Гертлинг следовал в этом вопросе не только за партиями большинства, но, к моему ужасу, став против „Отечественной партии“, защищал свои подлинные личные взгляды. Вместо того, чтобы вербовать военному руководству союзников, правительство лишало его тех, которые являлись сами, не давая вместо них заместителей. И случилось: господь бог на небесах покинул германский народ, потому что он сам отрекся от себя.

Я хотел лично ознакомиться с ходом патриотического преподавания. В виду этого, я потребовал, чтобы офицер, руководивший политико-просветительной работой в Саарбрюкене, сделал в Крейцнахе доклад. Докладчик, поручик Шметцер, чрезвычайно захватывающим образом очертил последствия проигранной войны для наших рабочих. Он указывал, что у них не будет ни работы, ни хлеба, и что они станут рабами интернационального капитала. Скажу только, что все мы после доклада были очень взволнованы. Я полагал, что этот доклад представляет широкий интерес, в особенности для статс-секретаря по иностранным делам, в виду чего он был повторен в его присутствии. К сожалению, надежды, которые я с ним связывал, не сбылись.

От строевых офицеров, и в особенности от молодых ротных командиров, которых всецело поглощала ежедневная служба, нельзя было требовать вполне сознательного отношения к патриотическому преподаванию. В виду этого, им должны были руководить те офицеры, которые чувствовали биение пульса тыла и армии, и особенно освоились с мышлением солдата на фронте. Они должны были, в свою очередь, подыскивать подходящих для этой цели офицеров, унтер-офицеров и солдат, а также привлекать людей с родины. Преподавание ставило совершенно новые задачи, и в самой армии ему предстояло победить сложившееся недоверие и много других трудностей. Вполне сознательный выбор офицеров для руководства просветительной работой был также нелегок, и прошло много времени, прежде чем все вошло в колею.

И после введения патриотического преподавания я продолжал находиться в постоянной связи со штабами армий относительно духа и настроения войск, и пользовался всяким удобным случаем, чтобы проникнуть в психику армии. При этом мне приходилось слышать, что военное духовенство, по своей самоотверженной и полезной работе, находилось на высоте своей ответственной задачи и являлось источником духовных ценностей для войск в окопах.

Патриотическое преподавание в тылу, в районе ведения управлений, замещающих штабы корпусов, естественно встречало еще бо́льшие затруднения, чем в действующей армии. Их усугубляли люди разнообразной партийной окраски, а правительство от него резко сторонилось.

Солдата особенно беспокоило его будущее после войны. Вследствие новых хозяйственных явлений, а также все более обострявшихся эгоистических течений в экономических вопросах, и в виду беспощадной жажды наживы, воцарившейся на родине, это было вполне естественно. Еще когда я был начальником штаба главнокомандующего востоком, и когда отношения на родине еще не столь обострились, я старался, при помощи заметок в армейских газетах, раз'яснить солдатам, что родина делает для инвалидов войны, и для вдов и сирот солдат. Я много занимался этими вопросами, и с грустью видел, как у оставшихся на родине постепенно исчезало чувство благодарности по отношению к пострадавшим на войне, и что к духовным переживаниям последних часто относились не с надлежащим уважением. Этот вопрос касался всего германского народа; использование его для партийно-политических целей являлось недопустимым.

Моей душевной потребностью было заботиться о солдатах и о сиротах убитых. Лучший путь к обеспечению их открывала окончательная победа, которая одна могла создать необходимую базу. Мне хотелось внести в это дело и личный оттенок. Сбор на фонд для

пострадавших на войне, названный моим именем и произведенный в мае 1918 года, в котором я принимал участие, дал блестящий результат. Инициатива его принадлежала талантливой германской женщине Эмме Чейшнер; директор Генрих энергично помогал ей в этой крупной работе. В фонд имени Людендорфа поступило свыше 150 миллионов—невиданный до того результат сбора. Во время революции он был переименован в „Народный фонд". Неужели народным представителям и первому правительству германской республики не казалось справедливым, чтобы мое имя осталось связанным с благотворительным учреждением, которое именно благодаря моему имени собрало так много и уже помогло тысячам пострадавших на войне? Суждение об этом я предоставляю произнести людскому роду, а также пострадавшим на войне, которые пользуются заслуженными благами из фонда Людендорфа, если, конечно, они вообще знают о моем существовании.

Я не знаю подробно, что сталось с этим учреждением под новым названием. Я принципиально не могу одобрить, что из него выдавались пособия в счет государственного обеспечения. Фонд был основан не в этих целях. Я хотел помочь—и теперь у меня сжимается сердце, когда я вижу на улице, как неработоспособные инвалиды войны просят милостыню. И это называют бладарностью и национальным самосознанием!

В призрении инвалидов особенно важным мне представлялся вопрос, как сделать храбрых солдат, потерявших конечности, людьми, вновь способными к жизни и работе и тем самым возродит их для личной жизни и для отечества. Я с большим вниманием следил за тем, что делалось в этом направлении и за успехами в изготовлении искусственных конечностей.

Вопрос обеспечения должен был охватить не только вдов, сирот и инвалидов, но и здоровых солдат, которые хотели работать; им надо было помочь после войны занять экономически обеспеченное положение. Это было долгом государства и оставшихся в тылу по отношению к тем, которые самоотверженно и так безконечно много для них сделали. Солдатам должны были быть предоставлены, на правах собственности, на выгодных условиях и без вмешательства спекуляции, дешевые жилища и дешевая земля. Но, конечно, это могло быть осуществлено только со временем и постепенно, и ни в коем случае не должно было являться насилием и несправедливостью по отношению к прежним собственникам [1]). Мысли Дамашкэ о земельной

[1]) Характерное для фашистов заигрывание с деклассированными в результате войны элементами. Из них фашисты вербуют свои отряды. См. также в конце главы замечание о студентах.

Примеч. в пол. ред.

реформе, о необходимости удешевления жилищ, особенно для рабочего класса, и обеспечении его от эксплоатации, равно как и его исторический подход, произвели на меня большое впечатление. Его данные о жилищном кризисе после войны 1870/71 года показались мне в высшей степени важными. Верховное командование обратилось к имперскому канцлеру, подчеркнуло ему значение жилищных забот, чтобы смягчить последствия войны для народа и вооруженных сил и, в частности, выдвинуло вопрос о создании жилищ для ветеранов посредством единовременного ассигнования денежных средств на постройку небольших домов и обезпечения земельных участков от спекуляции ими. Верховное командование поставило проблему отношения политики к вопросам движения народонаселения начальнику полевой санитарии, старшему врачу фон-Шернингу, и последний, как и его сотрудники, в особенности доктор Гоггеймер, принялись за эту работу с большим самоотвержением. Их мысли были изложены в записке, которая также была передана имперскому канцлеру.

Мною руководило стремление вырастить после войны довольное и способное носить оружие поколение. Я хотел основать в Прибалтийском крае большую колонию для солдат, а также для репатриирующихся из России немцев, которых надо было ожидать в большом количестве. Обширные, незаселенные и необработанные площади представляли там удобное место для германской колонизации, которая не стеснила бы и местных жителей. Эльзас-Лотарингию также предполагалось использовать для колонизационных целей; старая германская страна этим путем должна была наконец опять получить германский характер. Открывалось широкое поле деятельности огромного национального значения. Генерал Гандорф рассматривал эти вопросы под широким углом зрения. Были основаны благотворительные колонизационные общества, в распоряжение которых предложили свои услуги наиболее компетентные германские круги, которые сейчас же приступили к работе. В те времена колонизационные общества привлекали горячее внимание. Насколько была правильна заложенная в них основная мысль, должно было показать будущее. Одним из первых мероприятий республиканского правительства было составление проекта переселенческого закона, который базировался на принципах, разработанных в плане колонизации Курляндии, составленном по поручению верховного командования профессором Людвигом Бернгардом. Его осуществлению теперь препятствует чрезвычайный под'ем цен и отсутствие строительного материала. И в заботах о ликвидации последствий войны революция только разбавляет водой имевшееся ранее вино; она могла лишь черпать, но не давать. Деньги были растрачены, и заслуженный солдат ушел с пустыми руками.

Мы также заботились о находившихся на военной службе студентах и учениках высших школ, будущее которых представлялось

экономически мало обеспеченным. Я считал, что удовлетворение их нужд принесет отечеству особенно большую пользу. Прусский министр народного просвещения и вероисповеданий доктор Шмидт горячо отозвался и принял в этой работе руководящее участие.

IX.

Помимо руководства ведением войны и связанными с ним крупными вопросами, у меня в Крейцнахе было довольно много мелких дел, хотя внешне и не важных, но все же являвшихся звеном общей цепи. Жизнь сложилась здесь, как и в прежних ставках. Фельдмаршал, некоторые сотрудники штаба и я занимали виллу, которая когда-то служила жилищем императору Вильгельму I, этому великому монарху и знатоку людей, под скипетром которого осуществилась мечта германского единства. Наше служебное помещение находилось в гостинице Ораниенгоф, находившейся совсем близко от нашей виллы. Систематическое хождение туда и обратно давало случай многим хорошо расположенным ко мне людям порадовать меня поклоном или букетом цветов. Но в общем, я держался совершенно замкнуто, так как я „слишком хорошо знал людей".

Во время моих ежедневных прогулок, я или уходил до расположенного выше по реке Розариума, или оставался в Ораниенгофском саду, и редко выходил из этих пределов. Весной 1918 года этот чудесный Розариум и сад у Ораниенгофа в несколько часов были уничтожены потоком вышедшей из берегов реки. Что осенью 1918 года революция проделала над Германией, то весной того же года наводнение совершило в Крейцнахе. То, что город возводил в течение многих лет с большими усилиями, было уничтожено в несколько часов. Разрушение произошло невероятно быстро. Город немедленно приступил к приведению в порядок домов и садов и к уборке ила и тины, но прошло много, много времени, а везде еще оставались следы наводнения. Было ли это предзнаменованием будущих событий?

В Крейцнах наезжало много гостей. Несмотря на то, что я был перегружен работой, мне приходилось каждому уделять время и хотя бы несколько слов. С представителями прусского и баварского военного министерства необходимо было сговариваться о мерах для сохранения и поднятия боеспособности войск. Вопросы о настроении тыла и о пополнениях никогда не исчезали из порядка дня. Также постоянно обсуждались вопросы о будущем армии. Идея разоружения также опережала ход мировой истории, как и идея соглашательского мира. Мне, реально мыслящему человеку, разоружение до реконструкции всего мира казалось столь же невозможным, как и демократическим правительствам Англии, Франции и Соединенных

Штатов. Мне приходилось также часто касаться продовольственных и других затруднений родины. Одним словом, все без исключения основные вопросы ведения войны разрабатывались у нас, постоянно вновь подвергались критике и испытанию; мы находили более правильные решения, насколько решение этих вопросов находилось в нашей власти, или же доклад о них передавался имперскому правительству. Успех таковых докладов был очень печальный—я показал это на важнейшем вопросе о поднятии моральной боеспособности германского народа.

В области военной политики я занимался преимущественно вопросами, связанными с Добруджей, с территорией главнокомандующего востоком и Эльзас-Лотарингией.

В Добрудже продолжалась борьба, со всеми сопутствующими ей явлениями, между болгарами и германскими этапными властями. В июне царь приезжал в Крейцнах в сопровождении Радославова. Радославов первый возбудил вопрос о передаче этапного района болгарской администрации, т. е., как он тогда надеялся, об анексии Добруджи Болгарией. Опять начались бесконечные разговоры за и против. Я поставил в порядок обсуждение и вопрос об использовании Германией богатого сербского угольного бассейна для военного хозяйства четверного союза. По этому поводу были составлены доклады, но на том дело и остановилось. Это была бесполезная трата времени в период, когда события на фронте предъявляли к моему мышлению большие требования. Мне приходилось совершать над собой колоссальные усилия, чтобы выдерживать эти почти невыносимые заседания.

Такое жестокое самовоспитание многим бы пошло на пользу. В данном случае верховному командованию удалось отстоять этапное управление от натиска болгар, или по крайней мере отложить вопрос в долгий ящик.

Правительству опять не посчастливилось уговорить Радославова потребовать отозвания из Софии дипломатического представителя Соединенных Штатов; впрочем, я допускаю, что оно прилагало серьезные усилия для достижения этой цели.

Я оставил область главнокомандующего востоком в конце августа 1916 года. Установленное мною управление отвечало лишь временным требованиям, и хорошо проработало весь 1917 год. Но теперь в его деятельность необходимо было вложить большее политическое содержание.

Надо было учитывать, что провозглашение Польского королевства состоявшееся 5 ноября, подавляюще подействует на литовцев и вызовет в области главнокомандующего востоком велико-польскую агитацию. Наша линия поведения, сводившаяся к нейтралитету в

национальных вопросах и к равному отношению ко всем национальностям, оказывалась уже недостаточной.

По моей просьбе, статс-секретарь фон-Ягов, с целью успокоить литовцев, опубликовал в газетах оккупированной области официальное извещение, которое появилось одновременно с провозглашением Польского королевства. Литовское движение, сосредоточивавшееся до сих пор исключительно в Швейцарии, теперь пустило корни по всей стране, а наряду с ним нарастало и велико-польское, целью которого было присоединение Литвы к Польше. Мы не имели никакого основания терпеть такую агитацию. Своим отношением к формированию армии, Польша ясно показала, что она стремится лишь к политической спекуляции на войне. Теперь мы должны были думать исключительно о собственном будущем и об опасностях, которые могла создать для нас Польша. В виду этого, главнокомандующему востоком, в развитие проводимой нами до сих пор политики, было дано указание, что всякое усиление польского элемента в области главнокомандующего востоком, в ущерб другим национальностям,—представляется нежелательным.

Литовцы стали резче подчеркивать свои национальные чувства и стремления, и тем самым начали борьбу с поляками. В марте 1917 года литовцы подали прошение главнокомандующему востоком. Последний представил верховному командованию записку о пути, по которому должна следовать германская политика в оккупированной области. Мы направили докладную записку имперскому канцлеру, с просьбой принять определенное решение по поводу дальнейшего направления политики по национальным вопросам в области главнокомандующего востоком. При этом верховное командование добавило, что безусловное благоприятствование Польше не может быть допущено. И действительно, Польша, которая бы расширилась и охватывала Восточную и Западную Пруссию, несовместима с военной безопасностью Германии. Германское господство в области главнокомандующего востоком должно было опираться на литовцев и белоруссов. Одновременно мы предложили назначить совещание для обсуждения этих вопросов, в быстром разрешении коих я был очень заинтересован. Как и всегда, я стоял и в данном случае на той точке зрения, что установление основ политики относится к компетенции имперского канцлера, лишь бы они не противоречили требованиям военной безопасности. Проводить же в жизнь политические указания в данном случае входило в задачи верховного командования и главнокомандующего востоком.

5 апреля в Бингене состоялось, под председательством генерал-квартирмейстера Гандорфа, первое совещание с представителями имперского канцлера.

Генерал-фельдмаршал и я ставили себе конечной целью образовать в области, находившейся в ведении главнокомандующего востоком, герцогство Курляндское и великое княжество Литовское, которые, блюдя взаимные интересы, теснейшим образом примыкали бы к Германии и возглавлялись бы его величеством; связь личной унией могла бы быть, безразлично, с престолом Прусского короля или троном Германского императора. Таким образом Германия—Пруссия в военном отношении получила бы обеспечение от нового нападения со стороны России, и одновременно приобрела бы территорию для устройства наших солдат после войны.

Границы Курляндии являлись определенной данной.

Установить пределы Литвы было труднее. Масса литовского населения размещалось преимущественно севернее линии Двинск—Вильна—Олита—Сувалки; но в нее вкрапливались крупные польские помещики. Южнее литовцы вдавались в Белорусскую область с значительным польским населением, сильно ополяченную. Вильна, Гродна и другие города были польскими, но сплошное польское население начиналось лишь от Белостока. Евреи были рассеяны по всей Литве. Немцы жили, главным образом, близ восточно-прусской границы. В области главнокомандующего востоком, к югу от Курляндии, литовцы имели незначительное численное превосходство и образовывали, таким образом, противовес полякам. Литовцы находились под такой же польской угрозой, как и наши восточные пограничные провинции, а следовательно, они являлись нашими естественными союзниками, коих мы должны были безусловно усилить и привлечь на нашу сторону. Но 5 апреля мои предположения еще не заходили так далеко. Прежде всего мне было важно получить согласие имперского канцлера на открытый литовский курс политики. Совещание же пока не дало никаких результатов.

23 числа того же месяца в Крейцнахе состоялось второе совещание. После революции Россия дала литовцам широкие обещания. Имперский канцлер также признал теперь необходимость взять по отношению к литовцам определенный курс. 30 апреля было достигнуто общее соглашение, по которому в области главнокомандующего востоком надлежало действовать в соответствии со следующими руководящими данными: давать преимущества германским элементам, но избегать в отношениях ко всем национальностям малейшего проявления насильственной германизации; сторонником последней я никогда не был. Слово „онемечить“ мне было всегда неприятно. Но для приобретения литовских симпатий и для сближения литовцев с белоруссами северных районов надлежало употреблять все средства. В южной части территории, считаясь с поляками, от этого надо было отказаться.

Надо было затруднять польскую пропаганду, но не занимать при этом положения, открыто противоречащего политике варшавского генерал-губернатора.

Хотя имперское правительство еще окончательно не утвердило этих постановлений, однако, они давали возможность определенной политики по отношению к литовцам. В согласии с правительством, главнокомандующий востоком 30 мая обнародовал разрешение на созыв литовского совещательного совета, в котором литовцы должны были составлять большинство, а остальные национальности быть представлены только единичными членами. Совещательный совет предполагался, как местный орган, функции которого сводились к передаче германским властям литовских пожеланий.

Общие условия все настойчивее подчеркивали необходимость внести наконец ясность в постановку целей, которые мы ставили в оккупированной Восточной Области. Неприятельская пропаганда выставила лозунги о мире без анексий и о праве самоопределения малых народностей, что могло привести литовский вопрос к решению, идущему в ущерб германским интересам. Она открывала возможность полякам восторжествовать в районах, где они до сих пор еще не имели господства.

21 июля верховное командование обратилось к министерству иностранных дел—имперский канцлер доктор Михаэлис еще только что вступил на свой высокий пост—с предложением стать на путь национальной политики в Курляндии и Литве, при чем в последней взять открытый литовский курс. Мы стремились наконец осуществить наши намерения относительно Курляндии и Литвы. В обеих областях должны были быть созданы „земские советы".

25 июня статс-секретарь Циммерман об'явил, что он согласен с моментом начала и со способом выполнения намеченных действий. Одержанный нами тем временем успех в Восточной Галиции еще определеннее выяснил положение. Статс-секретарь только советовал „в виду непредвиденных в данный момент, но возможных в будущем обстоятельств, не слишком открыто, внешне и внутренне, связывать нас постановкой задачи личной унии". Но впоследствии он подчеркнул, что „он этим вовсе не хотел отказаться от самой идеи". Когда правительству необходимо открыть карты такой политики, было его дело, с меня же было достаточно, что я получил согласие министерства иностранных дел на определенный курс. Я выразил ему свое удовольствие по поводу того, что оно и верховное командование пришли к соглашению относительно ближайшей политики в области главнокомандующего востоком. В начале августа последний получил соответствующие указания, которые привели к образованию „земские советы".

Я надеялся, что при достаточном постоянстве и твердости, мы достигнем поставленной цели. При разрешении вопроса в этих рамках, литовцы могли получить большую самостоятельность, чем примыкая к Польше или России. И рассудительные литовцы ясно увидели, что сохранить свою национальность они смогут только при помощи Германии. К их числу принадлежало и духовенство, которое было хорошо к нам расположено, вследствие своей дальновидности, а также потому, что мы помогли возвращению в Ковну епископа. Литовская демократия верила в лозунг права самоопределения малых народов, хотя как раз в Литве его едва ли можно было безобидно провести в жизнь вследствие племенной черезполосицы. Плененная политическими теориями демократия не видела польской опасности, в действительности нависшей над страной.

Третий из интересовавших меня летом 1917 года вопросов был Эльзас-Лотарингский. Верховное командование могло смотреть на него только с одной точки зрения, а именно с военной, защищать которую входило в его обязанности. Впечатления, которые я получил за время командования бригадой в Страсбурге, и многочисленные печальные происшествия последней войны, относившиеся к Эльзас-Лотарингии, не возбуждали во мне никакого сомнения, что Эльзас-Лотарингия, как имперская провинция, по своему государственному положению являлась гермофродитом; это положение не отвечало и интересам населения. Рейхстаг слишком много с нею няньчился. Он проводил неясную и слабую политику, которая никого не могла удовлетворить. Я мечтал о присоединении Эльзас-Лотарингии к Пруссии, что отнюдь не должно было означать „опруссачения“ ее населения. Пруссия включила в себя Рейнскую провинцию, что нисколько не помешало населению сохранить свою своеобразность, и даже энергично развиваться. Почему же Эльзас-Лотарингия не могла, на благо своего населения, последовать по тому же пути, если оно и по своему рассовому происхождению и экономически было тесно связано с Германией. Можно было найти и другое решение этого вопроса. Но единство командования стоящими на границе войсками, единство пограничной охраны и общее управление железными дорогами должно было быть обеспеченным. Однако, если действительно во всех частностях, в корне, рассмотреть Эльзас-Лотарингский вопрос, то какое либо иное, не прусское, его решение окажется связанным с большими трудностями.

С военной точки зрения я высказался против автономии, как против наименее удачного решения. Но на чем бы мы не остановились, основа должна была бы быть та-же, а именно борьба с противозаконным французским влиянием, и противоставление ему германского; начать, по моему, надо было с онемечения духовенства и чиновничества. Духовенство все еще комплектовалось из французских учебных

заведений, равно как и некоторые организации сестер и учительниц. Против этого прямо вопияли камни! Неужели Германия не могла дать таких же хороших духовных лиц, сестер и учительниц? Чиновничество также должно было носить в себе больше германского духа! Он далеко не всюду оказывался удовлетворительным. Старогерманские чиновники выполняли свой долг. Конечно, для дальнейшей германизации можно было обойтись и без достойных мужей, рождавшихся восточнее Эльбы, которые так бесконечно много сделали для величия Германии, но со своими упрямыми понятиями в Эльзас-Лотарингии, пожалуй, действительно оказались бы не на месте. Но Рейнские провинции и Южная Германия могли выставить достаточные силы.

Наконец, французская недвижимость в Эльзас-Лотарингии должна была перейти в германские руки, в соответствии с тем толкованием права войны, которое было прокламировано Антантой. Этим путем приобретались и земельные участки для столь желанного поселения германских солдат.

Борьба, направленная против частной собственности, была одной из чудовищностей этой войны. В 1870—71 году немцы были высланы из Франции, и тогда это показалось чувствительным посягательством на международное право. Но частной собственности этих немцев Франция не затронула. С началом этой войны, Англия очень скоро приступила к ликвидации немецких предприятий, чем ясно обнаружила, какие причины побудили ее вступить в войну. Она хотела устранить навсегда тяготившую ее немецкую конкуренцию. Примеру Англии последовали все государства Антанты. Черные списки имели ту же задачу, и отчасти должны были еще сильнее обострить действительность блокады. Они очень серьезно затрагивали интересы нейтральных стран, но последние молчали! Война народов постепенно принимала все более чудовищные формы.

Мне представлялось необходимым, чтобы между высшей военной и гражданской властью господствовало единение во взглядах относительно будущего Эльзас-Лотарингии. Генерал-фельдмаршал герцог Альбрехт Вюртенбергский, который с весны 1917 года был представителем военной власти в Эльзас-Лотарингии, должен был получить определенные указания. Я обратился к правительству, и предложил созвать совещание. Совещание состоялось, но раз'яснения не внесло.

Сражение во Фландрии и развал России летом и осенью 1917 года.

I.

Удар англичан 7-го июля в выступе у Витшате явился первой ласточкой; после длившейся целый день артиллерийской подготовки, 31-го июля началось Фландрское сражение, которое было вторым крупным стратегическим предприятием Антанты в 1917 году: борьба за окончательную победу и за захват базы нашего подводного флота во Фландрии. Бои постепенно растянулись по всему западному фронту, перекинулись на итальянский и македонский фронты и в дальнейшем даже в Палестину.

Бои на западном фронте являлись для нас тяжелыми, как никогда, и сопровождались такими огромными потерями, каких еще ни разу не испытывала германская армия. Несмотря на это, верховное командование не могло усилить западный фронт войсками с востока. Нам надо было наконец завершить всю свою работу на востоке, а для этого мы должны были быть там достаточно сильными. Надо было разбить Россию и Румынию, чтобы затем в 1918 году завершить войну на западе, посредством наступления во Франции, при поддержке подводной войны, если последняя к тому времени все еще не окажет ожидаемого действия. Военная обстановка требовала, чтобы я взвалил на себя тяжелую ответственность; она так меня давила, что я начал даже колебаться. Но мне надо было итти на это, так как иначе в 1918 году сложилась бы слишком большая угроза. Само собой разумеется, что верховное командование не ослабило западный фронт ни на одного человека, который не был бы крайне необходим в других пунктах. В течение Фландрского сражения германский кронпринц часто предупреждал меня, чтобы верховное командование не перешло границ в напряжении борьбы на Западе. Я отчетливо понимал, что делало верховное командование, учитывавшее обстановку будущего 1918 года и подвергавшее войска на западном фронте неве-

роятному обременению: я усматривал грядущую опасность, коль скоро подводная война не окажет своего воздействия. Но я, во всяком случае, не принадлежу к числу тех, которые отступают перед опасностью; я был на своем посту, чтобы преодолеть таковую и сделать все возможное, чтобы отвратить большое несчастие от отечества.

Схема 21. Сражение во Фландрии 1917 г.

На востоке мы должны были продолжать обмолачивать Россию и наносить ей новые удары, чтобы развалить этот колос. Еще во время операции в Восточной Галиции я запросил по телефону полковника Гофмана, какого он мнения о форсировании Западной Двины выше Риги. Конечно, для этой операции были нужны войска, которые в данной момент еще вели бои в Галиции. Полковник Гофман сразу же

откликнулся душой и сердцем. Главнокомандующий востоком немедленно приступил к первоначальным подготовительным мероприятиям. Когда в первых числах августа выяснилось, что наступление в Восточной Галиции и в Буковине надо приостановить, и что о его возобновлении нечего и думать до восстановления железных дорог, главнокомандующему востоком были даны указания — форсировать Западную Двину. Я тогда расчитывал, что это произойдет около 20-го августа, и надеялся вскоре освободить оттуда войска. Таким образом, к середине или концу сентября, когда железные дороги южнее Днестра будут восстановлены, у меня имелась бы уже возможность возобновить операции из Буковины и через Серет, в направлении на Молдавию. Для этого войска должны были быть вновь переброшены от Риги на юг.

Время от 31-го июля и до начала сентября включительно было периодом величайшего напряжения. 31-го июля англичане, левое крыло которых было усилено несколькими французскими дивизиями, атаковали во Фландрии—на фронте, протяжением в 25 километров. При этом они ввели в бой такую сильную артиллерию и израсходовали такое количество снарядов, каковое до сих пор было редким явлением даже на западе. По всему фронту противник вел во многих местах танковые атаки. Его кавалерийские дивизии стояли на готове, чтобы броситься вперед. 4-й армии, начальником штаба которой тем временем был назначен полковник фон-Лосберг, введя в бой свои активные дивизии, удалось ограничить неприятельский успех местными пределами. Но в результате, помимо того, что нам пришлось отступить на 2—4 километра по всему атакованному фронту, мы понесли тяжелые потери, как пленными, так и материальной частью, и израсходовали много резервов.

В августе бои разгорелись во многих пунктах западного фронта. 10-го числа Антанта вновь атаковала во Фландрии; 31-е июля и ей стоило тяжелых потерь. 10-е августа протекло для нас успешно, но 16-го на нас обрушился новый большой удар. Англичане овладели пространством до Пелькапеллэ включительно, и только при напряжении всех имевшихся сил нам удалось их оттеснить на самое короткое расстояние. В течение следующих дней боевая деятельность была менее напряженной. Но 22-е августа опять было тяжелым боевым днем. 25-го августа закончился второй период Фландрского сражения, который нам дорого обошелся.

Южнее, 15-го августа несколько английских дивизий вновь атаковали нашу позицию севернее Ленса, и вырвали у нас важную высоту.

На старом поле сражения у Арраса, по обе стороны р. Скарп, неприятельское наступление, предпринятое 9-го августа, потерпело неудачу.

В конце августа французы тщетно атаковали позицию Зигфрида севернее Сен-Кантена, но это являлось пустяком.

Несколько вспомогательных французских атак было направлено на хребет Шмен-де-Дам.

Главный удар Франция нанесла 20-го и 21-го августа в районе Вердена. Для 5-й армии атака не явилась внезапной. Определенные участки, как например, кряж Талу, были своевременно очищены, распоряжение для чего и подготовка были выполнены нами за несколько недель. Но французы все же при последовавшем натиске, в данном случае не поддержанном танками, глубоко врезались в наши позиции. На левом берегу, непосредственно у Мааса, одна дивизия оказалась не на высоте боевых требований, на правом—счастье нам также не благоприятствовало, несмотря на то, что здесь, как и во Фландрии,

Схема 22. Бои под Верденом в августе 1917 г

было сделано все, чтобы исключить возможность неудачи. 21-го и 26-го августа противники также одержали успех, и мы понесли значительный урон. Французская армия опять стала способной к наступлению. Она сумела быстро преодолеть упадок духа. Как раз в эти дни государственные лица в Париже вырабатывали условия мира, находившиеся в несоответствии с военным положением Антанты.

Августовские бои, одновременно происходившие во Фландрии и под Верденом и связанные с большими потерями, тяжелым бременем легли на наши войска западного фронта; несмотря на все бетонированные укрепления, войска чувствовали известную беспомощность под невероятной силой неприятельского артиллерийского огня. Войска не повсюду проявляли в обороне ту устойчивость, на которую я и местное начальство рассчитывали. Противник сумел приспосо-

биться к нашей тактике активных дивизий. Атакам перестали ставить обширные, дальние задачи, как это делал генерал Нивель в сражени Эн-Шампань; учитывая наши контр-удары, противник вносил известную сдержанность в использовании результатов, что, конечно, с другой стороны, нам было на руку.

Я был также сильно замотан. Ход событий на западе как-будто являлся помехой нашим остальным планам. Расход сил достигал возбуждавших опасения размеров и превосходил все ожидания. Форсирование западной Двины все оттягивалось. Могло ли вообще верховное командование продолжать нести ответственность за оставление дивизий на востоке? Не только германский кронпринц, но и отдельные, очень спокойно настроенные начальники штабов качали головами. Я же, исходя из оценки неприятеля и его стремления к уничтожению нас, повторял, что война может кончиться победой или поражением, середины между ними быть не может. Я был убежден, что запад сможет выдержать, даже если судьба обременит его еще более крупными испытаниями. Но и здесь наступили потом события, лицом к лицу с которыми искусство смертного человека оказалось бессильным.

Верховное командование всетаки не отказалось от форсирования Западной Двины, так как, в виду близости этого направления к Петрограду, надо было ожидать от успеха здесь крупных результатов, хотя дальнейшее его развитие не входило в наши планы. В чисто стратегическом отношении, это наступление должно было значительно выпрямить и укоротить нашу позицию, что давало большую экономию в войсках.

Наступление в Молдавию мы не теряли из виду, как решительный удар второй очереди. Но из этой операции ничего не вышло, так как она все откладывалась в зависимости от больших железнодорожных работ. На фронте Изонцо 11-го августа началось 11-е сражение на р. Изонцо, на фронте в 70 километров; итальянцы одержали успехи. В начале сентября борьба ожесточенно продолжалась, с новыми успехами итальянской армии. Правда, австро-венгерские армии держались, но их потери в Карстах были столь велики, и их дух так пошатнулся, что в руководящих военных и политических кругах Австро-Венгрии создалось убеждение, что австро-венгерская армия не сможет устоять в случае нового натиска и выдержать 12-ю атаку Изонцо. Австро-венгерская армия на итальянском фронте нуждалась в подкреплении германскими войсками Нам приходилось отказаться от вторжения в Молдавию. Выдвижение германских войск на итальянский фронт для чисто пассивных задач было бы мероприятием, совершенно не отвечавшим серьезности нашего положения. Верховное командование должно было постараться перейти и здесь в наступление, даже может быть развить его в операцию, чтобы достигнуть общего укучшения военного положения.

Мне было очень тяжело отказаться от операции в Молдавии. Молдавская операция представлялась мне более важной, чем итальянская. При создавшемся в России положении, молдавское наступление могло решительно приблизить к концу войну на восточном фронте. В то время еще нельзя было предугадать, что эта цель, вследствие разложения России и русской армии, могла быть достигнута и без больших военных усилий. Наступление же в Италии, несомненно, вело к положительным результатам и непосредственно облегчало западный фронт. Оставалось открытым, не вызовет ли оно в Италии, в связи с угольным голодом, внутренний кризис. Этот вопрос, в общем, вызывал скептическое отношение. Несмотря на разногласие в оценке возможных результатов, в середине сентября пришлось решиться на наступление в Италии, чтобы воспрепятствовать окончательному развалу Австро-Венгрии. Осталось только выяснить, с какой стороны уязвима Россия после Рижского удара и как может быть ускорена развязка. Определение Мольтке: „Стратегия — эта система подпорок" — навсегда останется истиной.

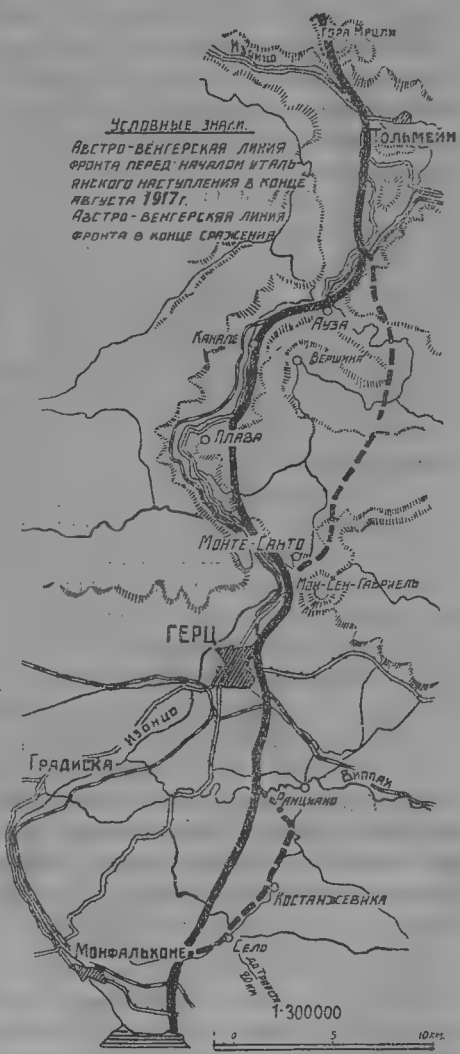


СХЕМА 23. 11-е СРАЖЕНИЕ НА ИЗОНЦО В АВГУСТЕ И СЕНТЯБРЕ 1917.

В течение августа и сентября на меня выпало много испытаний. Берлин меня очень беспокоил. В одну из моих поездок на западный фронт, я по-

пал в железнодорожную катастрофу. Наскочил поезд и врезался в вагон, в котором я ужинал со своими сотрудниками, и перевернул его. Мы отделались кратким испугом. Тяжело пережил я геройскую смерть моего старшего сына, или, точнее, старшего сына моей жены от первого брака. Собственных детей у меня нет. Между детьми моей жены и мною была большая духовная близость. Совершенно недавно я видел сына в Лиле, свежим и цветущим, дышащим энтузиазмом к своему призванию и отечеству. Он был подстрелен в воздушном бою над Ла-Маншем, и лишь несколько недель спустя мы нашли его труп, который выбросило на голландское побережье.

После больших напряжений, с конца августа наступило затишие во Фландрии, а с началом и серединой сентября и под Верденом и в Италии. Никто не знал, как долго оно будет продолжаться.

Между 30-м августа и 8-м сентября Антанта вела сильные атаки на многих участках македонского фронта, но в общем безрезультатно. Местные бои в горах западнее озера Охрида для общего хода войны имели лишь то значение, что они заставили Болгарию удлинять линию своего фронта.

В Румынии бои шли между Серетом и пограничными горами. Но в общем по всему восточному фронту, вплоть до Риги, боевая деятельность была ничтожна. Германская атака у Черновиц имела чисто местный характер и обусловливалась крайней необходимостью исправить здесь расположение нашей позиции.

Фронт между Карпатами и Тарнополем был сильно разрежен; за его счет были созданы резервы для дальнейших операций.

1-го сентября состоялось форсирование Западной Двины у Икскюля, юго-восточнее Риги, в виду сильной неприятельской позиции. 8-я армия генерала фон-Гутье, начальником штаба которого был генерал фон-Зауберцвейг, основательно подготовила операцию, в чем ей помогло высшее командование. Переправа удалась. Русские своевременно очистили предмостное укрепление на левом берегу реки и проявили здесь, как и везде, за немногими исключениями, ничтожную силу сопротивления. Я облегченно вздохнул, когда удар наконец свершился. Вскоре 8-я армия была задержана. Тогда она немедленно приступила, позади своей передовой линии, к укреплению кратчайшей позиции от Западной Двины до Рижского залива. Две дивизии были тотчас же отправлены на запад, на смену дивизий, предназначенных для Италии; восточный фронт должен был направить на западный много сил. Но, несмотря на подготовку наступления в Италии и несмотря на напряженность обстановки на западе, где бои вновь могли разгореться в любой момент, у верховного командования был достаточный избыток сил, чтобы и далее не давать России передышки.

Конечно, это был слабый суррогат Молдавского наступления, но лучше чем ничего. Я должен примириться с упреками критики, которые

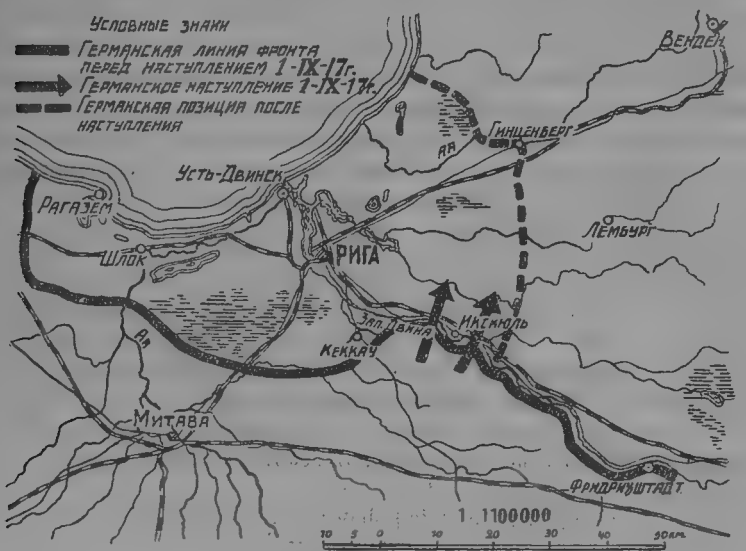


Схема 24. Рига 1917.

теперь делаются мне в том, что я распылял и расточал силы. Жизнь не всегда идет по схеме—а я все-таки достиг цели.

II.

Австро-Венгерский удар 1916 года из Тироля хромал, помимо отсутствия в австро-венгерских войсках наступательной энергии, и тем, что на главном участке он велся недостаточными силами, и одновременно австро-венгерская армия на Изонцо не вступила в бой. С военной точки зрения было очень соблазнительно вновь заняться этим планом и вытекавшими из него возможностями, но в сентябре 1917 года я должен был считаться с тем, что в данный момент австро-венгерские армии были сильно измотаны, а Германия едва ли могла выделить более шести, восьми дивизий. С такими силами вести удар из Тироля было бы нелепостью. Он мог иметь успех только в том случае, если бы пришелся на участке, где противник был особенно слаб, и где атака могла застать его врасплох. Если же, при этом удачном выборе участка прорыва, появилась бы возможность стратегически его использовать, как это случилось в Восточной Галиции, то достигалось бы все, что надо было сделать в ближайшее время;

дальнейшее следовало предоставить новой тщательной подготовке и последующему вновь решению силой оружия.

Удачным для атаки участком явился район между Флитчем и Каналэ. Правда, местность здесь, казалось, представляла почти непреодолимые затруднения. Трудно было придумать более скверные пути сообщения, чем те, которые вели из Австро-Венгрии к ударному участку. Но итальянцы на данном участке не ожидали атаки, и занимали его слабо. Если бы внезапный удар через горы севернее Цивидалэ на Удинэ удался, то этим был бы поколеблен весь итальянский фронт на Изонцо. Мы могли подойти к операции. Самым горячим защитником этой мысли был подполковник Ветцель. Верховное командование должно было прежде всего убедится, возможна ли там атака вообще, и если да, то как можно ее осуществить? С согласия генерала фон-Арца, генерал Крафт-фон-Дельмензинген, занимавший в данное время должность начальника штаба фронта герцога Альбрехта, и майор барон фон-Виллизен получили задачу обрекогносцировать на месте район. Результат рекогносцировки гласил за выполнимость этого плана. Эта данная явилась руководящей для дальнейших решений верховного командования. Я всеми своими силами отдался этой новой великой задаче.

Генерал фон-Крафт и майор фон-Виллизен разработали прекрасный проект соответственной организации снаряжения войск. Верховное командование немедленно вступило в сношение с австро-венгерским командованием, чтобы оно выделило для германских частей вьючные транспорты и горную артиллерию. Недостаток горной артиллерии, как до, так и во время войны, очень вредно сказывался на германской армии. Такие части были образованы, но для этой операции оказывались, конечно, недостаточными. Но Австро-Венгрия в данном случае несомненно могла нам помочь, не всегда же нам было все создавать самим.

Особенно большое значение имел подбор войск. В первую очередь должны были быть взяты войска, которые, как альпийский корпус, приобрели опыт горной войны в Карпатах, и имели соответствующее снаряжение. Это были 117-я и 200-я пехотные дивизии. В данный момент они находились в Буковине, откуда австро-венгерские войска, растянув свой фронт, должны были их сменить.

Верховное командование охотно также брало для боевых действий на других театрах те дивизии, которые до сих пор сражались только на западном фронте, или особенно там пострадали. Многие части на западе выражали стремление принять участие в действиях, особенно наступательных, на других театрах, но в виду важности западного фронта и относительной малочисленности выделяемых оттуда войск, эти пожелания возможно было удовлетворять лишь в ограниченной степени. Выбор пал на этот раз на 5-ю, 12-ю и 26-ю

(Виртенбергскую) пехотные дивизии и на несколько егерских батальонов, которые впоследствии составили германскую егерскую дивизию. Против Италии было собрано от шести до семи германских дивизий, из которых две были взяты с западного фронта и заменены двумя дивизиями из под Риги.

Кроме того, восточный фронт должен был выделить еще две дивизии, которые в дальнейшем, если только это позволит обстановка, должны были направиться в Италию, а в противном случае предназначались для запада.

Кроме этих дивизий, в состав намеченных для наступления в Италии войск входили германские артиллерийские, инженерные, минометные, авиационные и воздухоплавательные части, а также команды связи, автомобили, обозы, транспорты и этапная организация всех видов, одним словом, все необходимое для армии. Войска получили от главного интендатства и своих военных министров, в необходимом размере, горное снаряжение. Немедленно началось обучение войне в горах. Артиллерия нуждалась в особых указаниях для стрельбы в горах.

В согласии с генералом фон-Арцом, было установлено, что германские войска, усиленные австро-венгерскими частями, образуют 14-ю армию, во главе которой станет бывший командующий 6-й армией генерал Отто-фон-Белов. Начальником его штаба назначался генерал фон-Крафт, а майор барон фон-Виллизен зачислялся старшим офицером генерального штаба при штабе 14-й армии.

В командование 6-й армией, вместо генерала фон-Белова, вступил генерал фон-Кваст, начальник ясномыслящий и решительный, а на фронте герцога Альбрехта генерала фон-Крафта сменил полковник Гейэ, многолетний заслуженный начальник штаба фон-Воирша.

Подготовка операции в Италии обусловила оживленные сношения с австро-венгерским верховным командованием в Бадене. Генерал фон-Вальдштеттен часто приезжал в Крейцнах. С самого начала было твердо установлено, что главный натиск, от удачи и неудачи которого зависело все остальное, поведут германские войска. В виду этого они были сосредоточены в решительном пункте по обе стороны Тольмейна, а егеря собрались в котловине Флитча.

Император Карл хотел сохранить руководство операцией за австро-венгерским верховным командованием. В процессе подготовительной работы, а также посредством организации германского штаба и установления с ним телефонной связи, я обеспечил достаточное влияние германскому верховному командованию.

К сожалению, выяснилось, что операцию можно будет начать лишь во второй половине октября.

В сентябре действия на востоке продолжались. 21-го сентября сильной и хорошо обдуманной атакой была взята предмостная пози-

ция у Якобштадта. Теперь удар должен был направиться на острова Эзель, Моон и Даго. Для операции требовалась лишняя дивизия и бригада самокатчиков, которые и были временно переброшены на восток с Фландрского побережья. Над подготовкой этого предприятия уже с середины сентября шла дружная работа совместно с морским ведомством. К концу месяца в Либаве уже находились наготове к отплытию флот, транспортные суда и десантный корпус. Но в виду неблагоприятных ветров, дессантная операция замедлилась до середины октября.

Затянувшаяся до конца октября итальянская операция, и до середины октября—действия против островов, опять явились для нас невероятно тяжелым испытанием.

На западе, после кратковременного глубокого затишья, возбудившего даже в некоторых штабах надежду, что Фландрское сражение уже закончено, 20-го сентября опять разразился сильный неприятельский натиск на нашем фронте. Начался третий кровавый акт сражения. Центр тяжести атаки ложился в направлении на Пасшендале — Гелувельд. Англичане очевидно стремились овладеть возвышенностями, лежавшими между Ипром и линией Рулер — Менэн, с которых открывался широкий обзор в обе стороны. Эти высоты имели и для нас существенное значение; они служили нам земным наблюдательным пунктом, и давали известное обеспечение от неприятельских взоров.

20-го атака противника имела успех. Она являлась доказательством превосходства наступления над обороной. Сила атаки заключалась не в неприятельских танках, которые доставляли большие хлопоты, но всетаки были выведены нами из строя. Превосходство наступления основывалось на мощи артиллерии и на том обстоятельстве, что наша артиллерия недостаточно поддерживала нашу пехоту в период, когда она сосредоточивалась, и в период самого штурма.

Новая английская атака, последовавшая 21-го сентября, была отбита. Но уже 26-е для 4-й армии явилось тяжелым большим боевым днем, со всеми явлениями, обусловливающими значительность наших потерь. Если можно было примириться с утратой участков местности, то связанная с ней убыль в живой силе тяжело сказывалась. На западном фронте мы опять ввязались в тяжелую борьбу, и на многих участках фронта должны были расчитывать на возобновление неприятельских атак.

Наступил октябрь, относящийся к самым тяжелым месяцам войны. Всему свету, — а он начинался в очень небольшом удалении от меня, — были видны Тарнополь, Черновицы, Рига, затем Эзель, Удинэ, Тальяменто и Пиава, но ему не были видны лежавшие на

моем сердце заботы, и не были известны внутренние переживания наших многострадальных войск на западном фронте. Мой разум был на востоке и в Италии, но сердце принадлежало западному фронту, воля же должна была согласовать требования разума и сердца. Веселость уже давно меня оставила.

Бои третьего Фландрского сражения имели тот же отпечаток планомерности, как бои второго периода, и как бои под Верденом: ограничение глубины прорыва для уклонения от наших контр-атак и для рассеяния их массовым артиллерийским огнем. После каждого боя, или прибыв в штаб фронта, или по телефону, я обсуждал с генералом фон-Кулем или с полковником фон-Лосбергом тактические выводы, которые следовало бы из него сделать. Теперь я опять отправился во Фландрию, чтобы обсудить эти вопросы с офицерами, непосредственными участниками боев. В каком-то направлении наша оборонительная тактика должна была быть изменена. Мы все это чувствовали, но было бесконечно трудно найти правильный путь. Те предложения, которые мне были сделаны участниками боев, преимущественно склонялись в сторону нашей прежней тактики. Они сводились к некоторому, впрочем незначительному, усилению нашей передовой линии, и к отказу от контр-атаки активными дивизиями; последние должны были быть заменены местными контр-атаками. Эти контр-удары должна была наносить дивизия, которая, образуя вторую волну, вплотную подходила к боевой части на широком фронте еще до начала неприятельского нападения. Этим путем достигалось сгущение и усиление боеспособности первой линии и еще большее углубление боевой части. Для верховного командования в сущности это означало, что позади каждой боевой дивизии передовой линии ему надлежало иметь вторую, что вызывало такие требования на войска, какие до сих пор еще не предъявлялись. Что обеспеченность обороны возрастет, если почти за каждой дивизией первой линии будет развернута вторая, это было арифметически ясно. Но столь же ясно было и другое заключение, что с этой целью многие участки фронта пришлось бы разредить много сильнее, чем раньше. Мне нужно было посмотреть, что можно было сделать. Я приветствовал введение тактических изменений, хотя в моем штабе высказывались возражения против отмены указаний для „оборонительного боя“. Но я считал необходимым отдать преимущество боевому опыту.

Дальнейшее тактическое заключение, которое было сделано, состояло в признании важности земного артиллерийского наблюдения. Только с его помощью возможно было сметать наступающую, и главным образом уже ворвавшуюся в нашу линию неприятельскую пехоту, и быстро сосредоточивать массовый огонь на важнейших пунктах поля сражения.

О танках суждения были довольно спокойны, в них не усматривалось особой опасности. Я нарочно поставил вопрос о „танковой панике“, но строевые офицеры не согласились с наличием таковой.

Само собой разумеется, что 4-я армия была, насколько возможно, богато снабжена артиллерией, боевыми припасами, летчиками и техническими средствами. Даже полковник фон-Лосберг, который всегда проявлял большую жадность, на этот раз был доволен средствами своего фронта и мною. На западном фронте на операции на востоке и в Италии смотрели очень озабоченно.

В начале октября вновь ожила артиллерийская деятельность. 2-е и 3-е октября ознаменовались сильными артиллерийскими боями. 4-го утром начался пехотный бой. Сражение было очень тяжелым, и удержаться удалось только с большими потерями. Выяснилось, что введенное, после моей октябрьской поездки на фронт, уплотнение передовой линии не оказалось подходящим лекарством. С этого момента я решил, никого не спрашивая, положиться только на собственное суждение, и предложил 4-й армии немедленно образовать „передовое поле“, т. е. создать узкую полосу между неприятельской передовой линией и линией подвижной обороны наших войск. При наступлении, противник должен был проходить это передовое поле, что давало время артиллерии вцепиться в неприятеля, прежде чем он достигнет нашей главной оборонительной линии. Главные затруднения заключались в отступлении войск, занимавших передовое поле, во время неприятельской атаки и в навлечении артиллерийского огня на нашу оборонительную линию. Понятие „передовое поле“ в дальнейшем получило различное, часто запутанное, толкование. Но основная мысль была проста и ясна. 4-я армия вначале весьма сдержанно приступила к выполнению моего предложения образовать „передовое поле“, и только постепенно пришла к сознанию его целесообразности.

Сверх того, я беспрерывно настаивал на массовом применении артиллерии и на сильном сосредоточении огня.

9-го и 12-го октября опять имели место сильные бои. В общем, на этот раз фронт удержался лучше, чем 4-го числа, но местами неприятелю все же удалось значительно прорваться. Расход сил в большие боевые дни 4-го Фландрского сражения был весьма значителен, и на западе почувствовался недостаток в войсках. Обе взятые с востока дивизии, уже находившиеся на пути в Италию, были в дороге повернуты и отправлены во Фландрию. Эзельское предприятие, по крайней мере, было уже в ходу, но итальянское наступление не могло начаться раньше 22-го октября. Неблагоприятные условия погоды заставили отложить его еще до 24-го. В эти дни кризис достиг кульминационного пункта.

III.

С 22-го октября начался пятый акт ужасной драмы во Фландрии. Против человеческих тел, которые влачили жалобное существование в глубоко затянувшихся илом воронках от снарядов, было брошено такое количество снарядов, о котором до войны человеческий ум не имел представления. Ужас Верденского поля сражения был еще превзойден. Это была не жизнь, а сплошное неописуемое страдание. А из этой области ила и тины вылезали атакующие, медленно, но постоянно, и всегда густыми массами. На передовом поле противник, попадая под град наших снарядов, часто рассеивался, и тогда одиночные люди, разбросанные в воронках, переводили дух. Массы вновь начинали надвигаться. Винтовки и пулеметы были загрязнены. Человек боролся с человеком, и масса, к сожалению, слишком часто одерживала успех.

То что сделал, пережил и перестрадал германский солдат в течение Фландрской битвы навсегда останется прочным памятником, который он сам себе воздвиг на вражеской почве.

Потери противника также были тяжелы. Когда весной 1918 года мы овладели полем сражения, перед нами открылась ужасная картина массы непохороненных трупов. Число их выражалось в тысячах. Две трети приходилось на противника, а одну треть образовали германские солдаты, которые нашли здесь геройскую смерть.

И все-таки надо сознаться: отдельные части войск уже не выдерживали так, как раньше, разлагающего действия оборонительного сражения.

26-е и 30-е октября, и 6-е и 10-е ноября были труднейшими большими боевыми днями. Противник, как раз'яренный бык, бросался на железную стену, которая отделяла его от базы нашего подводного флота. Он обрушивал свою ярость на Гутгульстерский лес, на Пелькапеллэ, Пасшендалэ, Безелар, Гелувельд и на Зандвоорде; во многих местах ему удалось вклиниться в наш фронт. Временами казалось, что ему удастся обрушить стену, но она держалась, хотя и содрогалась до основания включительно. Впечатления, доходившие до меня, были крайне тяжелы. Тактически все было правильно, и передовое поле оказалось удачным приемом. Действительность нашей артиллерии значительно улучшилась Почти за каждой дивизией во второй линии боевой части находилась вторая дивизия. В третьей линии также имелись резервы. Мы знаем, что противник расходовал большие силы. Но мы также знали, что у него еще большой запас сил, и к тому же огромная воля, что столь же важно. Ллойд Джордж жаждал побе́ды. Он держал Англию в руках. Мы не знали только

одного—как долго еще затянется сражение. Ведь противник также должен был когда нибудь выдохнуться.

Одновременно и французы перешли в наступление. Они избрали для атаки благоприятный изгиб фронта юго-западнее Лана, так называемый угол Лафо. Около середины октября перед нами выяснилось намерение французов атаковать здесь. Армия приняла все подготовительные меры для обороны, и ей было подвезено все, что она считала необходимым. Несмотря на сделанные ей предупреждения, армия, в твердой уверенности на успех, хотела удержать выступ, и работала в этом направлении с безукоризненной тщательностью. Но верховное командование все же оказалось в необходимости отдать приказ очистить выступ.

22-го октября неприятельская атака удалась. Одна дивизия почти задохлась под исключительно сильным газовым обстрелом, и сдала под напором неприятеля. Противник надвинулся на Шавиньон, и произвел в выступе узкий, но глубокий прорыв; это и заставило нас его очистить и отвести фронт за линию канала между реками Уазой и Эном. Потери были очень чувствительны, и несколько дивизий были разбиты.

Это отнесение назад нашей оборонительной линии принудило нас очистить кряж Шмен-де Дам. Приказ для отхода был отдан, и, после вывоза запасов снаряжения, в ночь с 1-го на 2-е ноября планомерно выполнен. Само по себе было довольно безразлично, находимся ли мы южнее или севернее рек Элет, но после того, как мы все лето дрались за Шмен-де-Дам, мне было очень тяжело отдать приказ о его очищении. Но удерживание его было бы связано с постоянными потерями.

23-го ноября, при наступлении на канал, противник одержал новые успехи, но затем все атаки, направленные в охват с севера и распространявшиеся также к востоку, были отбиты.

Как в августе под Верденом, так теперь и здесь, французы, при поддержке огромных артиллерийских масс, дрались очень энергично.

Пока на западе в октябрьских боях обезкровливались все принимавшие в них участие армии, на востоке было удачно закончено предприятие против островов, а на юге началась кампания против Италии. Тут наши войска переходили от победы к победе.

На западе же кризис, созданный Фландрской битвой, сражением в углу Лафо и последовавшими боями, достиг критического напряжения. Мы ожидали продолжения атак во Фландрии и на французском фронте, но 20-го ноября на нас внезапно обрушился новый удар у Камбрэ. Позиция Зигфрида была занята слабыми силами. Бои на севере, вызвавшие сильное уплотнение войск во Фландрии, заставили фронт Рупрехта, с согласия верховного командования, все сильнее растягивать дивизии, занимавшие позицию Зигфрида, причем

дивизии были преимущественно уже израсходовавшиеся в боях и ландверные. Это создавало здесь момент серьезный опасности, над устранением который мы сейчас же начали работать. Положение дел на восточном фронте позволило приступить к обмену усталых дивизий с запада на боеспособные с востока. Отправленная в середине ноября с востока 107-я дивизия предназначалась в район Камбрэ. В момент неприятельского удара, ее головные эшелоны как раз начали прибывать.

Под прикрытием темноты и большого Аврикурского леса, англичане в течение нескольких ночей сосредоточили между дорогами из Бапом и Перонь на Камбрэ значительное число танковых отрядов и кавалерийских дивизий, и 20-го утром, после короткого, но сильного артиллерийского обстрела, перешли в атаку. Танки пере-

ехали через препятствия и окопы и проложили дорогу следовавшей за ними пехоте и кавалерийским дивизиям. Когда я в девятом часу утра говорил с начальником штаба 2-й армии, он мне уже доложил о прорыве неприятелем нашего фронта. Я немедленно отправил по железной дороге в Камбрэ и в район к югу от него несколько дивизий, которые находились за фронтом кронпринца германского и не успели еще полностью отдохнуть, и попросил фронт кронпринца Рупрехта со своей стороны двинуть силы в район севернее Камбрэ. Но генерала фон-Куля не было в штабе—он уехал на автомобиле в 4-ю армию еще до получения донесений о сражении на участке 2-й армии, что замедлило выступление дивизий этого фронта.

Приказ о перевозке какой-либо войсковой части по железной дороге еще не означает прибытие ее к месту назначения. Войска сначала должны сделать переход к станциям посадки, где должен

быть сосредоточен подвижной состав. По одной дороге поезда могут следовать друг за другом только через известный промежуток времени. Необходимо прибавить время на пробег поезда. Большей частью требовалось два, три дня, чтобы одна дивизия, для перевозки которой нужно приблизительно 30 поездов, достигла цели; редко удавалось закончить перевозку скорей.

Первый поезд с подкреплениями не мог прибыть к Камбрэ раньше утра 21 ноября. Но такое количество сил, которое было бы в состоянии противостоять неприятельской атаке, не могло быть сосредоточено ранее 23-го. В данном случае чувствительно сказывался недостаток в автомобильных транспортах для перевозки войск.

Размеры прорыва мне удалось установить только около полудня, и он меня очень встревожил. Но уже необходимые распоряжения были сделаны. Мне оставалось только предоставить события своей судьбе.

Английский командующий армией не использовал своего крупного первоначального успеха, иначе нам не удалось бы замкнуть прорыв в местных границах. Но если бы он его использовал, как гласил бы приговор итальянской кампании? Такова была война, которую нам приходилось вести против всего мира! 22-го днем и 23-го атаки были остановлены на линии Мевр — Бурлон—Фонтен—Нуайэль—Маниер. Войска, которые в первый день позволили себя опрокинуть танками, сражались так же хорошо, как и 107-я пехотная дивизия, только что прибывшая с востока. Вступлению последней в бой мы главным образом и обязаны за ту быстроту, с которой был затянут сделанный неприятелем прорыв. У нас немедленно сложилось намерение при первой же возможности самим ударить во фланг английского наступления. Теоретически принять такое решение легко, но на практике осуществить его в условиях западного фронта было бесконечно трудно. Сосредоточение и изготовка войск для атаки, связанные с подвозом огромного количества боевых припасов, требовала времени, а оборона продолжала поглощать силы.

Английские и французские армии на остальном фронте временно не предпринимали крупных действий. В созданном прорывом углублении фронта наступление, сопровождавшееся тяжелыми боями, замерло, не вызвав у нас особенно большого расхода сил. К вечеру 29 ноября командующий 2-й армией генерал фон-дер-Марвиц собрал достаточные силы для контр-атаки. Ее центр тяжести направлялся на южную часть поля сражения, с ударным направлением на Бантё—Гузокур, в то время как с севера должна была последовать вспомогательная атака из района западнее Бурлон в направлении на юг. На этот раз англичане были застигнуты врасплох, и 30 ноября наша контр-атака, хорошо поддержанная артиллерией, имела успех; правда не совсем тот, на который я расчитывал, но все-таки наконец мы одер-

жали победу в атаке и на западном фронте. Заботливость начальника штаба 2-й армии подполковника Штапфа и энергия ее командующего окупились. Успех был тем заметнее, что его одержали войска, по большей части уже наполовину отработанные и не получившие

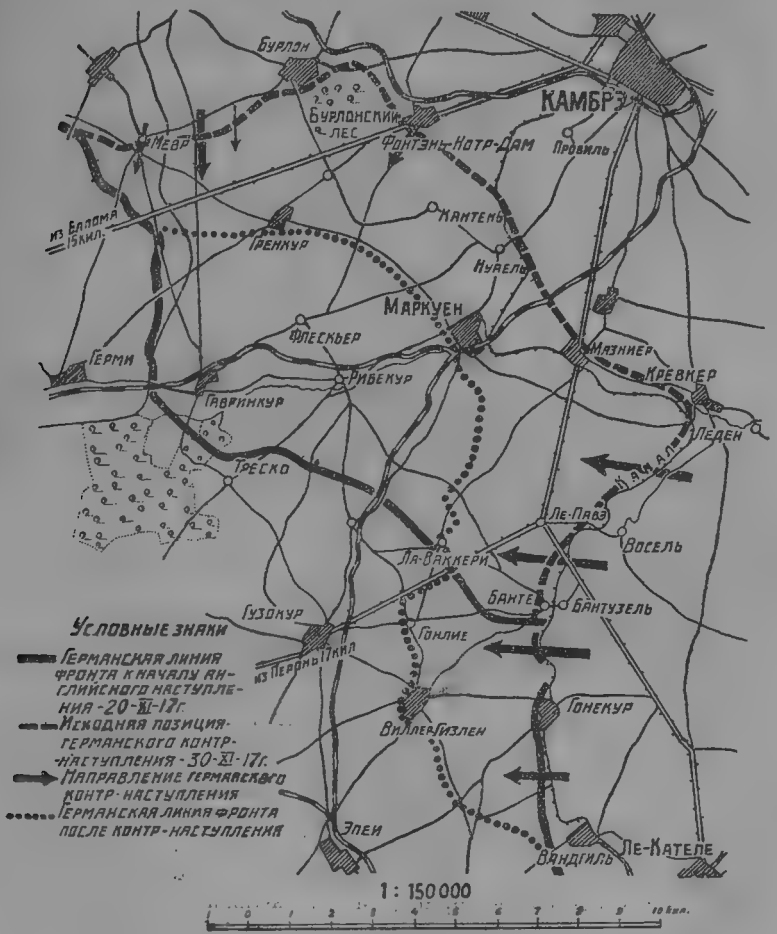


Схема 26. Камбрэ 1917 г.

особой подготовки к атаке. Только одно явление наводило на серьезные размышления: успех не достиг возможного развития, так как одна хорошая дивизия, вместо того чтобы продолжать бой, задержалась у неприятельского продовольственного склада.

Англичане подвезли резервы для контр-удара, и также атаковали. Сражение продолжалось до 5 декабря. За это время мы в общем овладели утраченным пространством, а частью возместили захватом нового пространства. Мы одержали полную победу над значительной частью английской армии. Это был хороший конец чрезвычайно тяжелой борьбы 1917 года. Наша победа на западе дала нам ценные исходные пункты для наступления, если таковому суждено было состояться в 1918 году.

Англичане и французы не возобновляли активных действий во Франции. Второй их стратегический ход 1917 года также потерпел неудачу. Им даже пришлось решиться на переброску дивизий в Италию, чтобы помочь своему разбитому союзнику. Наконец, наступило на западе спокойствие, в котором мы, при нашем истощении столь настоятельно нуждались.

IV.

24 октября у Тольмейна началось наступление против Италии.

Флитчская группа, которой командовал австро-венгерский генерал фон-Краус, и 14-я германская армия должны были овладеть горным массивом, который тянулся по правому берегу Изонцо приблизительно от Флитча до Каналэ и достигал своей наибольшей высоты (1643 м.) в Матаюре, юго-западнее Карфрейта. Пока другие дивизии должны были штурмовать высоты, 12-я дивизия генерала Лекциса должна была наносить удар вдоль долины, от Тольмейна на Карфрейт, огибая Матаюру в направлении на Цивидалэ.

При продвижении вперед 14-й армии, к ней из Корст, двигаясь в направлении с востока на запад, должен был примкнуть фронт Бороевича.

Развертывание 14-й армии было очень трудно. В распоряжении имелись, к сожалению, только две горные дороги, местами очень узкие, движение по которым было возможно лишь в одном направлении. И здесь требовалась вся заботливость и вся острота мышления германского офицера генерального штаба, чтобы все передвижения происходили без трений и к указанному часу были бы закончены. Прежде всего, под слабым прикрытием нескольких австро-венгерских батальонов, на фронт были выдвинуты артиллерийские и минометные части и заблаговременно подвезено большое количество боевых припасов. Пехотные дивизии выдвигались последними.

Развертывание тянулось много дней и стало известно итальянцам. Жестокие неприятельские атаки во второй половине октября на западе были обусловлены нашими итальянскими планами. Предполагалось использовать наше ослабление на западе. В тактическом отно-

СХЕМА №27.
Поход в Италию 1917 г.
Фронт Конрада
Фронт Эрцгерцога Евгения
14.А.
2я Изонцская арм.
Фр. Бороевича
1я Изонцская арм.
10
10 А.
11.
Шт. фронта
Виллах
Триент
Верона
Мантуя
Падуя
Венеция
Брента
Беллуно
Фельтре
Монте-Граппа
Монтелло
Тальяменто
Триест
Триестинский залив
Фиуме
Феррара
По
Адриатическое море
1:1500000.
Условные знаки
Фронт союзников перед началом наступления 24.10.17.
Направление атак.
Положение 30.10.17.
Положение 6.11.17.
Линия фронта после наступления

шении Кадорна, повидимому, ничего не предпринял; возможно, что он считал наше наступление не имеющим шансов на успех.

Утром 24 октября, после продолжавшейся несколько часов огневой подготовки, в течение которой артиллерия и минометы стреляли бризантными и газовыми снарядами, началось восхождение на горы, а 12-я пехотная дивизия с величайшей энергией двинулась долиной и через Карфрейт. 25 мы уже овладели важнейшей линией высот, а также, наступая с различных сторон, захватили Матаюру.

27-го мы проникли дальше в горы, в направлении к верхнему Тальяменто, и заняли Цивидалэ. Северо-итальянский фронт на границе Каринтии и фронт Изонцо попатнулись. К сожалению, фронт Бороевича преследовал недостаточно решительно, в виду чего многим итальянцам, которым следовало попасться, удалось уйти.

Правое крыло генерала фон-Белова оставалось еще в горах; ему было дано указание наносить удар левым крылам через Удинэ непосредственно на Кодроипо и к югу от него, чтобы по эту сторону Тальяменто нанести противнику решительное поражение. Таким путем 30 октября восточнее Тальяменто было захвачено еще 60.000 пленных итальянцев, а 1 ноября мы овладели всем течением реки ниже Толмеццо.

В связи с победами в Италии, мы опять переживали хорошие дни; они являлись оправданием тяжелому напряжению войск западного фронта.

Еще в октябре я просил генерала фон Арца усилить в Тироле фронт Конрада за счет фронта Бороевича, и произвести здесь сильную атаку, либо вниз по р. Бренте, либо в районе Азиаго-Арзиеро. После успеха операции, фронт генерала Бороевича был слишком силен, а генерала фон-Конрада слишком слаб. Генерал фон-Арц пошел мне навстречу. Но железные дороги были так жалобны, что не могли выполнить сколько-нибудь существенной переброски войск.

6 ноября мы перешли через Тальяменто, а 11-го уже достигли р. Пиавы ниже Иль-Монтеллео. Другие войска надвигались в горах на Фельтрэ. Перед ними итальянская армия поспешно отступала из гор вниз по р. Пиавэ через Беллуно.

Правое крыло 14-й армии направилось теперь через Фельтрэ на горный массив между р. Брента и Пиавэ, чтобы овладеть выходами на равнину; на остальном фронте, в виду поднявшейся в Пиаве воды, пришлось задержаться. По ту сторону Пиавы итальянцы устроились в лучшем порядке, и к ним прибыли первые эшелоны английских и французских войск.

Как в августе в Буковине и в Восточной Галиции, так теперь и здесь, прежде чем думать о продолжении наступления на равнине, надо было восстановить железные дороги в тылу армии. Погода в горах стала неблагоприятной, и бои там сильно истощили войска.

Последние овладели еще пространством, но уже не смогли захватить имевший решающее значение массив Монте-Граппа. Сила удара начавшейся у Изонцо операции достигла своего естественного предела. Конечно, новый приток сил дал бы нам и теперь возможность продвинуться несколько дальше, но войска генерала фон-Конрада не обладали необходимыми артиллерийскими средствами, а его пехота не имела наступательного порыва. Их движение, начатое лишь 4 декабря, явилось слишком запоздалым для большой операции, и к тому же скоро затихло. Германская дивизия, которую верховное командование охотно бы перебросило в Трентино, в ноябре не могла быть взята с западного фронта. Позднее мы ее выделили, но она прибыла уже несвоевременно. И здесь железные дороги были слишком скверные.

В начале декабря, после обсуждения с генералом фон-Крафтом, у меня создалось мнение, что от продолжения операции через Пиавэ уже ждать больше нечего. В виду этого мы предложили генералу фон-Арцу отдать приказ о прекращении наступления, и освободить германские войска для переброски на запад.

Итальянская операция дала нам все, на что только мы могли расчитывать. Итальянская армия была основательно разбита и нуждалась в поддержке своих союзников. Австро-венгерская армия, как и западный фронт, были разгружены. Австро-Венгрия и ее армия получили новый импульс. Так как и Россия заключила теперь перемирие, то двуединая монархия как-будто могла продолжать войну. До верховного командования перестали доходить причитания, которые слышались раньше, что австро-венгерская армия должна к началу зимы закончить войну. Эта кампания вновь укрепила ее незначительную боеспособность. Наступившая передышка была ей крайне необходима для внутренней спайки и обучения. Успех создавал в ней известное настроение под'ема.

Германское командование и германские войска приобрели новую славу, и еще раз доказали свое превосходство в маневренной войне. Иногда успех германских войск умалялся теми явлениями и случайностями, без которых никогда не могут обойтись молодые части.

V.

На Македонском театре войны повышенная боевая деятельность в сентябре сменилась полным спокойствием; можно было расчитывать, что оно будет длиться. Генерал фон-Шольц все свои усилия неустанно вкладывал в обучение болгарских войск и в заботы об их боеспособности. В том же направлении в Македонии работали все германские офицеры. Болгарское верховное командование продолжало уделять мало внимания этим капитальным вопросам.

Антанта все еще не отказалась от стремления перетянуть на свою службу греческую королевскую армию. Король Константин был лишен престола и его преемником стал его сын Александр. Венизелос царил. Греческая армия была мобилизована. Но образование боеспособных частей медленно подвигалось вперед.

В Палестине и в Мессопотамии положение Турции изменилось к худшему.

Багдадскую операцию предполагалось начать или осенью 1917 или весной 1918 года. Подготовка была уже начата, но медленно подвигалась вперед, несмотря на улучшение железнодорожных условий, вследствие открытия для движения тунелей. Сообщения оставались скверными и нерегулярными. Местная военная власть полагала, что при помощи предоставленной ей верховным командованием поддержки, ей удастся восторжествовать над всеми трудностями, но она слишком понадеялась на Турцию.

Удержание палестинского фронта являлось главным стратегическим основанием для Багдадской операции.

Я все время обращал внимание Энвера на это и очень часто просил его усилить этот фронт, и главным образом позаботиться об улучшении эксплоатации Сирийской железной дороги. Верховное командование помогало в этом Энверу насколько могло. Наши дары, однако, были не слишком велики, и к тому же еще попадали в несведующие турецкие руки.

Полковник фон-Крес, работавший над улучшением условий действий турецких армий в Палестине, стоял на высоте своей задачи. Как я впоследствии убедился, он лучше отдавал себе отчет в заботах и нуждах военных властей в Палестине, чем начальство в Константинополе. Последнее рисовало себе картину в слишком розовом свете, и давало ставке ориентировку в таком же освещении.

Постепенно и в Константинополе окрепла мысль о необходимости сильнейшего прикрытия Палестины. Но теперь эту задачу хотели разрешить активно, наступлением. Багдадская операция была безмолвно отложена в дальний ящик, а вместо нее явился план наступления в Палестине. Сюда же был направлен германский штаб фронта фон-Фалькенгайна.

В виду неудовлетворительности сообщений и плачевного состояния турецких войск, полковник фон-Крес сомневался в возможности наступления в Палестине. Он оказался прав, и вместо турок в наступление перешли англичане. В марте, после неудачной атаки англичан на Газу, полковник фон-Крес пытался посредством набегов, а также летчиками, разрушить английские тыловые сообщения на Синайском полуострове. Однажды ему действительно удалось повредить водопровод, но нанести водоснабжению и железной дороге серьезные повреждения он не смог.

В конце августа большие английские кавалерийские массы начали наступать на Берзебу, с целью охвата левого крыла Газского фронта и приближения к сооружениям, снабжавшим водой Иерусалим. Это предприятие не удалось, равно как и соответственные попытки, имевшие место 2 и 18 октября; взять Берзебу англичане смогли лишь 2 ноября. Одновременно, действуя совместно с флотом, они атаковали

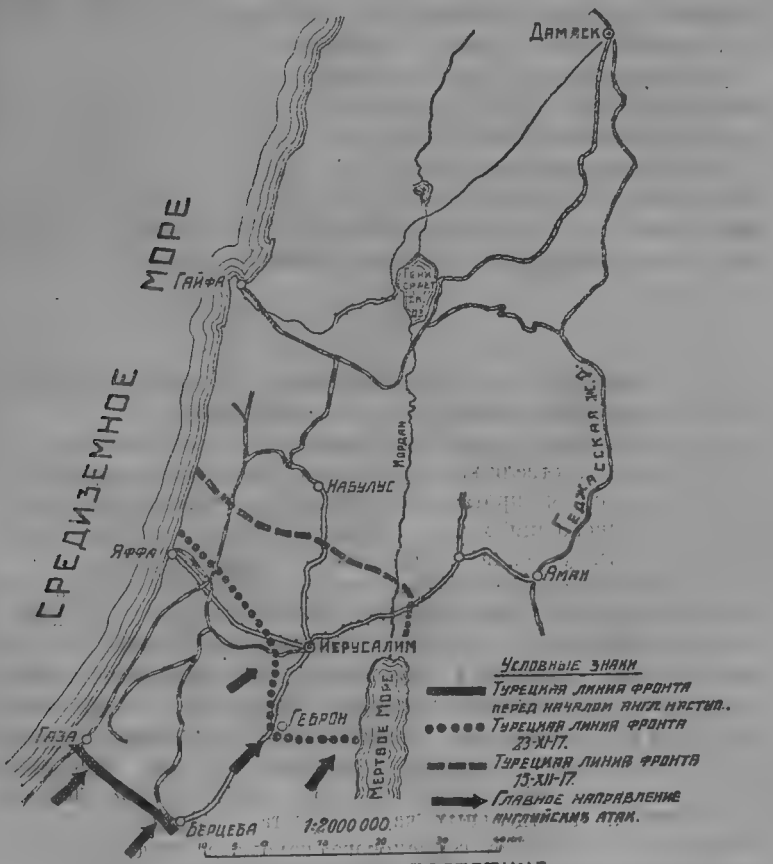


СХЕМА 28. ПАЛЕСТИНА.

Газу. Турецкая армия была вынуждена отступить, и остановилась для прикрытия Иерусалима на линии Яффа—Геврон—Мертвое море. Английская армия медленно следовала за турками. 17 ноября англичане взяли Яффу; крупные силы также были развернуты в направлении на Иерусалим. Турецкая армия понесла большие потери, и ее дальнейшую сопротивляемость можно было оценивать только очень

низко. Германский азиатский корпус постепенно прибывал на Палестинский фронт и дал союзникам некоторую опору.

Турецкое поражение имело огромное влияние на политическую ориентировку арабов, которые все больше склонялись в пользу Англии.

В Мессопотамии, после взятия Багдада, Англия продолжала распространять свое господство вверх по течению Тигра и Ефрата. В октябре она вышла на линию Рамади—Замяра, а в ноябре овладела еще большим пространством в направлении на Мосул.

На обоих фронтах, как в Палестине, так и в Мессопотамии, боеспособность турок сильно понизилась. Становилось ясно, что удержаться там возможно лишь при помощи нового притока сил.

На русско-турецком фронте боевая деятельность совершенно не возобновлялась. По моей просьбе, Энвер хотел усилить Мессопотамскую армию за счет русского фронта. Но были ли в действительности переброшены войска, мне установить не удалось.

VI.

На румынском фронте бои затянулись на начало сентября, не дав особых результатов, и затем начали замирать.

На восточном фронте было спокойно. В середине октября восточнее Риги мы отвели наши передовые части на основную позицию. На всем огромном протяжении фронта постепенно установились оживленные сношения между неприятельскими и нашими окопами. Мы продолжали укреплять в русской армии жажду мира.

11 октября флот вышел из Либавы для действий против островов, расположенных перед входом в Рижский залив. Удар, казалось, целил на Петроград, и так как у большинства людей отсутствует представление о времени и пространстве, он должен был произвести там большое впечатление. Мне было приятно, что в этой операции флот получит возможность проявить свою деятельность. Продолжительное бездействие обнаружило явления, которые подчеркивали опасную для нас подпольную работу независимой социал-демократической партии в отдельных частях флота и отрицательно влияли на моральное состояние германского народа, а следовательно и на нашу боеспособность. То, к чему стремилась лишь небольшая часть всего народа, нашло отголосок во флоте. Внешняя обстановка, в которой жили матросы, и постоянное соприкосновение с родиной способствовали распространению революционных идей. Многочисленные переводы самых энергичных кадровых офицеров со средним служебным стажем и инженеров с судов линейной эскадры в подводный флот неблагоприятно отразились на дисциплине. Новая боевая деятельность должна была поднять и укрепить дух флота.

На долю морского ведомства выпала подготовка транспортных судов, прикрытие транспортного флота и десанта, затем содействие с моря операции и поддержка связи между десантным отрядом и Либавой.

Десантным отрядом, в состав которого входила 42-я пехотная дивизия и бригада самокатчиков, командовал генерал фон-

Схема 29. Даго-Эзель 1917 г.

Катен, а начальником его штаба был назначен полковник фон-Чишвиц. Таким образом руководство находилось в особенно верных руках. После обследования, районом высадки был выбран залив Талга, в северо-западном углу острова Эзель.

В то время, как флот, поборов баттареи, расположенные на полуострове Сворбэ, который образует южную оконечность острова Эзель,

вошел в Рижский залив и продвинулся к Моон-Зунду, миноносцы обходили остров с севера. Они должны были взять под обстрел длинную дамбу, которая соединяет острова Эзель и Моон, и отрезать неприятельским войскам отступление с Эзеля.

Затем они должны были с севера войти в Моон-Зунд. Флот расчитывал вызвать на бой или отрезать часть неприятельских постоянно здесь находившихся морских сил. Высадившиеся на Эзель войска имели целью быстро овладеть дамбой, затем захватить весь остров и таким путем выйти в тыл защитником полуострова Сворбэ.

План удался, и только небольшой части гарнизона удалось бежать по дамбе. 16 октября остров Эзель был уже наш, а 18 пал Моон. Вскоре мы крепко держали в наших руках и остров Даго. Флоту представился случай действовать против неприятельских морских сил.

Этим временно закончилась борьба на восточном фронте.

Насколько последние операции ускорили развитие событий в России, мне неизвестно; несомненно установленный факт, что осенью, с захватом власти большевиками, разложение русской армии пошло быстрым темпом. Офицер утратил свое привилегированное положение и лишился всякого авторитета. Он не должен был иметь большего значения, чем простой рядовой, а вскоре должен был еще умалиться, и вообще был лишен каких-либо прав. В России многие одобрительно отнеслись к лишению офицеров их прав. И там было много недальновидных людей, которые не замечали, что на авторитете держится вся армия и любой мировой порядок, и что, подрывая авторитет офицера, они тем самым расшатывают социальный строй всего мира. Гетман Скоропадский говорил мне впоследствии, что он совершенно не заметил, как у него выскользнул из рук армейский корпус, которым он командовал на войне. Вдруг его как бы не стало. Этот простой разсказ произвел на меня огромное впечатление.

Революция в русской армии не ограничилась лишением прав офицера. На место военной власти она поставила солдатские советы и шла еще дальше. Она обезоружила всех солдат непролетарского происхождения и образовала красную гвардию. Соответственно она действовала и в чисто политической области. „Буржуа"—это ничто, а пролетарий и пролетарский рабочий совет—это все. Пролетарский мир рабочих и солдат с их советами должен был теперь управлять всем земным шаром и создать новый мировой порядок. Все, что до сих пор существовало, разрушалось беспощадно; культура опустошалась. Право собственности ограничивалось, и убивалось всякое стремление работать. Женщина стала общественным достоянием. Низменные инстинкты проявлялись все резче. Постепенно образовалась кровавая диктатура небольшой кучки людей, которая опиралась на преданные ей войска, на все страсти коих смотрели сквозь пальцы, даже если это были китайские наемники. От этой диктатуры

гибла страна, над которой она воцарилась. Для захвативших власть это было безразлично.

Случилось редчайшее явление: те, которые больше всех кричали против насилий и против войны, теперь не считались с правом большинства, действовали более насильственно, чем когда-либо какое-нибудь правительство, призывали к борьбе и вели войну, но сначала, правда, не против внешних врагов, а вообще со всем существующим. И ни одного слова о примирении или о соглашении с инако-мыслящими.

Вскоре и те, которые до того беспрестанно подрывали авторитет в армии и народе, усмотрели опасность, в которую они повергли себя и всю свою страну. Но до того, чтобы анти-большевистски настроенные партии взялись за оружие и об'единились, забыв свои различия во взглядах, как это было настоятельно необходимо для возрождения государства, в России дело не дошло.

Крестьяне и горожане оказались безоружными перед своими тиранами, и подверглись анархическому процессу разложения. Возродится ли когда-нибудь их жизненная сила—кто знает? Пока человеческий глаз нигде не видит к тому возможности, и не обоснованные надежды были бы лишь опасным самообманом. Может быть, русские крестьяне и горожане, как и многие германские круги в начале 1919 года, смотрели на большевизм с хладнокровием фаталистов, как на неизбежное испытание, из которого спасение родится само. За это малодушие Россия тяжело поплатилась. От большевизма могло спасти не бездеятельное созерцание, а решительные и разумные меры, правильная оценка противника, его сильных и слабых сторон, и широкие реформы экономической жизни, которые после войны являлись необходимыми при всяких обстоятельствах.

С октября 1917 года большевики все крепче и крепче захватывали власть в России.

Для меня небыло сомнений в том, что разложение русской армии и русского народа представляли большую опасность для Германии и Австро-Венгрии. Тем с большим опасением думал я о слабости германского и австро-венгерского правительства. Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание; Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить, чтобы мы не погибли вместе с ней.

События в России полностью меня не удовлетворяли. В военном отношении они нам давали решительное облегчение, но таили в себе для нас много опасного.

Уже в течение лета я составил проект условий перемирия с Россией. Они исходили из стремления притти к мирному соглашению с последней, так-как ход войны требовал мира на востоке.

Основная идея перемирия заключалась в прекращении военных действий и сохранении разграничительной линии по занимаемому нами в настоящее время фронту. Я не требовал очищения каких-либо частей территории или передачи оружия. В условиях не заключалось ничего, что бы могло затруднить заключение перемирия и будущего мира.

Проект был представлен имперскому правительству и союзным верховным командованиям, и получил одобрительные отзывы. Мелкие поправки не меняли сути. В согласии с имперским правительством было постановлено, что если переговоры о перемирии будут начаты непосредственно через фронт, то руководить ими будет верховное командование, при участии представителя от имперского канцлера. Последний добавил, что, при ведении переговоров о мире, будет соответственно включен представитель верховного командования, который, естественно, займет подчиненное, а не равное место с уполномоченным имперского канцлера.

Таким образом подготовка к моменту, когда Россия обратится к нам с предложением о перемирии, была у нас закончена. В ноябре большевистское разложение русской армии настолько подвинулось, что верховное командование могло серьезно приступить к ослаблению восточного фронта с целью усиления войск на западе. В то время на восточном фронте у нас было приблизительно 80 дивизий, что составляло одну треть всех наших сил. Я стремился к тому, чтобы австро-венгерские войска взяли на себя теперь занятие возможно более широкого фронта. С австро-венгерским командованием и главнокомандующим востоком были обсуждены подробности выделения возможно бо́льшего количества германских войск с Семиградского, Буковинского и Восточно-Галицийского фронтов. Генерал фон-Арц выразил свое согласие и на то, чтобы направить часть австро-венгерских войск с итальянского фронта на восток. Само собой разумеется, что это были мероприятия, которые расчитывались задолго вперед. Но чтобы закончить их к весне, которая являлась решающим для нас моментом, к ним надо было немедленно приступить, имея в виду расстройство железно-дорожного транспорта в оккупированных областях и на родине. Но события в России еще не допускали исчерпывающего решения.

С конца ноября с востока на запад беспрерывно потянулись воинские поезда. Дело заключалось уже не в обмене выдохшихся на западе дивизий на свежие с востока, а в действительном усилении численности западного фронта.

На востоке было выдвинуто требование обучения всех войск на основах, принятых для действий на западе. В Румынии происходило то-же самое.

Мысль предпринять в 1918 году наступление во Франции уже в ноябре сосредоточила внимание многих начальствующих лиц на

западе и прежде всего мое. В виду этого я с большим нетерпением ожидал дня, когда русское правительство обратится к нам с просьбой о перемирии. В ноябре на многих участках фронта были заключены перемирия местного характера. Число частей, начинавших с нами переговоры, все возростало, и уже отдельные русские армии являлись с предложением о прекращении неприятельских действий. Мирные переговоры, которые налаживались в Двинске, потерпели крушение. Но то с одного, то с другого участка поступали донесения о заключенном перемирии. Представлялась странная картина полу-войны и полу-мира.

26 ноября русский верховный главнокомандующий народный комиссар Крыленко запросил по беспроволочному телеграфу, готово-ли германское верховное командование заключить перемирие. Мы ответили утвердительно. 2 декабря русские парламентеры уже перешли за линию германского фронта. Переговоры незамедлительно начались в Брест-Литовске, где все еще продолжал помещаться штаб главнокомандующего востоком. Все четыре союзные государства одновременно так же сообщили сюда свои условия. Уже 7 декабря было заключено перемирие на десять дней. Генерал Гофман весьма искусно руководил переговорами и сумел помешать большевистским представителям уклониться в сторону; обсуждение имело чисто деловой характер. Получив проект условий перемирия, русские представители отправились в Петроград за получением новых указаний. 12-го переговоры возобновились и 15-го перемирие было подписано. Оно должно было начаться 17 декабря в 12 часов дня, после истечения срока временного прекращения военных действий, и продолжаться до 12 часов дня 14 января 1918 года. Если за семь дней до срока не последует отказа от него, то перемирие автоматически продолжалось.

Первоначальный проект не подвергся никаким существенным изменениям, русский фронт остался неизменным, демаркационной зоны создано небыло. Демаркационной линией служили проволочные заграждения обеих сторон. На некоторых пропускных пунктах, по желанию русских, было даже допущено сообщение между фронтами. Намерение вести пропаганду было совершенно ясно. Но главнокомандующий востоком был убежден, что соответствующими мероприятиями он сумеет справиться с этой пропагандой. Мы пошли и на это условие, лишь бы притти к соглашению. Договор оффициально распространялся на весь русский фронт. Но власть советского правительства не распространялась так далеко, и в виду этого являлось необходимым вступить на аналогичных основаниях в особые переговоры на Румынском и Мало-Азиатском фронтах. Они так же привели к полному успеху. 9 декабря было заключено перемирие в Фокшанах. Очень полезно сравнить наши условия с условиями, которые продиктовала четверному союзу охваченная стремлением уничтожить нас Антанта.

После трех лет ужасной войны, боевые действия прекратились по всему фронту. То, что за это время сделало верховное командование и германские войска в борьбе с превосходными силами, навсегда останется бессмертной славной страницей отечественной истории и каждого немца, который дрался и проливал свою кровь в эту войну.

Наконец, мы пришли к цели, для достижения которой путем военных действий во второй половине года я до крайности напрягал все силы, в том числе и свои. Западный фронт удержался, итальянская армия была разбита, а австро-венгерская армия вдохнула в Италии свежего духа. Македонский фронт стоял крепко. На востоке закончились переговоры о перемирии, и для дипломатии был открыт путь к миру. Мирные переговоры должны были начаться в Бресте-Литовске на Рождестве. У нас были надежды победоносно закончить войну.

Только в Малой Азии не все было благополучно, но перед размахом событий в Европе это совершенно отходило на второй план.

Войска и вожди, которые сражались на западе, могли с гордостью сказать, что их работа явилась основанием, на котором зиждились эти огромные результаты. Восточная и итальянская кампании были выиграны стойкостью западного фронта. Германские мужи повсюду действовали равно геройски.

Как и в предыдущий год, совместная работа верховного командования с союзниками дала большие результаты.

Антанта находилась под впечатлением этого переворота в военном положении. У нее оставалась еще надежда на Америку. Но поле битвы на Эне и в Шампани, настроение во Франции оставалось неуверенным. В ноябре Клемансо занял пост премьер-министра. Это был самый сильный человек во Франции. Он пережил 1870—71 год, и с того времени был одним из самых ярых сторонников идеи реванша. Клемансо точно знал, чего он хотел. Он проводил только военную политику, подавляя всякое движение к миру, и укреплял дух страны. Его выступление против Кальо ясно показывало, что мы были должны от него ожидать. Как и Ллойд-Джордж, он думал только о победе, и вел за собой всю страну. Вследствие этого ведение войны неприятелем много выиграло в силе. В Америке воля к войне так же становилась все определеннее. Правительство там также энергично боролось с мирными течениями. Под сильным влиянием Клемансо и Ллойд-Джорджа Италия оказалась в силах превозмочь первоначально сильное впечатление своего поражения. В неприятельских демократических государствах власть правительств все больше приобретала характер диктатуры.

VII.

Мирная резолюция германского рейстага дала основание Ватикану также предпринять особые шаги для заключения мира В середине августа появилась мирная нота папы, составленная 1 числа того же месяца, в которой он обращался к лицам, стоявшим во главе воюющих государств.

Нота всецело стояла на точке зрения мира без анексий и контрибуций. Она вызвала у нас большие надежды, в то время как Антанта их удачно пресекла. Германское общественное мнение заняло по отношению к ней ту же позицию, как в июне к мирной резолюции. Правые органы печати относились к ней отрицательно, органы же партий большинства приветствовали ее и обращались к лучшим чувствам противника, который так же вызывался стать на точку зрения мирной ноты. Но пресса Антанты относилась к ней абсолютно отрицательно, и осталась при своем мнении. Ее правительства стояли также на соответственной точке зрения.

Имперский канцлер доктор Михаэлис прочел нам в Крейцнахе написанный им проект ответа. Я не возлагал надежд и на эту попытку добиться мира. Ответ доктора Михаэлиса не отвечал моим взглядам. Но я воздержался от выражения своего мнения, и сделал только несколько несущественных поправок. В отношении этих теоретических попыток придти к миру, я мог занимать только воздерживающееся положение, несмотря на то, что продолжительные разговоры о мире являлись для меня, с точки зрения энергичного ведения войны, все более и более неприятными. Когда я вспоминаю прошлое, то сожалею, что тогда не воспротивился им всеми силами. Мир, которого и я жаждал, должна была заключить дипломатия, но беспрерывно твердить о нем народу, когда противник упорствовал на своем стремлении уничтожить нас—это никуда не годилось. Поведение Антанты в этом вопросе может служить примером дальновидности.

Как наш ответ, так и ответ Австро-Венгрии, шел навстречу ноте, но во многих пунктах оставался дипломатически уклончивым. Однако, ссылка на мирную резолюцию рейхстага, которая была сделана по желанию семи привлеченных к работе по составлению ответа членов рейхстага, определенно нас связывала.

Антанта ответила отрицательно, или, точнее, вообще не по существу. Германский народ честно хотел мира, но Антанта от него уклонялась. Пропаганда Антанты неявно, но настойчиво, агитировала у нас и в нейтральных странах за лозунг: „соглашательского мира без победителей и побежденных“, но когда же ей приходилось оффициально высказаться по отношению к нему, то она от него отказывалась. Она все время преследовала лишь единственную идею—уничтожить Германию.

Выступление папы не могло иметь никакого успеха. В настоящую минуту очень характерно, что папа не допускается к переговорам в Версале. Антанта не может ему простить его мирную ноту.

Когда имперский канцлер доктор Михаэлис вступал в свою должность, я сообщил ему, что Гуго Стинес находится в сношениях с японским послом в Стокгольме и высказывает много надежд. Стинес собирается вновь отправиться в Стокгольм и вероятно будет иметь возможность лично с ним повидаться. Вслед за этим имперский канцлер пригласил к себе Стинеса. Дальше я не следил за развитием этого начинания.

В конце августа или в начале сентября последовало неожиданное заявление о том, что нам представляется случай начать переговоры с Антантой. Имперский канцлер и фон-Кюльман, который при смене канцлера был назначен статс-секретарем иностранных дел, таинственно сообщали об этом. От полковника фон-Гефтена я узнал, что из нейтральных государств получены сведения, что соответственно с речью 27-го июля бывшего английского министра-президента Асквита и скоро вслед затем сделанным заявлением Ллойд-Джорджа, Англия ожидает от нас раз'яснений относительно Бельгии. Имперский канцлер говорил мне теперь, что инициатива возможного приступа к переговорам идет от Англии [1]). Я, конечно, обрадовался—если Англия выражала теперь пожелания мира, то шансы на таковой становились значительнее, чем раньше, когда наши выступления имели односторонний характер. В виду этого я начал с более благоприятной оценкой подходить к вопросу о мире.

Разговор с имперским канцлером о мире вызвал различные толкования бельгийского вопроса.

Нашей целью являлось экономическое слияние Бельгии с Германской Империей. При этом мы имели в виду тесные экономические отношения, которые установились между Германией и Бельгией еще до начала войны: имперский канцлер думал в этом вопросе получить базу для установления контакта с Англией. Я ожидал, что в конце сентября статс-секретарь фон-Кюльман даст с этой целью официальное раз'яснение рейхстагу относительно Бельгии. 20-го сентября полковник фон-Гефтен имел с ним по этому поводу продолжительный разговор. Но статс-секретарь фон-Кюльман занял в этом вопросе уклончивое положение и заявил: „Кто Вам вообще сказал, что я

---

[1]) Как мне стало известно в июле 1919 года, папский нунций Паччели в Мюнхене обратился с письмом к германскому правительству, в котором он говорил, что английское правительство, через своего посла в Риме, попросило Ватикан запросить Германию, каково ее мнение относительно бельгийского вопроса, чтобы, может быть, найти путь к заключению скорейшего мира. Германия должна была сообщить, во-первых, в каком размере она готова возместить Бельгии убытки, и во-вторых, какие гарантии со своей стороны Германия потребует от Бельгии на будущее.

собираюсь барышничать Бельгией? Этот вопрос мне еще предстоит решить. Пока что мы Бельгией не торгуем". 9-го октября в своей речи, встреченной рейхстагом бурными аплодисментами, он не упомянул о Бельгии, а говорил об Эльзас-Лотарингии и о неотторжимости ее от Германской Империи: „пока хоть один немец может держать в руках винтовку, до тех пор неотторжимость этой части империи, которую мы получили, как славнейшее наследие наших отцов, не может служить об'ектом каких-либо переговоров или уступок".

Тем самым мы не сделали ни шагу навстречу Англии.

О шансах на мир больше не было речи. Верховное командование на свой запрос также не получило от статс-секретаря фон-Кюльмана определенного ответа. Я был разочарован и сожалел, что на некоторое время был введен в заблуждение. Только из-за него я просил имперского канцлера отказатся от большой речи, которую он собирался держать к конце сентября, так как мне представлялась возможным, что она уменьшит шансы на мир. Было бы лучше, если бы речь имперского канцлера была произнесена. Удалось ли бы имперскому канцлеру достигнуть своей цели по отношению ко всему рейхстагу и народу, мне кажется сомнительным, в виду существовавшего отношения его к политическим партиям. Он противился их стремлениям к власти, и был чужд рейхстагу.

Я также возлагал надежды на попытки представителя министерства иностранных дел в Брюсселе фон-Ланкена установить контакт с государственными людьми Франции. Фон-Ланкен даже ездил в Швейцарию, но французские представители туда не явились.

Случайно мне приходилось еще слышать, что статс-секретарь фон-Кюльман находится в сношении по вопросу о мире с испанским послом в Брюсселе.

Это были все возможности мира, о которых я имел сведения в 1917 году. О так называемом предложении президента Вильсона, которое господин Яффе из Мюнхена передал министерству иностранных дел, я узнал из газет лишь после своего ухода.

В связи с таинственными слухами о мире, 11-го сентября в Берлине состоялся коронный совет. Я считал своим долгом, и это входило в круг задач моей должности, еще раз ясно высказать, на основании опыта этой войны, что необходимо Германии для обеспечения ее будущего; в этом и в других случаях, осенью 1917 года, я повторял: „По данным ведомственных представителей, наше внутреннее положение очень тяжело в продовольственном и топливном отношении. К сожалению, в угольном кризисе виноваты упущения предыдущих месяцев. Наше финансовое положение очень напряженное. Большинству рейхстага мы обязаны за наше весьма печальное внутреннее положение. Рабочий вопрос и вопрос о комплектовании

армии обострился. Но я считаю, что при твердом руководстве существующего правительства, эти трудности должны быть преодолены. Достигнуть этого возможно".

С момента развала России я считал, что наше военное положение более благоприятно, чем Антанты, и в виду этого высказал:

„Несмотря на все, я также держусь того мнения, что заключение мира до начала зимы представляется желательной целью, если только этот мир нам обеспечит наиболее необходимое для нашего дальнейшего экономического развития, и создаст такое военное и экономическве положение, при котором мы могли бы спокойно относится к возможности вовлечения нас в новую оборонительную войну".

В моих соображениях относительно необходимейших требований в военном и экономических отношениях, я исходил из границ довоенной карты и из выяснившихся во время войны явлений. Трехлетняя война была возможна только потому, что Германия была богата углем и имела такое количество железа и продуктов питания, что учитывая ввоз из оккупированных областей и из нейтральных стран, у нас железа хватало, а продуктов питания имелось в такой мере, что несмотря на неприятельскую блокаду, мы могли существовать, хотя и с величайшими лишениями.

Наше существование оказалось возможным лишь при условии, что мы вели навязанную нам войну наступательным образом, вследствие чего и распространились к западу и к востоку; мы наверно были бы обречены, если бы остались в пределах наших границ.

Наше поражение было бы неизбежно, если бы неприятель захватил на продолжительное время германскую территорию. Мы бы умерли с голоду, и наше военное хозяйство оказалось бы подорванным в своем основании. Значение угля, железа и продуктов питания для ведения войны было известно еще до ее начала. Но что железо и уголь приобретут действительно решающее значение, это выразилось самым подчеркнутым образом всему миру лишь в продолжение этой войны. Еще до войны сознавалась угроза угольным копям Верхней Силезии. При пред'явлении требований на миллиардные кредиты перед войной, мероприятия по защите этой области были отклонены. Важнейшие очаги нашей экономической мощи на западе представлялись обеспеченными нашим развертыванием.

Столь же неблагоприятным, как наше стратегическое положение в середине Европы, было и местонахождение наших железных и угольных залежей, преимущественно близ границ государства. Все другие государства находились в более выгодных условиях. В Верхней Силезии железные и угольные рудники находились непосредственно у русской границы. На западе тождественным было положение рудников в Лотарингии и Саарского угольного бассейна.

Нижне-Рейнская и Вестфальская промышленые области были совершенно не обеспечены со стороны Бельгии. Залежи бурого угля в Средней Германии, относительно, имели второстепенное значение.

Разрушительная сила оружия во время войны выросла. Дальнобойность пушек значительно увеличилась и расширился район действий летчиков. С другой стороны, они могут быть использованы лишь при наличии некоторых основных требований. Отдельный выстрел длинной пушки не приводил еще к остановке работ на расстоянии полета ее снаряда. В этом мы убедились весной 1918 года при обстреле французских угольных шахт и во многих других случаях. Летчики находятся в зависимости от погоды, иначе мы бы чаще бомбардировали Лондон. Но за всеми этими ограничениями, я должен был учитывать новые боевые средства в их полном значении для всякой предстоящей войны. При этом я исходил из границ и политической обстановки 1914 года.

Надо было ожидать, что противник одновременно с об'явлением мобилизации, а может быть и раньше, направит удар на важные для ведения войны источники экономической силы, использует для разрушения их свои воздушные силы и затратит на обстрел большое количество снарядов. Сосредоточение на границе сильных воздушных эскадр и хорошая противоаэропланная защита могли бы создать известную оборону против неприятельской воздушной атаки. Но воспрепятствовать атаке и бомбардированию они не были бы в силах. Точно также не имелось и действительных средств против обстрела дальнобойными неприятельскими орудиями. Вслед за таким внезапным нападением последует наступление неприятельских масс. Как будут протекать операции в частностях, предусмотреть невозможно, но их влияние на нашу военную промышленность несомненно можно установить. По меньшей мере они вызовут значительное общее понижение производства и нанесут тяжелый удар большей части германских производительных сил. Не рисуя себе все непременно в мрачном свете, я мог утверждать, что обстановка может развиться так, что мы в течение первых же дней проиграем войну. Мы могли бы быть задушены, прежде чем встали на ноги. Провести все военные требования, вытекающие из этих предпосылок, как например выдвижение границ на западе во Францию, было невозможно. Надо было ограничиваться самым необходимым. Перед угольными залежами Верхней Силезии и перед Лотарингскими рудниками надо было создать оборонительную полосу, хотя бы в небольшое число километров ширины, чтобы вывести имевшиеся и раньше в нашем владении естественные богатства из непосредственной сферы влияния боя. Наличие новых залежей угля и руды в пределах этой оборонительной полосы, как на Польской территории, так и в районе Бриэ, не имело решающего значения для моих пожеланий. Было очевидно, что этих мероприятий

будет недостаточно, и что они должны будут дополняться обширными заблаговременно выполненными военными мерами. Но обеспечение обоих этих районов наших горных богатств всегда останется недостаточным; отсюда вытекала необходимость надежной охраны нашей Нижне-Рейнской и Вестфальской промышленной области. Все ее значение для промышленности в мирное и военное время я мог изучить за время моего командования бригадой в Дюссельдорфе и теперь, на посту первого генерал-квартирмейстера. Вывод мог быть сделан только один: Бельгия должна была быть поставлена в такие условия, которые бы исключали, чтобы она стала районом неприятельского развертывания. Нейтралитет Бельгии я считал призраком, который нельзя было серьезно учитывать. В будущем, Бельгия должна была слиться с экономическими интересами Германии, с которой ее связывали столь оживленные торгово-политические интересы. Она должна была остаться отдельным самостоятельным государством, в котором фламандцы пользовались бы равными правами. Насилие над этим старым германским племенем является также одной из несправедливостей в истории человечества. На первые годы я считал необходимым сохранить за Германией известные права по содержанию в Бельгии оккупационных войск. Река Маас у Льежа могла быть оставлена нами, если его вообще предполагалось очищать, лишь в том случае, если Бельгия экономически примкнет к Германии и в собственных интересах станет на нашу сторону.

Я отнюдь не был сторонником идеи устройства на Фландрском побережии опорного пункта для германского флота. Это было бы мероприятием непродуманным и с военной точки зрения сомнительным, по этому поводу я писал следующее: „Мы могли бы быть совершенно спокойны относительно безопасности нашего Нижне-Рейнского и Вестфальского промышленного района лишь тогда, особенно в случае осуществления проекта тунеля Дувр—Калэ, если бы наши войска занимали всю Бельгию и утвердились бы на Фландрском побережии. В данный момент мы этого достигнуть не можем. Теперь возникает вопрос, стоит ли для этой цели продолжать войну? На мой взгляд на этот вопрос надлежит ответить утвердительно, если англичане сохранят за собой полосу на побережии Франции (Калэ). Если же они на это не пойдут, то вопрос о Фландрском побережии не может являться для нас основанием для продолжения войны на новую зиму".

В то время мне приходилось неоднократно слышать утверждение, что Англия сохранит за собой Калэ, вследствие чего я и упомянул об этом в моем письменном докладе.

Мне также казалось важным укрепить отношения между Люксембургом и Империей.

Если западная граница была бы урегулирована в соответствии с этими мыслями, то Германия приобретала все необходимые для ее будущего военные и экономические предпосылки.

Восточная граница Германии была чрезвычайно невыгодна, на всем своем протяжении, а не только вследствие положения угольных залежей Верхней Силезии. Насколько трудно было удерживать части территории, расположенные к востоку от Вислы, достаточно ясно показала кампания 1914 года. Восточная Пруссия, которая очень сильно пострадала от войны, заслужила, чтобы для ее лучшего обеспечения была бы создана оборонительная полоса.

Выступ Польши, сильно вклиняющийся на запад в Пруссию, обусловливал значительные военные невыгоды для обороны нашего отечества. Вся опасность, представляемая им, обнаружилась осенью 1914 года, когда великий князь Николай Николаевич повел оттуда свой главный удар на прусские пределы [1]). Устранить полностью этот минус посредством территориальных прирезок оказалось невозможным. Но в стратегическом отношении представлялось необходимым расширить к югу узкое пространство между Данцигом и Торном и прирезать оборонительную полосу для обеспечения угольных залежей Верхней Силезии [2]).

Очертание границ не сделалось бы более благоприятным и вследствие присоединения Курляндии и Литвы. Но если бы была прирезана оборонительная полоса к южной границе Пруссии восточнее Вислы и расширена наша территория к югу от Торна, при соответственном развитии железнодорожной сети, то во многих отношениях мы оказались бы в равных условиях. Если бы мы в будущую войну опять оказались предоставленными собственным силам, то Курляндия и Литва позволили бы нам разрешить продовольственный вопрос несравненно удовлетворительнее.

Созданием этих новых условий на восточной границе было бы и здесь достигнуты необходимые основы военной и экономической обеспеченности Германии. Но при этом сохранялась предпосылка, чтобы так называемое австро-польское решение не имело бы места, и чтобы

---

[1]) Несомненно Людендорф в своих требованиях территориальных прирезок исходил преимущественно из империалистической жадности, и военные соображения, высказываемые здесь Лудендорфом, не выдерживают не только политической, но и военной критики. В обеспечение одного угольного бассейна, он выбирает оборонительную полосу с новыми угольными залежами, для защиты которых придется делать новые захваты. Выступ Польши, охваченной со всех сторон Пруссией, прежде всего представлял большие невыгоды для русского развертывания, что и подчеркнула Лодзинская операция. Наивность мысли Людендорфа, в выкраиваемой им карте германских границ, выступает крайне ярко. *(Прим. редакц.).*

[2]) Т.-е. захватить Домбровские каменно-угольные залежи. *(Прим. редакц.).*

Польша в экономическом отношении или отошла к Германии, или может быть вновь бы возвратилась к России.

Мои надежды шли еще дальше. Население Литвы и Курляндии давало Германии новый прирост живой силы. Что людской материал образует мощь, это я чувствовал на войне ежедневно. В численности людских масс заключалось огромное превосходство Антанты. Население этих областей могло бы сохранить, под покровительством Германской Империи, свою национальную самобытность. Приращение польского элемента, с прирезкой оборонительной полосы, было нежелательным, но как бы ни было важно это соображение, оно должно было отойти на второй план перед требованием военной необходимости. Обширная германская колонизационная деятельность, на которую я расчитывал, и репатриация в эти области германских эмигрантов, к чему имперский канцлер в некоторых пограничных районах и приступил с 1915 года, в будущем могли дать дальнейший прирост человеческой силы.

В отношении мирового экономического положения Германии, я расчитывал на получение, при заключении мира, торгово-политических преимуществ в Румынии и на Балканском полуострове, и прежде всего на возврат наших колоний, или на такой колониальный обмен, который дал бы нам одно общее колониальное владение, без чересполосицы.

К средне-европейскому экономическому союзу я не стремился. Он казался мне неосуществимым, так как Германия занимала бы в нем слишком господствующее положение.

На военные контрибуции я никогда серьезно не расчитывал.

Эти военные требования были заявлены мною при наличии больших сомнений в их осуществимости. Но, даже будучи недостижимыми, они все же не являлись лишними; неудовлетворение их при заключении мира являлось убытком, который надо было учитывать, как таковой, и погашать в мирное время добавочными оборонительными мероприятиями.

Я лично никогда публично не выступал ни с этими мыслями, ни с проектом соответственных мирных условий. Но по поручению имперского канцлера доктора Михаэлиса, я обсуждал их с несколькими депутатами различных фракций.

Мои взгляды на мир никогда не являлись основанием к каким либо переговорам с неприятелем, так как правительство ни разу к ним не подошло при первых Брестских переговорах, а при переговорах в Бухаресте правительство пошло избранным им самим путем, различествовавшим от моих взглядов.

Все обсуждения верховного командования совместно к имперским канцлером целей войны остались чистой теорией. Всякому понятно, что лишь конец войны мог дать определенные очертания

перспективам заключаемого мира, и что решение должно было изменятся в каждый данный момент.

Когда требовалось предпринять реальные шаги, как, например, 29 января 1917 года, при составлении ответа Вильсону, в начале лета, при выяснении отношений к России, или в августе и сентябре того же года по отношению к Англии, и наконец при заключении условий перемирия на Востоке, всякий раз, принимая решение, сообразовались с обстановкой. Я был далек от того, чтобы отстаивать какую-либо теоретическую точку зрения. . . . . .

Пока противник стоял на своем стремлении уничтожить нас война могла разрешиться только победой или поражением. Правительство, во всяком случае, не открывало нам никакого иного пути, чтобы закончить войну и притти к миру.

Утверждение, что мы на тех или других условиях могли бы раньше заключить мир, свидетельствует о невероятном легкомыслии и представляет новый сознательный обман германского народа. Антанта нам ни разу не сделала ни одного предложения, и вообще не думала о том, чтобы сколько-нибудь пойти нам навстречу. Она не удовлетворялась status quo ante, и стремилась лишь к новым захватам. Мог ли хоть один немец выступить с предложением уступить Эльзас-Лотаринию, Познань, или наши колонии? Имперский канцлер фон-Бетман лишь однажды осенью 1916 года мимоходом упомянул о возможности уступки или обмена некоторых местечек Лотарингии или Зундгау.

Может быть, мы должны были соблазнить на мир предложением уступок наших пограничных областей? Такая мысль, конечно, не могла зародиться в по-немецки мыслящем мозгу. Мы должны были бы на это пойти, если бы хотели еще ухудшить условия нашей обороны и ослабить наши политические и экономические силы. Сегодня мы это как-раз и переживаем.

Война была начата, мы должны были стремиться с оружием в руках добиться благоприятного ее разрешения или соглашаться на поражение, когда у нас имелись достаточные силы, чтобы его избежать. Хоть бы Германия поняла это теперь, когда стало уже совершенно ясно, что все лозунги Антанты о праве самоопределения наций, об отказе от анексий и контрибуций, о разоружении и свободе морей были сплошной химерой и останутся таковой.

Каждая человеческая жизнь представляет собой борьбу в миниатюре; внутри государства партии борются за власть, а во всем мире также борются народы—так это было и так всегда будет. Это—закон природы. Культура и цивилизации человечества могут умерить борьбу за власть и смягчить средства борьбы, но уничтожить ее никогда не смогут, так как за этот закон борется природа человека, а в конечном результате и природа вообще. Природа — это

борьба! Если сильный и добрый не будет побеждать, то все подлое могущественно начнет выпирать; благородное, которому не суждено погибнуть, должно защищаться, бороться и действовать силой. Благородное может сохраниться на поверхности земли только в том случае, если оно располагает силой.

VIII [1]).

Внутренние события в Германии продолжали развиваться неблагоприятно. В рейхстаге борьба партий с правительством и властью принимала все более резкие формы. Эта сущность парламентаризма, представителями коего являются профессиональные политики, облекаемая во всевозможные лозунги, проявлялась с все большей наготой и цинизмом. Имперский канцлер доктор Михаэлис противился парламентаризму, как и раньше, вследствие чего вскоре стал жертвой своей деятельности. Он расходовал все свои силы на эту борьбу, и у него не оставалось времени, чтобы работать для войны.

В ответе Соединенных Штатов на папскую ноту, Вильсон еще раз сделал попытку вмешаться во внутренние дела Германии и отделить народ от правительства. В рейхстаге эта попытка вызвала отпор. Но у нас и тут не хватило сил реагировать на это со священным негодованием.

События во флоте летом 1917 года ясно подчеркнули, как широко уже распространился революционный дух. Вопрос шел о забастовке флота, чтобы принудить заключить мир. Эти факты не получили надлежащей оценки, и серьезное предупреждение не было использовано.

Правительство выступило недостаточно мощно. В его заявлениях сквозила вся неуверенность чувствующей себя слабой правительственной власти. Имперский канцлер доктор Михаэлис, правда, ясно видел опасность, которую представляла независимая социал-демократия для ведения войны, но он не пресекал революционного воздействия этой партии. Ее пресса, нездоровое влияние которой было доказано, продолжала печатать разлагающие статьи.

Рейхстаг не отдавал себе отчета в своих задачах во время войны, и выдающиеся депутаты защищали народных представителей, причастность которых к событиям во флоте была доказана, и которые жаждали революции и подрывали дисциплину. Германский народ не был достаточно научен невероятной серьезностью событий.

Подобный образ жизни должен был неизмеримо вредно отозваться на фронте. Но и в армии также обсуждались происшествия в мор-

[1]) В немецком оригинале две VII главы. Таких опечаток, до вызванной войной разрухи, в германской печати не встречалось. *Примечание переводчика.*

ском ведомстве; проявленная слабость власти произвела глубокое впечатление.

После мимолетного под'ема, моральная боеспособность германских войск с июля месяца опять быстро пала до очень низкой ступени; стали проявляться признаки тех настроений, которым осенью 1918 и в 1919 году суждено было обезоружить германский народ. Наше предложение взяться за руководство печатью и политико-просветительную работу внутри Германии не встретило сколько-нибудь отвечающего серьезности обстановки сочувствия, несмотря на распространение революции в России и несмотря на явления во флоте.

После обсуждения с военным министерством, верховное командование выяснило, что давно пора создать инстанцию, которая об'единяла бы мероприятия по защите государственного строя от попыток внутреннего переворота. Соответственные предложения были направлены в Берлин и обсуждались там с имперскими властями. Но опять ничего не было достигнуто. Тогда представитель верховного командования предложил организовать соответственное отделение при замещающем генеральный штаб управлении. На него все согласились. Деятельность этого отделения твердо установилась, но его работа вскоре приобрела высокополитический характер; любопытно, что несмотря на возбужденное мною ходатайство, которое я считал вполне обоснованным, правительство отказалось взять его в свое ведение. Верховному командованию ничего больше не оставалось, как! опять взять на себя задачу, выходившую из круга его обязанностей

Нелады нашей военно-хозяйственной жизни становились все более явными и оказывали все более пагубное влияние.

Наше экономическое положение также обострилось, и в жизни все больше сказывался недостаток в сырье.

С продовольственным вопросом мы более или менее справились, но приходилось трудно. Зимой 1916—17 года не было возможности перевезти картофель, и его пришлось заменить брюквой. В этот период многие голодали. Весной и летом условия несколько улучшились. Нам хватило продовольствия только благодаря румынской пшенице и кукурузе. Применение в широких размерах ранней уборки позволило пережить критический период между старым и новым урожаем. Таким образом мы жили за счет будущего.

В фураже также была большая нехватка, и в этом нам помог ранний выгон. Урожай овса был неважный, и покос также дал немного. Можно было предвидеть, что условия довольствия фуражом станут еще труднее.

Углем мы, повидимому, были более обеспечены, чем в зиму 1916—17 года. Но топливо для жилищ подвозилось скудно.

Запасы нефти были чрезвычайно ограниченные; повышение добычи нефти в Румынии требовало дальнейших усилий.

В деревнях опять надо было ожидать зимних вечеров без освещения.

В момент отставки имперского канцлера доктора Михаэлиса перспективы на будущее представлялись исключительно серьезными. Я надеялся, что развал России, в котором больше нельзя было сомневаться, в конце концов поднимет настроение. В связи с нашими блестящими успехами в Италии и геройскими подвигами на западном фронте, этого было достаточно, чтобы вызвать бодрость и изгладить разочарование, произведенное неполным успехом подводной войны. Народы Антанты в то время не имели таких ободряющих данных, они терпели только неудачи, но, несмотря на это, они и их правительства обладали силой воли; их сильная национальная мысль поддерживала великих государственных людей, которые мощно вели их за собой. Элементам сопротивления не давали проявляться. Германия, на свое несчастие, избрала противоположный политический путь. Рейхстаг противился установлению твердой власти, а антимилитаристически настроенные элементы завладевали народом. Политическое руководство канцлера оказалось не на высоте. Таким образом внутренние условия воюющих государств все больше складывались в ущерб нам. Надежды противника на наш внутренний развал являлись противовесом его военным разочарованиям. Мы не могли искоренить у сильнейшего нас неприятеля эти надежды, и последние создавали, несмотря на наше выгодное военное положение, глубокую разницу в вере в окончательную победу между борющимися друг с другом народами.

В конце октября доктора Михаэлиса сменил граф фон-Гертлинг. Он был первым имперским канцлером, назначение которого последовало по соглашению императора с большинством рейхстага. Взаимоотношение сил уже настолько изменилось в пользу парламента, что оно находило себе выражение даже в различных министерских назначениях. С этого момента большинство рейхстага еще более подчеркнутым образом, чем прежде, брало на себя ответственность за судьбу германского народа.

Верховное командование узнало об этом назначении лишь когда оно было уже твердо решено. Граф фон-Гертлинг изменил за это время свое мнение о нас в лучшую сторону. Я не был с ним знаком. Мы ожидали от него разрешения задач, которые ложатся на каждое правительство по отношению к ведению войны: энергичное внутреннее руководство, поднятие нашей моральной боеспособности и урегулирование комплектования, с докладом о котором мы уже обращались к доктору Михаэлис, а также широкая пропаганда среди наших врагов.

Я возобновил сношения с военным министром и с директором военного департамента, каковую должность уже давно занимал гене-

рал Шейх, относительно необходимости увеличения подвоза сил и средств к армии, но не нашел и в них деловой решимости. Оба они несомненно находились под впечатлением запутанных внутренних отношений и чувствовали себя ими связанными, вместо того, чтобы работать над их улучшением.

Я все время возвращался к тому, что осенью 1916 года обусловило мои проекты, а именно к действительному использованию для победы всех сил германского народа. Было совершенно ясно, что закон о вспомогательной службе не отвечает своему назначению и даже вредно сказывается. Он недостаточно использовал рабочую энергию каждого отдельного немца на службу отечества и не возвращал армии в достаточном количестве опротестованных. Так же не отмечалось никаких успехов в вопросе о сближении рабочих с предпринимателями, имевшем столь важное значение, особенно для переходного хозяйственного периода и для поддержания порядка в стране на время после войны.

По желанию генерала Шейха, генерал-фельдмаршал и я приняли сначала представителей свободных профессиональных союзов, а затем и представителей христианских союзов и союза служащих. Мы сделали им серьезные указания на необходимость поддержать и поднять дух родины, при падении которого непременно должен был страдать и дух войск. Входить самим в обсуждение закона о вспомогательной службе не составляло нашей обязанности по занимаемым нами должостям. Они обещали нам свою поддержку относительно поднятия духа и высказались против забастовок; к моему удовлетворению они чувствовали свою великую ответственность. Они сообщили мне целый ряд отдельных пожеланий относительно условий труда на родине, которые меня очень озабочивали, хотя я и не имел к ним непосредственного касательства. Эти заявления были переданы в соответственное имперское учреждение с ходатайством устранить недоразумения. Я надеюсь, что в разговоре с этими представителями мне удалось раз'яснить внутреннюю связь между армией и родиной, и что они согласились с огромным значением, которые я придавал внутренним условиям для успешного ведения войны. Они были нашими гостями за обедом и вероятно почувствовали, что мы относимся с уважением к людям, расходящимся с нами во взглядах, и стремимся к совместной с ними работе на благо отечества. Праздные разговоры о том, что к нам вхожи только представители тяжелой индустрии, после этого несколько примолкли. И действительно, мы жили совершенно другими воззрениями. Мы чувствовали себя вождями всего вооруженного народа, а не только одной части имевшего тогда еще права на оружие народа. В этом мы так же находились, хотя и не в открытом, противоречии к правительству, которое сознательно и исключительно опиралось на левое большинство рейхстага, представлявшее более

или менее демократическую и радикальную часть народа, и совершенно игнорировало другую. Законодательство с уклоном влево, облегчавшее стачки и лишавшее защиты стремящихся к работе, дававшее право собраний и союзов молодежи и оставлявшее ее таким образом на произвол собственного невежества, вместо того, чтобы ее воспитывать, и одновременное гонение на правых, ясно показывало, по какому пути пошло правительство.

Я вошел в обсуждение с военным министром печальных явлений на родине, и между прочим указал на недостаточный, с моей точки зрения, надзор за печатью. Были рассмотрены условия, в которых находились гарнизонные войска. Обучение и дисциплина запасных частей оставляли желать лучшего, отдание чести становилось небрежным и часто вовсе не исполнялось. Работа гарнизонных войск несомненно была связана с большими трудностями. И здесь все больше сказывался недостаток подходящих офицеров. Правда, находившиеся на фронте части не могли отдавать способных переносить трудности похода офицеров, но ведь имелось много увечных офицеров, которые еще сохранили прежнюю силу воли. Но они также уклонялись от службы; причина, побуждавшая их к уклонению, часто заключалась в исключительно низких окладах содержания на родине. Здесь можно было добиться изменения условий только работой в широком масштабе. Вся же обстановка, сложившаяся в запасных частях, указывала военному министерству на необходимость по возможности усилить запасные части действующих армий, чтобы тем самым уменьшить число запасных на родине, и вести обучение их в непосредственном соприкосновении с получившими закал на фронте солдатами. Зимой 1917—18 года в фронтовые запасные части были отправлены родившиеся в 1899 году.

Я вновь отдал себе отчет относительно обеспеченности продолжения войны. Я считал вопрос об укомплектованиях столь важным, что находил необходимым и участие народа в его решении. Только таким путем вопрос мог быть разрешен и только в этой работе народ мог отдать себе ясное представление и сам решить собственную судьбу. 10 сентября 1917 года по этому поводу верховное командование направило серьезное представление имперскому канцлеру. Генерал-фельдмаршал писал следующее:

„Пополнение действующей армии в настоящее время недостаточно, и особенно резко сказывается недостаток обученных запасных во всех родах оружия...

Если не удастся создать необходимые пополнения для армии, то исход войны станет сомнительным".

Чтобы получить укомплектования, мы считали необходимым, помимо повышения воинственного настроения и соответственной политико-просветительной работы, а также и изменения закона о вспо-

могательной службе, повысить производительность рабочего; это должно было позволить не позже весны 1918 года вызвать на фронт возможно большее число людей, способных переносить тягости похода и занятых сейчас в промышленности; мы считали также необходимым удлинить сроки службы, на которые распространялась воинская повинность. Доклад заканчивался так:

„Я считаю своим долгом подчеркнуть следующее: обстановка сложится критически, если мы немедленно не приступим к энергичной работе. Если мы будем действовать в этом направлении, то армия сможет успешно закончить войну.

По всем вышеупомянутым вопросам на все ответственные инстанции ложится огромная ответственность. В особенности не должно оставаться никаких сомнений ни у рейхстага, ни у профессиональных союзов, что они своей медлительностью или противодействием возложат на себя тягчайшую вину.

Несколько месяцев уже упущено; необходимость быстрого разрешения поднятых вопросов не требует доказательств".

Этот доклад также не имел никакого успеха. Был ли ознакомлен с ним рейхстаг, мне не известно.

После того, как я имел возможность ближе изучить имперского канцлера графа фон-Гертлинга, я должен был убедиться, что он также не являлся канцлером, который бы мог вести войну. Граф фон-Гертлинг целиком стоял на точке зрения большинства рейхстага, ставленником которого он в известной степени и был, и проводил программу соглашательского мира. Это он совершенно ясно и отчетливо высказал в своих первых же больших речах, не возбудив этим ни малейшего отклика в странах Антанты.

Он называл себя „соглашательским канцлером". Я же полагал, что время для соглашения тогда еще не настало. Нам нужен был канцлер, который всецело бы жил задачами, пред'явленными войной к его высокому посту, который бы действовал энергично и решительно, и пояснял бы народу угрожающие ему опасности. Но это все противоречило природе графа фон-Гертлинга. Он был искусен в обращении с партиями рейхстага, но все-таки уступал им даже в тех случаях, когда последние расходились с требованиями военных властей. Принять должность графа фон-Гертлинга побудили честные стремления, но время требовало более сильной личности. Нагрузка работой была ему не по силам при его преклонном возрасте и дряхлости. Должен ли я был вновь указать на это его величеству? Но кто же мог быть назначен канцлером, после того как император дважды высказался против кандидатуры графа фон-Бюлова и адмирала фон-Тирпица? Откуда явится человек, который станет у образовавшейся бреши и будет ее защищать, который об'единит и поведет народ принудительным могуществом выставленных им целей?

Многие обращались ко мне с предложением выставить мою кандидатуру на должность канцлера. Но эта идея была ошибочна, несмотря на лежавшие в ее основе добрые намерения. Работа, с которой я и так должен был справляться, была огромной; чтобы вести мировую войну, мне надо было владеть всем ее механизмом. Это одно уже требовало необычайной работоспособности, и на ряду с ней возложить на себя еще руководство с таким трудом работающим правительством, которое предъявляло еще большие требования ко всей человеческой личности, было совершенно немыслимым. Ллойд Джордж и Клемансо могли быть диктаторами, но они не занимались детальными вопросами войны. Германии необходим был диктатор, который пребывал бы в Берлине, а не в ставке. Такой диктатор должен был быть способен вполне охватить и понять условия, сложившиеся на родине, и, вероятно, Берлин последовал бы за ним. Я не мог взять на себя эту задачу; это выяснилось мне в пережитой мною внутренней борьбе. Меня останавливал не страх перед ответственностью, но ясное понимание того, что сил одного человека не может хватить, чтобы руководить одновременно народом на родине и войсками на фронте в мировую войну народов, особенно имея в виду те затруднения и трения, которые встретят меня, как явного представителя милитаризма. Обстоятельства складывались весьма отлично от предыдущих войн. Аналогии, которые мне тогда приводились, ни в коем случае не отвечали условиям времени и обстоятельств. Фридрих Великий был монархом и обладал авторитетом, базировавшимся на милости божией, за Наполеоном, по крайней мере в начале его блестящей карьеры, стояла вся Франция. Во всяком случае, было бесспорно, что власть должна быть сосредоточена в одних руках.

Мне не оставалось ничего другого, как на ряду с моими большими задачами на фронте, продолжать вести борьбу с правительством, чтобы получить то, что требовалось армии для того, чтобы одержать последнюю и окончательную победу. Я сознавал трудность задачи, но надеялся, что развал России сделает возможным счастливое ее разрешение. В этом заключалось различие с положением, создавшимся в июне 1917 года, когда вышел в отставку первый канцлер, начавший войну.

IX.

Помимо вопроса о мире, в политическом отношении на первое место выдвигался австро-польский вопрос. Графу Чернину удалось склонить на свою сторону сначала его величество, а затем и имперского канцлера и статс-секретаря фон-Кюльмана. Как только имперский канцлер граф Гертлинг вступил в исполнение своих обязанностей,

в Берлине был созван для обсуждения австро-польского вопроса коронный совет, на который были вызваны генерал-фельдмаршал и я. Граф фон-Гертлинг и статс-секретарь фон-Кюльман были баварскими подданными, вице-канцлер фон-Пайер — Виртенбержец. Интересы прусских восточных провинций были им чужды, и они стали на точку зрения австро-польского решения; остальные министры и статс-секретари в основных чертах к ним присоединились. Генерал-фельдмаршал и я серьезно возражали против такого разрешения вопроса. Руководящим основанием для нашего отрицательного голосования являлись военные соображения. Обстановка, как она сложилась теперь, дает подтверждение моей мысли, хотя и иное, в сравнении с проводимыми мною тогда соображениями.

Но большинство оказалось не на стороне генерал-фельдмаршала и меня. Император приказал нам обдумать, какие военные предпосылки сделали бы для нас приемлемым австро-польское решение.

Мы искали соответственного этому указанию исхода. Он намечался единственно в расширении анексируемой оборонительной полосы на всю прусскую границу.

После указаний, данных в августе для области Главнокомандующего Востоком, события в Курляндии развивались благоприятно, но в Литве приняли нежелательное направление.

В сентябре майору фон-Гослеру удалось, согласно постановлению главнокомандующего востоком, образовать в Митаве земский совет (ландсрат). Он мог опереться на имевшую старые исторические корни конституционную жизнь Курляндии. Дворянство довольно единодушно пошло за ним. Дворянство звало латышей также принять участие в образовании ландсрата. Последние согласились. Те, которые видели спасение страны лишь в ниспровержении всего существующего строя, не удовлетворились данными латышам правами. Правда, эти права были не велики, но оставались все возможности к их постепенному дальнейшему развитию; главное, что было достигнуто, это приобщение латышей к конституционной работе. В Митаве состоялось торжественное открытие ландсрата, который составил всеподданнейший адрес, в котором просил его величество взять на себя защиту Курляндии и принять титул герцога Курляндского. Имперское правительство пошло навстречу, хотя воздержалось от занятия по отношению к Курляндии определенной позиции.

В Литве все резче выступали на первой план неясные стремления местной демократии. В Вильне ландсрат был преобразован из совещательного совета. Но он показал себя неработоспособным, и политическая жизнь зашла в тупик.

Перед своим уходом, имперский канцлер доктор Михаэлис об'ехал Литву и Курляндию, и я ожидал, что за этим на востоке

о следуют большие изменения. По его вызову я должен был в первых числах ноября прибыть в Берлин. Его неожиданная отставка нарушила все мои планы.

В начале ноября я поехал в Берлин. Намеченное заседание по вопросу об области Главнокомандующего Востоком состоялось 4-го ноября под председательством только-что вступившего в должность имперского канцлера графа фон-Гертлинга. На этом заседании я предполагал установить отношения Курляндии и Литвы к Германии и обеспечить согласие на составленные мною с прежним имперским канцлером проекты. Одновременно я хотел укрепить положение начальника административного управления востока, который должен был являться в стране единственным авторитетом, в деятельность коего не должны были вмешиваться ни какие-либо депутаты, ни имперский канцлер, ни верховное командование. Наша линия политики в области главнокомандующего Востоком как раньше, так и теперь, была определенно направлена на присоединение Курляндии и Литвы к Германии и на установление династического союза с домом Гогенцоллернов. В интересах нашего будущего я считал желательным возможно скорее окончательно раз'яснить положение обоих ландсратов. В Курляндии главная работа была уже сделана, и оставалось только выполнить формальности. В Вильне же, наоборот, предстояло еще преодолеть исключительные трудности. Но на их устранение можно было определенно надеяться, как только начальник административного управления получит ясные указания, и исчезнет неуверенность в наших отношениях к Литве. Тем самым в обоих государствах должно было быть заложено основание их внутреннего устройства, а также военной, экономической и политической связи с Германией.

На заседании я не встретил возражений. Представители главнокомандующего востоком, которые еще не были так хорошо знакомы с Берлином, как я, радовались, что они наконец смогут двинуть вперед начатую работу. Но я сохранял скептическое отношение, и оказался прав. Отношения к Литве остались запутанными. Литовская демократия начала дикую травлю начальника административного управления графа фон-Изенбурга. В большинстве случаев, обвинения основывались на условиях, вызванных войной, которые, конечно, не могли быть вменены в вину административному управлению. Но такое убеждение создалось, и, как всегда в политической борьбе мнений, побороть его фактическими доказательствами было невозможно. Литовские демократы в Вильне встречали отклик в партиях большинства рейхстага, а последние в министерстве иностранных дел. Постепенно литовцы привыкли не видеть в военном управлении олицетворения авторитета германской нации, и скоро сообразили, что отдельные депутаты обладают большей властью, чем само прави-

тельство. Депутатам же нравилось вести свою собственную политику в Литве, хотя они не имели никакого понятия о стране. Правительство зорко смотрело за тем, чтобы верховное командование не проводило в Литве линию собственной политики, что вовсе не входило в наши намерения, но предоставило депутатам кричать направо и налево. Под их влиянием министерство иностранных дел в Берлине трактовало литовский вопрос с точки зрения ложно-понимаемых требований внутренней политики в Германии, а не на основании условий, складывавшихся в самой Литве. Внутренняя политика и здесь оказывала руководящее влияние на линию поведения правительства во внешней политике. Находясь на таком пути, в Литве невозможно было создать здоровые условия; каждый шаг начальника административного управления, авторитет которого подрывался в Берлине, должен был терпеть неудачу. На совещании 4-го ноября я сделал последнюю попытку привести в порядок литовскую неурядицу. Впоследствии я ограничивался лишь предотвращением мероприятий, грозивших непосредственным ущербом.

Подполковник князь фон-Изенбург, убедившись, что политическая ориентировка, которую он находил правильной, отвергнута, счел себя вынужденным подать прошение об отставке.

В середине декабря имперский канцлер открыл литовцам возможность перспективы, что Литва с главным городом Вильной будет признана свободной и независимой, но что она должна при этом обязаться заключить различные конвенции с Германской Империей. Такая Литва могла бы легко попасть в орбиту Польши, если бы только конвенции не предусмотрели условий, обеспечивающих влияние Германии. Но поведение литовцев подавало мало надежд. Наши шансы должны были еще уменьшиться, если бы мы продолжали делать новые уступки неясным литовским пожеланиям. Стремления отдельных литовцев и влиятельного виртенбергского депутата сводились к передаче литовского престола одному из принцев виртенбергского королевского дома, но одновременно имелись виды и на царствующую саксонскую династию. Любой князь имел бы в Вильне при своем дворе польское дворянство, офицеры в литовской армии, как и большинство чиновников, оказались бы поляками. Только Германия — Пруссия могла бы сохранить Литву для нее самой и поставить ей чиновников и офицеров, которых она в среде своих литовцев еще долгое время не могла бы найти в достаточном количестве. Одними политическими лозунгами нельзя создать жизнеспособных государств и сохранить существование мелких наций. В виду этого меня мало удовлетворяло такое решение, встречавшее всеобщее сочувствие, так как я считал его весьма опасным для будущего Германии. Примечательно, что у поляков оно не вызывало беспокойства; действительно, они имели основание быть довольными.

Верховное командование осталось на своей прежней точке зрения, которая в свое время была одобрена имперским канцлером и которая сводилась к тесному слиянию Литвы с Германией посредством династической унии с домом Гогенцоллернов.

Восточный вопрос еще раз обсуждался 18-го декабря на совещании в Крейцнахе, под председательством его величества, собранном для установления условий мира, которые должны были быть поставлены России. Император заявил, при чем имперский канцлер и статс-секретарь министерства иностранных дел не представили возражений, что он согласен с проектом присоединения оборонительной полосы вдоль прусско-польской границы в тех размерах, которые мы признавали удовлетворительными. Имперский канцлер согласился с мыслью династической унии Литвы и Курляндии с Пруссией или Германией, при условии одобрения этого решения монархами германского союза. Его величество присоединился к этому решению и еще раз подчеркнул необходимость в пределах этих новых государств предоставлять многочисленным народам развиваться самостоятельно. Это означало, что в национальной политике в Курляндии и в Литве мы будем придерживаться прежнего направления, если в будущем на восточной границе не явятся новые опасности для Германской империи.

Относительно Эстляндии и Лифляндии его величество решил предложить России очистить эти области, но не настаивать на этом требовании, чтобы предоставить эстонцам и латышам использовать право самоопределения наций.

Таковы были основные данные статс-секретаря фон-Кюльмана для предстоявших мирных переговоров.

Между тем произошла перемена в административном управлении области Главнокомандующего Востоком. Во главе управления был поставлен особый „административный генерал", Генерал граф фон-Вальдерзэ, и одновременно этим была создана должность высшего гражданского администратора, на которую был назначен помощник статс-секретаря барон фон-Фалькенгаузен. Это изменение управления исходило из стремления считаться в большем размере с политическими потребностями страны и итти навстречу пожеланиям имперского канцлера. Генерал граф фон-Вальдерзэ и помощник статс-секретаря барон фон-Фалькенгаузен очень осмотрительно и искусно справились со своими обязанностями. Но при неопределенной позиции Берлина, они также были лишены возможности творческой работы.

При имперском канцлере графе фон-Гертлинге, эльзас-лотарингский вопрос вступил в новое русло, так как канцлер был решительным сторонником разделения Эльзас-Лотарингии, при чем Эльзас должен был отойти к Баварии, а Лотарингия к Пруссии. Имперский

канцлер фон-Бетман уже вел об этом переговоры с Баварией. Я не ожидал ничего хорошего от этих планов и опасался, что они могут вызвать разочарование, в особенности в Виртенберге. Мы только могли просить имперского канцлера приступить сначала к капитальному обсуждению этого вопроса, и лишь затем предпринимать дальнейшие шаги. С тех пор этот вопрос больше не возбуждался. Я надеялся, что имперский канцлер по меньшей мере использует в Риме свое влияние старого вождя партии центра и бывшего министра-президента Баварии, чтобы разрешить церковный вопрос в имперской провинции в германском национальном духе; но граф фон-Гертлинг ничего не предпринял.

Подготовка к наступлению на западе в 1918 году.

I.

На рубеже 1917—18 года обстановка на суше, вследствие выхода из войны России, сложилась для нас выгоднее, чем за год перед тем. Мы вновь, как в 1914 и 1916 году, могли ставить перед собой задачу разрешения войны посредством наступления на суше. Соотношение сил складывалось для нас так благоприятно, как никогда.

В экономическом отношении подводная война еще не дала тех результатов, которых ожидал начальник морского штаба, и на которые я надеялся, основываясь на оценке сведующих лиц. Несмотря на уверения моряков, что по вопросу о постройке подводных лодок делается все возможное, я постоянно возвращался к нему. Ко мне обращались с письмами депутаты, которые меня уверяли, что число строющихся подводных лодок может быть увеличено. Эти письменные обращения мне были приятны, так как в них заключалось признание моих стремлений вести войну с полной энергией, но с другой стороны они меня поражали. Собственно говоря, я не имел законного касательства к постройке подводных лодок. Мне часто приходилось выслушивать упреки в том, что я вмешиваюсь в дела, которые выходят из круга моего ведения. Вообще это стало характерным явлением: что бы на родине ни потребовалось провести, обращались ко мне. Но в последнем случае я, к сожалению, не мог изобрести ничего другого, как настойчиво возобновить обсуждения с соответственными морскими властями. Верховное командование само уже давно отдало приказ по армии, чтобы все именные требования на отозвание в тыл отдельных лиц немедленно удовлетворялись. Далее итти в освобождении рабочей силы мы не могли. По списку распределения сырья обеспечение строительства подводных лодок выдвигалось на первое место, и всем потребностям этого строительства вер-

ховное командование уделяло величайшее внимание. Вопрос заключался в том, каковы будут результаты подводной войны весной 1918 года? Если подводные лодки не смогут поколебать экономические основы существования Англии, то не уменьшат ли они по крайней мере настолько тоннаж, что Америка не будет в состоянии в короткий промежуток времени перебросить свои новые формирования на материк, и смогут ли они, продолжая борьбу за уменьшение неприятельского тоннажа, топить также и американские транспорты с войсками?

В июне 1917 года депутат Эрцбергер обсуждал со мной значение мирового тоннажа для успешности действия подводной войны, и высказался по этому же поводу в рейхстаге. Несомненно мировой тоннаж оказал большое влияние на результаты подводной войны, но не мог иметь для них решающего значения. Так, например, для поддержки сообщений с Америкой, Англия могла привлечь суда, обычно совершавшие рейсы между Англией и Австралией; но в таком случае там в них должен был оказаться недостаток, и австралийский хлеб, предназначавшийся для Англии, остался бы в Австралии, и отпал бы для снабжения Англии и прочих государств Антанты. С моей точки зрения, понятие „мировой тоннаж“ еще не разрешает вопроса, почему подводная война не поставила Антанту в безвыходное положение и не дала решение войны. Повышение продукции сельского хозяйства Англии также облегчило ее экономическую жизнь и умалило действительность подводной войны. Развилось ли судостроение Антанты более широко, чем первоначально исчислялось нами, и получила ли она в нем новый источник транспортных средств, я не могу решить. Главная причина заключалась в том, что за эти два года войны Антанта имела возможность экономически приспособиться к подводной войне и подготовиться к вооруженному противодействию. 7 сентября 1918 года „Экономист“ писал следующее: „Но флот... (конечно при помощи Америки!) восторжествовал над угрозой, представляемой подводными лодками, и сильно сократил их действительность“. Во время войны проникнуть взором в будущее еще труднее, чем в мирное время, в особенности при столь запутанных обстоятельствах, которые надо учитывать при оценке возможных результатов подводной войны. Неприятель также не мог в них разобраться. Таким образом об'ясняется, что наше морское ведомство не сумело достаточно точно учесть все решающие данные, хотя его ответственные лица работали и составляли все расчеты с полной добросовестностью. Если к октябрю 1918 года подводная война и не дала решающих результатов, но всеже ее воздействие тяжело отозвалось на наших противниках. 3 октября 1918 года „Morning Post“ писал следующее: „Это была величайшая опасность, которая когда-либо надвигалась на Англию“. Было бы также ошибочно не дооценивать огромное

влияние подводной войны на общую экономическую жизнь Антанты и не учитывать то облегчение, которое она давала западному фронту. Дальнейшее разъяснение этой многосторонней проблемы надо предоставить истории. Во всяком случае действия экипажей подводных лодок навсегда останутся блестящими геройскими подвигами, которыми могут гордиться отечество и флот.

На рубеже 1917—18 годов я считался еще с надеждами морского ведомства, которые, как и раньше, оставались радостными. Однако, я стал более скептичен, и моя мысль все время останавливалась на прибытии весной 1918 года новых формирований Соединенных Штатов. Какова будет численность американского десанта, нельзя было предугадать; конечно, можно было с уверенностью расчитывать, что Америка не будет в состоянии заменить Антанте убыль русских сил, но также надо было помнить, что весной для нас сложатся более выгодные соотношения сил, чем в течение лета и осени того же года, и что, следовательно, мы должны до этого времени одержать большую победу.

В конце осени верховное командование стояло перед важнейшими вопросами: должно ли оно использовать весной выгодно складывавшиеся условия для нанесения большого удара на западе, или лучше, не производя таких попыток, ограничиться планомерной обороной и удовольствоваться второстепенными наступательными операциями в Италии и Македонии?

Четверной союз держался единственно надеждой на победу германского оружия.

Австро-венгерская армия вымоталась; она потеряла около 1.800.000 человек пленными, и у нея не хватало пополнений. Боеспособность армии была ограничена, но для действий против Италии в существенных чертах была достаточна. Если выход из войны России станет фактом, то можно было надеяться, что и в дальнейшем австро-венгерская армия справится со своими задачами. Удастся ли освободить силы для других целей, было сомнительно. Мы должны были быть готовы к тому, что в 1918 году австро-венгерское правительство вновь заявит, как и в 1917 году, что его армия долее известного срока больше воевать не может. Действительно, бросалось в глаза, что военные силы Австро-Венгрии подходят к концу. Было ясно, что в этом случае политическое равновесие не удержится ни на один час. Двуединая монархия держалась лишь армией.

Болгарская армия имела достаточный запас, но она также была вынуждена мобилизовать многочисленные иноплеменческие элементы. В 1917 году войска дрались сносно, и настроение повышалось. Тыловые сообщения позади всего фронта были упорядочены. Влияние германского штаба фронта и прочих управлений углубилось. Но их влияние сказывалось лишь в круге ведения германских

властей. Штаб фронта, посредством своих школ, стремился поднять обучение всей армии. Уверенный в своей работе, штаб фронта шел навстречу предстоящим боям с известными надеждами. Я часто беседовал с генералом Ганчевым, и просил его также со своей стороны воздействовать на укрепление болгарской армии. Исходя из опыта событий минувшего года, он считал положение твердым, и ему причиняла заботы лишь мобилизация греческой армии. Конечно, он пред'являл бесконечные требования на германское снаряжение и германские войска, но это входило в его служебные обязанности. В каждом его слове сквозила надежда на победу германцев на западном фронте.

Болгария захватила уже все, что она хотела удержать за собой после войны. Поскольку добыча представлялась ей обеспеченной, никто больше не интересовался войной, а думали лишь о том, как можно будет наслаждаться этими приобретениями в мирные времена. Народ и армия устали от войны. Правительство Радославова теряло под ногами почву. В стране началась агитация против правительства и против войны; ее главной целью было дать возможность и другим партиям покормиться на счет государства. В Болгарии нарастала опасность усиления влияния Антанты; эта опасность была тем более грозной, что существовавшее правительство не препятствовало травле, направленной на Германию. Недовольство страны направлялось на нас еще и потому, что мы из валютных соображений не приобрели в Болгарии достаточного количество табака. Многие болгары терпели от этого убытки. Представитель Соединенных Штатов, который все еще пребывал в Софии, очень искусно использовал этот случай, и открыл болгарам перспективы крупных доходов, которые они могут получить в полноценных швейцарских франках. Многие болгары не устояли против такого искушения. Они вновь обратились к Антанте, к которой всегда лежали их сердца.

Я всегда расценивал болгар так: они останутся нам верными лишь до тех пор, пока у нас все будет благополучно. Если же наши шансы на победу умалятся, или мы потерпим неудачу, то надо было расчитывать на то, что в действительности имело место. Почему жизнь народов будет складываться иначе, чем жизнь отдельных людей? На устойчивость армии я мог полагаться постолько, поскольку я верил в верность Болгарии.

Турция была верной союзницей, но ее силы подходили к концу. Была ли она в этом виновата или нет, не играло роли. Запас людского материала был сильно исчерпан, и армия часто существовала лишь на бумаге. Палестина должна была стать легкой добычей Англии, если войска там не будут усилены. Разгром турецких сил в Палестине мог бы вызвать значительные политические последствия, в виду чего его надо было избежать, хотя исход войны решался и не там.

В Германии настроение, повидимому, было лучше, чем у наших

союзников, но также явно значительно понизилось; моральные условия ухудшались. Во всяком случае, мое представление о нашей оставшейся народной энергии расценивало ее слишком высоко. Я надеялся, что удастся урегулировать вопрос о комплектовании.

Войска победоносно выдержали 1917 год, но выяснилось, что при невероятном количестве боевых припасов, которые расходовала Антанта, нельзя было быть уверенным, что западному фронту удастся удержаться, продолжая пассивную оборону. Нам приходилось пятиться и нести тяжелые потери даже при нормальных тактических условиях, не говоря уже о столь неблагоприятных боях, как в изгибе у Витшате или в углу у Лафо. Эта оборона стоила нам бо́льших потерь, чем наши хорошо организованные наступательные операции. Мощные боевые средства противника дали значительный перевес наступлению над нашей обороной. И это явление становилось совершенно очевидным по мере того, как наша пехота приобретала характер милиции, мы теряли убитыми и ранеными самых лучших солдат, и падение нашей дисциплины становилось все чувствительнее.

Надо было также ожидать, что противник сделает надлежащие выводы из опыта предыдущих боев и начнет наступление на широком фронте, как он его предпринял в апреле и мае в течение двойного сражения на р. Эн и в Шампани, и будет искать успеха во внезапности. Возможность к тому ему давало массовое употребление огромных технических средств. Эти атаки должны были потребовать от нас еще большего напряжения.

На войсках чрезвычайно тяжело отражался постоянный оборонительный образ действий. Появилось много халупников, которые вновь оказывались в своих частях, когда бой кончался. Постепенно вошло в правило, что дивизии, выходившие из боя с отчаянно ничтожной наличностью, через несколько дней оказывались по численности значительно оправившимися. Под лежавшим на них бременем неприятельских технических средств, войска при обороне уже не проявляли прежнего упорства и сопротивляемости. Войска с содроганием думали о вновь предстоящих оборонительных боях и тосковали по маневренной войне. При наступлении войска блестяще проявили себя в Румынии, Восточной Галиции, Италии и в сражении под Камбрэ, и вновь показали свое превосходство над противником в маневренной войне, хотя у них уже не было той выдержки, как в 1914 году. Также обнаруживались явления, которые показывали, что они утратили имевшуюся в начале войны сплоченность. Посколько оборона угнетала войска, постолько наступление подымало их дух. Наступление отвечало интересам армии, тогда как при обороне она должна была постепенно быть похоронена все растущим неприятельским превосходством в людях и боевых средствах. На западе войска жаждали на-

ступления, и ждали его, после развала России, с огромным душевным облегчением. Здесь я очерчиваю господствовавшие в войсках мнения о наступлении и обороне. Отсюда ясно вытекало, что войсками овладела настойчивая мысль, что война может быть закончена только наступлением. В том же смысле высказывались очень многие, в том числе и значительнейшие генералы. Само собой разумеется, что я не слепо поплыл в русло такого настроения; от этого меня предохраняло слишком сильное чувство ответственности. На мне одном лежало предложение окончательного решения, и я всегда это помнил. Пожелания войск и вождей являлись для меня только данными, по которым я судил, в чем армия сама чувствует свою силу и свою слабость.

Обстановка у нас и у наших союзников, как и условия, в которых находились войска, требовали наступления, которое бы привело к скорейшему решению. Это могло произойти только на западном фронте. Вся предыдущая война являлась лишь подходом к тому, чтобы создать такую обстановку, которая бы открывала возможность наступления с решительной целью. Но до сих пор такого случая еще не представлялось. При помощи шести-семи дивизий мы могли нанести удар Италии, но для запада таких сил было недостаточно. Я теперь оставил всякую мысль о наступлении в Италии или Македонии. Дело шло единственно о том, чтобы сосредоточить достаточные силы для наступления на западе.

Для этого требовались мощные боевые средства и сильные войска, которые, как и их начальники, получили бы соответственную подготовку для наступления. Если имелась возможность этого своевременно достигнуть, то мы не только могли, но должны были наступать. Наступление является сильнейшей формой борьбы, и оно одно может дать решение. Каждая страница военной истории подтверждает это. Наступление является эмблемой превосходства над противником. Выжидание в данном случае только принесло бы пользу неприятелю, который уверенно мог расчитывать на подкрепления.

Я ясно себе представлял, что предстоящее на западе наступление должно было явиться одной из труднейших операций мировой истории, и я из этого не делал тайны. Германский народ также должен был все принести в жертву. Чем большие потери в людях были связаны с наступлением, тем сильнее должно было быть стремление к победе и тем могучее должно было работать правительство на войну Как в свое время для сражения под Танненбергом, так и теперь, верховное командование должно было сосредоточить для решительного боя все, без чего как-нибудь можно было обойтись на других театрах войны. Мы не могли быть достаточно сильны. Но с другой стороны надо было не забывать, что все европейские фронты находились в тесной связи друг с другом. Неудача в Италии, Македонии или на востоке могла бы затормозить нашу операцию на западе.

В оставлении германских войск на итальянском фронте надобности не было, и к концу года началась их перевозка оттуда. Мы сохранили в оккупированной части Италии лишь военно-экономические интересы; территория перешла в административное ведение австро-венгерской армии. С румыно-русского фронта, несмотря на возражения болгар, мы перебросили болгарские войска в Македонию, чтобы освободить оттуда несколько германских частей.

Переброска войск из Галиции и Буковины во Францию и Бельгию уже началась в широком масштабе; было настоятельно необходимо спешно решить, какие войска подлежат переброске с Балканского полуострова и с восточного фронта. Но предварительно нам необходимо было выяснить, во что выльются наши отношения с Россией и Румынией, и какую позицию займет большевизм по отношению к Антанте и четверному союзу, не только как воюющая, но и как революционная держава. Мы должны были заблаговременно разобраться в обстановке; нам предстояли еще обширные переброски войск. Учитывая американскую опасность, нам следовало возможно раньше нанести удар на западе. Сильно подвинувшаяся подготовка армий к наступательным действиям позволяла наметить начало его на середину марта. В это время лошади уже могли найти в поле какой-нибудь подножный корм. При нашем недостатке в фураже, об этом также надо было подумать.

Если в Брест-Литовске все пройдет гладко и там удастся придти к благополучному результату, то надо было ожидать, что к этому времени на западе войска будут готовы начать с успехом наступление. Промедление не могло бы быть оправдано. Без пояснений понятно, с каким напряжением мы следили за мирными переговорами.

II.

Мирные переговоры в Брест-Литовске начались 22-го декабря 1917 года.

Так как мировая война продолжалась, то ход их должен был оказать большое влияние на военные решения. В конце концов, вопрос сводился к тому, будут ли эти переговоры вестись так, чтобы мы могли перейти в наступление и успешно закончить эту титаническую борьбу, чтобы избежать печальной судьбы побежденных.

Для будущего Германии было очень важно, чтобы разрешение восточного вопроса отвечало интересам Германии и Пруссии, и по возможности ограничивало польскую опасность. Принятые 18-го декабря в Крейднахе решения, может быть, являлись новым добавочным аргументом.

На лиц, взявших на себя ведение переговоров, ложилась исключительно тяжкая ответственность. Она нисколько не облегчалась на-

строением на родине, создавшимся под влиянием неприятельской пропаганды, которой не противодействовало сильное и стремящееся к ясно сознанной цели правительство. Из опасения возбудить недовольство противника и тем самым затруднить мир, правительство, совершенно игнорируя неприятельскую волю к победе, подходило с отрицательной критикой ко всякой реальной деятельности, не считаясь с тем, что оно этим приносило вред интересам отечества и ведению войны, а следовательно и возможности заключить конечный мир.

Германским уполномоченным в Брест-Литовске был назначен статс-секретарь фон-Кюльман; ему был подчинен особый представитель верховного командования, генерал Гофман. Австро-Венгрия командировала графа Чернина. Остальные государства четверного союза также прислали своих представителей. Статс-секретарь фон-Кюльман отказался от председательства, и оно чередовалось между представителями четверного союза.

Уполномоченные России были во всех отношениях признаны равноправными, и сразу сделали несколько предложений.

25-го декабря граф Чернин, от имени четверного союза, выразил согласие на предложенный русскими мир без насильственных анексий и уплаты военных убытков.

На этих основаниях государствам Антанты также было предложено принять участие в общих мирных переговорах, при чем им был предоставлен срок до 10 часов вечера 4 января.

Руководящий дипломат четверного союза, граф Чернин, раз'ясняет ныне, что если бы Антанта в то время выразила готовность на заключение общего мира, то принцип „без анексий“ был бы осуществлен полностью.

Право самоопределения народов получило неясное и не отвечающее германским интересам толкование.

Вместо простых и определенных требований, был выставлен целый ряд точек зрения, требовавших продолжительного обсуждения. Приглашение Антанты также могло вызвать лишь задержку, так как не имело никаких шансов быть принятым. Все это не соответствовало постановлениям, принятым 18-го декабря в совещании под председательством его величества. Наше будущее на востоке было поставлено под сомнение. Теперь уже нельзя было предвидеть, как будут держаться латыши; невероятно возросла опасность, что Литва и Белоруссия ускользнут к Польше; последнее, в общем, довольно хорошо отвечало интересам Австро-Венгрии. О необходимости военного обеспечения границ совершенно не думали. Я говорил с генералом Гофманом и выразил ему сожаление, что переговоры приняли такой оборот. Но он мне совершенно резонно ответил, что он предполагал, что именно так все и было решено 18-го декабря в Крейцнахе. Тогда я ему разъяснил, что мы никоим образом об этом осведомлены не были,

и поручил ему, уже по установлении четырнадцатидневного срока, настоять, чтобы статс-секретарь фон-Кюльман по меньшей мере обеспечил наши планы относительно Курляндии и Литвы, и сохранил за нами возможность присоединения оборонительной полосы от Польши, в соответствии с существовавшими до сих пор, на основании указаний его величества и соглашений с имперским канцлером, представлениями об интересах империи. После заявления генерала Гофмана, статс-секретарь фон-Кюльман в курляндском и литовском вопросах занял позицию, приближающуюся к принятым в Крейцнахе соглашениям; этим он несомненно вошел в известное противоречие с графом Черниным. Последний, чтобы нажать на статс-секретаря фон-Кюльмана, стал совершенно непонятным образом угрожать заключением Австро-Венгрией сепаратного мира. В общем, для ведения переговоров явилось помехой, что предварительно державы четверного союза не вошли ни в какие соглашения.

В речах большевистских представителей России с самого начала просвечивало, что Антанта стремится затянуть переговоры, и что сами большевики расчитывают на поддержку Антанты, на своем пути к достижению всемирной революции. Они стремились превратить брестские переговоры в широкий агитационный поход для пропаганды своих идей. По нашим внутренним условиям это представляло большую опасность, так как только очень немногие понимали силу разлагающего влияния большевизма в социальном отношении. Его не замечали и не дооценивали прежде всего все партии большинства рейхстага. В речах большевистских представителей России в Бресте они видели только подтверждение собственных пацифистских идеалов и начало всемирного братства народов. Я стоял на совершенно иной точке зрения. Мне было ясно, что большевизм, с поддержкой Антанты или без нее, безразлично является для нас очень опасным врагом, для сдерживания которого нам придется расходовать много военных сил, даже если будет заключен мир.

В конце декабря представители расстались, не придя к каким-либо особым соглашениям, и разъехались по своим странам; в начале января, по истечении 14-ти дневного срока, они вновь должны были собраться в Бресте.

В начале января генерал-фельдмаршал и я также отправились в Берлин, чтобы переговорить со статс-секретарем фон-Кюльманом, и побудить его к скорейшему завершению переговоров. Кроме того, я хотел повидать генерала Гофмана, который также прибыл в Берлин.

2-го января состоялось совещание у его величества. Я указал, что в виду намечающегося удара на западе требуется скорейшее заключение мира на востоке, так как лишь в том случае, если заключение мира предстоит в ближайшее время, мы будем иметь возможность надлежащим образом совершить переброску войск. По военным

соображениям надо противиться всякой попытке промедления; мы обладали достаточной силой, чтобы пресечь таковые. Но особые указания в этом отношении статс-секретарю фон-Кюльману все-таки не были даны.

Затем был вновь возбужден вопрос относительно польской пограничной полосы, так как граф Чернин использовал свое присутствие в Бресте, чтобы добиться от статс-секретаря фон-Кюльмана сужения аннексируемой полосы, сравнительно с установленным для нее 18-го декабря размером. Статс-секретарь фон-Кюльман на это пошел и получил согласие генерала Гофмана, который тогда вызывался для доклада его императорским величеством. После разговора с генералом Гофманом, его величество также присоединился к мнению статс-секретаря фон-Кюльмана. Окончательное решение, естественно, принадлежало императору. Это постановление меня весьма опечалило; во-первых, потому, что я считал, что генерал-фельдмаршал и я были единственными ответственными военными советниками его величества, а во-вторых потому, что я видел в сильном сужении польской пограничной полосы опасность для Восточной и Западной прусских провинций. Я счел своим долгом еще раз подчеркнуть свою точку зрения, и получил впечатление, что возбудил этим недовольство императора.

4-го января я беседовал с генералом фон-Линкером о моих отношениях к императору. Из всего случившегося я должен был притти к заключению, что император не оказывает мне того доверия, которое мне было необходимо, вследствие возложенных на меня обязанностей на столь ответственной должности. Я просил его величество дать мне другое назначение. Генерал фон-Линкер посоветовал мне обсудить положение с генерал-фельдмаршалом, который 3-го января возвратился в Крейцнах. Я на это согласился и 5-го числа переговорил с генералом фон-Гинденбургом. Он попросил меня отказаться от этой мысли и сказал, что он берет на себя уладить это недоразумение, на что я выразил ему свое согласие.

К моему сожалению, этот инцидент стал известен в Берлине и обсуждался в связи с Брестскими переговорами. Это являлось искажением истины. В данном случае, как и позднее в 1918 г., когда я вновь подал прошение об отставке, вопрос заключался в занятии его величеством лично мне неприязненной точки зрения. Подобное отношение ко мне со стороны императора, верховного вождя армии, было для меня невыносимо и несовместимо с моими убеждениями.

К сожалению, инцидент, произошедший 2-го января, также создал несколько натянутые отношения между мной и генералом Гофманом. Но затем мы договорились.

В связи с этими событиями, 7-го января генерал-фельдмаршал представил его величеству докладную записку, в которой он выдвигал

ответственность, которая лежала тогда, как на нем, так и на мне за условия мира, которые должны были настолько усилить германский народ и создать столь удобные границы, чтобы наши враги не скоро решились опять вступить с нами в войну. Уклонение статс-секретаря фон-Кюльмана от данных 18-го декабря его величеством указаний, а также принятое 2-го января высочайшее решение по вопросу о границе с Польшей, делали сомнительной возможность достижения этой цели.

В докладной записке также указывалось на недоразумения, возникнувшие на заседании 2-го января, и на затруднительное положение, в которое генерал-фельдмаршал и я были поставлены по отношению к его величеству. Она заканчивалась так:

„Пока дело находится в стадии обсуждения, а не исполнения, до тех пор разногласия (с министерством иностранных дел) отходят как бы на второй план. Но когда от слова переходят к делу, как теперь, при австро-польском решении с Австрией или в Бресте с Россией, то разногласие во взглядах проявляется во всей своей остроте. И при каждом новом случае создавшееся ныне положение будет повторяться.

Вашему величеству принадлежит право окончательного решения. Но ваше величество не будет требовать, чтобы честные люди, которые верно служили вашему величеству и отечеству, покрывали своим авторитетом и своим именем действия, в которых они не могут участвовать, так как считают их, по своему внутреннему убеждению, вредными для интересов престола и государства.

Ваше величество не будет требовать, чтобы я представлял вашему величеству проект операций, которые принадлежат к наитруднейшим во всей мировой истории, если они не являются необходимыми для достижения определенных военно-политических целей.

Всеподданнейше прошу ваше величество принять коренное решение. Вопрос о личностях, моей и генерала Людендорфа, не должен совершенно приниматься в соображение в деле государственной важности".

Имперский канцлер граф Гертлинг прежде всего обратил свои возражения на утверждение, что генерал-фельдмаршал и я разделяем ответственность за мирные условия. Он подчеркивал, что вся ответственность ложится на него одного. Как и во времена имперского канцлера фон-Бетмана, так и теперь при графе фон-Гертлинге, в намерения генерал-фельдмаршала отнюдь не входило оспаривать их компетенцию с точки зрения государственного права. Но здесь дело шло о нашей моральной ответственности, которую мы глубоко чувствовали в душе, и сложить которую с нас никто не мог, тем более, что войска и народ совершенно явно считали генерал-фельдмаршала и меня также ответственными за заключение мира. Правительство в этом само было виновато, так как оно достаточно часто ссылалось

на согласованность своих взглядов со взглядами верховного командования, и в то же время отклоняло возражения против планов и пожеланий, которые его не удовлетворяли.

Граф Гертлинг в последнем повинен не был и всегда стремился освободиться от мнимой опеки верховного командования. Во многих случаях приемы, которыми это делалось, меня весьма удивляли. В середине января имперский канцлер опять сделал заявление, строго преследовавшее эту цель. К сожалению, правительство недостаточно точно и резко заявляло обществу, что правит государством оно, а не генерал Людендорф.

В действительности не было никаких сомнений ни в конституционной ответственности имперского канцлера, ни в неписанной моральной ответственности, ложившейся на генерал-фельдмаршала и на меня. И чем резче стремился имперский канцлер провести между нами демаркационную линию, тем более тяжелую ответственность взваливал он на себя.

Теперь мы также знаем, что граф Гертлинг отнесся с полным одобрением к речи графа Чернина, произнесенной им на Рождество в Бресте. Таким образом, граф Гертлинг держался собственной политики, что было его правом, и не считал себя связанным с нами каким-либо соглашением. Что побудило его изменить точку зрения, мне до сих пор непонятно. Мы считали принятые 18-го декабря его величеством решения обязательными и должны были расчитывать, что имперский канцлер уведомит нас об изменении их, если таковое бы последовало. В противном случае крупные недоразумения и личные трения были неизбежны. Они и оказались в действительности. Их можно было бы избежать, если бы мы были заранее поставлены в известность. По существу, мнение генерал-фельдмаршала и мое оставалось бы неизменным, но мы нашли бы для выражения наших взглядов другие слова.

Все переговоры, а равно и разъяснение, которое генерал-фельдмаршал дал его величеству, ничего не изменили, и, в частности, мы не получили никакого сообщения о том, какие военно-политические цели преследуются. На западе граф Гертлинг до сих пор ставил цель— исключить в будущем возможность обращения Бельгии в район развертывания наших врагов; это вполне отвечало взглядам верховного командования.

III.

Между тем, уполномоченные на мирные переговоры вновь собрались в Бресте. Антанта, естественно, отсутствовала. Многие с известным беспокойством ждали, вернутся ли русские. Они прибыли под предводительством Троцкого; конечно, они не могли не приехать.

Разложение русской армии быстро подвигалось вперед. Она находилась в состоянии полной дезорганизации и жаждала мира. Таким образом, наше военное положение складывалось в высшей степени благоприятно; нам не надо было даже обращаться к тем приемам, к которым впоследствии прибегла Антанта при заключении мира с Болгарией, Австро-Венгрией и Германией; надо было лишь дать твердый и определенный ход нашим несложным требованиям.

Мы широко пошли навстречу в вопросе об осуществлении права самоопределения народов. Мы отказались от нашей точки зрения что население оккупированных областей Курляндии и Литвы уже использовало предоставленное ему право на самоопределение, и согласились на новый плебисцит. Мы только требовали, чтобы опрос населения был произведен при условии расположения наших войск в этих областях. Троцкий твердо стоял на том, чтобы мы сначала очистили страну, а затем уже население будет использовать право самоопределения.

Очищение этих областей в военном отношении являлось абсурдом; они нам были необходимы для жизни, и мы вовсе не были склонны предоставить их лишенному предрассудков большевизму. Мы отказались от очищения по военным соображениям, независимо от нелепости, которая заключалась в осуществлении права самоопределения под большевистским кнутом. По обоим вопросам взгляды теперь стали более трезвыми, и точка зрения верховного командования должна была быть понятна. Если бы мы тогда очистили страну, то русские большевики уже давно бы стояли с оружием в руках на Германской земле. Большевикам также не было никакого дела до права самоопределения, и они лишь стремились к дальнейшему расширению своего господства. Они являлись представителями политики насилия и расчитывали, что очищенная нами страна непосредственно перейдет к ним. Но одновременно в них чувствовался и национализм, так-как они считали отделение Курляндии, Литвы и Польши, несмотря на все права на самоопределение, враждебным мероприятием против России.

Австро-Венгрия одна была заинтересована в использовании Польшей права самоопределения за счет России, но не мы. Двуединая монархия хотела посредством Польши усилиться в политическом и экономическом отношении.

Турция требовала Батум и Карс, так как оба города очень долго входили в состав Турецкой Империи. Для нас эти пожелания имели второстепенное значение, но поддержка их отвечала условиям союза.

Наши чисто-военные требования были столь невелики, что о них даже не говорили. Демобилизация и без нашего вмешательства шла самым полным ходом, а выдачи оружия или морских судов мы не требовали.

Эстляндию и Лифляндию мы не требовали, хотя бы мы с удовольствием освободили от большевизма наших соплеменников и прочее население. Это требование Троцкому предъявлено не было, несмотря на то, что оно подлежало рассмотрению, и что оно являлось военной необходимостью против большевизма. Заключению мира препятствовали не наши требования, а революционные стремления большевиков, нерешительность наших уполномоченных и общественное мнение в Германии и Австро-Венгрии, которое было не от мира сего и не разбиралось в сущности русской революции. Когда генерал Гофман однажды энергично выступил, чтобы в военных интересах сократить переговоры и связанную с ними агитационную деятельность Троцкого, то известная дымка недовольства окрасила значительную часть германских, австро-венгерских и прочих газет, которые в тон пропаганде Антанты постоянно твердили о соглашательском мире. При таких обстоятельствах, Троцкий должен был бы быть дураком, если бы он в чем-нибудь пошел на уступки; а он был много умнее и энергичнее. Его тон становился все агрессивнее, хотя за собой он уже не имел никакой реальной силы; он все более и более ставил нам условия. Он угрожал отозвать русских делегатов, в виду отсутствия искренности с германской и австро-венгерской стороны, и получил удовлетворение в виде просьбы отказаться от этого намерения, которого он никогда серьезно не имел. Троцкий и Антанта радовались затяжке переговоров, при чем первый пользовался всяким случаем, чтобы требовать перенесения переговоров из Бреста в нейтральный город. По радио он оповещал весь мир, и главным образом германских рабочих, о своих большевистских идеях. Всякому не вполне слепому человеку становилось совершенно ясно, что цели большевиков сводятся к тому, чтобы вызвать у нас революцию, а следовательно и разгром Германии.

Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь еще больше надорвать наши моральные силы. Я сидел в Крейцнахе, как на углях, и нажимал на генерала Гофмана, чтобы он ускорил переговоры. Он вполне усматривал военную необходимость скорее кончать, но его положение не дозволяло ему принять решительные меры.

18-го января Троцкий поехал в Петроград, где большевики разогнали учредительное собрание. Тем самым они показали всему миру, как они понимают народную свободу. Но немцы ничего не хотели видеть и ничему не хотели учиться.

Троцкий выразил намерение отсутствовать всего лишь шесть дней, но возвратился только 30-го января.

23 января на совещании в Берлине генерал-фельдмаршал по моей просьбе заявил, что нам необходимо выяснить положение на

востоке, так как пока это не будет достигнуто, мы должны держать там хорошие дивизии, вполне пригодные для действий на западе. Если русские будут дальше затягивать переговоры, то их надо прервать. и возобновить военные действия. Это привело бы к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено заключить мир.

У меня были и другие причины торопить окончание переговоров. Граф Чернин был совершенно прав, когда он иронически говорил о „борьбе моральных величин". Во всяком случае, когда война приближалась к решительному моменту, то ни время, ни место, ни партнеры в Бресте не являлись подходящими для такого состязания. Что могли подумать государственные люди Антанты об испытываемой нами необходимости заключить мир, если мы выносили подобное обхождение с нами Троцкого и не признанного ни одной страной большевистского правительства! Это могло лишь чрезвычайно усилить решимость правительств и народов Антанты. Как должен был мир быть необходим Германии, если она буквально шла в хвосте за большевиками и терпела их пропаганду, которая была явно направлена против германской армии! Такое мнение должно было создаться во всех нейтральных и вражеских странах. Как могли после этого такие представители Антанты, как Клемансо или Лойд-Джордж, опасаться невыгодного мира, когда мы позволяли подобным образом обращаться с собой безоружной, впавшей в анархию России? У них должна была исчезнуть всякая забота о том, что они вообще чем-нибудь рискуют в борьбе с нами. Не могло быть никаких сомнений, что это должно было оказать обратное действие на миролюбие наших врагов.

Солдаты на фронте также не понимали этих бесконечных разговоров, тянувшихся неделями, без какой-либо практической цели и видимых результатов. Солдаты достигли крайним напряжением сил, перенося тысячи лишений и беспрерывно рискуя жизнью, известных результатов, и естественно стремились к тому, чтобы эти результаты были использованы полностью и целесообразно. Здесь вопрос шел о заключении первого мирного договора, и фронт ожидал его условий с неменьшим напряжением, чем родина. Мы должны были, наконец, предпринять решительные шаги, которые одни могли внести ясность в положение, создавшееся и у нас, и за пределами наших границ.

Между тем выяснилось, что Троцкий говорит не от имени всей России; мы, конечно, уже не имели в виду Румынию. 12-го января в Брест прибыли представители Украины, и заняли ярко противоположную большевистским делегатам позицию. Их взял под особое покровительство генерал Гофман; представителям четверного союза представилась возможность завязать сепаратные переговоры с Украиной.

Они велись на твердой почве, и не терялись в области фантастических и отдаленных шагов, на осуществление которых требовались века, если только они вообще являлись осуществимыми.

30-го января в Бресте возобновились переговоры с Троцким. Создалась своеобразная картина, что все равняется по Троцкому.

Но теперь, как будто сами дипломаты начали понимать, что переговоры с Троцким ни к чему не могут привести.

В виду этого, статс-секретарь фон-Кюльман и граф Чернин прервали их и 4-го февраля прибыли в Берлин. В основу продолжавшихся переговоров с Украиной было положено обязательство последней поставить большое количество хлеба для Австро-Венгрии и Германии, взамен чего она получала выгодное разграничение с Польшей в пределах Холмского района, являвшегося спорным между обоими государствами. Кроме того, Австро-Венгрия обещала образовать в Восточной Галиции автономную Украинскую область.

В начале февраля я также отправился в Берлин, чтобы обсудить положение со статс-секретарем фон-Кюльманом и графом Черниным. При нашем свидании 4 и 5 февраля я добился того, что статс-секретарь фон-Кюльман дал обещание в течение 24-х часов после подписания мирного договора с Украиной прервать переговоры с Троцким. Все, что мне пришлось слышать, только подтвердило мое впечатление, что большевистская Россия вообще не стремится к миру. Она надеялась на Антанту и на то, что революция постепенно охватит Германию, и не делала нам никаких уступок. Ее надежды еще возросли в конце января 1918 года, когда против желания главных рабочих вождей, в Берлине в связи с этими событиями вспыхнула политическая забастовка. Уже в то время часть германского рабочего движения оказалась так тесно спаянной с большевизмом. Лица, стоявшие во главе рабочего движения, и руководящие социалистические органы печати, которые впоследствии вступили в борьбу с большевизмом, все еще не усматривали большевистской опасности В то время у них был еще общий враг в лице старых авторитетов, которого надо было побороть, и тем самым сознательно или бессознательно пошатнуть устои отечества. Когда же цель показалась достигнутой, и они сами стали авторитетом, то разведенный ими огонь уже превратился в пылающий костер. Тогда начали почесывать затылок: „э, земляки, ведь это совсем другое дело“.

На совещании в Берлине граф Чернин изложил основания, которые побудили его подписать этот явно невыгодный для Австро-Венгрии договор с Украиной; он опасался, что последствием его явится враждебное отношение со стороны Польши. В виду этого, он просил в известной степени хранить в тайне политические переговоры. Продовольственное положение Австро-Венгрии было столь плачевно, что при все сокращавшемся подвозе из Румынии, она крайне нужда-

лась в украинском хлебе; в противном случае она была обречена на голод. Австро-венгерский главный интендант генерал Ландвер дополнил эту мрачную картину изложением продовольственных условий, в которых находилась армия; он уже в этот момент просил меня оказать помощь. Так как господин фон-Вальдов полагал это в ограниченном размере возможным, несмотря на серьезность продовольственного положения нас самих, то я не возражал. В моих глазах все это получало весьма серьезную окраску, и, вероятно, также произвело глубокое впечатление и на других присутствовавших, имевших непосредственное отношение к этому вопросу.

Далее на очереди опять стояло рассмотрение австро-польского решения. На этот раз я оставался почти исключительно в роли слушателя. К моему удовольствию, статс-секретари фон-Штейн и граф фон-Редерн и еще некоторые другие из экономических соображений высказались против австро-польского решения. Вопрос о приразке пограничной полосы не возбуждался. Австро-венгерский посол князь Гогенлоэ, которого я вообще глубоко уважаю, раздраженный исходом заседания, упрекнул меня в том, что я чиню затруднения для Австро-Венгрии. Я ему мог только указать на то, что сегодня не я, а все другие высказались против австро-польского решения. Польский вопрос остался висеть в воздухе.

Кратко были также затронуты условия мира с Румынией, при чем я вновь настаивал на энергичных действиях.

После совещания статс-секретарь фон-Кюльман и граф Чернин вновь отправились в Брест.

9-го февраля там был подписан мир с Украиной. После этого я попросил статс-секретаря фон-Кюльмана, согласно с данным им 5-го февраля обещанием, вызвать разрыв с Троцким, но он занял уклончивое положение.

В тот же день русское правительство обратилось по радио к германской армии с призывом к неповиновению ее верховному командованию.

Генерал-фельдмаршал доложил о происшедшем Его Величеству, после чего Император приказал статс-секретарю фон-Кюльману пред'явить ультиматум Троцкому о принятии наших условий и одновременно поручил ему потребовать очищение Прибалтийского Края. Статс-секретарь фон-Кюльман, принимая во внимание настроение в Австро-Венгрии и в Германии, осмелился найти необходимым отказаться от последнего требования, на что Его Величество согласился.

Статс-секретарь фон-Кюльман пред'явил Троцкому требование кончать. Последний отказался принять какие-либо обязательства, но заявил, что он считает войну конченной и что русская армия демобилизуется.

Это естественно создало полную невыясненность на востоке; мы не могли оставаться там на полупути. В любой момент там могла вспыхнуть новая опасность, а мы должны были ввязаться на западе в борьбу не на жизнь, а на смерть. Военное положение требовало раз'яснения, и мы его добились на совещании в Гомбурге.

IV.

Совещание в Гомбурге состоялось 13-го февраля. Оно имело решающее значение для развития событий на востоке. В нем приняли участие имперский канцлер, вице-канцлер, статс-секретарь фон-Кюльман, генерал-фельдмаршал, начальник морского штаба и я. Его Величество присутствовал только временно.

Верховное командование уже заблаговременно отправило ряд телеграмм имперскому канцлеру с просьбой сделать заявку о прекращении перемирия. В данный момент русская армия не являлась боевым фактором. Но Антанта только ждала случая укрепить русский фронт, да и большевистские вожди были люди дела, которые могли работать агитацией, а если оставить им время, то сумели бы и без Антанты пустить в ход оружие.

Русский фронт ежеминутно мог возродиться тем или иным путем. Румыния также никогда не заключила бы мир, если бы Россия не подписала его первая. В таком случае наступление на западе становилось совершенно безнадежным, а вместе с ним мы упускали момент, когда являлась возможность победоносно закончить мировую войну, которую мы вели, имея слабых союзников, против во много раз превосходного противника. Украина нам была нужна, как вспомогательная сила для борьбы с большевизмом, но прежде всего мы должны были не выдать ее большевикам. Оттуда уже раздавались крики о помощи. Откуда могла получить Австро-Венгрия хлеб, столь необходимый ей, по сообщению соответственных властей? Германия не могла его ей поставить, хотя дело шло к тому. В самой Германии был недостаток хлеба, уже предыдущий год она дожила за счет раннего сбора урожая и теперь нуждалась в добавке. Румыния не поставляла уже того количества продовольствия, на которое мы надеялись. Если у нас и наших союзников урожай в этом году окажется не хорошим, то виды на будущее должны были весьма омрачиться. Такое же значение имел для нас и урожай Румынии; в действительности, в 1918 г. последнюю постиг полнейший неурожай. Германия не могла прокормиться только одним своим хлебом и нуждалась в подвозе; подтверждением этому является тяжелая нужда в зиму 1918—19 г.г. Без Украины голод был неизбежен, даже если бы ему не способствовало разрушение государственного строя.

При том распространении, которое имел большевизм, заключенный нами с Украиною мир являлся весьма шатким. В виду этого, представители четверного союза при подписании его исходили из соображения, что если мы не хотим, чтобы мир с Украиной превратился в мировой фарс и надувательство, и желаем получить оттуда хлеб, то мы должны оказать ей военную помощь.

Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имелось в виду на ближайшее время.

На Украине надо было подавлять большевизм, и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось.

В то время Антанта еще стремилась укрепить Россию; чтобы воспрепятствовать ей в этом, надо было задержать ее войска и ее снаряжение на Мурманском побережьи. Если бы это не удалось, то можно было с уверенностью сказать, что Англия займет Петроград и будет оттуда действовать против нас. В виду этого мы должны были воспрепятствовать Англии утвердиться в Петрограде и Финском заливе, и с этой целью, ударив на большевистские войска, продвинуться через Лифляндию и Эстляндию до Нарвы, чтобы иметь возможность отсюда своевременно вмешаться. Финляндия, которая обратилась к нам за помощью против большевистского засилия, также могла явиться нашей союзницей в борьбе с большевиками. Ее присоединение усиливало давление на Петроград, а также в сторону Мурманской железной дороги. Я уже значительное время находился в сношениях с несколькими финскими представителями. Прежде всего назову первого посланника юного финского государства в Берлине Хиельта, который вкладывал всю свою душу в службу своей родине. Еще в начале войны из молодых финнов, горячо любивших свое отечество, был образован егерский батальон, который действовал в районе Митавы. Придется ли нам вести в Финляндии военную операцию, в то время было еще гадательно; мы непосредственно поддерживали финнов оружием.

Наше военное и продовольственное положение требовало заявления о прекращении перемирия, выяснения обстановки и быстрых действий на востоке. Новое обращение к военной силе являлось для меня нежелательным. Но допустить, чтобы противник на наших глазах вновь усилился, являлось в военном отношении абсурдом; следовательно, надо было действовать, и этого требовал извечный за-

кон войны. На этом пути можно было быть уверенным, что удастся добиться мира, к которому я только и стремился.

В этом смысле я дал свое заключение имперскому канцлеру и вице-канцлеру и самым серьезным образом обратил их внимание на чрезвычайную трудность задачи, которую нам предстояло разрешить на западе. Я высказал мысль, что с большевистскими вождями вообще не удастся заключить честный мир, и что уже во всяком случае они, как работали, так и будут продолжать работать над подготовкой революции в Германии. Эту опасность переоценить мы не могли. Мы могли бороться с большевизмом лишь путем устройства сплошного заграждения впереди границы. Конечно, растяжка заградительной линии до Ботнического залива представляется невыгодной. Но линия Двинск—Рижский залив требовала не многим меньше войск, чем линия Двинск—Чудское озеро—Финский залив, благодаря большим озерам. Всякая промежуточная линия вызвала бы еще больший расход войск. Вопрос заключался не в развитии беспредельной военной операции, а в проведении территориально-ограниченных мероприятий. Я также подчеркнул, что мне, конечно, было бы очень приятно помочь Лифляндии и Эстляндии, и в особенности нашим соплеменникам, на которых обрушилось испытание большевизма и которые взывали к нам о помощи.

Имперский канцлер и вице-канцлер сначала не соглашались на об'явление прекращения перемирия. Свое отрицательное отношение они обосновывали исключительно внутренне-политическими соображениями и состоянием Австро-Венгрии. Эти обстоятельства также являлись руководящими и для статс-секретаря фон-Кюльмана. Никакие соображения внешне-политического характера здесь не имели места. Но имперский канцлер и вице-канцлер постепенно позволили себя убедить и согласились на об'явление прекращения перемирия, имея в виду главным образом продовольственное положение. Статс-секретарь фон-Кюльман продолжал сохранять отрицательную точку зрения. Но он заявил, что не он, а имперский канцлер является ответственным лицом перед государством, и раз последний решился на прекращение перемирия, то он считает для себя возможным не отказываться от дальнейшей совместной работы. Я могу лишь предположить, что противные доводы, которые приводил статс-секретарь фон-Кюльман, ему самому не казались основательными, так как иначе он сделал бы необходимые выводы и ушел в отставку, несмотря ни на какие государственно-правовые соображения. Положение статс-секретаря по иностранным делам было достаточно высоко и ответственно, чтобы занимающего его можно было насильно заставить принять столь важное решение, как отказ от перемирия. Но поведение его не внушало мне того доверия, которое мне хотелось бы иметь к руководителю министерства иностранных дел.

К сожалению, от этого страдали мои отношения и к другим представителям этого министерства, располагавшим выдающимися силами, главным образом в лице неприсяжных дипломатов. Эти трения меня огорчали, так как я смотрел исключительно на дело и совершенно не интересовался личностями. Как и преобладающее большинство германского народа, я считал необходимым реформировать министерство иностранных дел.

По докладу имперского канцлера, его императорское величество соизволил на отказ от перемирия, или, как точнее определяли с государственно-правовой точки зрения, император установил, что неподписание Троцким мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия. Я, естественно, относился безразлично к этим словесным тонкостям.

V.

Таким образом, после полудня 18-го и утром 19-го военные действия возобновились по всему велико-русскому фронту. Непосредственно вслед за этим большевистское правительство выразило по радио готовность заключить мир. Но теперь мы сделали выводы из пережитого в Бресте и придали миру совершенно иной облик. В согласии с союзниками и в соответствии с взглядами верховного командования, во имя нашей военной безопасности, а также во имя права самоопределения народов, правительство потребовало признания самостоятельности Финляндии, отречения от Курляндии, Литвы и Польши, а также очищения Батума и Карса. Вопрос относительно будущего Лифляндии и Эстляндии пока-что оставался открытым; временно мы оккупировали эти страны.

Велико-русская армия должна была быть демобилизована, а флот разоружен. Кроме того, Россия должна была отказаться от всякой пропаганды в Германии. Ряд экономических вопросов, обмен пленных и т. д. должны были быть урегулированы особыми переговорами. Наступление должно было продолжаться, пока все эти требования не будут окончательно приняты при вновь предстоящих переговорах. Троцкий немедленно выразил согласие прислать новых представителей в Брест, но сам не поехал, так как вероятно убедился, что дальнейшая агитационная работа там невозможна.

Русская делегация прибыла в Брест 28-го февраля. Никаких переговоров больше не велось. Русские уполномоченные об'явили, что им поручено только подписать мир. Они держались с достоинством в несчастии, вина которого лежала на них самих. Подписание состоялось 3-го марта в $5\frac{1}{2}$ часов дня. Таким образом, мир был заключен, и военные действия на русском фронте вновь прекращены.

Условия Брестского мира имели в виду большевиков, с которыми, по существу их революционной пропаганды, враждебные отношения никогда не могли прекратиться. Мне вовсе не по сердцу было уничтожение России, или такое ее ослабление, которое лишало бы ее жизненных возможностей. Я скорее надеялся, что от Украины будет исходить инициатива восстановления империи, и из всех возможных решений польского вопроса я предпочитал русско-польское. Литва и Курляндия, как и Батум с Карсом, не являлись для России жизненным вопросом. Потеря Эстляндии и Лифляндии была для России чувствительна; здесь можно и должно было сделать для России всевозможные льготы. Но рассуждать о том, возможно ли было бы пойти еще дальше и возвратить восстановленной России Эстляндию и Лифляндию, тщетно, так как такой России налицо не было. В виду этого и по внутреннему стремлению, я высказался в пользу образования Балтийского союза. В общем, условия мира совершенно не затрагивали внутренно-политической и экономической жизни России и не заключали ничего несовместимого с достоинством самостоятельного государства, и имеющего характер порабощения населения [1]). Очень поучительно сопоставить тот мир, который получила Россия, с тем, который она могла получить, а затем с тем, который наложен на нас теперь, хотя мы ни разу не отклоняли мирных предложений. Нарекания на насильственность Брестского мира прекратятся. Часть германского народа еще до сих пор доверчиво повторяет этот лозунг неприятельской пропаганды. Если Россия остается изувеченной теперь, после войны, закончившейся победой ее союзников, для которых она в 1914 году таскала каштаны из огня, то это явление совершенно самостоятельного порядка.

Огромное большинство рейхстага одобрило условия Брестского мира и признало, что договор не стесняет права самоопределения народов, при чем социалисты большинства воздержались от голосования, и только независимые социал-демократы голосовали против.

Депутат Эрцбергер уже 27-го февраля приветствовал вновь предстоящий мир, и заявил, что условия его не выходят за пределы мирной резолюции 19-го июля.

Особенно достопримечательно заявление депутата Грёбера, сделанное им 22-го марта и свидетельствовавшее о полном понимании им нашего положения. Он сказал:

„Теперь, конечно, нельзя ссылаться на этот мирный договор, как на договор соглашения в полном смысле этого слова. Но для утверждения договора это не имеет решающего значения. В данном

[1]) Это, конечно, не верно. Брестский договор был составлен по всем правилам грабительского договора, с аннексиями, контрибуциями (в секретной форме) и пр. *(Прим. ред.).*

случае вопрос, есть ли это соглашательский договор или нет, не при чем, а должен быть поставлен вопрос, возможно ли было практически другим способом вообще заключить мир? На последний вопрос я даю отрицательный ответ, и в виду этого докладываю от имени моих друзей, что мы единогласно высказываемся за договор.

Милостивые государи, русская делегация, руководимая известным Троцким, повидимому, вовсе не имела серьезных намерений достигнуть соглашения о мире и стремилась только к пропаганде большевистских идей. С этой целью она по возможности затягивала переговоры; Троцкий даже отказался дать свое согласие на постановление, определяющее, что в будущем мы будем жить в мире и дружбе друг с другом. Даже это было для него слишком много. Тогда как германские уполномоченные с ангельским терпением, чтобы не сказать иначе, в поте лица своего, стремились ускорить мирные переговоры и привести их к концу; со стороны русских, а также со стороны тех, кто находился в тесной связи с русским правительством, произносились самые пламенные речи и посылались зажигательные радио-телеграммы, которые, очевидно, исходили ни от кого другого, как от Троцкого и его товарищей, и представляли не что иное, как издевательство над стремлениями действительно добиться упорядоченного мира. Очевидно, Троцкий надеялся, что ему удастся революционировать другие государства, и прежде всего Польшу, Германию и Англию, и в результате добиться всемирной революции. В конечном счете, обрыв мирных переговоров вызван не германской, а русской делегацией, которая их прервала и прямо заставила Германию возобновить военные действия....

В таких обстоятельствах, русское правительство обратилось с предложением возобновить переговоры и установить вновь перемирие; германское правительство и его союзники, естественно, не могло безоговорочно на него пойти, а поставило точные и определенные условия, которые без промедления должны были быть или приняты, или отклонены; лишь в зависимости от принципиального решения русских могло быть установлено перемирие и возобновлены переговоры; по нашему убеждению, это было правомерно и даже вызывалось необходимостью, и ни один человек не осмелится упрекнуть в этом правительство".

Это объяснение было для меня очень ценно, так как из него я понял, что большинство народа в этом вопросе поддерживает правительство. Но, к сожалению, рейхстаг очень скоро отвратил свое внимание от грядущей из России революционной опасности.

Наступавшие германские войска, состоявшие большей частью из ландвера, в удивительно короткий срок заняли Нарву, Псков, Полоцк, Оршу и Могилев. Русские не оказали никакого сопротивления. Военная добыча была огромна. Население почувствовало себя осво-

божденным от большевиков. Вновь оккупированный район поступил в управление главнокомандующего востоком. Чтобы иметь возможность экономически использовать этот район, что было крайне необходимо, граница с Россией была занята войсками. Одновременно охрана границ должна была воспрепятствовать наплыву большевистской пропаганды в оккупированный район, а оттуда в Германию. В то время я не мог предполагать, что впоследствии она, с одобрения правительства, официальным путем будет перенесена в Берлин и в Германию. В противном случае германское верховное командование поняло бы тщетность своих стараний и не растрачивало бы даром силы войск. Пока же главнокомандующий востоком и мы поступали так, как считали необходимым для защиты от большевистской опасности.

Одновременно с вступлением в большевистскую Великороссию, началось и германское наступление на Украине. Я поддерживал непрерывные сношения с генералом фон-Арцом, чтобы добиться необходимого согласования для предстоявших совместных действий. Но Император Карл неожиданно отказался, так как он не хотел разочаровывать народ тем, что мир с Россией не состоялся. Но нужда очень скоро заставила его из'явить свое согласие. Поведение Австро-Венгрии меня весьма поразило—сначала она торжественно заявила, что государство, дабы сохранить возможность существования, правомочно заключить даже невыгодный мир, теперь же, когда ей представилось полное основание создать себе жизненные возможности, она бездействовала. Но, конечно, присоединение Австро-Венгрии меня удовлетворило, так как одни мы были не в состоянии справиться с задачей.

Наступление в Украине также пошло быстрым темпом. Центр тяжести германского наступления был направлен на Киев, и 1-го марта последний был уже занят нами, а австро-венгерского — на Одессу. Операции развивались вдоль железных дорог; иногда происходили бои между броневыми поездами; в общем, огромное пространство должно было быть пройдено слабыми силами. Большевистские войска оказывали лишь незначительное сопротивление, чехословацкие войска, составленные из австро-венгерских военнопленных, дрались много лучше, и с ними дело доходило до ожесточенных боев. Движение и бои продолжались даже в мае.

Главнокомандующий востоком немедленно приступил к образованию в Германии двух дивизий из русских пленных солдат украинского происхождения, которые были отобраны военными министерствами. Но они оказались не на требуемой высоте: прибыв на Украину, они тотчас же были охвачены радикально-политическим течением и в результате их пришлось расформировать. Это было очень печально. Антанта умела использовать своих военнопленных,

и я понадеялся, что на этот раз сыны освобожденной нами от большевистской власти земли несколько облегчат нам нашу работу.

По истечении перемирия, Турция также начала наступление в Армении, и предполагала продолжить его до Карса и Батума.

VI.

Мирные переговоры с Румынией тянулись столь же неутешительно, как и переговоры с большевистской Россией.

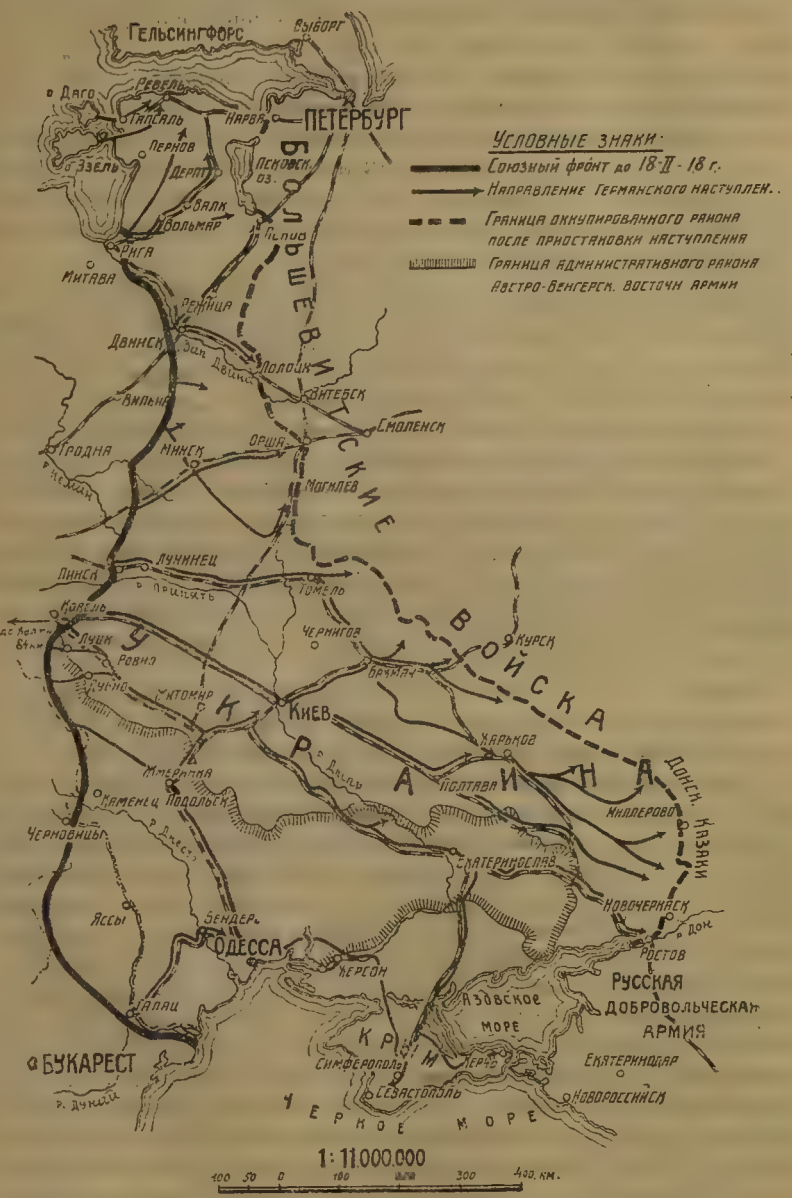
После брест-литовского опыта я считал совершенно необходимым, для выяснения спорных вопросов с Австро-Венгрией, назначить, до начала мирных переговоров с Румынией, предварительное обсуждение сначала между соответственными германскими властями.

Экономические условия мира с Румынией представляли особую важность для продолжения ведения войны, так как они должны были определить вывоз нефти и хлеба для войск и родины. Впоследствии они должны были получить большое значение для нашей хозяйственной жизни. Еще в январе я просил генерал-квартирмейстера в корне рассмотреть этот вопрос с имперскими учреждениями в Берлине и штабом армии Макензена, и установить размер наших требований. В дальнейшем эта работа явилась основанием для мирных переговоров. Она только частично имела военный характер, и гораздо больше затрагивала вопросы экономической жизни народа.

Эта подготовительная работа являлась тем более настоятельной, чем скорее надо было добиться заключения мира с Румынией, в виду наступления на западе. Основываясь исключительно на военной обстановке, мы могли бы заключить такой же мир, к какому нас принудила Антанта, т. е. насильственный мир. Но к этому мы не имели никаких оснований. До заключения всеобщего мира Германия, ставя свои условия, должна была учитывать требования военного положения, а закончив войну, она отнюдь не была заинтересована в ослаблении Румынии.

Между миром, который заключает с отдельным противником страна, продолжающая войну со всем светом, и миром, которым заканчивается мировая война, имеется огромное различие. В первом случае требования должны гораздо резче отвечать военной обстановке и военным требованиям, чем после общего прекращения военных действий. Но, конечно, обстановка складывается иначе, когда выдвигается цель, которую теперь преследует Антанта, состоящая не только в том, чтобы на целые десятилетия ослабить противника, а чтобы стереть с лица земли государство и поработить целые народы; такие цели были свойственны и их ставили себе лишь в древности, когда войны велись варварскими приемами.

Схема 30. Наступление на востоке 1918 г.



Переход всей Добруджи в руки Болгарии, как она этого требовала, являлся для Германии не выгодным. Мне представлялось, как наилучшее решение, оставление Северной Добруджи за Румынией, и это вполне отвечало моей точке зрения в вопросе о Добрудже в течение последних пяти четвертей года. Дальнейшее должно было быть предоставлено дипломатии. Ее задачей было сохранить союз с Болгарией, но при этом избежать тех невыгод, которые были связаны с переходом в болгарское владение мирового пути Черноводы—Констанца. В результате я склонялся к мысли о зоне свободного порта, простирающейся от Констанцы до Черновод, с германским управлением. К сожалению, предварительные совещания с нашими союзниками по этим вопросам не состоялись.

Мы возражали против значительного территориального расширения Венгрии за счет Румынии. В военном отношении, для лучшего обеспечения границ, Венгрия нуждалась лишь в незначительном изменении границы у Орсовы и в Молдавском углу южнее Кирлибабы. Я считал, что только такая анексия может быть оправдана.

Верховное командование не встречало возражений против присоединения к Румынии Бессарабии и против сохранения армии. Переговорив со статс-секретарем фон-Кюльманом и графом Черниным, мы согласились, что предпосылкой явится образование Германией и Австро-Венгрией в Румынии правительства, угодного нам, и в большинстве составленном из лиц, находящихся сейчас в оккупированной области. По этому поводу наше правительство завязало тесные сношения с румынами, которые по искреннему своему убеждению хотели стать на сторону Германии.

Кроме того, с военной точки зрения, во избежание каких-либо неожиданностей со стороны Румынии, мы требовали, чтобы король и королевская семья покинули страну до заключения общего мира.

Для Австро-Венгрии укрепление политического влияния Германии в Румынии было в высшей степени неприятно, Австро-Венгрия опасалась этого в равной мере, как и восстановления экономических интересов Германии. Граф Чернин противился обоим требованиям, и поставил нас втупик, об'явив, что в конце января он командировал прежнего военного атташэ в Румынии, полковника Ранда, к румынскому королю в Яссы с уверением в готовности обеспечить Румынии достойный мир. В Крейцнахе я узнал об этой командировке окольным путем, и был весьма неприятно поражен. На совещаниях 4-го и 5-го февраля я обратил внимание на сомнительность миссии полковника Ранда. Граф Чернин, и что удивительно, статс-секретарь фон-Кюльман уклонились от этой темы, что меня убедило в том, что последний знал о командировке полковника Ранда и дал на нее свое согласие. Иначе статс-секретарь фон-Кюльман был бы столь же поражен самовластным поступком графа Чернина, как и я, когда я

о нем узнал. Таким образом, мы вступили на наклонную плоскость. Раз мы завязали переговоры с королем, а следовательно его в известной степени вновь признали, то мы уже во всяком случае не могли требовать его отречения и удаления из страны. К этому и стремился граф Чернин. Король ему был нужен, как точка опоры для Австро-Венгрии в Румынии, но Германия, завязав переговоры с королем от имени четверного союза, выдала головой своих вернейших приверженцев и поставила их в невыносимое положение, находясь в котором они страдают и посейчас.

Особенно веским аргументом, на котором все время играла дипломатия, и который получил в последующем значение, было соображение, приводившееся, чтобы убедить императора и верховное командование: удаление короля последует по инициативе самих румын. Наша военная мысль была этим затуманена. В надежде на коренное изменение румынского правительства и на самостоятельное его выступление в вопросе удаления короля, я упустил потребовать полного разоружения румынской армии.

Вышеупомянутые обстоятельства внесли в мирные переговоры с Румынией половинчатость, характеризовавшую и самый мир.

Ведение переговоров сначала было вверено генерал-фельдмаршалу фон-Макензену. Очень скоро он убедился, что Австро-Венгрия во всем связывает его по рукам и по ногам. Военное положение и здесь требовало скорейшим путем выяснить, придется-ли нам и здесь предпринимать новую операцию, или мы достигнем мира. Новое правительство образовалось, но оно ни в каком отношении не отвечало нашим интересам. Вследствие этого, в течение февраля переговоры не сдвинулись с места. 24-го февраля руководство взяли на себя дипломаты, и оно все более явно сосредоточивалось в руках графа Чернина. Статс-секретарь фон-Кюльман не выступал на первый план, как этого требовал наш престиж, наша роль в поражении Румынии и наше военное положение. Генерал фон-Арц сам по себе не был заинтересован в том, будет-ли мир заключен сегодня или завтра, но о германском верховном командовании этого нельзя было сказать. Я часто обращался к имперскому канцлеру с просьбой ускорить переговоры и давал соответственные указания начальнику штаба фронта Макензена, генералу Хелю, который являлся на переговорах представителем верховного командования. На наше несчастие, как раз в эти дни умер начальник штаба военного губернаторства Румынии полковник Генч; генералу Хелю не удалось отстоять наши стремления. Я ожидал, что мои настояния, при исключительной силе нашего стратегического положения, делавшего возможным вторжение в Румынию со всех сторон, вызовут энергичный нажим на румын. Правительство же полагало, что оно удовлетворит мои требования скорейшим заключением мира, став на путь уступок. На примере этого

несложного явления можно усмотреть основное различие между моим мышлением и мышлением правительства.

5-го марта в Буфтеа был заключен прелиминарный мир, условия которого были подтверждены бухарестским мирным договором. В конце марта переговоры в известной степени были закончены.

Вопрос о Добрудже не был разрешен. Турки, участвовавшие в завоевании Добруджи, на которую целиком претендовали болгары, предъявили последним встречное требование возвращения уступленного им в 1914 году района западнее Адрианополя и восточнее Марицы. Я считал требования Турции справедливыми и умеренными. Несмотря на все посреднические услуги дипломатов, оба государства не приходили к соглашению. В результате, Болгарии была передана Добруджа до железной дороги Черноводы-Констанца исключительно, а Северная Добруджа поступила в общее владение четверного союза. Союзники обязались гарантировать Румынии сохранение торгового пути через Констанцу. Это решение было предложено самим Радославовым; что его к тому побудило, я не знаю. Это постановление по своей половинчатости было неудачно; оно возбудило недовольство Болгарии и не удовлетворило Турцию.

Под давлением графа Чернина, Румыния согласилась на значительные территориальные уступки в пользу Венгрии. Генерал Хель все время получал настоятельные указания противиться таким анексиям, но это ему не удалось.

Утверждение Румынии в Бессарабии было санкционировано.

В военном отношении мир возложил на Румынию демобилизацию, уменьшение состава армии и передачу части военного снаряжения под контроль союзников. Французская военная миссия должна была быть выслана через Россию. Но Румынии была предоставлена Молдавия, в которой она сохранила верховную военную власть; ей было разрешено иметь несколько мобилизованных дивизий для оккупации Бессарабии. Германия и Австро-Венгрия получили право оставить в Валахии оккупационную армию из шести дивизий, в число которых входило четыре германских. Генерал-фельдмаршал фон-Макензен сохранил в своих руках административное управление Валахией до ратификации мирного договора.

Экономические пункты мирного договора не дали Германии того, что я хотел. Румыния отнюдь не ставилась в положение экономического рабства.

Помимо хлебных и нефтяных поставок, вопрос о судоходстве по Дунаю также имел большое значение. Я надеялся получить выгоды для баварского Ллойда. Однако, здесь Австро-Венгрия вновь характерно проявила себя; впрочем отличились и наши собственные представители. Если и удалось отчасти обеспечить германские интересы

на Дунае, то только благодаря величайшей внимательности начальника железно-дорожного управления германской ставки.

Династический вопрос почти не был затронут, а также не было вынесено решения по вопросу, должны-ли посланники Антанты оставаться в Яссах или нет. Все осталось по старому, и в Яссах мы оставили антантовскую цитадель, откуда продолжали вести игру против нас. Только враждебные нам румынские политиканы были высланы в Швейцарию, чтобы им оттуда было еще удобнее работать против нас. Румынский народ должен был привлечь к ответственности зачинщиков войны Братиану и компанию, но это уже была просто комедия.

Я с неудовольствием вспоминаю Бухарестские переговоры. 7-го мая мирный договор был наконец подписан. Дипломаты оставили в нас надежду, что они еще займутся династическим вопросом. Но ратификации мира не последовало, отпадение Болгарии одним махом изменило положение Румынии, а также подчеркнуло нам неудовлетворительность подобного мира во время мировой войны.

В Германии воспользовались и этим случаем, чтобы закричать, что это—мир насильственный. Вот насколько мышление германского народа подчинялось неприятельской пропаганде, и как мало наше правительство способно было им руководить.

Благодаря брест-литовскому миру, заключенному 3-го марта, и премилинарному миру, подписанному 5-го марта в Буфтеа, напряжение на восточном фронте было значительно ослаблено. Но настоящий мир с Россией не наступил, и вследствие этого продолжала существовать опасность образования нового восточного фронта, к чему Антанта и большевики пока-что стремились в молчаливом согласии. Только когда советское правительство заметило, что Антанта угрожает его существованию и хочет установить в России другое правительство, от которого она ожидала большего для войны, только тогда оно отвернулось от Антанты и обратилось к Германии [1]); чтобы укрепиться внутри страны, советское правительство имело в виду действовать против Германии на первое время не оружием, а лишь посредством пропаганды.

В Румынии влияние Антанты не было окончательно подорвано, и положение там также оставалось неясным.

Произведенный в середине февраля бросок на Россию и примыкавший к нему нажим и решительная переброска войск с востока

---

[1]) Опубликованием тайных договоров и аннулированием долгов Советское Правительство порвало всякие связи с Антантой. А это было до Брестского мира. Так же неверно и то, что Советское Правительство «обратилось к Германии».
Примеч. в пол. ред.

на запад, казалось, не нанесли слишком явного ущерба общему ходу войны, несмотря на затяжку переговоров. Прежде всего были перевезены на западный фронт дивизии из Румынии, но там у нас продолжала сохраняться возможность наступления. На запад было переброшено более 40 дивизий; перед отправлением солдаты старших сроков службы в них были обменены на более молодых. Восточные дивизии остались в уменьшенном составе, и в дальнейшем должны были давать оставшихся еще у них солдат младших сроков службы в виде пополнений для западного фронта. Силы, которые мы оставляли на востоке, были, конечно, еще слишком велики. Но приобретенный нами там мир, пока что, имел весьма вооруженный характер, и в связи с ним нам еще предстояло пережить много критических моментов. Когда весной и летом положение сделалось более устойчивое, верховное командование еще больше ослабило силы, оставленные на востоке. Мы часто обращались к главнокомандующему востоком с вопросом, не может ли он еще дать войск. Все части, которые только возможно было снять с фронта, были переброшены. Верховное командование знало, что оно получает для западного фронта все, без чего каким бы то ни было образом можно было обойтись на остальных фронтах. Но безконечные пространства восточного фронта, которые нельзя и сравнивать с нашими расстояниями, требовали известного количества войск, если мы хотели разрешить наши задачи так, как их требовала военная и экономическая обстановка.

Четыре германские дивизии, особливо оставленные в Румынии, и две австро-венгерские представляли минимум, который там был необходим. В течение лета даже эти четыре германские дивизии были еще ослаблены. Фронт Макензена также охотно отдавал все, без чего он мог обойтись, чтобы по возможности обеспечить успех на западе.

VII.

Обучение войск для наступления также требовало огромной работы. Для этого была использована зима 1917—18 года, как предыдущая — для подготовки войск к обороне.

Как тогда все тактическое поучение было объединено в инструкции „оборонительное сражение“, так теперь было издано „наступательное сражение в позиционной войне“. Мы должны были вновь воскресить в мышлении армии все те прекрасные начала наступательных действий, которыми были проникнуты наши уставы перед войной; их надлежало дополнить в соответствии с новейшим боевым опытом. Не создавая тормазов для наступательного порыва, нужно было озаботиться сокращением потерь до минимума. Все мышление армии надо было перестроить с окопной войны на наступление.

При обороне силы, занимающие участок, приходилось располагать более или менее равномерно, при наступлении же надлежало сначала установить определенный центр тяжести, и уже в зависимости от него распределять силы. При обороне значение возвышенностей существенно умалилось; это явно вновь подтвердило сражение при Аррасе, когда удерживались позиции, совершенно открытые взорам противника. Войска очень часто бывали убеждены, что не владея той или другой высотой, они не могут существовать, но когда им не удавалось утвердиться на высоте, то они обходились и без нее. При наступлении же в маневренной войне выигрыш высот давал тактическое решение, и к занятию их принципиально надлежало стремиться.

В сознании войск надо было подчеркнуть необходимость наступления на широком, нескученном фронте, и прежде всего установить принцип, что наступление ведется не только продвижением солдатских тел, но главным образом продвижением и использованием их оружия. Боевая линия должна быть тонкой, но постоянно питаться из глубины. Для наступления годился установленный при обороне отказ от неразрывных сплошных строев и порядков и резко выдвинутая в пехоте тактика стрелковых отделений. Массовой тактике противника, представлявшей преимущества для плохо обученных войск, мы не должны были подражать.

Пехотные роты должны были сродниться с легким пулеметом. Ещё до сих пор пехота смотрела на него, как на вспомогательное оружие. Понятие, которое можно резко обрисовать определением, что легкий пулемет теперь сам стал „пехотинцем“, а прежний пехотинец обратился в „стрелка“ [1]) еще не вошло в плоть и кровь пехоты, не говоря уже обо всей армии. Легкий пулемет, при превосходстве силы его огня над отдельным ружьем и при его все большем распространении, должен был постепенно лечь в основу огневого боя пехоты. Но это отнюдь не должно было означать, что „стрелок“ может не стрелять—наоборот, его участие ценилось очень высоко.

Легкий пулемет и стрелки образовали в пехоте стрелковые отделения, которые всегда должны были держаться вместе, в нужде и опасности, в борьбе на жизнь и на смерть. Их огневая сила еще увеличилась посредством всевозможного, скорозаряжающегося ручного оружия и ружейных гранат различного рода.

На долю тяжелого пулемета, отличающегося большей дальнобойностью и лучшими результатами огня, выпадала задача — стрельбой с тыловых позиций облегчить стрелковым отделениям приближение к неприятелю, которого тяжелые пулеметы в этот момент должны

[1]) Точный перевод—носильщика ружья. *Прим. ред.*

держать под огнем. Само собой разумеется, что тяжелые пулеметы должны были не отрываться от наступления пехоты. Таким образом, создалось положение, что в тяжелых пулеметах пехота как будто получала в своих собственных рядах оружие сопровождения.

Вторым оружием сопровождения был легкий пулемет, применяемый, главным образом с небольшого расстояния против прочных целей. Миномет, зародившийся в позиционной войне, теперь должен был стать на колеса, приобрести подвижность и приспособиться к прямой наводке, получив соответственный прицел. Легкий миномет вошел в штат пехотного батальона; в бою батальон все более и более становился фактической единицей в составе дивизии, подобно тому, как отделение в роте.

Кроме того, каждая дивизия имела свою минометную роту, вооруженную средними минометами, которым была придана возможная подвижность, и которые, в случае необходимости, могли быть распределены по батальонам. Наконец, были еще огнеметчики, которые применялись с близкого расстояния против неприятеля, сидящего в блиндажах и погребах.

Оружием сопровождения пехоты в виде танков мы не располагали. Танки являлись исключительно наступательным орудием, но атаки удавались нам и без танков. Последнее не снимало с нас обязанности заботиться о всем, что только могло облегчить жизнь нашей пехоте. Я уже писал о том, что нашей автомобильной промышленности были даны широкие задания по производству грузовиков, так как в таковых у нас был недостаток; мы не имели возможности, подобно Антанте, долго сохранять пехоту вне сферы влияния боя, на удобных квартирах, и все же своевременно подвозить ее на поле сражения. Я уже упоминал, насколько высоко я, поэтому, ценил производство грузовиков. Если наше положение в отношении горючего было мало удовлетворительно, то нужно было в равной мере обратить внимание и на увеличение запасов последнего. Производство грузовиков не должно было этим задерживаться. Мы не могли перегусердствовать в вопросе производства достаточного количества грузовиков для обслуживания тыла и подвоза пехоты; штабы армий очень часто болезненно ощущали недостаток последних в своем распоряжении. Когда начальники штабов жаловались мне на трудности снабжения, главным образом, боевыми припасами, вследствие отсутствия грузовиков, и я им возражал, указывая, что у них имеется известное количество грузовиков, то они мне отвечали, что грузовики пришлось отдать на перевозку пехоты. Верховное командование тоже было не всесильно. Ему пришлось заняться и вопросом о танках.

У Камбрэ танки добились крупных результатов. Но в данном случае они ворвались в очень жидко занятую позицию, и то по преимуществу солдатами старых сроков службы, с очень слабыми ар-

тиллерийскими средствами. Во всех других случаях танки, конечно, причиняли нашим войскам неприятности, но не играли решающей роли. В моем представлении я отводил „танковым страхам" гораздо больше значения, чем уделяли им войска. В ближнем бою при Бурлоне и в Бурлонском лесу наша пехота уничтожила неприятельские танки посредством сосредоточенных подрывных зарядов, а наша артиллерия успешно их расстреляла. Хорошо действовали против танков пулеметы, которые были снабжены пулями со стальными сердечниками. Лучшим оружием против танков были нервы, дисциплина и неустрашимость. Последние качества открыли многим храбрым солдатам возможность ворваться внутрь неприятельских танков или расстрелять их в упор. Массовое применение танков, в связи с устройством искусственного тумана, вредно повлияло на ход военных действий лишь с падением дисциплины и с ослаблением боеспособности нашей пехоты.

Из захваченных танков мы образовали танковые отряды. В феврале 1918 года я наблюдал работу первого сформированного танкового отряда при обучении штурмового батальона, и она не произвела на меня большого впечатления. В последующих боях наши танковые отряды понесли тяжелые потери, не сыграв крупной роли.

Начальник полевой автомобильной тяги уже давно получил задачу ускорить конструирование танков. Представленная им весной 1917 года верховному командованию модель танка не отвечала предъявленным требованиям. Я убедительно просил его подгонять постройку танков. Возможно, что я должен был более резко нажать на разрешение этого вопроса, и что тогда к решительному моменту 1918 г. у нас оказалось бы несколько лишних танков, но я затрудняюсь указать—удовлетворением какой части войскового снабжения мы могли бы пожертвовать для достижения этой цели. Мы не могли уволить с фронта большего количества рабочих, а свободной рабочей силы в тылу не было. Если таковая имелась бы в наличии, то мы получили бы ее в виде укомплектований. Введения в дело танков в массе в 1918 году мы никак не смогли бы достигнуть, а танки получают значение, лишь будучи применяемы в массах.

Когда к концу войны промышленность оказалась в состоянии быстро и в большом количестве строить танки, то и верховное командование дало заказ департаменту военного снабжения на большее их количество.

Для поддержания наступления пехоты летчиками были образованы особые боевые авиационные отряды. Отряды летчиков до сего времени действовали, как отдельные летчики, т. е. опускались с большой высоты и, пролетая над самой землей, обстреливали из пулеметов и бросали легкие бомбы в неприятельские пехотные линии, артиллерию, а также, как это постепенно все определеннее складывалось,

в резервы, обозы, транспорты и даже в приближавшиеся к полю сражения пехотные колонны. Первоначально эти боевые авиационные отряды являлись лишь вспомогательным оружием пехоты, но затем им стали ставиться и широкие тактические задания. Таким образом перед военной авиацией открылось новое поле деятельности величайшего значения. Теперь летчики перестали быть лишь разведочным органом, которому приходилось сражаться лишь попутно с разведочной работой, а также бомбовозами для производства разрушений в глубоком неприятельском тылу; на ряду с пехотой, артиллерией и прочими родами войск, летчики начинают принимать непосредственное участие в боях на суше. Как и другие роды войск, авиация стала оружием для нанесения поражения неприятелю в больших сухопутных сражениях. Так вылилась цель военной авиации, а воздушный бой остался лишь средством на пути к этой цели.

Подготовка массовым действием артиллерийского огня имела решающее значение для атаки пехоты в наступательном сражении. На каждый километр атакуемого фронта устанавливалось от 20 до 30 батарей, т. е. около 100 орудий. Это цифры, которым раньше не поверил бы ни один человек; и еще меньше имели раньше представлений о том количестве боевых припасов, которое расходовалось по противнику. Это действительно было массовое действие! Несмотря на это, на обширных атакуемых пространствах оставались еще незатронутые уголки, и этот огромный поток стали не уничтожал у противника всякое проявление жизни; для атакующей пехоты все же оставалось слишком много работы.

Массы артиллерии вместе с соответственным количеством боевых припасов должны были развернуться непосредственно на передовой линии, так как только таким образом их дальнобойность могла быть широко использована вглубь неприятельской позиции без переезда на новые позиции. Это развертывание должно было быть замаскировано от взоров неприятельских наблюдателей на земле и в воздухе. С этих позиций нельзя было вести многодневного артиллерийского боя, так как открыто расположенные орудия и боевые припасы были бы расстреляны противником. Прежние способы пристрелки также были неприменимы, так как они привлекли бы внимание противника и вызвали бы завязку артиллерийского боя до начала сражения, в невыгодных для нас условиях.

В виду этого надо было найти метод, который отвечал бы этим условиям и обеспечивал бы хорошую действительность артиллерийского огня и без предварительной пристрелки. Еще тогда, когда наше внимание поглощалось исключительно оборонительным боем, мы старались избегать постоянной поверки пристрелкой данных для заградительного огня. Атмосферные явления (ветер, атмосферное давление), а также и особенности каждого орудия (величина разгара

и состояние ствола и лафета) подробно исследовались и данные их соответственно учитывались при стрельбе. Этот метод стрельбы теперь был самым тщательным образом разработан. Метеорологическое обслуживание артиллерии было централизовано и урегулировано в тесном контакте с командиром авиационного корпуса. Таким образом, все батареи могли наискорейшим образом учесть сегодняшнее состояние атмосферы. Все орудия, для выяснения своей особой поправки, производили контрольную стрельбу позади фронта. Это давало возможность посредством простейших таблиц во всякое время установить для каждого орудия, какую поправку надо внести в сторону увеличения или уменьшения нормального угла возвышения для стрельбы по любой цели. Естественно, предпосылкой для этого метода являлось правильное измерение расстояния до цели. Точный картографический материал, тригонометрическое и топографическое определение основной точки каждой батареи на местности и возможно точное перенесение на планы всех целей на основании фотографических снимков и данных звуковых и световых дальномерных команд являлись необходимыми условиями. Новый метод натолкнулся на сильное сопротивление со стороны старых артиллеристов. Но несмотря на это, артиллерия к нему перешла, и он вполне себя оправдал.

Соответственная подготовка, обучение войск и проведение в жизнь нового метода были поручены капитану Пулковскому, который очень искусно и с большой осмотрительностью самостоятельно разрешил возложенную на него задачу.

На близких расстояниях действие артиллерии должно было дополняться минометами.

Верховное командование намечало после короткого, продолжающегося лишь несколько часов, артиллерийского огня, бросать на штурм пехоту, которая должна была своевременно собраться на передовых позициях.

Этот короткий, но сильный огонь должен был расстроить неприятельскую артиллерию и действием газов, которыми отравлялась широкая площадь, загнать пехоту в ее укрытия.

С началом наступления пехоты, артиллерийский огонь, продолжая сковывать неприятельскую артиллерию, должен был сосредоточиться по участку, лежащему непосредственно перед нашей пехотой, и предшествовать ей в виде огромного огневого катка, расчищая ей дальнейший путь. Пехота должна была держаться непосредственно за этой стеной из снарядов, и она это делала с удивительным бесстрашием. Если после прохождения нашего артиллерийского огневого катка, неприятель вылезал из своих укреплений, то пехота совместно с сопровождающими ее огневыми средствами, вступала в бой, поддерживаемая своей артиллерией.

Ясно, что чем ближе пехота следовала за огневым катком, тем меньше времени являлось у противника, чтобы вылезти из укрытий, и тем легче являлся внезапный захват его в блиндажах и подземельях. В виду этого, огневой каток не должен был продвигаться по участку скорее, чем пехота могла с боем следовать за ним. Таковая скорость должна была быть заранее установлена, так как несмотря ни на какие попытки и мудрствования, тактически-технического средства для регулирования движения огневого катка найти не удалось. Продвижение пехоты зависело от условий местности, которые должны были приниматься во внимание при установлении скорости движения огневого катка. Более сильно укрепленные линии неприятельских окопов требовали более продолжительного обстрела, а следовательно обусловливали и более значительную задержку огневого катка. Таким образом подошли к определению прохождения 1-го километра в час времени. На пехоте всегда очень тяжело отражалось, когда огневой каток уходил от нее вперед, и наступление тогда могло легко замереть. Отнесение назад огневого катка не могло быть произведено вовсе, или лишь с большой потерей времени, пехота же при этом несла потери, уменьшить которые являлось обязанностью всех начальников.

С увеличением дистанции, огневой каток разрежался, так как постепенно часть орудий отпадала, вследствие недостаточной дальнобойности. Наконец, дальности вообще не хватало, огневой каток исчезал, и пехота выходила из сферы, где она получала его поддержку. Теперь артиллерия должна была подвигаться вперед и изготовиться к новой артиллерийской подготовке для дальнейшего наступления пехоты. Пехота не могла обойтись без нее, несмотря на наличие огневых средств сопровождения и приданных ей пехотных пушек [1]).

Как сложатся бои пехоты, когда она выйдет из сферы действия артиллерийского огневого катка, нельзя было предугадать. Предстояло заботиться о планомерном продвижении сильной артиллерии и большого количества боевых припасов. Главный вопрос заключался в боевых припасах, так как орудий часто оказывалось подвезено слишком много. Перетаскивание многих колесных ходов через нашу и неприятельскую систему окопов, с их проволочными заграждениями и глубокими воронками, было связано с чрезвычайными трудностями. Чтобы перебросить мосты и создать сплошные дороги через эти полосы, нужна была тщательная подготовка и сосредоточение значительного оборудования.

В дальнейшем развитии наступления, верховное командование придавало особенное значение тому, чтобы находившиеся в первой

[1]) В виду распределения пушек преимущественно по батальонам, мы отказываемся от термина „полковых пушек".

Примеч. переводчика.

линии дивизии продолжали его в течение многих дней. Я боролся со взглядом, что на второй или третий день передовые дивизии должны быть сменены дивизиями второй линии. В начале войны мы неделями сражались бессменно; конечно, войска, которыми мы теперь располагали, уже не были на это способны, но частая смена, как этого желали многие, была излишней.

Чем дальше развивалось наступление, тем больше приобретало оно характер маневренной войны. Если при обороне, чтобы сохранить возможность действительного руководства боем, высшие начальники должны были находиться далеко позади, то теперь их место было впереди, и они должны все больше выдвигаться, по мере того, как мы переходили к маневренной войне. В создавшихся условиях приходилось принимать быстрые решения и при случае личным примером увлекать за собой части.

Наконец, маневренные бои, как в Румынии, Восточной Галиции и Италии, должны были упереться в новый фронт, который сразу нельзя было преодолеть. Тогда мы должны были перейти к обороне и принять глубокое расположение. Но момент для этого уловить было очень трудно; постоянно завязывались бесполезные бои.

Наши большие атаки ясно показали значение подвоза, и само собой разумеется, что это заранее было нами подчеркнуто. Нужно было заблаговременно принять все меры, чтобы продвинуть за наступлением сеть железных и колесных дорог и телеграфных линий через систему позиций, и добиться смычки их с соответственной сетью дорог и проводов на вновь занятой территории.

Обучение войск на всех театрах войны велось в соответствии с выше развитыми мыслями. В Румынию был послан особенно опытный генерал, который должен был подготовить расположенные там войска к требованиям войны на западе, чтобы, несмотря на позднее заключение мира, иметь возможность сейчас же использовать их для французского фронта.

На западе были открыты курсы для высших начальников и офицеров генерального штаба, а также для младших начальников до отделенного включительно; деятельность последних имела огромное значение для успеха наступления. В войсках развилась деятельная жизнь. Подготовка начиналась с обучения рекрут и заканчивалась упражнениями в составе нескольких родов войск или на стрельбищах. Упражнения в огневом катке и в следовании за ним пехоты производились с боевой стрельбой. Как раньше, так и теперь, укрепление дисциплины являлось для всех начальников основанием нашей армии и всякого успеха; дисциплину приходилось расценивать тем выше, чем сильнее нами овладевало чувство, что родина оказывает плохое влияние на войска. Так же, как и в мирное время, осо-

бенно большое значение придавалось одиночному обучению солдат; лишь изредка производились большие учения в составе нескольких родов войск.

Как в предыдущем году армия готовилась к оборонительным боям, так теперь делались все усилия для подготовки ее к наступательному сражению. Отечество обязано инструкторской деятельности офицеров и продуманным наставлениям тем, что наши потери убитыми и ранеными, несмотря на свою абсолютную величину, в общем были много меньше, чем у противника. По примерному подсчету в Англии и во Франции было много больше 2.000.000 убитых. В России столько же [1]). Если предположить, что половина русских была убита на германском фронте, что в действительности конечно слишком мало, то на 2.000.000 убитых немцев приходилось много больше 3.000.000 убитых врагов. В эти цыфры я включил своих и врагов, убитых и на остальных фронтах. Таким образом общая картина раскрывается в нашу пользу; подсчет будет нам еще благоприятен, когда мы получим более точные и полные данные. Эти цыфры поражают своей величиной. Но все же они являются свидетельством того, что мы стремились оказаться на высоте тяжелой ответственности, лежавшей на нас, перед нашими солдатами.

При подготовке к наступлению не следовало забывать и об обороне, так как надо было считаться с неприятельскими контр-ударами. Основные положения организации обороны остались прежними, было лишь обращено особое внимание на подготовку к отражению танков. Как при наступлении, так и при обороне, для действия по танкам предназначались все огневые средства сопровождения пехоты. При обучении артиллерии, главным образом полевых пушечных батарей, а также легких минометов, решающее значение придавалось одиночной стрельбе пушки с прямой наводкой по танку. Снабжение тяжелых пулеметов соответственными патронами было увеличено. Опыты уничтожения танков посредством сосредоточенных зарядов были расширены, все имевшиеся у нас данные о действиях против танков были сообщены войскам и изучено их заключение.

Позиции подверглись изучению с точки зрения возможности их атаки танками, были устроены западни и заграждения путей; во многих местах были заложены также мины и установлены противотанковые орудия. Естественно, что размах этих оборонительных меро

---

[1]) Здесь Людендорф добросовестно заблуждается. Так как у немцев вошло в обычай сопровождать каждое донесение типерболой о наваленных горах русских трупов, то в Европе создалось общее впечатление о колоссальных потерях русской армии. Позднейшие подсчеты уменьшают более, чем вдвое, потери русских убитыми.

Примеч. переводчика.

приятий ограничивался ничтожным размером имевшейся рабочей силы, а также более или менее скептическим отношением войск к опасности танковой атаки.

Военное министерство держало нас в курсе производства противотанкового оружия, на развитие которого оно обращало постоянное внимание.

Часто, при посещении фронта и оживленном обмене мнений с штабами армий, я останавливался на тактике наступательного сражения и на ведении самой атаки. Я слышал много мнений за и против отдельных положений. Разговоры об „огневых катках“ и о „передовом поле“ до сих пор звенят у меня в ушах. В результате я должен был взять на себя решение, что являлось моим долгом. Практические начала были оценены войсками, как правильные, и охотно ими усвоены. Эти начала оставляли достаточно простора для личной инициативы.

Я присутствовал при различных упражнениях и беседовал со многими лицами с фронта. Войскам, очевидно, не легко давался переход к редким построениям. В виду этого являлось крайне необходимым растянуть время обучения и на значительную часть марта.

VIII.

В течение января и февраля на западном фронте дивизии, предназначенные для наступления, были сняты с позиций; их частью сменили дивизии, постепенно прибывавшие с востока. С этого момента они должны были всецело предаться обучению и снаряжению. Мы не были в состоянии немедленно снабдить все дивизии полностью снаряжением и лошадьми, и на первое время должны были ограничиться снабжением тех дивизий, которые были назначены для наступления в первую очередь. Таким же образом мы поступили и с частями, не входившими в состав дивизий, например, с полевой, армейской и тяжелой артиллерией, минометами и т. д. Лошадям ударных дивизий была увеличена дача.

Верховное командование сожалело, что в армии постепенно создались понятия „ударной“ и „позиционной“ дивизии. Оно пыталось их искоренить, не будучи в состоянии изменить создававшия это деление условия.

Постепенно мы сосредоточили для наступления все, что только казалось возможным; отдельные дивизии еще находились в пути с востока.

Мы надеялись, с помощью тех сил, которые мы уже подвезли со всех сторон, иметь возможность начать наступление сильным фронтом на участке в 50 километров. При этом на каждый километр

фронта предназначалось от 20 до 30 батарей, не считая минометов. При экономии на отдельных участках, фронт наступления мог быть еще расширен. На всем западном фронте мы имели на 20 или 30 дивизий больше, чем противник. На самом деле наше превосходство было не столь значительным, так как неприятель обладал перевесом в специальных родах оружия и в территориальных частях [1]), которых мы имели в гораздо меньшем количестве. Во всяком случае соотношение сил было так благоприятно для нас, как еще никогда. Оно давало надежды на успех. Мы намечали вести наступление 50-ю или 60-ю дивизиями; в связи с этим требовалось ослабление других частей западного фронта.

Верховное командование стремилось также получить поддержку от Австро-Венгрии. Она, правда, прислала нам батареи, но, к сожалению, с таким малым количеством боевых припасов, что они могли играть лишь незначительную роль. Свободных австро-венгерских дивизий не было. Наличный состав людей в австро-венгерских дивизиях был очень низок, и увеличился лишь позднее, после возвращения нескольких сот тысяч человек из русского плена. Вывод германских войск с итальянского и восточного фронта, где они занимали значительную часть позиции, потребовал, несмотря на изменившуюся обстановку, большого напряжения от австро-венгерской армии.

Верховное командование охотно воспользовалось бы для западного фронта XV турецким армейским корпусом, но печальное состояние турецкой армии заставило нас перебросить его в Турцию. Впоследствии я об этом сожалел, так как Энвер, все мысли которого были направлены лишь на один Кавказ, перевез его в Батум, где его пребывание было совершенно бесцельно. Лучше уже он попал бы на запад.

Болгарские войска находились на мекедонском фронте; сами по себе условия численности позволяли отправить часть войск на запад, но Болгария не понимала общих интересов хода войны. В свое время Болгария отказалась посылать войска за Дунай, и теперь не охотно возвращала из Македонии германские войска, хотя вопрос шел лишь о немногих егерских батальонах, нескольких батареях и горно-пулеметных частях. Болгарские войска, которые освобождались теперь в Добрудже, по своей численности были значительно сильнее. Нам пришлось оставить болгарам даже часть германских войск. Уходившие оттуда германские части оставляли Болгарии свое снаряжение, или мы его восполняли особыми поставками.

Для развития операции на западе мы были обеспечены военным снаряжением. Вопрос же о пополнениях, наоборот, оставался очень

---

[1]) Т. е. в ополченских частях. *Примеч. переводчика.*

серьезным, и все наши попытки не дали никаких результатов. В действительности, под давлением событий осени 1918 года, военное министерство смогло фактически найти людей в тыловых частях и гарнизонах, которые и раньше могли быть переданы в армию. Само верховное командование имело еще резерв в виде восточной армии и оккупационных войск в Румынии, и оно по мере постепенного создания там устойчивого положения, извлекало из этих частей всех солдат в возрасте до 35 лет, при одновременном уменьшении их наличного состава. Вследствие этого боеспособность этих войск значительно понизилась. Специальные роды войск и этапные части представляли для верховного командования дальнейший, хотя и не очень обширный источник сил. Я стремился все шире использовать для замены мужчин—женщин; намечалось формирование вспомогательного корпуса военных телефонисток.

В действительности вопрос о пополнениях не должен был обстоять неблагополучно. Убыль дезертирами была очень велика, и число их в нейтральных странах, как, например, в Голландии, исчислялось десятками тысяч. Еще больше дезертиров беззаботно жило на родине, причем их сограждане молча их терпели, а власти вовсе на них не охотились. Дезертиры и халупники, а число последних на фронте также исчислялось многими тысячами, чувствительно уменьшали наличность вступавших в бой войск и, главным образом, пехоты, к которой они в большинстве случаев и принадлежали. Если бы моральные силы армии удержались на высшем уровне, то эти люди не пропали бы для армии, и тогда вопрос о пополнениях не получил бы такую остроту. Укомплектования могли бы также возрасти, если бы на родине не переменилось отношение к войне. Воля к войне имела решающее значение, и она-то и дала отказ.

Война расходует людей—это входит в ее сущность. Современный оборонительный бой пожирает больше жертв, чем наступление, и это уже говорит в пользу последнего. Август, сентябрь и октябрь 1918 года обошлись нам гораздо дороже, чем март, апрель и май того же года. Большая часть убыли трех весенних месяцев заключалась в легко раненых, которые возвращались в строй. Пленные, которых мы потеряли при обороне, надо отнести к числу безвозвратных потерь. К сожалению, само собой разумеется, что при больших массах, которые были введены в бой, потери, несмотря на все тактические мероприятия, сами по себе должны были быть высоки.

Затруднения с пополнениями к марту 1918 года не были устранены, хотя мы и имели в своем распоряжении несколько сот тысяч запасных; при предстоявших больших потерях этот запас укомплектований представлялся недостаточным. Англии и Франции также приходилось бороться с такими же трудностями. Осенью 1917 года

в английской дивизии считалось двенадцать батальонов, теперь же только девять. После сражения Шампань — Эн, Франция расформировала много свыше 100 батальонов территориальных и территориально-резервных формирований. Новые американские формирования, которые могли иметь лишь незначительную боевую ценность, еще не прибыли. Подводная война продолжала работать; каким тоннажем располагала Антанта для перевозки войск, мы определить не могли.

Так как армия переходила от обороны к наступлению, то ей удалось в своем сознании преодолеть тяжелые моральные впечатления, которые оставили бои предыдущего года. Дух войск, казалось, окреп, но несмотря на это нельзя было в марте 1918 года не признать, что подпольная разрушительная работа проявляется то тут, то там. С поступлением в рекрутские депо призыва родившихся в 1899 году, начали поступать жалобы на это пополнение и на его моральный склад. Бросались в глаза также те значительные суммы денег, которыми многие рекруты располагали. Это явление должно было сильно огорчать людей старших возрастов, которые уже давно находились на фронте.

Для поднятия моральной способности воевать, на родине ничего не было сделано. Неурядицы в военно-экономической жизни с каждым днем обострялись. Преподнятое в целом настроение армии временно отразилось и на родине, и многому дало обманчивое освещение. Но духовная жизнь широких масс осталась в стороне от этого подъема она была порабощена неприятельской пропагандой, эгоистическими интересами и заботами, опасности же, которые угрожали исходу войны, не беспокоили ее! Родина больше не была способна давать закал нервам армии, и наоборот их терзала; мы еще не знали каких размеров достигла агитационная работа независимых социал-демократов. Стачки, произошедшие в конце января 1918 года, еще раз приоткрыли стремления независимой социал-демократической партии, состав которой беспрерывно увеличивался и которую вожди твердо держали в своих руках, в то время, как профессиональные союзы утрачивали свое влияние.

Само правительство, хотя и энергично реагировало на стачки, но не усматривало в них знамения времени, как и в движении, охватившем моряков осенью 1917 года. Вопрос заключался в том, не следует ли решительным вмешательством установить порядок в Германии, хотя бы при этом временно пострадало производство боевого снаряжения. В противном случае приходилось опасаться большого ущерба от стремлений к государственному перевороту. Имперское правительство было осведомлено об этой точке зрения верховного командования, но тогда революция в Германии решительно поощрялась. Я только теперь узнал, что в то время в Рейникендорфе был обра-

зован первый в Германии рабоче-солдатский совет. Таким образом в нашей борьбе за возможность существования, в нас самих зародился новый момент слабости. Но я этому еще не придавал решающего значения для исхода войны, так как моя вера в германский народ в его целом еще не была поколеблена.

У верховного командования, у начальников и у солдат на фронте еще имелось чувство, что в предстоящих боях они окажутся на высоте предъявленных к ним требований. Мы надеялись на успех, хотя войска представляли уже не солдат 1914 года, а род милиции с большим боевым опытом. Неприятель был не лучше. Даже там, где мы атаковали с равными силами, хотя немного подготовленными к наступлению, победа оставалась на нашей стороне. Что нам удастся достигнуть — прорвем ли мы неприятельский фронт и разовьем наше наступление в операцию, или оно не выйдет из пределов вылазки, это оставалось неизвестным, впрочем, как и все на войне.

13-го февраля в Гомбурге, докладывая императору и имперскому канцлеру о предстоящих событиях на западном фронте, я сказал следующее:

„Нанесение решительного удара на западе представляется самой огромной военной задачей, которая когда-либо была поставлена какой-нибудь армии, и которую Франция и Англия тщетно пытались разрешить в течение двух истекших лет. Вчера я беседовал об этой задаче с командующим 7-й армией, и он мне сказал, что чем больше он в нее вдумывается, тем больше он начинает постигать ее величие. Того же мнения держатся ответственные начальники западного фронта, но прежде всего проникся обширностью этой военной задачи я, так как на меня выпала задача разработать для фельдмаршала основания, необходимые для испрошения соизволения на нее вашего величества. Эта задача будет разрешена успешно лишь в том случае, если военное руководство будет освобождено от всех невыносимо связывающих его оков, если к решительному моменту на запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать, и если войска будут воодушевлены духом, который дарует любовь к императору и родине, доверие к энергии военного руководства и вера в величие отечества. Значение духовных факторов не следует недооценивать, так как они являются основанием величия всех подвигов. Толчек к их подъему должна дать энергия действий на востоке.

Армии на западе ожидают момента, когда им придется вступить в дело.

Нельзя, конечно, предполагать, что наступленне на западе сложится подобно Галицийскому или Итальянскому. Нет, здесь будет страшная борьба, которая начнется на одном участке, продолжится на других, потребует много времени и будет очень тяжелой, но закончится победоносно“.

Венцом успеха являлась операция, в которой мы могли бы полностью выявить все наши сильные стороны, и эта операция была конечной целью, к которой мы стремились. Если бы ее не удалось достигнуть первым же натиском, то мы должны были ее достигнуть при последующих; правда, в дальнейшем обстановка складывалась менее благополучно, в зависимости от количества и качества прибывающих американских подкреплений и от потерь, которые мы и неприятель понесли в предыдущих боях.

Все было построено на том, что мы будем оставаться в выигрыше; я, конечно, считался с ослаблением нашей армии, но оно должно было явиться меньшим, чем ослабление противника. Дальнейшее наступление обеспечивало за нами инициативу. Большего достичь я не мог.

Я доложил императору, что армия сосредоточена, и, будучи хорошо подготовлена, приступает к разрешению „величайшей задачи в истории".

Наступление на Западе в 1918 году.

(Карта IX).

I.

Нелегко было решить, где начать наступление, но это решение приходилось принимать заблаговременно. Содержание войск на тесном пространстве, подвоз по железной дороге огромного количества боевых припасов и всевозможного другого снаряжения, работы самих войск по казематированию позиций для батарей, маскировке дорог, изготовлению укрытий от аэропланов и приспособлений для перехода через системы окопов, и, наконец, само развертывание для сражения требовали нескольких недель времени; требовалось предусмотреть все до деталей подготовительных работ включительно. Естественно, это обусловливало опасность преждевременного раскрытия наших намерений противнику. В виду этого, на тех участках, где мы не предполагали наступать, также производились демонстративные работы, которые одновременно являлись основой подготовки последующих атак. Но большая часть имевшихся в нашем распоряжении рабочих отрядов были заблаговременно переданы на ударный участок. Подготовительные работы в других районах не могли получить обширного развития, но все-таки они допускали известную возможность введения противника в заблуждение; осмотрительно руководимая контрразведка содействовала этому развлечением внимания противника.

По вопросу о выборе ударного участка, я беседовал с начальниками штабов фронтов и с сотрудниками моего штаба и выслушал их мнения. Выбор приходилось делать между тремя участками: во Фландрии, от Ипра до Ленса, между Аррасом и Сен-Кантеном или Ля-Фером, и по обе стороны Вердена, за исключением самой крепости. Как всегда бывает в таких случаях, все три направления имели много данных и за и против.

Неприятель занимал крупными силами район Ипра и Арраса, а также позиции перед р. Элет, и к востоку от них до района Вер-

дена; наиболее слабо занятый участок находился по обе стороны Сен-Кантена; севернее, со времени сражения при Камбрэ, противник группировался более плотно.

При наступлении в северном направлении местность представляла большие трудности. Проходимость долины Лис западнее Лилля, куда приходился центр тяжести атаки, находилась в большой зависимости от времени года и состояния погоды. До середины апреля нельзя было с уверенностью расчитывать на возможность движения вне дорог. Учитывая прибытие американских подкреплений, мы не могли так долго откладывать наступление.

Для среднего направления атаки особенности почвы не представляли затруднений, но зато при ее дальнейшем развитии предстояло преодолеть поле воронок, оставшееся от сражения на Сомме.

Верденское направление приводило к наступлению в сильно всхолмленном районе.

Наступления в последних двух направлениях могли начаться независимо от времени года.

Таким образом, фактические условия складывались выгоднее всего при наступлении в среднем направлении; удар здесь приходился по наиболее слабо занятому неприятелем участку, местность не представляла затруднений, и он мог быть предпринят в любое время.

В стратегическом отношении наступление на северном направлении являлось настолько благоприятным, насколько перед ним открывалась крупная, однако, все же ограниченная цель [1]). Если бы нам удалось захватить Калэ и Булонь, то эта атака приводила нас к сокращению фронта. Наступление на Верден также приводило к выпрямлению линии нашего фронта, но это улучшение имело преимущественно тактический характер. Среднее направление наступления, повидимому, имело лишь отдаленные пределы. Поэтому, коррективом к нему должно было явиться перенесение его центра тяжести в промежуток между Аррасом и Перонь, в направлении к побережью. Если бы этот удар удался, то стратегический результат

---

[1]) Слабейшим пунктом стратегического мышления Людендорфа при его наступлении 1918 года является стремление отказаться от любой крупной, но все же ограниченной цели, и попытка перейти к Наполеоновскому беспредельному наступлению, которое, если не вело к полному сокрушению врага, только ухудшало оборонительные возможности немцев. Объективных предпосылок для такой стратегии, в виде подавляющего превосходства сил, Людендорф не имел. Крупные, хотя и ограниченные цели, как захват Ломбардии (сепаратный мир с Италией) или побережье Ламанша (что удвоило бы действительность подводной войны), или спрямление фронта двусторонним захватом Вердена (моральный удар и улучшение условий тыловых сообщений и обороны) дали бы Германии новые шансы для продолжения войны.

Прим. ред.

его во всяком случае был бы очень велик: мы отрезали бы главную часть английской армии от французской и затем оттесняли бы ее к побережью.

Я остановился на среднем направлении наступления. Главнейшими основаниями для меня являлись условия времени и тактические соображения, при чем первое место среди них занимала слабость сил неприятеля на этом участке. Но останется ли противник здесь в слабых силах и в дальнейшем, я, конечно, не мог знать. Тактические требования надо ставить выше чисто стратегических, так как без тактического успеха заниматься стратегией не приходится. Стратегия, которая не задумывается над тактическими условиями, заранее обречена на безуспешность. Наступления Антанты в первые три года войны представляют к тому многочисленные примеры [1]).

После установления количества имеющихся в наличии для наступления дивизий и других средств атаки, было решено развить удар между Круазиль, юго-восточнее Арраса, и Мевром, и между Виллер-Гизлен и р. Уазой, южнее Сен-Кантена; на выступ неприятельского фронта у Камбрэ атак не велось. Наступление должно было сопровождаться ударом местного значения от Ла-Фер.

Подготовительные работы и руководство наступлением требовали развертывания на ударном фронте двух армейских управлений с новыми этапными инспекциями. Управление 17-й армии (прежней 14-й германской армии в Италии) с командующим армией генералом Отто фон-Белов и начальником штаба генералом Крафт фон-Дельмензинген, получило участок между 6-й и 2-й армиями против Арраса, а управление 18-й армии—прежний штаб фронта Воирша, вместо которого командующим армией был назначен генерал фон-Гутьер, с начальником штаба генералом фон-Зауберцвейгом, получило район между 2-й и 7-й армиями против Сен-Кантена и Ла-Фер. Граница между 17-й и 6-й армией пролегала приблизительно на полпути между Ленсом и Аррасом, а между 17-й и 2-й—около Мевра; граница между 18-й и 2-й армией проходила приблизительно по ручью Оминьон, а между 18-й и 7-й — непосредственно к югу от Ла-Фер.

---

[1]) Эти мысли Людендорфа представляются очень спорными. Во-первых, резкое противопоставление стратегии и тактики не отвечают духу современного военного мышления. Во-вторых, поскольку Людендорф открывал в 1918 году игру на ва-банк, и искал решения одним сокрушительным ударом всей войны, постолько стратегические требования получали особо важное значение. Вполне понятна погоня за тактическими преимуществами в начале 1916 г., когда Фалькенгайн остановился на плане атаки Вердена. Но там вопрос шел только о борьбе на измор. Поскольку превосходство немцев было в 1918 г. недостаточно, чтобы выдвинуть на первый план стратегические требования, постолько идея Людендорфа об отказе от ограниченных целей и переход его к стратегии сокрушения не выдерживает критики.

Прим. ред.

Таким образом, 17-я армия должна была наступать на фронт Круазиль—Мевр, а 2-я и 18-я армии — между Виллер-Гизлен и Ла-Фер. При этом 17-я и 2-я армия взаимно должны были помочь друг другу, и своими внутренними крыльями отрезать противника, расположенного в изгибе у Камбрэ, направляя удары на Круазиль и Перонь [1]). На долю 18-й армии и внешнего левого крыла 2-й армии выпадала задача прикрытия с юга ударной группы. Силы и снабжение армий наступательными средствами отвечали этим задачам.

17-я и 2-я армии должны были до решительного момента оставаться в ведении фронта кронпринца Рупрехта. 18-я армия перешла в состав фронта германского кронпринца. Вспоминая о ноябрской кампании 1914 года в Польше, я решил сохранить в своих руках централизованное руководство сражением. Если бы оно велось одним фронтом, то это было бы затруднительно, так как в таком случае всякое мое вмешательство легко выливалось бы в форму подсказывания высшей инстанцией. Нужно было в наивысшей степени привлечь вспомогательные средства фронта кронпринца германского, что также облегчалось таким распределением командования [2]). И, наконец, генерал-фельдмаршалу и мне, разумеется, было приятно, в связи с требованиями стратегической обстановки, чтобы его императорское высочество кронпринц германский принял участие в первом большом наступательном сражении на западе. Династическими интересами я не руководился; несмотря на мою искреннюю верноподданность королю, я оставался независимым человеком, а не царедворцем.

Было также предусмотрено расширение наступления к северу в направлении на Аррас и к югу по левому берегу р. Уазы.

Демонстративные атаки и подготовительные работы для дальнейшего наступления велись на следующих участках:

На фронте кронпринца Рупрехта, между Ипром и Ленсом.

На фронте кронпринца германского, главным образом, между Реймсом и Аргонами.

На вновь образованном фронте Гальвица—на старом поле сражения под Верденом.

На фронте герцога Альбрехта, между Саарбургом в Лотарингии и примерно до Маркирха, а также в Зундгау.

---

[1]) Стратегически очень сомнительный план. Само захождение 17-й армии левым флангом представляет на поле сражения почти непреодолимые трудности; а так как на левом фланге остается неатакуемый участок, который впоследствии должен быть взят угрозой с тыла, то этим движение левого фланга 17-й армии еще более задерживается. В этих условиях, отсутствие атаки на выступ Камбрэ должно было повлиять на перенесение центра тяжести всего прорыва к югу, что стратегически его обесценивало. *Прим. ред.*

[2]) Приблизительно те же основания являлись руководящими для русской ставки, при перемещениях разграничительной линии между юго-западным и северо-западным фронтами в сентябре и октябре 1914 года. *Прим. ред.*

Объяснение образования фронта фон-Гальвица заключается в том, что внимание фронта германского кронпринца, растянувшегося к Сен-Кантену, слишком отвлекалось от Вердена. Генерал фон-Гальвиц непосредственно командовал своей 5-й армией и сверх того руководил армейской группой С.

В состав фронта герцога Альбрехта в Лотарингии было включено управление германской южной армией, прибывшее из Восточной Галиции, с командующим армией генералом фон-Ботмером и начальником штаба полковником фон-Геммером, уже хорошо заявившем себя в этой должности на востоке; здесь оно получило название 19-й армии. Участок Заарбург—Маркирх перешел к армейскому управлению А.

Все фронты были подготовлены и к обороне на тот случай, если противник перейдет сам в наступление или будет наносить контр-удары. На некоторых участках на этот случай было предусмотрено даже некоторое уклонение назад.

С середины января, в намеченных этими пределами рамках, началась планомерная работа, которая велась с большим самоотвержением. Уже в начале февраля первым днем наступления было назначено 21 марта, хотя обстановка на востоке в то время еще не была выяснена. В нашем положении требовались решительные действия. Верховное командование имело возможность вводить в дальнейшем частичные изменения, но не начинать с начала.

Мероприятия штабов армий, генерал-квартирмейстера, генерал-интенданта, начальника полевых железных дорог и сотрудников моего штаба были прекрасно согласованы друг с другом. Я мог в этом убедиться при моих поездках на фронт. В этих случаях я обсуждал все темные вопросы, улаживал и помогал. Я требовал, чтобы начальники штабов армий и фронтов делали мне краткие доклады об условиях местности, распределении сил, артиллерийском огне и состоянии подготовительных работ. Наибольшее значение постоянно я придавал совместным действиям внутренних крыльев 17-й и 2-й армий фронта кронпринца Рупрехта, целью которых было отрезать неприятеля в выступе у Камбрэ, так как от этого зависело очень многое, и мне казалось, не слишком ли рано обращается 17-я армия к западу. Кроме того, обсуждались совместные действия 2-й и 18-й армий на стыке обоих фронтов. Подготовительные работы протекали планомерно. Во всех работах видна была вера в успех. Все работало, как часовой механизм. Можно было быть уверенным, что к указанному дню армии окажутся в полной боевой готовности.

Я считал необходимым использовать возможный успех для пропаганды идеи мира среди наших врагов. Полковник фон-Гефтен составил по этому поводу докладную записку. Я переслал ее имперскому канцлеру, а последний, повидимому, передал ее в министерство

иностранных дел; но в результате ничего существенного сделано не было.

Имперский канцлер был ясно осведомлен о намерении атаковать на западе. Оно являлось основанием для всех настояний верховного командования об ускорении дипломатических переговоров на востоке, а также для решения объявить о прекращении перемирия с Россией. Ему было известно, насколько трудным представляется это наступление в нашей оценке. Я также ра орядился доложить имперскому канцлеру о дне начала наступления. Германия могла только путем борьбы склонить противника к миру. Как предпосылку мира, нам нужно было военной победой поколебать положение Ллойд-Джорджа и Клемансо. До того о мире нечего было и думать. Весь мир, в том числе и Антанта, ждали, что мы будем наступать на западе. Кажется, 6 марта Клемансо ясно и определенно высказался за продолжение войны, несмотря на события на востоке и несмотря на предстоящее германское наступление.

В эти минуты я не мог верить в какой-либо безобидный мир. Мир на основе соглашения противник каждый раз отклонял. Должны ли мы были в этих условиях предлагать Эльзас-Лотарингию, часть провинции Познань и возмещение военных убытков?

Имперское правительство также не возбуждало вопроса о возможности мира. Статс-секретарь фон-Кюльман, который руководил всей внешней политикой, был сначала в Бресте, а затем в Бухаресте. Имперскому канцлеру и статс-секретарю фон-Кюльману не удалось завязать каких-либо сношений, которые могли бы привести к миру без дальнейшей борьбы. Они напрасно стремились к этому после отказа Антанты на приглашение в Брест. В их долг входило, если это было достижимо, дать возможность народу и армии избежать предстоящей бойни. Заявление графа Гертлинга от 25-го февраля, в котором он стал на точку зрения четырех пунктов ноты Вильсона от 11-го февраля, прозвучало и замолкло, не встретив отголоска у Антанты.

Полковник фон-Гефтен был в это время за границей для обсуждения вопросов пропаганды. При этом он без моего ведома вступил в сношение с лицом, принадлежащим к числу граждан одного из враждебных нам государств, которое было осведомлено о целях и намерениях официальных кругов в Лондоне и Вашингтоне. Полковник фон-Гефтен представил мне о них устный доклад. Имевшиеся тогда в виду условия мира были очень жестоки—только побежденная Германия могла бы их принять. Кроме того, полковник фон-Гефтен сообщил мне еще, что депутаты рейхстага Конрад Гаусман, который впоследствии это подтвердил, и Макс Варбург (Гамбург) сделали в то время попытку добиться мира, но оба одинаково безуспешно. Правительство никогда не осведомляло меня об этих собы-

тиях, хотя оно, конечно, знало о них. Меня тем более удивило, что никто из состава правительства не опроверг распространившиеся слухи, что мир в марте не был заключен лишь потому, что я непременно хотел наступать. Я лично просил имперского канцлера и вице-канцлера опровергнуть эти слухи. Они оба этого не сделали, не дав мне по этому поводу какого-либо разъяснения.

II.

В начале марта ставка покинула Крейцнах, где она размещалась больше года.

Новая резиденция для ставки была приготовлена в Спа. Мы там очень хорошо расквартировались. Служебные помещения находились в гостинице Британик, в которой я уже прожил несколько дней при вторжении в Бельгию осенью 1914 года. Спа находилась значительно ближе к фронту, чем Крейцнах, и имело в четыре раза больше помещений для всех отделов верховного командования. Но для руководства сражением, в особенности крупной операцией, город Спа все же еще находился в слишком большом удалении от фронта. В виду этого, я наметил для размещения оперативного отделения с необходимыми дополнительными органами Авен, откуда легко можно было на автомобиле попасть в любой штаб фронта. Я предполагал за многим наблюдать лично, а также командировать на места сотрудников моего штаба, чтобы получать через них непосредственные впечатления.

18-го марта генерал-фельдмаршал и я переехали, вместе с усиленным оперативным отделением, в Авен. Наши служебные помещения были плоховаты, все было очень скучено, но с этим приходилось мириться. Мы выбрали этот пункт, так как перед тем там размещался штаб 18-й армии, и устройство телефонной связи требовало лишь незначительного дополнения.

Наше казино было сначала очень несимпатично, но затем мы нашли соответственное помещение. Мы кормили владельцев и обставили комнаты мебелью, привезенной из Спа. Пребывание в казино и время, проведенное там за столом, являлись отдыхом, который всем нам был крайне необходим.

Его величество хотел прибыть на день позже. Император жил в дворцовом поезде, который стоял на путях ближайшего вокзала.

Рано утром 20 марта на всем ударном фронте батареи, минометы и массы боевых припасов уже находились непосредственно за передовыми линиями, на них и даже впереди. Это был большой успех и в то же время чудо, что противник не заметил и не слыхал наших ночных передвижений. Ведь иногда неприятель открывал по нашим батареям огонь, и на воздух взлетали целые штабели боевых

припасов. Все это должно было бы возбудить внимание противника. Но он, наблюдая подозрительные явления на всех участках длинного фронта, не мог составить себе точного представления.

Пехотные дивизии, уже в течение нескольких дней располагавшиеся на порядочном расстоянии за ударными участками, теперь придвинулись и размещались тесно, скученные в убежищах от аэропланов, непосредственно за исходной для штурма линией на передовых позициях. Противник не заметил также и сосредоточения от 40 до 50-ти дивизий и не был осведомлен своей обширной шпионской организацией. Правда, марши производились по ночам, но войска проходили через селения с песнями. Таких масс спрятать было нельзя. Массовое железнодорожное движение, которое с середины февраля направлялось к ударному участку, также не было замечено неприятельскими летчиками. Большие передвижения происходили в тылу всех фронтов, но их центр-тяжести несомненно приходился в районе за участком Аррас—Ла-Фер, и это было отмечено германскими контрольными летчиками.

Я полагаю, что неприятель вообще не получил никаких сведений, так как в противном случае он энергичнее изготовился бы к обороне, и его резервы подоспели бы раньше. Неопределенность и отсутствие верных данных лежит в существе воiны, несмотря на все усилия, которые делают обе стороны, мы остаемся в неизвестности о противнике, противник—о нас.

18-го и 19-го марта два солдата одной из минометных рот перебежали к противнику; по документам, которые были найдены у неприятеля, и по показаниям пленных, нам стало известно, что эти перебежчики сообщили данные о предстоящем наступлении.

На остальных фронтах, главным образом у Лиля и перед Верденом, началась повышенная артиллерийская деятельность.

В полдень 20-го числа верховное командование должно было принять ответственное решение, начать ли 21-го наступление или отложить его на некоторое время.

Всякое промедление должно было очень тяжело отразиться на войсках, тесно сосредоточенных вплотную к противнику; они во всех отношениях подвергались почти невыносимому напряжению. Масса и моральное давление толкали вперед.

Но действие артиллерий было построено на стрельбе газовыми снарядами, а действительность последних находилась в зависимости от направления и силы ветра. В виду этого я должен был ждать и подчиняться тому сообщению, которое наш специалист по метеорологии, поручик доктор Шмаус, должен был доложить мне в 11 часов утра о вероятном состоянии погоды. До утра 20-го марта сила и направление ветра отнюдь не являлись особенно выгодными, даже, наоборот, оттяжка наступления казалась почти неизбежной. Это было бы

для меня большим ударом. В виду этого я очень волновался, каково будет донесение. Хотя оно гласило не особенно благоприятно, но все же наступление представлялось возможным. В 12 часов дня был отдан приказ обоим фронтам—выполнить наступление, как намечено планом. Теперь уже его больше нельзя было отложить; все должно было идти своим ходом. Верховное командование, высшие начальники и войска выполнили свой долг. Дальнейшее находилось в руках судьбы: неблагоприятный ветер мог ослабить действие газов, туман мог затруднить и замедлить продвижение пехоты и не позволить полностью выявить наше превосходство в обучении и командовании. Это был преобладающий взгляд на туман; были, впрочем, отдельные голоса, которые оценивали его, как благоприятную данную.

21-го марта в 4 часа утра сражение началось сильным огневым ударом по фронту в 70 километров между Круазиль и Ла-Фер. В основных чертах для 2-й и 18-й армий был установлен общий расчет времени; 17-й армии, которая действовала самостоятельно, была предоставлена большая свобода. В пределах этого расписания отдельным участкам предоставлялась инициатива.

В течение двух часов вся наша артиллерия обрушивалась на неприятельские батареи; затем огонь большинства орудий был переброшен на неприятельские окопы, по которым действовали также минометы. Немного ранее 9-ти часов утра сильный артиллерийский огонь сосредоточился для создания огневого катка. Только часть орудий продолжала обстреливать батареи и отдельные опорные пункты противника. Наша пехота двинулась на штурм.

Атака 17-й армии, имевшей против себя наибольшие силы противника, докатилась лишь до второй линии неприятельских позиций, а огневой каток оторвался далеко вперед; пехота потеряла с ним соприкосновение. Пехота, не имея никакой артиллерийской поддержки, залегла перед неприятельской позицией.

При атаке 2-й армии совместная деятельность пехоты и артиллерии сложилась более удачно, и пехота ворвалась во вторую линию неприятельских позиций.

В 18-й армии все прошло планомерно, и она хорошо продвигалась вперед.

В течение 22 марта положение 17-й армии почти не изменилось, но 2-я армия, которую возглавляло энергичное командование, разбила противника и двинулась вперед. 18-я армия захватила значительное пространство. 17-я армия, повидимому, предоставила отдельным боевым участкам слишком много тактической свободы, между тем боевая деятельность отдельных частей находилась в слишком тесной взаимной зависимости. Верховное командование настаивало на централизации управления.

Вследствие положения, создавшегося в 17-й армии, не удалось отрезать противника в изгибе у Камбрэ, и наступление 2-й армии не было облегчено. Последняя должна была сама прокладывать себе дорогу, и не могла поэтому достаточно быстро продвинуться вперед, чтобы в свою очередь помочь 17-й армии. Таким образом, фронту кронпринца Рупрехта не удалось овладеть районом между Круазиль и Перонь так, как этого требовала основная идея сражения.

25-го марта 17-я и 2-я армия в очень жестоком бое прошли далеко за линию Бапом—Комбль, а 18-я армия заняла Нель, встретив при этом лишь незначительное сопротивление. Боеспособность 17-й армии уже истощилась; она понесла слишком много потерь 21-го и 22-го марта, так как, повидимому, она вела бой в слишком густых построениях. 2-я армия была свежее, но она уже жаловалась на район воронок и не могла продвинуться дальше Альбера. Ее левое крыло задерживалось переправой через Сомму, и только отчасти противником. 18-я армия еще была преисполнена порывом к бою и победе и 27-го марта заняла Мондидье. Вскоре противник организовал севернее Соммы новый фронт, преодоление которого представляло большие трудности. Неприятельское сопротивление в направлении на Амьен казалось слабее.

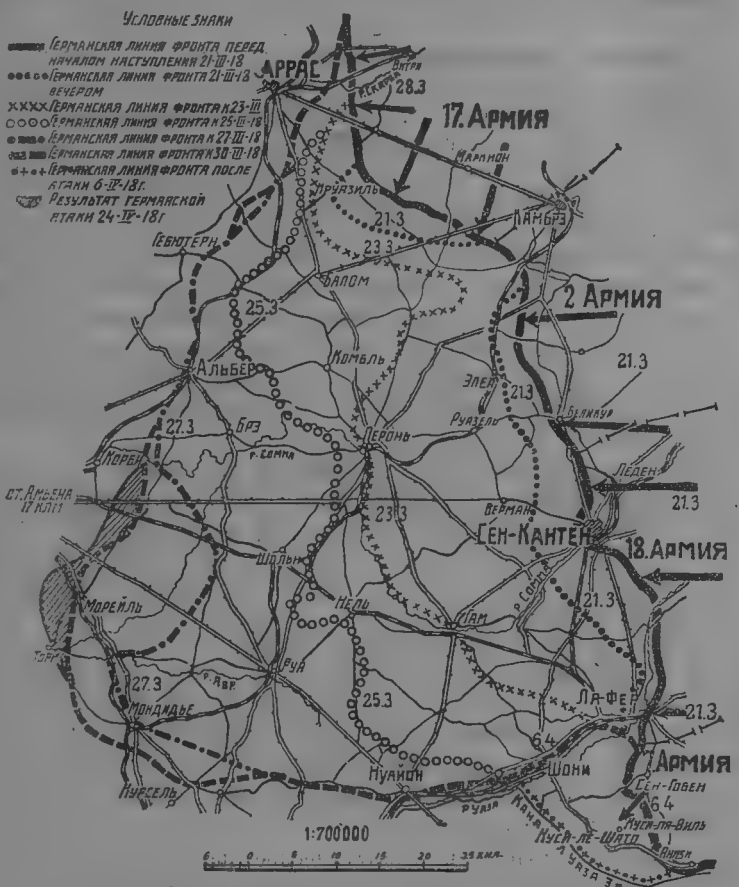
Приходилось изменить первоначальную идею сражения; центр тяжести дальнейшего наступления надо было перенести непосредственно в направление на Амьен. Я еще надеялся, что нам удастся вырастить наступление в операцию, и эту точку зрения я проводил во всех своих указаниях, даваемых армиям. Но 17-я армия больше не двигалась вперед, а 2-я и 18-я армии еще захватывали пространство. Я продолжал стремиться усиливать левое крыло 2-й армии и направлять его, как и 18-ю армию, на Амьен.

Но наша наступательная сила здесь уже теперь оказалась недостаточной против сосредоточившегося и перешедшего к активным действиям противника. Подвоз боевых припасов был недостаточно обилен, наступили также затруднения с продовольствием. Несмотря на всю предварительную подготовку, на восстановление колесных и железных дорог требовалось слишком много времени.

Пополнив весь свой комплект боевых припасов, 30-го марта 18-я армия произвела атаку на участке между Мондидье и Нуайоном. 4-го апреля 2-я армия и правое крыло 18-й атаковали у Альбера и южнее Соммы в направлении на Амьен. Эти атаки остались безрезультатными. Мы, с несомненностью, удостоверились, что неприятельское сопротивление оказалось выше уровня наших сил. Переход к сражению на истощение был недопустим, ибо таковое противоречило нашему стратегическому и тактическому положению. В результате верховное командование, в согласии с соответственными начальниками,

должно было принять весьма ответственное решение — окончательно приостановить наступление на Амьен.

Антанта, с своей стороны, перешла в наступление у Альбера и юго-восточнее Амьена, но ее атаки велись разрозненно и не дали никаких результатов. 24-го апреля, после тщательной подготовки, 2-я армия еще раз попыталась улучшить свои позиции у Вилер-



[Хегл 31 Великое сражение во Франции 1918г.

Бретоне, причем мы пользовались танками. Сначала наши войска продвинулись вперед, но не смогли удержать захваченную ими территорию.

Фронт между Альбером и Мондидье лишь постепенно успокаивался. От времени до времени там вновь вспыхивали бои, и обста-

новка продолжала быть напряженной. На остальных участках нового фронта, близь Арраса и Нуайона, успокоение наступило значительно раньше.

Сражение закончилось 4-го апреля. Это был блестящий военный подвиг, который навсегда будет запечатлен в мировой истории. Мы достигли результатов, которых не удавалось добиться ни англичанам, ни французам, и к тому же наш успех относился к четвертому году войны.

В стратегическом отношении мы не достигли тех успехов, на которые можно было расчитывать 23, 24 и 25 марта. Самое крупное разочарование заключалось в том, что мы не взяли Амьена, что чрезвычайно затруднило бы неприятельские сообщения между фронтами севернее и южнее Соммы. Обстрел железнодорожных сооружений Амьена дальнобойной артиллерии далеко не являлся равноценной заменой захвата их в наши руки. Но наши войска все же нанесли поражение англичанам и французам и доказали свое превосходство над ними. Если нам не удалось достигнуть тех результатов, которые были возможны, то это случилось вследствие понижения боевой ценности войск и прежде всего от того, что войска не всегда твердо находились в руках офицеров. Войска задерживались у попадавшихся им продовольственных складов и вследствие этого теряли драгоценное время.

Основы нашей тактики себя оправдали. События в 17-й армии не обусловливали принципиальных изменений, но отдельные тактические положения нуждались в развитии и подчеркивании. Прежде всего надо было еще больше разредить построения пехоты. Преодоление пулеметных гнезд во многих случаях происходило с излишними трениями и задержало наши атаки. Самостоятельность пехотных отделений, как и их совместная деятельность с войсками сопровождения, во многих случаях оказались не на высоте. Особенно трудно было частям, после окончания атаки, устроиться для обороны и главным образом уловить момент, когда дальнейшее наступление уже больше не могло дать никаких результатов. Все части, в особенности конные, очень страдали от бомб, сбрасываемых неприятельскими аэропланами.

О том, как изменилось стратегическое положение с занятием новых позиций, пока что нельзя было дать окончательного заключения; сами по себе эти позиции ни в каком отношении не были выгодными. Мы еще находились в начале операции, и верховное командование еще не могло предвидеть, какие затруднения для него сложатся в дальнейшем. Аврское предмостное укрепление вызывало особые тактические затруднения, и даже поднимался вопрос о его оставлении. Но так как противник заключил бы из этого, что мы

отказываемся от дальнейшего наступления на Амьен, то было решено его удерживать.

Теперь надо было упрочить новый основной фронт. Часть вымотанных боем дивизий была сменена свежими со спокойных участков; менее пострадавшие дивизии были оставлены на фронте. Постройке тыловых сообщений повсеместно было уделено величайшия внимание и забота. Для общего руководства существенную важность представляло, чтобы те части, в которых не было необходимости на новом фронте, были отведены на отдых для обучения и укрепления в них дисциплины. Мы должны были выгадать резервы для дальнейших предприятий и для отражения возможных неприятельских контр-атак; последние в создавшихся условиях, впрочем, могли иметь лишь чисто местный характер.

На частях 2-й армии особенно невыгодно отражалось, что они застряли на западной опушке бывшего поля сражения на Сомме. Они могли по настоящему отдыхать лишь к востоку от своей исходной позиции, хотя в районе, пройденном ими, нам досталось много неповрежденных английских барачных лагерей.

Наши потери не являлись незначительными, так как мы продолжительное время вели бои и вводили в них большие массы. Процент потерь в 17-й армии был слишком высок, а убыль в офицерах особенно тяжела. Но, помимо богатой добычи, мы захватили в круглых цифрах 90.000 нераненых пленных; кроме того, у противника была большая убыль ранеными и убитыми. Возвращение в строй легко раненых мы могли ожидать в скором времени. Мы были атакующими и, несмотря на это, при сравнительном подсчете потерь, оказывались в выигрыше.

Организация помощи раненым не повсюду оказалась достаточной, хотя перед сражением начальник полевой санитарной службы подверг ее внимательной инспекции. Многочисленные легко раненые затрудняли подачу им помощи своей бессознательной и малоутешительной торопливостью попасть скорее в тыл.

Мне лично это сражение также дорого обошлось. 23 марта был убит младший сын моей жены, бывший офицером-летчиком. Сначала он считался без вести пропавшим. Но затем на обширном поле сражения была найдена могила с английской надписью: „Здесь покоются два германских офицера-летчика“; на меня выпал печальный жребий установить в одном из них моего сына. Теперь он покоится в Германии; война мне ничего не пощадила.

Поездка на это поле сражения заставила меня пересечь нашу и неприятельскую системы позиций, где обе стороны так долго стояли друг против друга. Я испытал сильное впечатление. Через всю Францию тянулась необитаемая полоса разрушений во много километров шириной—ужасный памятник этой войны, провоцированной Антантой.

Впечатление поражения у противника было очень сильное. Но, несмотря на мою просьбу, мы ничего не сделали для дипломатического использования создавшегося положения. Франция заколебалась, ей понадобилось точно выяснить, на какую дальнейшую военную поддержку Англии и Америки она может расчитывать. Клемансо обратился к союзникам. В Англии в армию были призваны многие десятки тысяч рабочих, занятых до того в каменноугольных шахтах и в военной промышленности, и, несмотря на это, англичанам пришлось сначала оставить десять дивизий непополненными. Они исчезли с фронта, и большая их часть появилась вновь лишь к осени. Число возрастов, на которые распространялась воинская повинность, было увеличено, но о распространении призыва на Ирландию все еще нельзя было думать. В остальном Ллойд-Джордж шел на все. Как выяснилось из его речи, произнесенной после объявления перемирия, он обращался тогда с настоятельной просьбой о помощи к Вильсону и отправил в Америку для скорейшей доставки новых американских формирований весь наличный тоннаж, не считаясь с тем, страдала ли от этого Англия или нет. А что сделали мы, давали ли мы все, что могли? Теперь полезно проводить сравнения, чтобы германский народ впоследствии учел уроки этой войны. На войне только наивысшее напряжение энергии оказывается на требуемой высоте.

Чтобы добиться победы, Англия и Соединенные Штаты продолжали политическим и экономическим нажимом порабощать нейтральные европейские страны и вымогали их тоннаж для удовлетворения своих затруднений. Продолжительная подводная война в общей сложности оказала значительное влияние и вызвала тяжелый транспортный кризис, как на суше, так и на море. В ноябре 1918 г. один английский государственный деятель заявил в нижней палате следующее: „В апреле германские подводные лодки действовали столь успешно, что если бы их разрушительная деятельность шла тем же темпом, то Англия через девять месяцев была бы разорена". Англия перевозила во Францию человеческие массы из Америки, битком набитые на судах, которые преимущественно были ею добыты в нейтральных странах или приобретены иным способом. Американские солдаты везли с собой только личное снаряжение каждого. Все остальное они получали от Англии и Франции, а также из нейтральных государств, особенно из Испании. Все в целом являлось очень энергичным мероприятием, которое было чрезвычайно действительным на короткий срок, но при затяжке войны не оправдало бы себя. Если бы война продолжалась больший срок, то непременно последовала бы реакция.

Председатель тоннажного комитета при торговой палате Соединенных Штатов, согласно „New Jork World" от 8 мая 1918 г., так оценивал положение:

„По требованию наших союзников, в настоящее время мы посылаем в неблагоразумном числе людей во Францию. При чем мы посылаем их, не имея достаточного тоннажа для доставки им снабжения. Мы буквально ставим на карту жизнь наших молодых людей в предположении, что Америка в дальнейшем сможет заготовить необходимый тоннаж для их снабжения".

Действия без оглядки на возможные последствия и энергия в данном случае привели к успеху.

Во время сражения мы начали из района Лана обстреливать Париж из орудия с дальнобойностью в 120 километров. Это орудие являлось чудом техники и науки, мастерским произведением фирмы Круппа и его директора Раузенбергера. Обстрел Парижа произвел во Франции большое впечатление. Часть населения покинула столицу и тем еще увеличила беспокойство, которое вносили наши успехи.

Наши бомбометные эскадры преследовали своей энергичной деятельностью ту же цель.

III.

Планомерно подготовленные предприятия, которые должны были расширить ударный фронт и улучшить наше стратегическое положение, были осуществлены в конце марта и начале апреля.

6 апреля на левом берегу р. Уазы 7-я армия атаковала от Шони и Ла-Фер и южнее, в направлении на Куси-ла-Виль, и оттеснила французов за канал Уаза-Эн. Благодаря этому, длинный южный фланг 18-й армии получил лучшее обеспечение.

В конце марта и начале апреля 17-я армия также повела атаку в направлении на Аррас, при чем центр ее тяжести приходился на северный берег р. Скарпы. Она должна была захватить имеющие большое значение высоты восточнее и севернее Арраса, а на следующий день к ней должна была примкнуть со стороны Ленса и 6-я армия, чтобы здесь также подняться на высоты. Я придавал обеим атакам очень большое значение, так как захват возвышенностей имел выдающееся значение для всех боев в долине р. Лис.

Несмотря на исключительно сильную артиллерию и большой расход боевых припасов, атака 17-й армии по обе стороны р. Скарпы не имела никакого успеха; эта армия вообще сражалась не под счастливой звездой. Только генерал Леквис со своей 12-й пехотной дивизией хорошо продвинулся южнее реки, но для общего хода дела это не имело значения. Повидимому, действие артиллерии оказалось неудовлетворительным. Вследствие этого верховному командованию пришлось отказаться от атаки южным крылом 6-й армии. Удар же в долине р. Лис, между Армантьер и Ла-Бассэ, оно, наоборот, решило вести и превратить его, как это в свое время предлагал фронт-крон-

принца Рупрехта, в главную операцию. Погода была сухая, а англичане в долине р. Лис и перед Ипром очень ослабили свои силы.

6-я армия необыкновенно тщательно подготовила атаку. Генерал фон-Кваст и начальник его штаба подполковник Ленц работали без устали и все предусмотрели, таким же образом, как и перед атакой 21-го марта. Несмотря на скудность рабочих сил, подготовка шла столь успешно, что атаку уже можно было наметить на 9-е апреля. Я это приветствовал, так как чем раньше состоялась бы атака, тем больше шансов было захватить врасплох португальцев, занимавших долину р. Лис.

7 апреля я лично был в штабе LV корпуса 6-й армии и получил впечатление, что атака может состояться в намеченный срок. Для инспектирования артиллерийских подготовительных работ, в 6-ю армию был командирован полковник Брухмюллер. Он же организовывал использование артиллерии 19 июля 1917 года во время восточно-галицийского прорыва, а теперь в мартовском наступлении исполнял роль инспектора артиллерии 18-й армии. Его большие знания и умение, его преданность к своему призванию и своему роду оружия, его горячее сердце солдата выдвигали его среди деятелей этой войны. Его мнение послужило основанием для использования артиллерии при наступлении 21 марта. Артиллерия 18-й армии полностью прониклась его духом. Мы обязаны полковнику Брухмюллеру прекрасными успехами 18-й армии; правда, она наносила удар по наиболее слабому участку противника. Хотя и в 17-й армии, против которой находился сильнейший противник, работа велась на тех же основаниях, но у нее не хватало той электризующей силы, которую излучал полковник Брухмюллер. Здесь особенно ясно выступает то выдающееся значение, которое имеет личность на развитие хода событий на войне, да и в остальной жизни. Верховному командованию беспрерывно приходилось считаться, как с характером противника, так и с своеобразием людей, которые с равным самоотвержением работали над достижением той же цели.

Полковник Брухмюллер обследовал подготовительные работы и доложил, что все в порядке. Атака началась 9-го апреля; до полудня мы очень хорошо продвигались вперед; все донесения, поступавшие до обеда, были благоприятны. На этот раз день моего рождения был более удачный, чем в предыдущем году, когда он ознаменовался тяжелым ударом, полученным нами под Аррасом. В этот день в Авене Его Величество принял доклад о военных действиях и остался с нами завтракать. Он в нескольких словах поздравил меня, почтил память моих двух убитых сыновей и преподнес мне свою железную статуэтку работы Бецнера. Императора и меня разделяло очень многое, в том числе различие наших характеров, но он был моим царственным господином, и я преданно, с самоотвержением служил ему, и тем самым и

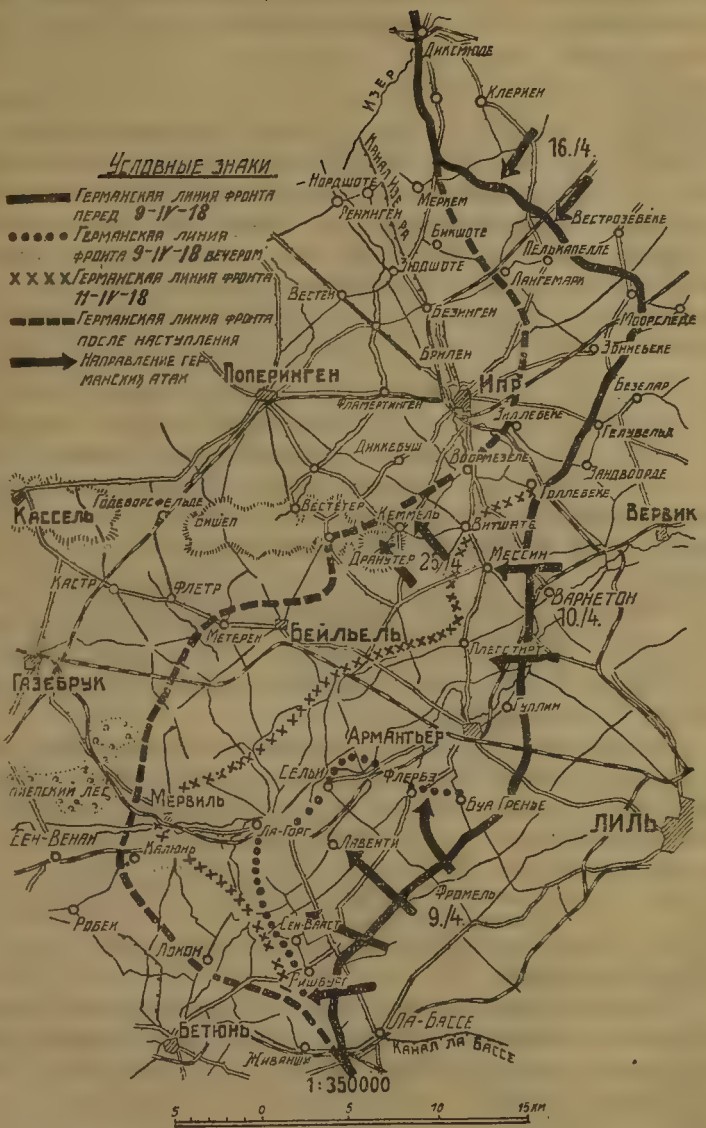


СХЕМА 32. СРАЖЕНИЕ у АРМАНТЬЕРА и у КЕММЕЛЯ 1918 г.

моему отечеству. Эта статуэтка всегда будет служить мне священным воспоминанием о моем императоре и верховном военном вожде, любившем своих солдат, желавшем наивысшего блага своей стране и своему народу; но всем своим внутренним существом несклонный к войне, он являлся типичным немцем после бисмаркской эпохи. Монарх, на которого выпала столь великая ответственность, не нашел, как его царственный дед, в момент государственного конфликта таких решительных личностей, как Бисмарк и Роон, которые бы сумели потребовать от страны все, что нужно было для ведения войны. В этой войне это явилось роковым для Императора и для государства.

После обеда наступление как будто замедлилось. Устройство переездов через систему неприятельских позиций по все еще частью мокрому грунту представляло весьма значительные трудности. Направление дорожной сети несовпадало с направлением удара; введенные нами в бой танки сильно повредили некоторые дороги. Подвоз орудий и боевых припасов занял много времени. Наша пехота испытала значительную задержку в сильно лесистом районе, где она попала под огонь неприятельских пулеметных гнезд. К вечеру мы наступали на Армантьер, достигли р. Лис и приближались к р. Лав. В направлении на Бетюн мы продвигались слабо. Левое крыло остановилось перед Фестюбер и Живанши, что являлось мало утешительным.

10 апреля наступление продолжалось, но территориально оно развивалось удовлетворительно лишь в направлении на Армантьер и непосредственно выше его за р. Лис. В направлении на Эстер мы прошли недостаточно далеко, застряв на позициях по р. Лис, и лишь незначительно приблизились к р. Лав.

Неприятельские пулеметы продолжали и в дальнейшем давать много работы пехоте. Один офицер генерального штаба, который был туда послан, доложил мне, что во многих случаях следовало бы вести их ликвидацию в более оживленном темпе. Пехота также часто чересчур задерживалась в поисках продовольствия. Дравшиеся здесь дивизии не представляли ударных дивизий в том смысле, как те, которые были брошены на штурм 21 марта. Но на других полях сражения позиционные дивизии достигали таких успехов, как и так называемые ударные.

11 апреля Армантьер был взят. В направлении на Бейльель наступление развивалось лучше; был взят также Мервиль. Днем раньше левое крыло 4-й армии примкнуло с севера к 6-й и захватило Мессин, который 7 июля предыдущего года был отдан противнику.

Дальнейшей целью наступления 4-й и 6-й армий фронта кронпринца Рупрехта являлись возвышенности, которые на севере замыкали долину р. Лис. К сожалению, мы не сумели удержаться на

них осенью 1914 года. У Кеммеля они далеко вдавались на восток, а на западе заканчивались у Касселя. Овладение этими высотами должно было вызвать, как следствие, очищение расположенных севернее позиций по Изеру.

После 12 апреля 6-я армия утратила свою ударную силу, 4-я же армия продолжала постепенно захватывать пространство. 25 апреля был взят Кеммель; этот момент явился кульминационным пунктом боевой деятельности. Теперь против 4-й армии выростало все большее количество французских дивизий, и дальнейшее наступление представлялось уже имеющим мало шансов на успех.

С развитием наступления на Кеммель, англичане, находившиеся восточнее Ипра, постепенно отошли вплотную к нему. 4-я армия произвела атаку на Лангемарк, но удар оказался уже запоздалым.

Южнее Кеммеля был взят и Бейльель, но далее к югу 6-й армии не удалось продвинуться.

Под впечатлением сражения, начавшегося 21 марта, генерал Фош был назначен главнокомандующим Антанты. Чтобы приостановить первый большой прорыв, английские резервы были переброшены против 17-й и 2-й армий, а французские дивизии с фронта Эн—Верден развернулись против 18-й армии. Вследствие боев, которые вели 4-я и 6-я армии, генерал Фош оказался вынужденным продвинуть свои резервы еще далее на север. Его попытка вырвать у нас Кеммель не удалась. Но верховное командование, в виду значительных сил противника, приостановило наступление.

Положение 4-й, а в особенности 6-й армии, в долине р. Лис было не легкое, как и всегда бывает на позициях, которые образуются на месте замершего боя. Укреплению передовых линий, восстановлению тыловых сообщений, эвакуации всего, без чего можно было обойтись во время затишья, обучению и укреплению дисциплины здесь было придано такое же значение, как и после окончания большого сражения между Круазиль и Ла-Фер.

IV.

В конце апреля закончилось наступление, начатое 21 марта. Наши попытки улучшить на некоторых участках наши позиции и контр-атаки противника затянули бои и на часть мая. Наибольшее боевое оживление приходилось на район Кеммеля, Бейльеля и Альбера, а также на участок, тянувшийся к югу от Соммы до ручья Люс.

Мы достигли больших успехов, и этого под впечатлением дальнейших событий не следует забывать. Мы разбили английскую армию, и лишь немного английских дивизий оставалось еще в целом виде. Из 59-ти английских дивизий, 53 участвовали в этих боях, и 25 из них вводились по несколько раз. Из французских дивизий, участво-

вала почти половина. Кроме того, противник понес большие потери в материальной части. В Аргонах появились даже итальянские дивизии, но английские и французские дивизии, отосланные предыдущей осенью в Италию, остались там. В Македонии англичан сменили греки.

О количестве перевезенных в апреле американцев мы не имели сведений. В середине апреля, между Сен-Миэлем и р. Мозель имели место первые крупные бои с войсками Соединенных Штатов, уже давно находившимися во Франции. Отдельные американцы дрались хорошо; но мы все же легко одержали успех.

Деятельность подводных лодок оставалась на одном уровне. Предприятия английского флота против базы германских подводных лодок в Остенде и Зеебрюгге все же свидетельствовали, насколько чувствительной стала для Англии подводная война. Какое влияние она окажет на снабжение продовольствием Англии и на перевозку американских войск во Францию, было чрезвычайно трудно определить. Исходя из имевшегося уже опыта подводной войны, я рассчитывал на прибытие американских войск в больших силах. Однако, быстрота, с которой они в действительности прибывали, явилась для нас неожиданностью. Генерал фон-Крамон, германский военный уполномоченный при австро-венгерском командовании, часто взывал ко мне с просьбой настаивать на потоплении транспортов с американскими войсками, так как этого требовало общественное мнение Австро-Венгрии. Адмирал фон-Гольцендорф не мог ответить на это ничего другого, кроме того, что в области сокращения неприятельского тоннажа и потопления военно-транспортных судов делалось все посильное. Но ограничить деятельность подводных лодок последней задачей являлось невозможным. Военные транспорты могли подходить к европейскому побережью, начиная от Северной Англии и до Гибралтара, что образовывало морской район в 1.400 миль ширины. В полном объеме заградить это пространство подводными лодками было немыслимо; можно было бы сосредоточить подводные лодки лишь на отдельных участках. Но пройдут ли транспортные суда именно через эти участки в момент нахождения на них подводных лодок, являлось сомнительным. Как только противник получил бы сведения о появлении германских подводных лодок, он мог немедленно, посредством беспроволочного телеграфа, изменить маршрут своих транспортов и произвести высадку в другом месте. В виду этого являлось сомнительным, удастся ли при таком образе действий потопить достаточное количество транспортных судов. Уничтожение же работавшего на неприятеля судового тоннажа производилось бы тогда лишь случайно, и в этой работе произошел бы значительный перерыв. Подводная война тем самым существенно бы уклонилась от своей первоначальной цели. В виду этого, мы решили энергично продол-

жать подводную войну, направленную против торгового судоходства. Полученные сведения о состоянии неприятельского торгового флота и о положении снабжения вражеских стран давали основание надеяться достигнуть цели этим путем. Неприятель несомненно переживал тоннажный кризис.

Задержка наступления естественно имела большое значение, так как не только мы одни, но и противник пользовался ей для восстановления своих сил. В виду недостатка в пополнениях, наши потери были чувствительны. В апреле я вновь обратился к военному министерству с просьбой настойчивее провести изъятие опротестованных из военной промышленности.

Я получил в дальнейшем новый приток укомплектования с тыла лишь за счет возвратившихся из России военнопленных. Верховному командованию пришлось обратиться к имевшемуся в его распоряжении людскому запасу и самому подготовлять пополнения за счет войск, находившихся на Восточном фронте и в Румынии, а также из специальных родов оружия и из этапных частей. Но этих источников не могло хватить, если родина не освободит для армии опротестованных и не примет энергичных мер против уклоняющихся и дезертиров.

В общем, наши войска дрались хорошо, но некоторые дивизии в долине р. Лис явно неохотно шли в атаку; это вызывало на размышления. Однако, на этой пересеченной низине артиллерия могла лишь с трудом оказать некоторую поддержку пехоте, вследствие чего данное явление еще не представляло ничего угрожающего. С другой стороны, такие факты, как задержка войск у найденных запасов и выход отсталыми одиночных людей для поисков продовольствия в домах и дворах, приводили к тяжелым сомнениям. Эти явления понижали успех и указывали на недостаток дисциплины. Столь же серьезным было и то, что и молодые, и более старые ротные командиры не чувствовали себя в силах бороться с подобными явлениями и не имели авторитета, который дал бы им возможность без задержек вести войска вперед. Отсутствие старых кадровых офицеров сильно давало себя знать; они являлись носителями моральных сил армии. К тому же, в первой половине войны рейхстаг смягчил дисциплинарные взыскания. У ответственных начальников тем самым был отнят самый действительный способ дисциплинарного взыскания, а именно, замена строгого ареста подвешиванием. Это наказание было, конечно, чрезвычайно тяжело, и применение его, естественно, не должно было находиться в руках юных и неопытных ротных командиров, но полная его отмена была гибельна. В другое время смягчение наказаний было бы уместно, то теперь оно оказалось роковым; постоянно издаваемые амнистии также неблагоприятно действовали на солдат. Антанта своими значительно более строгими наказаниями во

всяком случае достигала большего, чем мы. Эта историческая истина бесспорна. Продолжительная война сопровождалась и извращениями судебного процесса. Так, среди судей появилось совершенно непонятное течение в пользу снисходительного отношения к военным преступлениям. Этому еще способствовало то, что преступление, совершенное на фронте, не рассматривалось немедленно по его учинении в самой части, а судилось далеко в тылу, при совершенно иных условиях и через известный промежуток времени. Надо всегда помнить, что в армии есть много элементов, которые ни в коем случае не заслуживают снисхождения, печальным примером которых могут служить многочисленные дезертиры и халупники. Их надлежало очень сурово карать и не только потому, что этого требовало спасение отечества, но и из уважения к хорошим и храбрым солдатам. Слава богу, такие всегда составляли значительное большинство. Если такому солдату случалось когда-нибудь забыться, то утверждающий приговор имел возможность, учитывая особенности данного случая, соответственно смягчить наказание. Много преступлений совершалось с целью уклониться от строевой службы, а следовательно, и от боя на время отбытия наказания. Наконец, мы догадались образовать роты арестованных, которые применялись для работ на передовых позициях. Это печальная глава. Я говорил по этому поводу с военным министром, так как в его ведении находилось судебное воздействие в армии, и верховное командование не имело к нему никакого касательства. На управление армий я также мог воздействовать лишь постоянным и настойчивым подчеркиванием значения поддержания дисциплины, как важнейшего дела. Начальникам нужно было раз'яснить ту власть и те права, которыми они располагали. Все управления армий убедились в железной необходимости проявлять соответственный нажим. Таким образом, с внешней стороны мы сделали все возможное; теперь сами войска должны были показать свою способность удержать дисциплину на соответственной высоте. Это требование определенно выпадало на офицеров. И если в войсковых частях дисциплина падала, то вина в этом ложится и на начальников.

Из многих разговоров, которые в эти дни я имел с офицерами в различных частях при обсуждении учений, во мне вновь воскресло впечатление старых жалоб на усталое и недовольное настроение, которое приносят в армию с родины; отпускных подстрекали, а вновь прибывающие запасные вредно влияли на дисциплину, от чего страдала боеспособность войск. При перевозке запасных частей произошел целый ряд недоразумений, главным образом при переброске таковых из Баварии и с Востока. Усиленные жалобы поступали также на дух солдат, которые обучались в ближайшем учебном лагере в Беверлоо. В виду этого, все части усиленно стремились получать на

пополнение солдат, которые уже раньше служили в их рядах и являлись уроженцами той-же местности. Я стремился по возможности итти навстречу таким желаниям, но это мне не всегда удавалось. Впоследствии я узнал, что в канцеляриях тыла была организована работа, систематически этому препятствовавшая. Нужно было распатать армию.

О настроении на родине я постоянно возобновлял разговор с соответственными инстанциями. В эти дни мне в первый раз возразили, что армия также проявляет неудовольствие и устала драться. Все делали вид, что очень удивлены этому, но в конце концов на армии должны были отразиться те лозунги, которые ей усиленно напоминала родина, к тому же на все части действующей армии ложилось столь тяжелое бремя—бесконечно более тяжелое, чем выпадавшее на родину. Человек, приезжавший обиженным и возмущенным из дому на фронт, и здесь вынужденный переносить большие испытания, на родине не мог не являться мутящим элементом. Но совокупность войск жаждала победы, несмотря на разлагающее влияние родины и падение дисциплины. Моим убеждением всегда было, что народ и армия представляет одно тело и одну душу, и, следовательно, армия не могла надолго остаться здоровой, если была больна страна. Теперь, как и прежде, сомнительные явления в действующей армии доходили до меня только в виде единичных случаев. В своей совокупности она находилась еще в повиновении и порядке, и била противника. Я надеялся, что чувство долга и желание победы в армии еще достаточно сильны, чтобы преодолеть многие нежелательные явления. Большая убыль за последние бои убитыми и ранеными штаб-офицеров и ротных командиров теперь особенно обостряла положение, так как на смену им являлись очень молодые офицеры с свойственными им недостатками. Также обстояло дело и с опытными унтер-офицерами. Мы дошли до того, что перед началом сражения выделяли из частей командный резерв, который не принимал участия в бою, чтобы после боя части не остались вовсе без начальников [1]).

В области тактики мы должны были преподать войскам новейший боевой опыт. Выводы его заключались в еще большем разрежении пехоты, в возрастании значения тактики небольших ударных групп и в усовершенствовании согласования работы отделений с войсками сопровождения, и пехоты с артиллерией. Армиям были даны соответственные указания.

28-я пехотная дивизия и часть 3-го егерского батальона, которые отличались особенной тактической выучкой, были переведены в окрестности Авена. С ними на упражнениях были разработаны де-

[1]) В русской армии этот прием уже широко применялся в 1915 году.

Прим. ред.

тали, и затем они были демонстрированы большому количеству штабофицеров и старших начальников всех армий, в том числе большинству командующих армиями и многим командирам корпусов. Этот прием отражал заботу о скорейшем распространении в армиях нового опыта.

Во всех случаях я подчеркивал необходимость не забывать построений, необходимых для обороны, и правильно улавливать момент для остановки наступления и перехода к обороне. Войска должны были ощутить этот момент по систематическому усилению неприятельского сопротивления.

Для дальнейшей оперативной деятельности нельзя было терять времени. На западном фронте мы должны были сохранить инициативу, которую захватили в свои руки, и за первым большим ударом, при первой же возможности, нанести второй.

Подвоз могущественных наступательных средств, снабжение и образование складов боевых припасов, сосредоточение дивизий, использование боевого опыта предыдущего наступления, что отнюдь нельзя было ставить на последнее место, и многое другое требовали много времени. Такая задержка являлась для нас очень невыгодной, но при определенном количестве имевшихся налицо боевых сил ничего нельзя было изменить.

Продолжение наступления у Ипра и Бейльеля против английской армии само по себе являлось для нас наиболее выгодной операцией, но теперь там были сосредоточены столь значительные неприятельские силы, что это препятствие было не под силу даже отдохнувшим войскам. До возобновления наступления в этом направлении надо было, чтобы противник ослабил здесь свои силы; кроме того, здесь еще приходилось разрабатывать наши тыловые пути. Далее к югу условия складывались так же, а к тому же район Соммы представлял слишком мало укрытий для подготовительных к наступлению работ. Противник был слаб лишь перед 7-й и 1-й армией так как отсюда он перебросил силы к Ипру, и заменил их вымотавшимися в бою английскими дивизиями. Неприятельские позиции были здесь расположены на высотах, и на первый взгляд атака их представляла большие затруднения. Но при наличии хорошей работы нашей артиллерии дело сводилось в конце концов к преодолению лишь препятствий, представляемых местностью. Последние, правда, являлись значительными, но с ними несомненно было легче справиться, чем с итальянскими горами, которые мы преодолели 25 октября 1917 г. В конце апреля фронт кронпринца германского получил задание—представить проект наступления между Пиноном и Реймсом.

Верховное командование одновременно должно было отдать себе ясный отчет, какие войска примут участие в этом наступлении.

К нему должны были быть привлечены дивизии, принимавшие участие в мартовском наступлении, но воспользовавшиеся затем отдыхом и прошедшие курс обучения. Можно было расчитывать, что до конца мая эти дивизии не успеют набраться свежих сил и сделаться способными к наступлению. Такой же срок требовали и подготовительные работы. Своей торопливостью мы не должны были ставить на карту успех и итти на риск больших потерь. Я не мог руководствоваться своими желаниями и надеждами, а должен был действовать на основании твердых данных. Но само собой разумеется, что нам следовало избегать всякой излишней потери времени.

В наших обсуждениях с штабом фронта кронпринца германского, в состав которого входили 18-я, 7-я и 1-я армии, было решено и признано выполнимым следующее:

1. 7-я и 1-я армии наступают с фронта Анизи, участок юго-западнее Лана,—участок к югу от Берри-о-Бак в направлении на Суассон—Фим—Реймс.

2. Удлинение наступления вправо за р. Эллет к р. Уазе и влево до Реймса.

3. Наступление 18-й армии западней реки Уазы, в основном направлении на Компьен.

Одновременное наступление по столь широкому фронту являлось невозможным, так как часть артиллерии, которая участвовала в сражении 21 марта, в настоящее время должна была оставаться для обороны фронта кронпринца Рупрехта.

Как далеко удастся развить наступление, предвидеть было нельзя. Я надеялся, что этот удар обусловит такой расход сил неприятеля, который даст нам возможность продолжить наступление во Фландрии.

Задачей фронта кронпринца Рупрехта была пассивная оборона и накопление сил; подготовительные для наступления работы должны были вестись во Фландрии, а также, в демонстративных целях, по всему фронту. Надо было ожидать, что дивизии фронта кронпринца Рупрехта, сильно пострадавшие и уменьшившиеся в своем составе в мартовских и апрельских боях, отдохнут в предстоящее спокойное время и пополнятся выздоровевшими и некоторым количеством укомплектований. Если противник оказался бы вынужденным сосредоточить значительные силы против фронта германского кронпринца, то продолжение фландрского наступления оказалось бы вполне уместным.

Подготовительные работы для наступления должны были продолжаться и на остальных участках западного фронта, хотя бы на них и не предполагалось наступать.

Само собой разумеется, что повсюду, где войска занимали новые позиции, прежде всего они должны были оборудовать их для обороны.

Все армии особенно принимали к сердцу заботы о людях и лошадях, находящихся на отдыхе. С войсками на позициях нельзя было обращаться столь бережно, как бы мне этого хотелось. Войскам, расположенным на новых фронтах, приходилось очень тяжело. В общем, противнику было не легче, но условия расквартирования, в особенности по сравнению с нашими войсками, которые были расположены на поле сражения на Сомме, на многих участках значительно более благоприятствовали противнику, чем нам. Это лежало в существе дела. Мы стремились обстрелом многих пунктов из дальнобойных орудий и метаньем бомб с аэропланов по мере возможности уравнять эти условия. На спокойных фронтах от 7 армии до швейцарской границы части отдыхали, не сменяясь с позиций, и находили время для обучения батальонов, пехотных полков и артиллерии, упражнявшейся отдельными батареями.

Помимо укрепления дисциплины, в тылу всех армий и на многих участках фронта велась энергичная работа по обучению. Пехотные роты, имевшие до сих пор по 4 легких пулемета, получили теперь пятый, а также улучшенные ружейные гранаты. Для защиты от неприятельских аэропланов, пулеметы были также розданы обозам и транспортам; артиллерийские части получили почти всю причитающуюся им материальную часть.

Войска получили первые противотанковые ружья; они действовали хорошо, но, к сожалению, были слишком тяжелы и требовали обслуживания двумя людьми, вследствие чего мы теряли лишнего стрелка.

Довольствие людей было достаточное, но все же значительно уступало тому, которое было у противника. Условия подножного корма складывались благоприятно, и лошади имели достаточно еды, чтобы напитаться. Зернового фуража было мало. Санитарные условия раньше были лучше. Появились первые случаи гриппа, но военные врачи пока оценивали их, как легкие.

V.

Во время больших событий на западе, затишье на итальянском и македонском фронтах не прерывалось. Эти фронты не представляли ничего иного, как продолжение нашего западного фронта, и служили нам, а македонский фронт и Австро-Венгрии, фланговым прикрытием. Поддержка, которую нам давала на западе австро-венгерская артиллерия, была незначительна, так как она была чрезвычайно слабо снабжена боевыми припасами. Расстреляв свои комплекты, она возвратилась на родину.

Положение австро-венгерской армии в Италии сравнительно улучшилось, так как из России прибыло несколько сот тысяч военно-

пленных. Вследствие этого армия усилилась и чувствовала себя способной атаковать итальянцев. Генерал фон-Арц командировал к нам на западный фронт австро-венгерских офицеров и постоянно находился в курсе нашего тактического опыта. Он предполагал перейти в наступление в первой половине июня, т.-е. вскоре после нашей атаки вдоль Шмен-де-Дам. В связи с этим, в конце мая был возбужден вопрос о производстве совместного большого натиска на Антанту в начале июня.

Теперь открывалась возможность, отказавшись от наступления в Италии, усилить германские войска на западе несколькими австро-венгерскими дивизиями. Но, принимая во внимание, что на французском фронте боевые силы австро-венгерских войск представляли лишь незначительную ценность, удар в Италии являлся более выгодным, поскольку австро-венгерское командование в Бадене уверенно расчитывало одержать успех. Победа в Италии теперь разгрузила бы также западный фронт, как и имевшая место осенью 1917 года; по меньшей мере она отвлекла хотя бы часть новых формирований Соединенных Штатов. Эти выгоды являлись более важными, чем усиление западного фронта несколькими мало боеспособными австро-венгерскими дивизиями. К тому же, если бы наступление против Италии не удалось, то это не исключало возможности и тогда оказать непосредственную поддержку западному фронту.

Продовольственный вопрос в Австрии и в австро-венгерской армии становился исключительно серьезным. Она получила свою часть из румынских запасов вперед и уже ее израсходовала, и теперь без оглядки тянула из оккупированной Украины все, что только оказывалось досягаемым ее органам. Но этого все еще было недостаточно. В виду этого, ссылаясь на свое бедственное положение, в начале мая Австрия реквизировала принадлежавший Германии хлеб, который нам поставила Румыния, и который перевозился через двуединую монархию. Мы уже оказали ей помощь в начале февраля, вследствие чего такой произвольный шаг с ее стороны нас весьма удивил. Но несмотря на все наше недовольство, мы вновь были вынуждены давать. Это было тем болезненнее для нас, что румынские запасы предназначались для лошадей западного фронта.

На македонском фронте и в дальнейшем продолжалось затишье. Болгарская армия имела время отдыхать и обучаться. Но нельзя было не замечать, что с марта, вследствие плохих условий продовольствия и недостатка в одежде, дух войск в Болгарии заметно ухудшился. Недовольство против Германии ловко раздувалось неприятельской пропагандой и настроенными в пользу Антанты болгарами. Бухарестский мир и уход немногих германских частей для принятия участия в решительной борьбе на западе дали новый материал для пропаганды. Вспыхивавшие бунты свидетельствовали, насколько да-

леко зашел процесс разложения. Верховное командование и штаб фронта фон-Шольца делали все возможное, чтобы помочь болгарам и воздействовать на них. Мы давали продовольствие, а прусское военное министерство снабжало одеждой. Мы пошли навстречу просьбам наследного принца Бориса, который, при об'езде западного фронта, выразил желание, чтобы переброска из Болгарии нескольких германских батарей была задержана.

Мы подчеркивали болгарскому командованию необходимость образовать резервы. Оно выдвинуло в передовые линии слишком много войск и сохранило в тылу недостаточное количество частей в полном составе. Генерал Джеков постепенно пришел к решению последовать нашим советам. Переброска болгарских войск из Добруджи на македонский фронт, медленно подвигавшаяся вперед, облегчила ему эту задачу. Но у противника, кроме частей Венизелоса, появились и греческие королевские войска.

На палестинском фронте в конце марта англичане начали наступление через Иордан, непосредственно севернее Мертвого моря, с явной целью охватить левый фланг расположенного там турецкого фронта и оттеснить его от железной дороги на Дамаск. Наступление английских войск началось успешно, но в результате закончилось поражением. Англичане были оттеснены на западный берег Иордана. К сожалению, генерал фон-Лиман, которому в это время перешло командование в Палестине от генерала фон-Фалькенгайна, не имел в распоряжении войск для перехода к активным действиям. В конце апреля англичане произвели вторичное наступление, и оно оказалось столь же неудачным. Надо было расчитывать, что наступление англичан возобновиться после окончания начинавшегося жаркого времени года. Я надеялся, как мне обещал Энвер, что к тому времени турецкие войска на палестинском фронте будут усилены. В Месопотамии английские войска продолжали продвигаться в направлении на Мосул и утвердились в Северной Персии вместо разбежавшихся русских войск.

В конце февраля турки начали наступление в Армении. В конце марта они очистили свою территорию от русских, а в конце апреля оккупировали Карскую и Батумскую область, которые перешли к ним по Брестскому миру. Но они на этом не остановились, и предполагали продолжать распространять на Кавказе сферу своего влияния. С этой целью турки развили обширную агитацию среди мусульманского населения Азербейджана, и там появился брат Энвера Нури для формирования новых частей. Одновременно Турция завязала переговоры с образовавшимися в Закавказьи небольшими русскими республиками—Грузией, Азербейджаном и Арменией, в которых, по приказанию германского правительства, принял участие находившийся в Константинополе генерал фон-Лоссов.

Я одобрительно относился к турецким предприятиям, поскольку они отвечали интересам общего развития войны. Но они не должны были отвлекать Турцию от ее прямых военных задач или затруднять нам вывоз сырья с Кавказа, который, как мы ожидали, должен был дать нам существенное облегчение. Задачей Энвера являлась борьба с Англией, и прежде всего на палестинском фронте. Я постоянно ясно указывал ему на это по телеграфу. Теперь представлялся также

Схема 33. К турецкому наступлению в Армении 1918 г.

случай нанести удар англичанам в северной Персии. Этому способствовала железнодорожная линия от Батума через Тифлис на Тавриз. В северной Персии турки могли иметь превосходство над англичанами. Если бы при этом удалось поднять против Англии население Азербейджана, то это сыграло бы большую роль. Я бы охотно оказал поддержку всему, что могло бы привести к такому результату. Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией. С этим вопросом

связывались очень реальные цели, главным образом, выгоды, связанные с использованием закавказского сырья. Что германское военное хозяйство не получило бы при этом ничего, это было понятно каждому, кто имел представление о деловых приемах турок. В виду этого мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовали турки.

Во время переговоров в Батуме, представители Грузинской республики [1]) обратились к генералу фон-Лоссову с просьбой о покровительстве Германской империи. В 1915 и 1916 году мы работали в Армении совместно с грузинскими добровольческими отрядами, но безуспешно. При этом мы установили некоторую связь с несколькими влиятельными грузинами. По военным соображениям я мог только приветствовать, как подобное отношение, так и просьбу Грузии о германском покровительстве. Они давали нам средство, независимо от Турции, добраться до кавказского сырья и приобрести влияние на эксплоатацию железной дороги, идущей через Тифлис. Эта железная дорога имела огромное значение для ведения войны в северной Персии, и эксплоатация ее под германским контролем была бы более успешна, чем при турецком содействии. Наконец, мы должны были попытаться усилиться грузинскими войсками, которые могли быть использованы против Англии. Тогда мы еще не могли предвидеть, в каком размере создаст нам затруднения на северном Кавказе добровольческая армия генерала Алексеева, расположенная в Кубанской области. В виду этого, я ходатайствовал перед имперским канцлером за удовлетворение пожеланий Грузии.

Правительство, по другим причинам, также стояло за ориентирующуюся на Грузию политику. Оно опасалось затруднений, которые могли создаться, вследствие поведения Турции по отношению к большевистской России. Имперский канцлер весьма отрицательно относился к насилиям турок над христианским населением Армении. Оно действительно являлось грубо ошибочным шагом и не имело никакого оправдания. Правительство не отказалось принять представителя Грузии, прибывшего с генералом Лоссовым в июне в Берлин.

1 марта был взят Киев, после чего дальнейшее продвижение германских войск на Украине продолжалось более медленным ходом. После небольшого боя, 12 марта была взята Одесса. Здесь принимали участие германские войска, продвинувшиеся после заключения прелиминарного мира с Румынией, состоявшегося 7 марта, через Молдавию. Последующая задача верховного командования заключалась в том, чтобы преследовать те цели, которые побудили нас вступить в Украину, но не итти дальше, чем требовалось для достижения их.

---

[1]) Меньшевики. *Прим. полит. ред.*

Украина нас призвала. Мы, а еще больше Австрия и австро-венгерская армия, нуждались в украинском хлебе; эту страну нужно было спасти от большевизма [1]) и не дать последнему найти в ней новый источник сил. Мы должны были укрепить Украину, чтобы иметь возможность ее использовать.

8-го апреля мы взяли Харьков и, таким образом, оккупировали главный хлебный район. Но главнокомандующий востоком выяснил, что без угля Донецкого бассейна эксплоатация железных дорог невозможна. Хорошо это было или плохо, но пришлось согласиться и на занятие еще и этой части Украины, и продвинуть наш фронт до Ростова, что и было закончено в начале мая. Несмотря на это, сначала нам пришлось отправить на Украину весьма значительное количество угля из Германии, но после восстановления добычи угля на месте ввоз его сократился.

Помимо железных дорог, нам надо было еще обеспечить себе водный путь между Черноморскими гаванями и Браиловым. В Одессе, Николаеве, и Херсоне русский черноморский флот чинил нам препятствия, при чем было совершенно не ясно, от лица какого правительства, собственно говоря, он действовал. Условий Брестского мира он не выполнял. Оставаясь в Севастополе, он представлял бы постоянную угрозу нашим морским сообщениям, в виду чего в конце апреля мы заняли Крым. Часть русского флота ушла в Новороссийск. Остальные же военные суда, захваченные в Севастополе, мы должны были использовать в той мере, поскольку мы могли снабдить их экипажем. Оккупация обширного района вновь привела к столкновениям во многих пунктах с большевистскими бандами и войсками. В большинстве случаев прогонять их удавалось без труда. Когда наступление закончилось, главнокомандующий востоком установил с советским правительством демаркационную линию. Для советского правительства было очень характерно, что оно часто обвиняло наши войска в нарушении означенной линии, в то время, как от главнокомандующего востоком поступали донесения о вторжении большевистских банд в охраняемые нами области. К сожалению, министерство иностранных дел, повидимому, относилось с большим доверием к большевистской лжи, чем к нашим данным.

Поторговавшись с австро-венгерским командованием в Бадене, при содействии главнокомандующего востоком, мы поделили сферы интересов в Украине. Генерал-квартирмейстер заключил с Австро-Венгрией соглашение, и использование украинских запасов было урегулировано. Но в дальнейшем, под впечатлением захвата Австро-Венгрией наших продовольственных запасов, соглашение было изменено в том смысле, что сбор всех продуктов на Украине и их распреде-

[1]) Больше от хлеба, чем от большевизма. *Прим. полит. ред.*

ление всецело перешло в ведение Германии. Это была крайняя мера, принятая по нужде, чтобы добиться ясности в хозяйственных вопросах.

Перед германскими военными и гражданскими властями открылась новая арена деятельности. Я с большим вниманием следил за их работой, так как верховное командование было больше всех заинтересовано в результатах. Генерал-фельдмаршал фон-Эйхгорн был назначен командующим Киевским фронтом. Представителем германского правительства на Украине являлся германский посланник фон-Мумм. Сбор продуктов находился в руках имперского министерства экономии. Более запутанной и многоголовой организации нельзя было придумать. Она была вызвана несчастной точкой зрения Берлина на „милитаризм“ и господствовавшим там бюрократизмом с его схоластическими методами.

Как и надо было ожидать, юное украинское правительство оказалось не в состоянии успокоить страну и поставлять нам хлеб. Вскоре это правительство исчезло с лица земли, и бразды правления взял гетман Скоропадский [1]).

На рубеже апреля и мая я был занят важной работой в связи с военными действиями на западе. В это время мне была передана через военный кабинет императора телеграмма, посланная имперским канцлером его величеству, в которой в жалобном тоне говорилось о тяготеющем над Киевом штабе фронта, являющемся олицетворением „милитаризма“, и испрашивалось содействие его величества. Военный кабинет ответил имперскому канцлеру, что его величество предполагает сперва выяснить все дело на общем совещании с участием руководящих лиц. Я с удовольствием ждал этого совещания, так как был убежден, что ни в чем не придется уступить, когда вопрос будет рассматриваться по существу, а не на основании сплетен и предвзятого отношения. Но в данном случае не дошло даже до совещания, так как вскоре выяснилось, что генерал-фельдмаршал и посланник на Украине дружно работали, сохраняя хорошие личные отношения. Следовательно, „милитаризм“ был опять на этот раз не при чем; дело загорелось из-за того, что один генерал обошелся без излишней мягкости с некиим бывшим членом правительства, который играл очень двусмысленную роль в отношении германских интересов. Однако, этот инцидент оставил горьковатый привкус. Я привел этот факт лишь потому, что он очень характерен для тогдашних берлинских настроений. Там всегда были готовы, вместо того, чтобы нас отстаивать, выступить против нас. На сообразование с внутренне-политическими соображениями там обращалось больше внимания, чем

[1]) Почему-то Людендорф умалчивает о том, что Скоропадский был просто посажен немцами.

Прим. полит. ред.

на требования жизни; такой взгляд распространялся даже на заботы генерал-фельдмаршала фон-Эйхгорна о поставках Украины, хотя последние теснейшим образом затрагивали наши жизненные интересы. Особенно печально было то, что военный министр, не выслушав другую сторону, также присоединялся к взглядам правительства.

В лице гетмана Скоропадского, во главе киевского правительства мы получили человека, с которым можно было хорошо работать. У него была решимость обеспечить в стране порядок и идти нам широко навстречу. В дальнейшем я лично имел возможность познакомиться с ним и вынес весьма благоприятное впечатление. Он не скользил поверхностно по делам, а углублялся в их существо.

Верховное командование могло быть только довольно переменой киевского правительства, так как оно отвечало интересам ведения войны. Я надеялся, что формирование войск и выкачивание хлеба сложатся успешнее. Было также начато образование новых украинских частей. На это естественно требовалось время, и это не могло непосредственно разгрузить нас в военном отношении. Германские войска, находившиеся на Украине, были настоятельно необходимы штабу фронта для защиты от большевиков и для обеспечения экономического использования страны. Каждый раз, как мы собирались ослабить их, управление фронта жаловалось, что оно и так располагает недостаточными силами.

Министерство имперского хозяйства преследовало, преждевременную в данных условиях, мирную политику. Против этого нельзя было бы возражать, если бы при этом отдавалось должное, как я просил, непосредственным интересам нашего военного хозяйства. Австро-Венгрия в своем бедственном положении энергично взялась за Украину, и хотя она и не получила из нее всего того, что граф Чернин намечал в начале февраля, как необходимое, то по крайней мере продовольствие из Украины, наряду с нашей помощью, спасли Австрию и австро-венгерскую армию от голода. Таким образом, самое необходимое было достигнуто. Мы получили для Германии хлеб и фураж, однако не в том размере, который нам был необходим для оживления упавших сил родины. Во всяком случае, Украина помогла и Германии. Летом 1918 г. она поставляла нам мясо, что позволило нам сохранить наше скудное мясное питание. Благодаря этому мы могли прекратить дальнейшее истощение нашего наличия скота, а черпали его из оккупированных областей. Армия получила большое количество лошадей, без которых всякое дальнейшее ведение войны было бы невозможно. Если бы Германия вынуждена была поставить сама этих лошадей, то от этого сильно бы пострадало ее сельское хозяйство. Украина также поставляла нам всевозможное сырье.

Но надежды, что украинский хлеб даст нам экономическую мощь, улучшит наше положение по отношению к нейтральным стра-

нам и явится толчком к дальнейшему экономическому улучшению, что было так важно для нашей боеспособности, скоро пришлось оставить.

В военно-политическом отношении оккупация нами Украины значительно ослабила мощь Советского правительства. Мы также установили связи со многими великорусскими народными течениями и с донскими казаками, которых мы могли бы использовать для низложения большевизма, если бы только германское правительство выразило на это свое согласие.

На фронте главнокомандующего востоком против Великороссии, который протягивался от Припяти до Финского залива, после 3-го марта ничего не изменилось.

Финляндия взялась за оружие и крайне нуждалась в немедленной помощи; однако снабжение оружием являлось мерой недостаточной. Советское правительство не собиралось выводить свои войска из Финляндии; английская поддержка была близка.

Чтобы воспрепятствовать образованию нового восточного фронта и усилиться в военном отношении, Германия пошла навстречу просьбе Финляндии об оказании ей помощи войсками. Генерал фон-Маннергейм также высказался за посылку германских войск в Финляндию, но он хотел, чтобы они не прибывали слишком рано и в слишком большом числе, чтобы его финны получили свою часть боевой работы и смогли получить доверие к собственным силам. Это была совершенно правильная военная мысль.

Получив согласие имперского правительства, которое мы обеспечили себе и на будущее, мы вначале создали этапный опорный пункт на Аландских островах, так как в данный момент десант германских войск в пределах Ботнического залива казался необходимым. Но незадолго перед тем и Швеция также произвела десант на этих островах; с ней мы вступили в особые переговоры, в течение которых затруднений не встретилось. Швеция увела свои войска с Аландских островов, и мы также вскоре их оставили, так как верховное командование решило высадить предназначенные в Финляндию войска в Ганге.

Связь с генералом фон-Маннергеймом поддерживал майор Кранц, которого я прикомандировал к ставке финских войск. Совместная работа с генералом фон-Маннергеймом все время протекала успешно и была построена на взаимном доверии.

В Данциге из трех егерских батальонов, трех кавалерийских стрелковых полков и нескольких батарей была сформирована Балтийская дивизия под начальством генерала графа фон-дер-Гольца. В начале апреля она высадилась у Ганге, а генерал фон-Маннергейм в это время находился со своей финляндской белой гвардией, отчасти снабженной оружием нами, северо-западнее Таммерфорса, имея тыл,

обращенный к Вазе. Ему был передан финский егерский батальон. Отборный состав людей этого батальона представлял великолепный кадр для создания юного финского офицерского корпуса.

Пока генерал фон-Маннергейм продвигался за Таммерфорс, Балтийская дивизия двинулась на северо-восток, в направлении на Тавастгус. 13-го апреля она, совместно с флотом, заняла незначительными силами Гельсингфорс. Главнокомандующий востоком высадил восточнее Гельсингфорса, у Ловизы и Котки, незначительный отряд, под командованием полковника фон-Бранденштейна. Этот отряд начал немедленно наступать в северном направлении, чтобы у Лахти перерезать путь отступающей Красной Гвардии, расположенной у

Схема 34. Поход в Финляндии 1918 г.

Тавастгуса. В результате этого концентрического наступления, в конце апреля нам удалось, после тяжелых боев, совершенно окружить Красную Гвардию и принудить ее к сдаче. Финляндия стала свободной.

В это время белая гвардия с севера заняла Выборг. С стратегической точки зрения это являлось правильным шагом; но как он мог бы быть использован в том случае, если бы западнее борьба не получила решения, сказать трудно, учитывая боеспособность неприятеля и поддержку большевиков из России. Тактическая победа и быстрое освобождение Финляндии были достигнуты на поле сражения Лахти—Тавастгус, благодаря дружной совместной деятельности германских и финских войск. Тем самым операция была закончена.

Теперь мы располагали в Нарве и Выборге такими позициями, которые давали нам возможность в любой момент начать наступление на Петроград, чтобы свергнуть большевистскую власть и воспрепятствовать утверждению там англичан со стороны Мурманского побережья. В то же время Мурманская железная дорога по всей своей длине фланкировалась из Финляндии, вследствие чего серьезное предприятие англичан более не являлось возможным.

Английский десантный корпус, который занял Мурманское побережье, завяз на крайнем севере. Таким образом, отправка слабой Балтийской дивизии, из которой к тому же в августе были переброшены в Германию все 3 егерские батальона, себя окупила. Финское правительство немедленно приступило с помощью германских инструкторов к организации Финской армии. Если мы в дальнейшем не достигли в Финляндии больше, чем то, что имело место в действительности, то вина этого лежит, главным образом, на нашей вечно колеблющейся политике. Генерал фон-дер-Гольц пользовался общим доверием, а также доверием политических деятелей Финляндии, чего не удалось в такой же мере достигнуть представителям германского правительства. К сожалению, здесь также сказывалась половинчатость нашей внешней политики. Она не принимала никаких решений, вследствие чего не могла приобрести сторонников в Финляндии и выдавала головой верных приверженцев Германии.

Многочисленные выражения горячей симпатии, которые я получал из Финляндии, даже после моего выхода в отставку, показывают, что благодарность еще существует на свете. Сохранение воспоминаний о роли германских войск в освобожденной Финляндии меня особенно трогало, так как наши войска отправились в Финляндию защищать не финские, а исключительно германские интересы. Когда в феврале 1919 г. шведское правительство, по необ'яснимым для меня причинам, чинило препятствия для моего пребывания в Швеции, неожиданно появился в Геслегольмсгарде [1]) финский уполномоченный, который предложил мне переехать в Финляндию. Это предложение доставило мне большое удовольствие, но я его конечно отклонил, так как мечтал возвратиться в Германию.

Среди могущественных, бурных событий мировой войны украинские и финляндские перипетии представляют лишь эпизоды. Но я еще надеюсь, что они не останутся бесплодными. И с экономической и с политической точки зрения, эти обе страны являются характерным примером того, что германское правительство до самого конца не поняло сущности этой войны, и всегда, к сожалению, руководствовалось внутренне-политическими соображениями. В военном

[1]) Место пребывания Людендорфа в Швеции после начала германской революции.

Прим. пер.

отношении обе страны сначала дали то, что от них ожидалось. Была создана преграда образованию нового восточного фронта; во всяком случае создание его откладывалось на продолжительное время. На востоке нам удалось прорвать блокаду, вследствие чего наше существование как будто стало устойчивее. Положение Советского правительства сильно пошатнулось и находилось под прямой угрозой.

В конце мая возобновилось германское наступление на западном фронте; за ним в первой половине июня должно было последовать австро-венгерское в Италии; на всех фронтах обстоятельства, казалось, были урегулированы. Особливо угрожаемым представлялся как будто один палестинский фронт.

VI.

Второе большое германское наступление во Франции и наступление австро-венгерской армии в Италии в основных чертах развилось в соответствии с имевшимися предположениями.

В середине мая началось сосредоточение войск для прорыва участка Шмен-де-Дам. Подготовительные работы закончились своевременно. Артиллерия была распределена по проекту полковника Брухмюллера, который имел руководящее значение в решении вопросов артиллерийской огневой подготовки.

Я часто ездил в штабы армий, предназначавшихся для наступлений, и вынес наилучшее впечатление.

27 мая наступление началось между Воксальон и Сапиньель; оно имело блестящий успех. Я предполагал, что нам удастся достигнуть лишь окрестностей Суассона и Фим. Но на второй и третий день наступления мы местами уже далеко миновали эти пункты. Мы распространились, главным образом за Фим, и очень немного за Суассон. К глубокому сожалению, один из руководящих штабов не оценил благоприятных условий, сложившихся для нас у Суассона; мы не напирали здесь столь энергично, как у Фим, хотя это и было возможно. Без этой ошибки, обстановка сложилась бы много благоприятнее для нас, не только в районе западнее Суассона, но и на всем фронте атаки. Было даже более, чем сомнительно, удалось ли бы французам продолжать удерживаться между р. Эн и р. Уазой. Здесь опять мелькнул случай, когда в одно мгновение многое могло быть достигнуто, и это многое было упущено. Высшее руководство сидит, обдумывает, и может все подготовить, но само исполнение уже не лежит в его руках; на поле сражения ему приходится довольствоваться совершившимися фактами.

Центр 7-й армии продвинулся в южном направлении до Марны. Ее левое крыло и правое крыло 1-й армии, которое, как и было намечено, продолжало наступление влево к Реймсу, продвигались

к Реймским лесистым холмам между Марной и Вель, и вскоре встретили здесь непосильное сопротивление. Правое крыло 7-й армии овладело участком между р. Эн и Марной юго-западнее Суассона до восточной опушки леса Вилье-Котерэ и заняло Шато-Тьерри. Генерал Фош сосредоточил юго-западнее Реймса и против Суассона сильные резервы и бросал их в тщетные контр-атаки, которые впоследствии протянулись до Шато-Тьерри.

В начале июня мы приостановили наступление, и верховное командование предполагало продолжать наступать лишь между р. Эн и

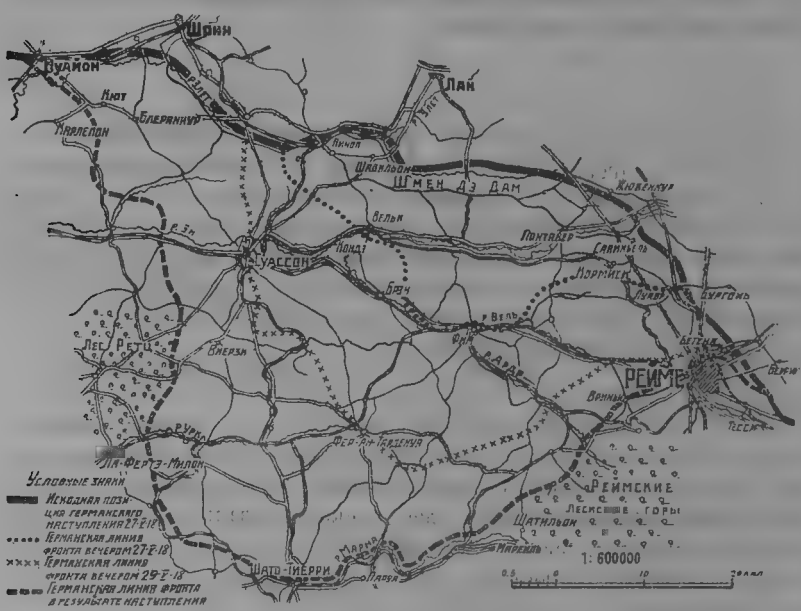


Схема 35. Сражение при Суассоне и Реймсе. 1918 г.

лесом Вилье-Котерэ юго-западнее Суассона. Имея в виду железную дорогу, пролегавшую восточнее Суассона и соединявшую долину р. Эн с долиной реки Вель, мы хотели распространиться еще к западу, и оказать тактическую поддержку наступлению 18-й армии на фронт Мондидье—Нуайон.

Наши войска оставались господами положения как при наступлении, так и при обороне, несмотря на несколько неизбежных мимолетных кризисов. Они показали свое превосходство над французами и англичанами даже в тех случаях, когда последним помогали танки. У Шато-Тьерри американские войска, уже давно находившиеся

во Франции, действовали храбро, но управление ими было плохое; они безрезультатно атаковали густыми массами наш редко занятый фронт. Здесь у наших солдат также создалось впечатление, что перевес находится на нашей стороне. Наша тактика оправдала себя во всех отношениях; наши потери, сами по себе весьма чувствительные, были очень невелики по сравнению с неприятельскими и большим числом захваченных пленных. Но остановка наступления не повсюду последовала во время. То тут, то там, еще продолжали атаковать, когда уместно было уже перейти к обороне. Войска, за немногими исключениями, везде показали хорошую выдержку и настойчивость.

В общем, впечатление получилось очень благоприятное. Фронт кронпринца германского одержал при наступлении крупную тактическую победу. Противник был вынужден израсходовать более сильные резервы, чем затраченные нами. Париж находился под впечатлением поражения французской армии, и начался массовый выезд населения. Но в начале июня на заседании палаты депутатов, к которому я с большим напряжением прислушивался, не обнаружилось ни малейшего проявления слабости. Клемансо произнес следующие гордые и образцово-сильные слова: „Теперь мы отступаем, но мы никогда не сдадимся“ и затем: „Мы одержим победу, если общественные силы будут на высоте“. „Я сражаюсь впереди Парижа, я буду сражаться в Париже, я буду сражаться позади Парижа“. „Вспомним о судьбе Тьера и Гамбетты: я не мечтаю о тяжелой и неблагодарной роли Тьера“.

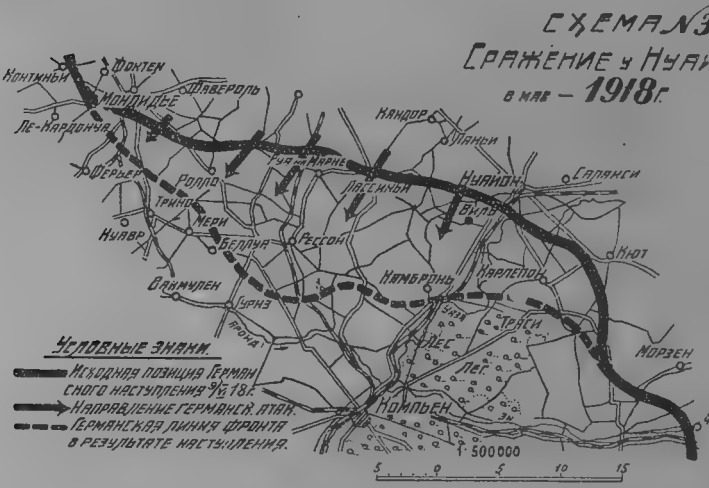
И после второго поражения в этом году, Франция еще не проявляла склонности к миру.

В стратегическом отношении неблагоприятным для нас являлось то, что нам не удалось взять Реймса и продвинуться дальше в район окружающих его возвышенностей. Вследствие этого, снабжение центра 7-й армии всецело ложилось на единственную ширококолейную железную дорогу, которая проходила восточнее Суассона из долины р. Эн в долину р. Вель. Чтобы поставить эксплоатацию железной дороги в независимость от случайностей, было решено восточнее провести между обеими долинами вторую соединительную ветку. Других ширококолейных железных дорог южнее р. Эн мы не могли проложить, вследствие значительных затруднений, представляемых местностью. Еще одна ширококолейная железная дорога шла от Лана через Анизи прямо на Суассон, но здесь предварительно предстояло севернее Суассона восстановить туннель между долинами р. Элет и р. Эн, который был взорван. К левому крылу 7-й армии и правому 1-й армии подходила железная дорога с колеей в один метр ширины и несколько полевых узкоколеек, использование которых дало нам большое облегчение. Но эти линии предстояло еще продолжить через обе системы позиций и соединить их с эксплоатируемыми нами

железными дорогами. Неблагоприятные условия железнодорожных сообщений вызывали большое напряжение работы нашего автомобильного транспорта, вследствие чего у нас обострился вопрос о горючем.

1 июня, как и предполагалось, мы протянули фронт нашего наступления к западу до впадения р. Элет в р. Уазу. Необходимая для этого перегруппировка артиллерийской ударной массы прошла без запинок. Бои распространились включительно до тех позиций, которые мы оставили в марте 1917 г. при отходе „Альбериха".

Наступление 18-й армии между Мондидье и Нуайоном намечалось на 7 июня; 7-я армия должна была одновременно атаковать юго-западнее Суассона. Но на совещании в штабе 18-й армии, состояв-



шемся в начале июня, я убедился, что здесь не удастся своевременно закончить артиллерийскую подготовку. Усиление артиллерией за счет 7-й армии затянулось. В виду этого наступление было переложено на 9 июня. Это было невыгодно, так как при промедлении все более терялась тактическая связь с крупными боями между р. Эн и Марной; местная атака юго-западнее Суассона не окупала невыгод этого промедления. Противнику была облегчена переброска резервов. Несмотря на эти соображения, я все же остановился на позднейшем сроке, так как при наступлении мне приходилось отдавать решающее значение основательной подготовке, от которой зависел успех атаки и размер потерь.

Наступление 18-й армии началось 9 июня; правое крыло продвинулось к Мэри, а левое остановилось перед очень сильными пози-

циями на высотах, непосредственно примыкающих с запада к р. Уаза. На этот раз неприятель изготовился к обороне, но наша пехота все-таки прошла через всю систему неприятельских позиций, продвинулась дальше, и часть даже достигла р. Аронд.

Уже 11-го числа, сначала против нашего правого крыла у Мэри, начались сильные неприятельские контр-атаки; неприятелю даже удалось отобрать некоторое пространство. 12-го и 13-го бои продолжались, но без успеха. Сосредоточение больших неприятельских сил заставило верховное командование, во избежание потерь, уже 11-го числа отдать приказ 18-й армии — прекратить наступление. Представлялось несомненным, что 7-й армии, которая тем временем перешла в атаку юго-западнее Суассона, пробиться вперед не удастся.

Наступление 18-й армии не изменило нашего стратегического положения, которое осталось таким, как его создала атака 7-й армии, а также не дало новых тактических выводов.

В середине июня на всем новом фронте войск германского кронпринца наступило спокойствие. Напряженное положение оставалось между р. Эн и лесом Вилье-Котере; здесь по-временам вспыхивали бои местного значения. Некоторое оживление имело место также на обоих берегах р. Ардр, между Марной и Реймсом. В захваченном районе мы получили богатые средства, что облегчило наше продовольственное положение.

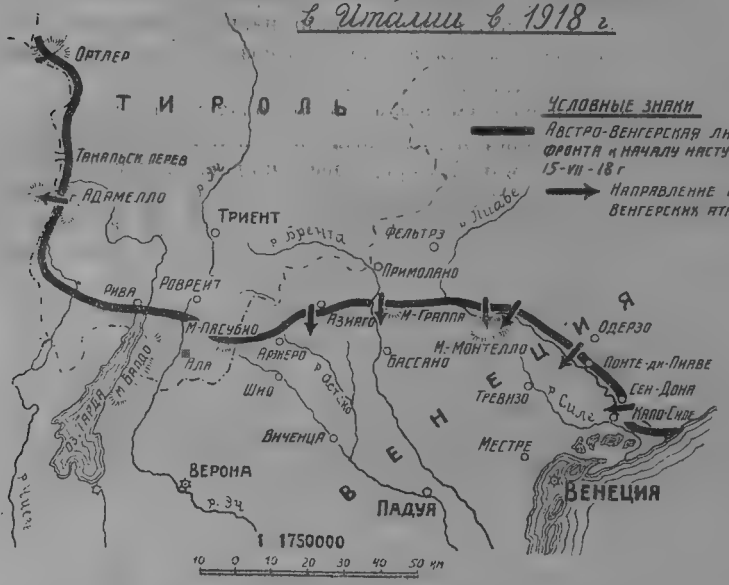
Австро-венгерская армия должна была начать наступление в Италии 10 или 11 июня. Но приготовления затянулись, и наступление было отложено до 15-го. Операция должна была начаться ударом в направлении на Адамелло, на западно-тирольском фронте, чтобы привлечь туда внимание итальянского командования. Генерал фон-Арц предполагал вести главное наступление несколькими ударными группами между Азиаго и морем, при чем главные удары он намечал в долине Бренты, у Монтелло и ниже по течению р. Пиаве. Наступление, несмотря на отдельные местные успехи, не дало результатов. Через несколько дней генерал фон-Арц должен был принять решение отвести прошедшие вперед войска генерала Гойгингера за р. Пиаве. По донесениям, которые я получил из Бадена, австро-венгерские войска сражались хорошо; какие причины обрекли австро-венгерскую армию на безуспешность, я не могу установить, так как мне недостает для этого данных. В виду этого я также не могу судить, верно ли об'яснение неуспеха, заключающееся в том, что оно было предпринято на слишком широком фронте.

Неудача на р. Пиаве вскоре вызвала самые угрожающие толки в Австро-Венгрии, особенно в венгерском рейхстаге. В приблизительно подобном же положении после сражения Эн—Шампань в 1917 г. [1]) и

[1]) В немецком подлиннике опечатка—1916 г. *Прим. перев.*

теперь, при гораздо более тяжелых условиях, Франция сумела сохранить достойное и величественное поведение. Из Будапешта же доносились безнадежные крики, которые должны были еще больше понизить настроение. И ни один человек не поставил венгерскому рейхстагу вопроса, какое право он имеет на такую критику. Разве рейхстаг сделал все возможное, чтобы добиться победы? Только в утвердительном случае, он мог бы критиковать, но и тогда публичное выступление являлось бы ошибкой. Впечатление от неудач австро-венгерской армии в Италии еще усугублялось ходом событий в двуединой монархии.

Схема 37 Австро-Венгерское наступление в Италии в 1918 г.



Безрезультатность австро-венгерского наступления в Италии являлось для меня очень болезненным событием. Я больше не мог надеяться на разгрузку западного фронта событиями в Италии. В остальном военная обстановка осталась там без изменения. Обе противостоящие стороны временно уравновешивали друг друга; можно было не опасаться дальнейшего усиления фронта Антанты во Франции итальянцами. Генерал фон-Арц считал возможным осенью повторить наступление.

Я вновь предложил союзному высшему командованию немедленно предоставить все наличные силы для западного фронта. Генерал фон-Арц согласился. Правда, в этом вопросе ему пришлось вести

борьбу с его монархом, который был против такой посылки войск. После долгой волокиты, поддержка Австро-Венгрии для западного фронта свелась к 4-м дивизиям. В июле прибыли только 2 дивизии. Они имели хорошую репутацию, но их снаряжение, в особенности их снабжение боевыми припасами, было плачевно. Чтобы сделать их пригодными для позиционной войны на западном фронте, надо было предварительно посвятить несколько недель на их обучение. В конце августа и в начале сентября прибыли и две следующие. В середине сентября генерал фон-Арц хотел перебросить еще две дивизии, но их пришлось отправить в Сербию, так как, вследствие отпадения Болгарии, над Австро-Венгрией, а следовательно, и над нашим флангом повисла угроза наступления Антанты.

Таким образом, германские войска на западном фронте были обречены продолжать борьбу, как и до сего времени, без существенной помощи, единственно с теми силами, которые могло собрать верховное командование и дать родина.

На других фронтах союзников в Европе никаких значительных боевых действий не возникало, и лишь западнее озера Охриды в июне и в июле австро-венгерские войска были оттеснены к северу от Берата.

Суждения о болгарской армии теперь звучали несколько благоприятнее. После прибытия первых транспортов с обмундированием и с продовольствием, настроение в Болгарии улучшилось, но генерал фон-Шольц не заблуждался о серьезности положения; он жаловался на то, что армия все больше втягивается в дрязги политических партий, на армию смотрели, как на орудие, чтобы свалить Радославова. Он охотно получил бы в свое распоряжение большее количество германских войск, но так как последние были необходимы на западном фронте, то в Македонии надо было обходиться без них. В случае неприятельского наступления в Македонии, верховное командование и штаб фронта расчитывали, что местами придется отступать. Образованные тем временем болгарские резервы в известной степени обеспечивали от крупного прорыва.

Английские атаки в Палестине, имевшие местный характер, не удались, а в Месопотамии английские отряды, выдвинувшиеся к Мосулу, отошли назад. Но в северной Персии и на южном берегу Каспийского моря англичане, повидимому, усиливались. Турки же все еще стояли у Тавриза и непосредственно перед Баку.

На восточном фронте положение не изменилось; ничто еще не устоялось.

Общее количество войск, переброшенное Соединенными Штатами во Францию в течение апреля, мая и июня, по имевшимся данным, оценивалось приблизительно в 15 дивизий. В действительности, в этот момент во Франции находилось около 20 американских дивизий. Это превышало цифру, которую я считал возможной. Превосходство в числе

дивизий, которым мы обладали в марте, свелось на нет. Счет по числу людей складывался еще больше не в нашу пользу, так как американские дивизии насчитывали 12 сильных батальонов. Но до сих пор мы дрались с американскими дивизиями, которые уже продолжительное время находились во Франции, и всегда оставались господами положения, несмотря на нашу меньшую численность. Нельзя было предполагать, что спешно вводимые в бой, в мало-обученном виде, новые формирования будут сражаться лучше старых дивизий. Противника никогда не следует недооценивать, но также не следует его и переоценивать. В противном случае, в 1914 г. мы не могли бы атаковать и разбить русских. Пока наши войска сохраняли свою внутреннюю добротность, они справились бы с любым противником, в том числе и с сильными американскими дивизиями, хотя бы их нервы были менее расшатаны, чем у давно сражающихся армий. На положении, однако, существенно должно было отразиться то обстоятельство, что на спокойных фронтах вновь прибывающие американские подкрепления могли сменить английские и французские части. Этот факт имел огромное значение, и он об'ясняет те последствия, которые имело прибытие войск Соединенных Штатов на исход войны. Этим путем Америка стала силой, решившей войну.

К 15 июня генерал Фош сильно израсходовал свои резервы, и не оставалось никакого сомнения в том, что французская армия была сильно истощена. Однако, весной 1918 г. Франция расформировала всего лишь несколько батальонов; теперь французы много энергичнее, чем в предыдущих годах, начали пользоваться для войны богатым запасом людей своих колоний. Можно было твердо расчитывать, что за время наступившей в операции паузы французская армия вновь усилится. С середины мая английская армия почти сплошь находилась на отдыхе и ее воссоздание должно было сильно подвинуться вперед; однако, нельзя было предположить, что ее силы восстановятся значительно быстрее, чем силы фронта кронпринца Рупрехта, несмотря на то, что условия жизни английских армий были значительно лучше. Полностью надо было учитывать тот факт, что продовольствие армий Антанты было значительно лучше, чем нашей.

В бельгийской армии наша фламандская пропаганда пустила корни. У нас часто появлялись перебежчики, из показаний которых следовало, что благодаря фламандскому движению, враждебное отношение к нам бельгийской армии сильно понизилось.

Наша армия переболела. Повсюду распространился сильный грип, который особенно развился на фронте кронпринца Рупрехта. У меня появилась новая серьезная забота: каждое утро я слышал от начальников штабов о большом количестве гриппозных заболеваний, с которым связывались их жалобы на слабость войск, на случай возможного перехода англичан в наступление. Но к счастию последние

не были еще на это способны. Заболевания гриппом также закончились; последствием гриппа, однако, часто было большее ослабление людей, чем это полагали врачи. Во время продолжительного отдыха наличный состав войск возрос. Батальоны фронта кронпринца Руппрехта в общем имели удовлетворительную численность, лишь немногим уступавшую англичанам. Только немногие дивизии оставались в слабом составе. На фронте кронпринца германского войска были естественно сильно потрепаны боями. Но у нас имелось настолько пополнений, чтобы я мог надеяться за время отдыха довести численность всех батальонов, за немногими исключениями, до такого состава, который бы совершенно не уступал французскому.

Состав батальонов сократился, но все же он допускал производство еще одного удара, чтобы склонить к миру противника; другого средства добиться мира мы не имели.

Мои мысли постоянно возвращались к наступлению во Фландрии. Но там все еще располагались сильные английские резервы, хотя бои на фронте кронпринца германского и принудили вывести из Фландрии французские дивизии. Наступление на этом участке все еще являлось слишком трудным, и нам пришлось его отложить.

Большинство неприятельских резервов было сосредоточено в дуге, которую образовал, охватывая направление на Париж, фронт 18-й и 7-й армий, а между Шато-Тьерри и Верденом были расположены лишь слабые силы. И на этот раз верховное командование предполагало атаковать противника на его слабом участке. В виду этого, оно наметило на середину июля наступление по обе стороне Реймса, которое в то же время должно было отразиться на улучшении тыловых сообщений 7-й армии между рр. Эн и Марной. После этого удара мы хотели бросить на фландрский фронт артиллерийские, минометные и авиационные части, чтобы по возможности нанести там удар через 2 недели. При успехе удара у Реймса, можно было расчитывать на решительное ослабление противника во Фландрии.

Чтобы не слишком затруднять транспорт большими перебросками, и чтобы иметь достаточное количество артиллерии на обе большие атаки, верховное командование на многих участках из имевшегося запаса материальной части увеличило число орудий в полевых батареях до шести. На короткое время можно было потребовать, чтобы батареи, не увеличивая своего состава, обслуживали увеличившееся количество жерл. С востока также были переброшены батареи. Верховное командование не было свободно в выборе срока наступления. Переброска войск и прочая подготовка наступления по обе стороны Реймса могли быть закончены к середине июля; я бы охотно предоставил войскам больше времени для отдыха. Они получили лишь минимальную передышку, но продление ее было бы на руку противнику. В виду этого мы решили остановиться на этом моменте,

а фландрское наступление наметить на первые числа августа. Сосредоточение войск для наступления неизбежно вызывало известное ослабление других фронтов. Вследствие этого, для 18-й армии и правого крыла 9-й армии между р. Уазой и р. Эн возникало несколько опасных моментов, тогда как фронт кронпринца Рупрехта и 7-я армия южнее р. Эн находились в усиленном составе.

Позади фронта кронпринца Рупрехта были расположены большие резервы, уже давно находившиеся на отдыхе. Фронт кронпринца германского должен был сформировать новые резервы за счет дивизий, взятых из 18-й и 7-й армий; это были уже потрепанные части. Фронты фон-Гальвица и герцога Альбрехта должны были произвести смену усталых дивизий на отдохнувшие. Теперь вновь задача заключалась в том, чтобы поднять силы войск и изготовить их к предстоящему наступлению. Как и перед началом наступления 27 мая, так и в данный момент на фронте и в тылу кипела та же работа.

VII.

Наступление под Реймсом основывалось на верной мысли. Мы исходили из твердого убеждения, что оно должно удаться. В последних боях войска на фронте германского кронпринца хорошо дрались, насколько только можно было надеяться при их милиционном характере. Войска показали, что если вводить их в бой, сообразуясь с их свойствами и внутренними достоинствами, как это почти всегда в действительности и было, то они брали верх над противником.

Я серьезно останавливался и отдал себе полный отчет в вопросе, не выгоднее ли нам, учитывая состояние армии и наши возможности укомплектования, перейти к обороне, и должен был отказаться от этой мысли. Помимо того, что переход к обороне произвел бы неблагоприятное впечатление на наших союзников, я опасался, что оборонительные бои, в которых противнику будет легче сосредоточивать свои мощные боевые средства на отдельные поля сражений, тяжелее отразятся на наших войсках, чем наступательные. Наступление предъявляло солдатам менее высокие требования, чем оборона, и не сопровождалось бо́льшими потерями. Наступление давало огромный моральный перевес, и мы не могли добровольно от него отказаться. Все слабые стороны войск должны были, при обороне, выявиться гораздо резче.

Теперь умножились сведения, приходившие из армии, о неблагоприятном влиянии настроения родины на фронт; а с тылу сообщали о плохом настроении войск. Армия тоже жаловалась на неприятельскую пропаганду. Она должна была оказывать влияние на армию, так как родина сделала ее восприимчивой к подобному воздействию. Так, например, 4-я армия донесла о следующем случае: неприятель-

ская пропаганда орудовала брошюрой князя Лихновского, в которой автор совершенно непонятным мне образом сваливал вину за начало мировой войны на германское правительство, когда его величество и имперский канцлер всегда утверждали, что за войну ответственна одна Антанта. Неприятель сопоставил соответственные цитаты из брошюры и выражения императора для уличения последнего во лжи. Чтобы усилить впечатление, рядом же приводилась статья одной из газет независимой социал-демократической партии, которая во вред народным интересам публично высказывала те же мысли, что и князь Лихновский. Неудивительно, что солдаты в окопах совершенно сбивались с толку, если князь Лихновский гулял на свободе и безнаказанно печатал подобные речи. Я уже возбуждал ходатайство перед имперским канцлером доктором Михаэлисом о принятии мер против князя Лихновского. Военные власти привлекли к ответственности капитана фон-Беерфельда за издание этой брошюры. Но так как автор оставался не привлеченным к ответственности, то невозможно было присудить и капитана фон-Беерфельда. Теперь я вторично обратился к имперскому канцлеру и выяснил ему, что, имея в виду войска, которые должны и впредь сражаться и умирать за наше правое дело, с военной точки зрения является необходимым принять меры против князя Лихновского. То же я доложил его величеству. Последствий никаких не было. Князь Лихновский разделяет с большевиками и многими другими печальные лавры подрыва дисциплины в армии. В эти самые дни Клемансо заявил: „Мы одержим победу, если государственная власть окажется на высоте". Во Франции она была на высоте, но какова она была у нас! Я подчеркнул инцидент, вызванный неприятельской пропагандой, которая в этом случае оказалась действительной лишь потому, что у нас в стране государственная власть не понимала железной необходимости, обусловленной этой войной.

Армия буквально наводнялась неприятельской агитационной литературой, исключительно серьезная опасность которой была ясно осознана. Верховное командование назначило премию за сдачу этой литературы, но мы не могли помешать тому, чтобы она предварительно отравляла сердца наших солдат. К сожалению, для борьбы с неприятельской пропагандой одного патриотического просвещения было недостаточно, и серьезная борьба с ней возможна была только при помощи правительства.

Конечно, тот факт, что оба предыдущие большие наступления не дали окончательного решения, действовал подавляюще. Но солдаты все-таки видели, что мы одержали успехи. Разочарования были неминуемы, избежать их вовсе в мировой войне являлось невозможным. Но причина падения нашей духовной боеспособности заключается не в этом обстоятельстве, а лежала много глубже. У нас разочарование сказалось вдвое тяжелее, так как при нашем состоянии духа мы

не могли его преодолеть. Впрочем, вера в благоприятный исход войны еще имелась.

Значительное ухудшение психики войск вызвало пополнение, образованное из солдат, возвратившихся из русского плена. Частью они внесли с собой плохой дух, а кроме того первоначально они вообще медлили являться, так как считали, что им больше не надо воевать, наравне с военнопленными, обмененными в Англии и Франции. В Грауденце произошли даже серьезные столкновения.

В Беверлоо был раскрыт заговор нескольких сот эльзасцев, собравшихся бежать в Голландию. При длительном пополнении солдатами из расположенных на востоке частей, я вновь был вынужден привлечь эльзас-лотарингцев на западный фронт; их здесь принимали очень неохотно.

Укомплектования, выделенные из специальных родов войск, в большинстве случаев также неохотно шли в пехоту. Многие в пехоте видели себя лицом к лицу с опасностью, которую им до этого времени удавалось избегать.

Много испытаний теперь обрушилось на дух войск на западе; они уже были ослаблены гриппом и на понижение их настроения влияла однообразная пища. Благодаря захваченным при наступлении запасам, в некоторых местах довольствие временно стало несколько разнообразнее, но теперь обнаружился недостаток в картофеле, несмотря на то, что в прошлом году в Германии был исключительно хороший урожай.

Среди баварских войск дух сепаратизма все больше одерживал верх. Следствия его проявления, которые безмолвно допускались баварским правительством, давали себя знать и еще увеличивали успехи неприятельской пропаганды. Травля, поднятая против императора и кронпринца, а параллельно и против баварского королевского дома, принесла свои плоды: баварские войска постепенно начали держаться того мнения, что война—дело исключительно Пруссии. Штабы уже не столь охотно получали баварские части, как в предыдуще годы войны; лишь отдельные баварские дивизии продолжали попрежнему хорошо драться.

Родина полностью находилась под влиянием вражеской пропаганды и речей государственных людей неприятельских стран, острие которых прежде всего было направлено против нас. Мы все еще не могли разгадать вражеского направления мысли. Все представители партий большинства в рейхстаге, за исключением правого крыла центра, постоянно преклонялись перед лозунгами неприятельской пропаганды, и как раньше, так и теперь, опережали мировой порядок своими проектами всеобщего мира, соглашения и разоружения. Статс-секретарь министерства иностранных дел, в лице которого воплощалось все это мировоззрение, высказался в том смысле, что война не может быть

разрешена на поле сражения. Это было правильно, если под этим подразумевать борьбу на тыловом фронте неприятеля и поддержку стратегии политикой. Но это являлось ошибочным, если в этом сказывалась вера в примирение и соглашение, а такова была мысль, положенная в основу этого выражения. Правда, статс-секретарь повторял только то, что думали многие. С трибуны рейхстага, в прессе и везде, где только было возможно, обращались с подобными речами к нашему усталому народу и усталым солдатам, от которых верховное командование должно было требовать умирать за отечество на поле сражения. Неужели слабые характеры могли получить закал при подобном воздействии. Разве можно было ожидать, что за короля и отечество будет самоотверженно бороться армия, состоявшая из беспринципных юношей, которые росли последние годы без родительского надзора, среди партийных происков, в жизненном водовороте, которые очень много зарабатывали, и затем, после кратковременной подготовки, попадали в войска, или из беспокойно настроенных людей, которые призывались в солдаты по истечению срока их отсрочки. Не естественнее ли было бы предполагать, что все они будут думать лишь о сохранении своей жизни. Не надо ли было учитывать, что подобные впечатления пагубно отразятся на еще неустановившихся характерах, в особенности в минуты нужды, когда усиленно проявляются человеческие слабости. Не следовало ли на это обратить внимание на родине.

Ко всему прочему, все яснее проявлялся большевизм, уже официально пробравшийся в Берлин, и который так охотно воспринимала и распространяла независимая социал-демократическая партия. Мы предостерегали не допускать приезда Иоффе в Берлин и предложили, по ходатайству главнокомандующего востоком, вести дальнейшие переговоры с ним в каком-нибудь городе оккупированной области. Мы скоро правильно разобрались, как работает большевизм, и сделали множество предостережений. Замещающее генеральный штаб управление в Берлине дало ответственным учреждениям богатый материал о деятельности большевиков в Германии. Но дальнейшее, к сожалению, не входило в его компетенцию. Управление главнокомандующего во внутренних областях и я вновь обратили внимание имперского канцлера, военного министерства, министерств иностранных и внутренних дел на революционную деятельность русского посольства с его чрезвычайно большим штатом в Берлине, и на его сношения с независимой социал-демократией, а также на революционную деятельность последней. Но в Германии ничего нельзя было достигнуть. Когда я однажды вновь указал министерству иностранных дел на работу Иоффе и на опасность его пребывания в Берлине, мне было отвечено, что в Берлине за ним можно вести лучший надзор, чем где-либо, и что здесь он постоянно на глазах. Но, к сожалению,

эти глаза были слепы. Большевизм официально приветствовался в Германии, а Иоффе тем временем сумел так расшатать способность германского народа вести войну, как это никогда не удавалось Антанте, несмотря на блокаду и пропаганду.

С этой целью Иоффе предоставил большие средства в распоряжение революционных элементов Германии. Об'ем его революционной деятельности полностью, конечно, стал известен лишь после. В Магдебурге лидер независимой социал-демократической партии Фатер заявил следующее:

„С 25 января 1918 г. мы систематично подготовляли переворот. Наши товарищи отправлялись на фронт уговаривать дезертировать. У нас существовала целая организация для дезертирства, и мы снабжали беглецов фальшивыми документами, деньгами и прокламациями без подписи. Этих людей мы рассылали по всему миру, но преимущественно назад на фронт, чтобы они распропагандировали там солдат и развалили армию. Они уговаривали солдат перебегать к противнику, и таким образом фронт разлагался медленно, но верно".

Параллельно революционные идеи и большевистское влияние распространялись на отпускных. В железнодорожных поездах велась самая деятельная пропаганда. Едущих в отпуск солдат подговаривали не возвращаться больше на фронт, а едущие на фронт призывались к пассивному сопротивлению, или дезертирству и бунту. В конце июня и начале июля многое еще нельзя было установить, но оно росло безмолвно и неудержимо. Все лево-буржуазно, социалистически и большевистски настроенные дружно стремились к подрыву авторитета, и работа над этим шла уже десятки лет. Теперь, в трудный для государства момент, последовало открытое наступление. Я не хочу говорить о том, что честолюбивые депутаты парламента отняли у нашего слабого правительства остатки престижа, а также о том, как со всех сторон стремились пошатнуть мое положение и подорвать доверие ко мне, так как во мне видели опору авторитета; я имею в виду лишь планомерную работу, направленную против офицеров. Со стороны демократических партий и социалистов большинства это являлось преступлением, или, говоря словами Талейрана, это было даже более, чем преступление,—это было ошибкой, и притом неисправимой, бесконечно тяжелой и близорукой. Вместо того, чтобы смотреть на офицера, как на защитника государственного порядка, многие видели в нем лишь представителя „милитаризма", не отдавая себе ясного отчета в том, как, собственно говоря, офицер должен реагировать на обвинение, которое, как они думали, заключалось в этой квалификации. Все было так бессмысленно. Офицерский корпус в Германии никогда не вмешивался в политику; в течение войны он давно уже потерял замкнутость, против которой до войны считалось похвальным бороться. Офицерский корпус ком-

плектовался из всех кругов и из всех партий, и каждый мог стать офицером. К сожалению, теперь он уже во многих отношениях не был старым офицерским корпусом. Все происходившие недоразумения об'ясняются проникновением чуждых элементов, понижением морали нашего народа, и неопытностью многих офицеров, которые преждевременно получили это звание лишь вследствие огромной убыли офицеров на кровавой арене боя. Когда-нибудь у правоверного германского народа откроются глаза на эти обстоятельства, и он поймет свою неблагодарность и свою вину по отношению к офицерскому корпусу, а следовательно и по отношению ко всей армии, к отечеству и к самому себе.

В то время, как нарочно, жалобы на офицерский корпус участились.

Офицеры будто-бы роскошествовали, по сравнению с солдатами, между тем на походе и в окопах они кормились из той же походной кухни. При расположении в тылу нормально один из офицеров всегда питался из походной кухни, другие же столовались совместно. Ведь в кухонной комиссии были представители от унтер-офицеров и солдат, почему же они никогда не жаловались? А разве для офицеров не было важно воспитание в них духа части, воздействие командира и старших товарищей на более молодых. Им можно было достигнуть этого лучше при совместной товарищеской жизни. Одних служебных часов было недостаточно, чтобы во время самой войны передать традиции германского офицерского корпуса молодому подрастающему поколению. Офицер должен был жить одной жизнью со своей частью, и он это делал. Да в сражении и в окопах иначе поступать было совершенно невозможно. Но в конце концов, чтобы сохранить авторитет, положение офицера должно было быть выше, и он должен был резко отличаться от солдата, в противном случае, как бы он мог при любых обстоятельствах сохранить возможность решительно влиять на войска. Помимо многого другого, для достижения этой цели обязательно требовалось проведение известной черты между офицером и солдатом, некоторое обособление, иначе офицер утратил бы необходимое уважение. Разве теперь забыты причины, которые заставляли в мирное время помещать унтер-офицера не в общей солдатской казарме, а в особой унтер-офицерской комнате? Но обо всем этом никто не хотел думать, и все только стремились подорвать авторитет и потрясти устои государства, чтобы затем легче удовлетворить свои жалкие интересы. Жизнь офицерского корпуса отвечала в точности требованиям, имеющим в виду солдата, самого офицера, и, наконец, гражданский и государственный порядок, который держался и пал вместе с положением офицера!

Резко критиковалась также жизнь высших штабов. Кто не знает той треплющей нервы работы и того огромного морального бремени

которое ежечасно давить в штабах? Войска попадали на отдых, штаб же продолжал работать день и ночь. Я без отдыха и перерыва провел в таком напряжении четыре года. При таких условиях я не мог бы существовать на паек походной кухни. И, несмотря на это, в октябре 1918 г. я заявил новому кабинету принца Макса, что если все статс-секретари и весь Берлин будут есть из походной кухни, то и верховное командование согласно перейти на такое же довольствие; до того же времени оно будет жить, как оно считает правильным по отношению к солдатам и к самому себе. Имперский канцлер принц Макс отказался столоваться из походной кухни. Пока я находился в действующей армии, мы ели просто, но так, как мы привыкли. В одинаковом положении были и другие высшие штабы. Они вели такой же образ жизни, как и мы. Я никогда не был склонен к крайностям, и если они имели место, то я вступал с ними в борьбу. Пока в Германии будет существовать известный государственный порядок, должен существовать и авторитет а, следовательно, сохраняться и общественное различие. Офицерский корпус должен существовать, и в нем отдельный офицер может жить по иному, чем солдат, и все-таки оставаться его верным другом, как это и было до сего времени.

Теперь появились заявления, что офицеры живут за счет солдат. Это было постыдной клеветой, которую распространяла неприятельская и внутренняя пропаганда. С такими жалобами и причитаниями общего характера ко мне обращалось очень много несомненно порядочных людей, вместо того чтобы бороться против этой клеветы; и они уже утратили всякое представление о чистоте нравов офицерского корпуса. Вот как глубоко мы уже запутались в распростертых перед нами сетях.

Распространялся даже слух, что офицеры действительной службы прячутся по канцеляриям. Это была награда благодарного народа кадровым офицерам за их самопожертвование и самоотвержение. Их оставалось уже немного. Остальные были убиты или стали калеками. Кадровый офицерский корпус потерял от 80 до 90% своего состава. Разве не было известно, что на некоторые штабные должности, от которых зависит спасение или гибель войск; назначались особенно опытные и способные к самостоятельной военной работе офицеры. Совершенно ясно, что кадровый офицер являлся для этого более соответственным лицом, чем офицер запаса, и наконец даже вовсе незаменимым. Я просил военный кабинет войти в рассмотрение этого обвинения, и неправильность его была установлена со всех точек зрения.

Но, несмотря на это, я постоянно напоминал, чтобы пригодные к походу офицеры, находившиеся в тылу и в штабах, командировались в строй и заменялись способными нести лишь гарнизонную службу. Летом 1918 г. штабы были так выжаты, что многие началь-

ники дивизий жаловались мне, что в их штабах не имеется достаточного количества здоровых офицеров, чтобы можно было справиться со всей выпадающей работой.

Я всегда был против того, чтобы оставлять служить отца и сына в одном штабе, и всегда боролся с этим, как в моей последней должности, так и в мою бытность начальником штаба на Востоке. Теперь я мог только обратить на это внимание военного кабинета.

Неблагоприятные отзывы дошли до меня также о военной кооперации; и в этой области офицеры, как оказывалось, обездоливали солдат! Я произвел расследование, и нашел все в порядке. Кооперативные контрольные комиссии, в которых солдаты также имели своих представителей, ревизовали обороты и распределяли прибыль. Отпуск товаров из кооперативов производился по одинаковой норме офицерам и солдатам по числу едоков. Каждый мог покупать лишь в пределах детально расчитанной распределительной ведомости. Высшие штабы, не имевшие собственного кооператива, получали товары из центральных кооперативов по тем же ценам, как и войсковые кооперативы. Но так как последние продавали офицерам и солдатам с равной небольшой надбавкой, то в штабах, конечно, и офицеры и солдаты, в действительности получали товары несколько дешевле, чем причисленные к войсковым кооперативам. Я и это устранил. Тогда начали говорить, что кооперативными деньгами нечестно распоряжаются. Это обвинение также было неправильно, так как участие в прибылях имели только солдаты, и, естественно, в большинстве случаев получали свою часть товарами.

Затем существовало мнение, что офицеры на этапах ведут особенно роскошный образ жизни. Я там мог наблюдать бесконечно много честной работы, приносившей неизмеримую пользу армии. Я думаю, само собой понятно, что не только офицеры, но в равной мере и солдаты жили на этапах спокойнее и веселее, чем в строевых частях, которые только временно оказывались в тылу. Конечно, это чувствовалось войсками, несмотря на то, что для них делалось все возможное.

Далее, неужели это являлось преступлением, если офицеры делали покупки в Бельгии или где-нибудь в другом месте, чтобы кое-что послать домой для облегчения жизни семьи. Разве семьи офицеров, которые в большинстве случаев не обладали состоянием, не больше всех страдали от вздорожания жизни в Германии? В июле 1916 г. в области главнокомандующего востоком я дал возможность солдатам также отправлять посылки на родину, и впоследствии это было поставлено на еще более широкую ногу. С запада и из Румынии в Германию также отправлялось много солдатских посылок.

По каждому доносу, даже анонимному, и во всех случаях, когда вопрос шел о неправильных действиях офицера, я приказывал про-

извести дознание. Положение и жизнь офицеров часто обсуждались мной с высшими начальниками. Под давлением постоянных жалоб, генерал-фельдмаршал обратился ко всем офицерам. К чести офицерского корпуса, можно сказать, что он выдержал незапятнанным войну. Те офицеры, которые замарали себя, составляют исключение, и мы их своими не считаем. С них надлежало взыскивать самым строгим образом. Офицер, который не вернулся с войны, как человек чести, с чистыми руками, и привез с собою чужое добро, хотя бы лишь с целью спасти его от напрасной гибели, бросил тень на отечество, армию, офицерский корпус и на самого себя. Офицерский корпус в своей совокупности может гордиться собой, особенно тем, что, несмотря на всю травлю, происходившую за его спиной, он в течение четырех лет сплачивал армию, так часто вел ее к победе и нашел еще в себе силы, при помощи верных унтер-офицеров и солдат, увести ее за Рейн, что представляет невероятное достижение, равняющееся величайшим подвигам мировой войны.

Неприятельская пропаганда менее направлялась на унтер-офицеров. Неприятель считал, что унтер-офицерский авторитет уже пал, и в виду этого предполагал излишним обращать на них особое внимание. Однако, искусственно создавались противоречия между офицерами и унтер-офицерами, коих никогда не бывало в старой армии мирного времени.

Постепенно в германском народе и армии накопилось много нездорового. Болезненных явлений нельзя было больше не замечать; они устанавливались многими. Германский кронпринц, который часто посещал меня в Авене, говорил об этом явлении с все возрастающим беспокойством, а также обращался по этому поводу к императору. Я мог только присоединяться. При моральных заболеваниях всегда очень трудно сразу разобраться, хотя они и чувствуются. Прошлое проявляется в полном об'еме лишь после того, когда последует вспышка. Вся тяжесть происходившего во многих пунктах разложения армии в своих деталях оставалась мне лично столь же чуждой, как и разложение германского народа на родине оставалось неосознанным миллионами немцев, и лишь весьма неожиданным образом обнаружилось для всех 9-го ноября. Я постоянно делился своими опасениями с лицами, которые, как и я, были призваны исцелять и искоренять эти больные явления. Но я не встретил одобрения. Германскому народу, несущему свою долю вины, было суждено расплатиться своей жизнью.

Вопрос укомплектований постоянно держал нас в напряжении. Я имел случай подробно изложить его величеству серьезность положения с пополнениями. Выражалось желание, чтобы мы усилили так называемый Азиатский корпус с целью вновь взять Иерусалим, я же, считаясь с условиями пополнения, договорился перед тем

с Энвером о сокращении германских войск и воспретил дальнейшую переброску германских солдат в Палестину.

Перед имперским канцлером верховное командование вновь настаивало на своих старых заявлениях, которые делались уже осенью 1916 и 1917 года, об увеличении призыва для укомплектования. В Берлине по этому поводу было назначено совещание, и я командировал туда полковника Бауера. Мы не встретили надлежащей поддержки со стороны военного министерства. В конце июня имперский канцлер, генерал-фельдмаршал, военный министр и я вновь совещались по вышеупомянутым вопросам в Спа. Я развил мысли, доложенные полковником Бауером в Берлине, и еще раз в высшей степени серьезно заявил о необходимости изыскать пополнения, и принять самые строгие меры против уклоняющихся и дезертиров на родине, и прежде всего воздействовать на решимость германского народа вести войну, при чем вновь указал на ту опасность, которую представляет в этом отношении часть германской прессы, неприятельская пропаганда и большевизм.

На всех этих вопросах мне приходилось настаивать еще гораздо чаще, чем я ссылаюсь на них в этих воспоминаниях. На этот раз мне также много было обещано, но в действительности ничто не изменилось. Я не знаю, считали ли присутствующие мои данные преувеличенными, или принимали их за отрыжку моего „милитаризма". Я также выразил желание собрать вместе работодателей и рабочих и об'яснить им необходимость освободить имеющих отсрочки (опротестованных), но и в этом отношении военное министерство ничего не осуществило.

Между тем, я вновь произвел попытку использовать наши успехи для усиления движения в пользу мира у противника. По этому поводу имперскому канцлеру была послана новая докладная записка. 19-го июня он вызвал к себе полковника фон-Гефтена. После долгих переговоров были установлены первые основы для такой пропаганды. В особенности вице-канцлер фон-Пайер проявил живой интерес к этому вопросу. На совещании в Спа, я вновь попросил имперского канцлера создать должность министра пропаганды. На этот раз мы не затрагивали вопроса о шансах на мир. После речей Клемансо, по моему мнению, мы были вынуждены или продолжать войну, или покориться. Я должен сознаться, что ответственные государственные лица держались того же мнения; они получили ясный отчет в том, как серьезно я оцениваю наше положение, хотя я все еще надеялся на успех.

В мае и июне полковник фон-Гефтен сделал в министерстве иностранных дел соответственные заявления относительно Бельгии, отвечавшие вполне моей точке зрения. Но статс-секретарь фон-Кюльман отказался проявить какую-либо инициативу в этом вопросе. Ко-

нечно, он чувствовал наше бессилие вступить в какой бы то ни было обмен мнений с неприятельскими правительствами. Это было им подтверждено публично.

Статс-секретарь фон-Кюльман, став на точку зрения миролюбивого заявления Асквита от 16-го мая, высказал 24-го июня в рейхстаге следующее:

„Пока всякое заявление одной из сторон будет приниматься другой, как использование идей мира для нажима, как ловушка и как основанное на фальши стремление посеять раздор между союзниками, до тех пор всякая попытка к сближению будет сильнейшим образом извращаться противниками такового, и до тех пор нельзя предвидеть, чтобы каким-либо образом можно было завязать обмен мнений, который бы привел к миру".

В своей речи от 12-го июля имперский канцлер исходил из того же основания. Он подчеркнул постоянную готовность заключить мир, но заявил при этом, что мы должны проявить выдержку, пока у противника не исчезнет стремление нас уничтожить. Если же у противника появятся серьезные желания проложить дорогу к заключению мира, то мы немедленно вступим на этот путь.

„Я могу вам еще сказать, что это не только моя точка зрения, ее открыто разделяет также и верховное командование, которое не ведет войну ради войны, а наоборот заявило мне: Как только противная сторона проявит готовность к миру, мы должны немедленно пойти ей навстречу".

Этими словами имперский канцлер точно передал взгляды генерал-фельдмаршала и мои.

Когда я теперь обращаюсь к прошлому и думаю об осуществимости и шансах шага к заключению мира, который мог бы быть предпринят правительством, то мне совершенно ясно, что мы могли бы достигнуть перемирия и мира лишь на тех же условиях, которые нам навязаны теперь. Такой мир мы не могли взять на свою ответственность, как не должны были соглашаться на него даже в октябре, когда наше положение было столь серьезным. Правильного ли я держался взгляда или нет относительно условий, на которых в то время мог быть заключен мир, могут решить только Клемансо, Вильсон и Ллойд-Джордж. Англия и Соединенные Штаты преследовали наше экономическое уничтожение, Англия сверх того стремилась обессилить нас, а Франция—заставить истечь кровью. Всех противников об'единяло желание глубочайшим образом опозорить ненавистного врага перед всем миром и на долгие времена отбросить назад развитие германского народа. Антанта лишь постолько преследовала мысль осчастливить весь мир, посколько эта идея вязалась с сильной национальной политикой. Это являлось предпосылкой всех ее действий, а все остальное лишь средством

для достижения цели. У нас же все делалось наоборот, и мы прежде всего думали о том, чтобы осчастливить весь мир, а затем уже о силе своего отечества. Но раз война началась, то она не могла окончиться исключительно по одному нашему желанию.

В начале июля статс-секретарь фон-Кюльман вышел в отставку. Его выступления в рейхстаге и главным образом его заявление, что войну едва ли можно закончить силой оружия, показались имперскому канцлеру зашедшими слишком далеко. Последнему мы, в соответствии с нашим долгом, также изложили наши соображения. Но решительное значение для отставки статс-секретаря фон-Кюльмана имело его личное поведение в эти дни. Я тогда находился в Авене и не имел ни времени, ни желания вмешиваться в события, происходившие в Спа.

Статс-секретарь фон-Кюльман был типичным германским дипломатом послебисмарковского периода. С его именем навсегда останутся связанными прибытие большевиков в Берлин и безмолвное согласие на большевистскую пропаганду русского посольства.

Приемником фон-Кюльмана был статс-секретарь фон-Гинтце; я приветствовал это назначение, так как считал его за человека с сильным характером. Я говорил ему, что надеюсь добиться, что Антанта обнаружит бо́льшую склонность к миру, а также указал ему на опасность большевизма и на революционную деятельность господина Иоффе. Но он остался в большевистской колее своего предшественника по портфелю, отчасти на основании своих взглядов на Россию, а отчасти и потому, что он не смог восторжествовать над старой рутиной министерства иностранных дел.

VIII.

В России события приняли своеобразное направление, характеризующее лживость Советского правительства.

С его согласия Антанта продолжала формирование чехо-словацких войск из австро-венгерских военнопленных. Они предназначались для борьбы с нами, и их предполагалось по Сибирской железной дороге перебросить во Францию. И это разрешалось правительством, с которым мы заключили мир, а мы это терпели. В начале июня я подробно писал об этом имперскому канцлеру и обратил его внимание на опасности, которые угрожали нам со стороны Советского правительства.

Но то оружие, которое ковалось против нас, в результате обратилось на само Советское правительство. Вскоре Антанта поняла, что ей невозможно работать с Советским правительством, которое

к тому же еще опиралось на Германию [1]). В виду этого она заняла враждебную к большевизму позицию. Чехо-Словакские войска не поехали во Францию, а были задержаны на Сибирской железной дороге, на границе между Европейской Россией и Сибирью, чтобы отсюда начать борьбу с Московским правительством. Постепенно они продвинулись к средней Волге в направлении на Казань и Самару. Занятием Сибирской железной дороги Антанта в то же время достигла того, что наши военнопленные не могли возвращаться из Сибири в Германию, что несомненно являлось для нас потерей силы.

Если бы Советское правительство предполагало честно исполнять мирный договор, то оно могло бы те поезда, на которых оно отправляло чехо-словаков, использовать для перевозки германских военнопленных. Но Советское правительство не было честным. Большевизм вредил нам везде, где только мог.

Обстоятельства в Сибири, в тылу чехо-словаков, так запутались, что Антанта не смогла найти там поддержки. В виду этого чехословаки не получили значения и для нас. Важным событием для войны являлся лишь тот факт, что Антанта захватила в свои руки Сибирскую железную дорогу. Переговоры, которые велись между Японией, Англией и Соединенными Штатами, лишь постолько представляли для нас интерес, посколько они выдвигали на очередь противоречия, имевшиеся между этими государствами.

На средней Волге чехо-словаки образовали звено нового фронта Антанты в России.

На севере этот фронт продолжали войска Антанты, которые продвинулись от Белого моря и Мурманского побережья на юг вверх по течению Северной Двины и вдоль Мурманской железной дороги. По Северной Двине они продвигались медленно и нерешительно. В виду того, что Белое море зимой замерзает, здесь в это время года вообще нельзя было предпринять ничего крупного. Большевики сами взорвали Мурманскую железную дорогу, вследствие чего финские партизаны, выдвигавшиеся к железной дороге, утратили всякий об'ект действий. Соединенные силы германо-финских войск представляли теперь такую силу, что Антанта отказалась от дальнейшего наступления.

Пространство к западу от нижней Волги и по верхнему ее течению находилось еще целиком во власти большевиков, а на нижнем Дону располагались Донские казаки, протягиваясь даже в оккупированную нами область. Их гетман, генерал Краснов, был решительно настроен антибольшевистски и сражался с Советскими войсками. Но у него

---

[1]) Мы уже отмечали несуразность рассуждений Людендорфа о поддержке Антанты или об опоре на Германии. Людендорф сам же опровергает эти заявления в других местах.

Примеч. полит. ред.

не хватило оружия и боевых припасов. Я вступил с ним в сношения, чтобы помешать переходу его на сторону Антанты. Вследствие этого, обстановка весьма осложнилась, так как я не должен был затруднять политику германского правительства, которое ориентировалось на большевиков [1]); я, конечно, поставил правительство в известность о моих действиях; что касается генерала Краснова, то он видел своего врага лишь в лице Советского правительства, а не в Антанте. Но мне все же удалось удержать Краснова от открытого присоединения к ней, и приобрести в нем до известной степени союзника. Если бы мы решились на борьбу с Москвой, то он бы открыто перешел на нашу сторону.

Как я уже упоминал, в обширных и плодородных степях Кубанской области, между Донской областью и Кавказским хребтом, генерал Алексеев и его добровольческая армия боролись с большевистскими войсками. Он действовал под английским влиянием. Но я думаю, что он был настолько предан России, что перешел бы на нашу сторону, если бы мы свергли Советское правительство. Сначала военное положение генерала Алексеева было неблагоприятно, так как у него также был недостаток в оружии и боевых припасах; первоначально большевики одерживали верх. В начале июля большевистское правительство, которое в Москве рассыпалось в мирных уверениях, перебросило через Азовское море несколько тысяч человек из района юго-западнее Азова, и высадило их у Таганрога, где вскоре германские войска разбили их на голову. Приблизительно с августа положение добровольческой армии в Кубанской области упрочилось. В Новороссийске стояли еще остатки ушедших из Севастополя судов. С военной точки зрения мы имели полное право и даже должны были потребовать или заставить эти суда возвратиться в Севастополь. Но и в данном случае министерство иностранных дел, считаясь с Советским правительством, опять затянуло переговоры, хотя лучшего доказательства враждебного отношения большевиков или по меньшей мере их бессилия воспрепятствовать враждебным действиям их войск нельзя было привести, как десант в Таганроге. Наконец, Советское правительство согласилось на возвращение судов в Севастополь. Но прибыла всего часть судов, а большинство большевики, под влиянием известного национального чувства, потопили в Новороссийской гавани. Советское правительство взяло с нас обязательство, что мы будем пользоваться этими судами

---

[1]) Как германское правительство „ориентировалось на большевиков", видно хотя бы из Брестского мира. Людендорф сам приводит достаточно данных о том, что германское правительство поддерживало всякое антисоветское движение. Но цель Людендорфа ясна—опорочить и обвинить в поражении Германии всех, чтобы тем самым выделить в качестве героев военное командование.

Прим. полит. ред.

только на войне, насколько этого потребует военное положение. Нужды в них у нас не оказалось.

В июне большевики господствовали еще, как на нижней Волге, так и на Каспийском море. Это имело большое значение для Советского правительства в вопросе о снабжении Великороссии нефтью. Великороссия уже утратила для своей экономической жизни донецкий уголь и украинский хлеб, а также Донскую и Кубанскую области.

Турки стояли перед Баку. Они также утвердились в Северной Персии, но не производили там резкого нажима. Английские войска находились у Энзели на южном побережьи Каспийского моря и оттуда установили связь с Кубанской областью.

Но эти обстоятельства, по сравнению с событиями в Финляндии и на Украине, играли второстепенную роль в нашей восточной политике. Восточной политикой руководил начальник департамента Кригэ, и по отношению к Великороссии вел ее по большевистской колее. Несомненно, что такая политика в течение лета воспрепятствовала образованию нового военного фронта. Я признавал это, но в общем считал ее близорукой, так как в результате она должна была привести к усилению всего большевистского движения. Такое усиление могло оказаться для нас только гибельным, и имперское правительство должно было препятствовать ему не только по военным соображениям, но в гораздо большей степени в чисто политических интересах. Доктор Гельферих также считал это возможным. Положение правительства было трудным, но вину в этом оно могло отнести лишь на себя. Оно уверяло меня, что его политика отвечает настроению в Германии. В данном случае из-за внутренних политических течений вновь нарушались интересы ведения войны. К сожалению, мне приходилось соглашаться с этой оценкой внутренних настроений. С военной точки зрения мы были в силах произвести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков развить наступление и на Москву. Это было бы много выгоднее ведения обороны на длинных фронтах. Оборона поглощала больше сил, чем нужно было для короткого движения вперед, и сильно нервировала войска, в то время, как операция поддержала бы их дух. Мы могли устранить внутренне столь враждебное нам Советское правительство и установить в России другую власть, которая бы не работала против нас и была бы согласна идти заодно с нами. В совокупности, это имело бы большое значение для дальнейшего ведения войны. Если бы в России оказалось другое правительство, то можно было бы соответственно пересмотреть Брестский мир, но отказываться от него при наличии большевиков, не имея возможности предугадать, как разовьются события, было бы столь же несвоевременным, как прежде-

временны были идеи соглашательского мира, раз они не разделялись противником.

Германское правительство не замечало тайной работы большевизма и считало его честно выполняющим свои обязательства, или, вернее сказать, хотело считать его таковым. Наше правительство вступило с большевиками в дальнейшие переговоры относительно тех вопросов, которые были оставлены открытыми Брестским миром. Доверие нашего правительства было беспредельно и его даже не могло поколебать оставшееся безнаказанным убийство нашего посла в Москве. Правительство прямо лезло в развернутую большевиками петлю и высказывало полное недоверие всем остальным течениям в России. Советское правительство было очень любезно: оно пошло навстречу желанию Германии в вопросе об Эстляндии и Лифляндии, признало самостоятельность Грузии, гарантировало уплату по частям военных убытков и обещало поставку сырья, в том числе нефти из Баку. Уступки, которые сделала Германия, были не велики. В главнейших чертах они состояли из следующих обещаний: вывоз угля из Донецкого бассейна, перевозка хлебных грузов из Кубанской области по железной дороге через Ростов на Дону на север, что едва ли было выполнимо, если иметь в виду донских казаков, и, наконец, воздействие на Турцию, чтобы помешать захвату турками Баку. Затем мы согласились, по мере поступления платежей за военные убытки, начать эвакуацию оккупированного в феврале великорусского района за Березиной и Западной Двиной. В действительности первые платежи были уплачены в срок, в чем я весьма сомневался.

Доверие нашего правительства к большевикам зашло настолько далеко, что оно хотело поставить Иоффе оружие и боевые припасы. Лица, привезшие мне соответственный документ министерства иностранных дел, сказали мне: „это боевое снаряжение останется в Германии, и Иоффе использует его здесь же против нас".

На совещании в Спа имперский канцлер, ссылаясь на нашу политику в Грузии, заявил, чтобы представителем от германского правительства в Тифлис был командирован полковник фон-Кресс, недавно возвратившийся с палестинского фронта, и чтобы за ним последовала охрана в размере одной или двух рот. В Грузии нам необходимо было действовать энергично. Этого требовали условия снабжения нас сырьем, совершенно независимо от желания усилиться военными силами из этой области. Что мы в этом отношении не могли полагаться на Турцию, еще раз подтвердил ее образ действий в Батуме. Она захватила для себя все найденные продукты. Нефть из Баку мы могли получить только в том случае, если мы расчитывали лишь на свои собственные силы. Я очень отчетливо помню недостаток горючего материала в Германии, все затруднения с освещением

в течение зимы и все связанные с ними побочные явления. После наступления 7-й армии, мы израсходовали все запасы горючего в армии, и у нас чувствовался в нем сильный недостаток. Для украинских железных дорог также требовалась нефть. Добыча нефти в Румынии была увеличена до пределов возможного, но несмотря на это нечего было и думать, чтобы ею можно было покрыть всю потребность. Теперь нам казалось возможным покрыть недостаток нефти подвозом из Закавказья и особенно из Баку, если только удастся своевременно урегулировать условия транспорта. Начальник полевых железных дорог должен был выяснить положение с наливными судами. Меня очень огорчило, когда большевики, исключительно чтобы повредить нам, потопили в Новороссийске самый большой на Черном море наливной пароход „Эльбрус". По соглашению с Турцией, полковник фон-Кресс должен был организовать эксплоатацию железной дороги Батум—Тифлис—Баку, на которой имелся большой парк вагонов-цистерн. Но основным вопросом во всем этом, конечно, было, как нам попасть в Баку. Счеты с Советским правительством и в данном случае мешали действовать быстро и энергично. В начале августа англичане переправились из Энзели через Каспийское море и заняли Баку.

Утверждение англичан в Баку стало возможным лишь вследствие пассивного образа действий турок в Северной Персии; наше военное хозяйство понесло большой ущерб. Это позволило также англичанам вступить в более тесную связь с добровольческой армией в Кубанской области. Но, с другой стороны, англичане, заняв Баку, оказались в пределах нашей досягаемости. Представлялось возможным нанесение удара с небольшим расходом сил. В виду этого, верховное командование приступило к подготовке атаки на Баку и с этой целью привлекло войска Ноури и отправило в Тифлис кавалерийскую бригаду и несколько батальонов. Но Ноури занял Баку прежде, чем мы успели закончить переброску войск, а последовавшие затем события в Болгарии заставили нас направить эти части в Румынию.

Обстоятельства в Северной Персии оставались в прежнем положении; мы снабжали оружием из Украины те племена, которые хотели примкнуть к туркам. Последние же ничего не делали, хотя у них большое количество войск было собрано у Батума и Карса.

На востоке я углубился так далеко, как я считал необходимым, учитывая наше военное и военно-экономическое положение. Наполеоновские планы завоевания всего мира меня не занимали. Полная забот борьба, которую я вел, не оставляла места для полета фантазии. Я не мечтал о территориальных приобретениях ни на Украине, ни на Кавказе, и намеревался лишь получить оттуда то сырье, которое нам было столь необходимо для жизни вообще и про-

должения ведения войны. Я надеялся, что после успешного прорыва здесь блокады, нам удастся усилиться не только в хозяйственном отношении, но также укрепить наши психические и душевные силы. Я также думал, по мере возможности, использовать людскую силу этих областей, отчасти формированием войск, а отчасти, что обещало много больше, посредством вербовки рабочей силы для родины на смену тех немцев, которых можно было призвать в войска. Я естественно пытался достичь этих результатов во всей области востока, а также надеялся непосредственно получить новобранцев из состава немецкого населения востока. Но мы работали недостаточно быстро. 8-я армия в Риге жаловалась, что, несмотря на мои настояния, военное министерство до сих пор не давало ей никаких указаний.

Я выходил за пределы ближайших военных требований и руководствовался отдельными планами лишь когда вопрос заключался в защите и покровительстве германской культуры; но это, однако, военных сил не расходовалось. Я хотел укрепить и сосредоточить носителей ее и тем увеличить ее мощь. С этой целью несколько моих знакомых предоставило в мое распоряжение значительные суммы, которые я употребил, чтобы усилить национальную немецкую прессу в Австрии. Я настойчиво преследовал лелеемую мною мысль о репатриации и поселении, наравне с ветеранами этой войны, в восточных областях тех немцев, которые были рассеяны по России. В этом смысле я являлся защитником германской идеи перед имперским правительством. Мысль же об образовании немецкого колониального государства на берегу Черного моря я отбрасывал, как фантастическую.

Я неоднократно просил в течение лета имперское правительство дать мне точные указания по основным пунктам политики в области главнокомандующего востоком, чтобы иметь возможность действовать в согласии с правительством. Эстляндия, Лифляндия и Курляндия должны были быть об'единены в один военный округ „Балтику". Литва сохраняла прежние границы. Я предполагал распространить на Лифляндию и Эстляндию политику, которой мы до сих пор придерживались в Курляндии. Я стремился к об'единению эстонцев и латышей, которые были воспитаны в германской культуре, в одно государство, которым бы руководили немцы, при условии исключения всякого слияния эстонской и латышской национальности. В феврале, непосредственно после освобождения Эстляндии и Лифляндии, здесь должно было быть уже сделано очень многое, но правительство теряло даром драгоценное время. Оно даже обращалось ко мне с просьбой установить основные положения политики для Эстляндии и Лифляндии. Но не стоило и приступать к попытке проведения политики, которую Берлин не будет энергично поддерживать; а в Берлине настаивали лишь на открытии Дерптского университета. При распре-

делении кафедр, эстонцы были непонятным образом обойдены; все начинание явилось вследствие этого грубой ошибкой.

В Литве мы также ни на шаг не подвигались вперед. Переговоры с литовским сеймом совершенно застопорились. Поляки волновались все больше и больше, но германское правительство все еще не усматривало грядущей опасности и не использовало все свое влияние в Риме, чтобы на вакантную кафедру виленским епископом было назначено духовное лицо литовской ориентации, и что я поддерживал по мере моих сил. Может быть правительство и сделало соответствующую попытку, но не встретило в Ватикане сочувствия.

Разрешение польского вопроса также не двигалось с места. Император Карл занял колеблющуюся позицию. Преемник графа Чернина, граф Буриан, твердо стоял на австро-польском решении. Германское правительство все не отдавало себе ясный отчет в том, что оно, собственно говоря, хотело. В Польше оно преследовало столь же туманные цели, как и в прочих областях востока. Представившийся удобный случай окончательно устранить возможность австро-польского решения не был использован. Император Карл написал свое известное письмо в Парму. Вслед за тем, под давлением Вены, он в мае должен был совершить путешествие в Каноссу—отправиться в Спа. Настроение было таково, что можно было бы всего достигнуть. Генерал-фельдмаршал и я просили имперского канцлера и статс-секретаря фон-Кюльмана использовать выгоды момента и создать ясные отношения. Но им не хватило нужной решимости. В результате, торжественно был составлен какой-то документ, который был подписан не только государственными людьми, но также обоими монархами. В этом договоре не заключалось никаких обязательств для Австро-Венгрии, и он ничего не стоил. Наша дипломатия не выдержала испытания, двуединая монархия победила. Случилось то, что мы, военные, предсказывали. Граф Буриан по праву чувствовал себя ничем не связанным. Он продолжал преследовать идею австро-польского решения с прежней настойчивостью, которая была ему вполне естественна и так обременяла наших дипломатов.

IX.

Подготовка к третьему большому наступлению на западе достигла точно такого же развития, как и перед сражениями 21 марта и 27 мая. Полковник Брухмюллер вновь находился в распоряжении фронта германского кронпринца, как консультант по артиллерийской части.

7-я армия должна была, переправившись через Марну, двинуться из района восточнее Шато-Тьерри одновременно по обоим берегам реки в направлении на Эпернэ, 1-я и 3-я, на участке к востоку

от Реймса и до Тагюра, атаковать, чтобы, миновав Реймские лесистые горы, правым крылом также двинуться на Эпернэ, направляя центр тяжести удара на Шалон на Марне. Оставался не атакованным участок неприятельской позиции приблизительно от р. Ардр и до района восточнее Реймса. Фронт наступления получал, таким образом, большое протяжение, что, повидимому, могло только способствовать успеху. Соединение обеих ударных групп у Эпернэ могло явиться моментом крупного успеха. Наступление должны были преимущественно вести дивизии, которые провели удар через Шмен-де-Дам. Это требовало нового большого напряжения сил войск; последнее диктовалось обстановкой. Зато дивизии фронта кронпринца Рупрехта могли тем временем лучше отдохнуть, чтобы затем приступить к своей будущей задаче, к наступлению во Фландрии.

Схема 38. Наступательное сражение на Марне и в Шампани 1918 г.

Для разгрузки штаба 7-й армии, участок по обе стороны р. Эн от р. Уазы до р. Урк был выделен в ведение штаба 9-й армии, прибывшего из Румынии. При наступлении по обе стороны Реймса, мы рассчитывали на возможность неприятельского контр-удара между р. р. Эн и Марной, с центром тяжести в направлении на Суассон. Парирование этого удара являлось задачей 9-й и правого крыла 7-й армии.

Первоначально наступление фронта кронпринца германского было назначено на 12 июля. Но чтобы дать возможность основательно закончить подготовку, его к сожалению пришлось отложить до 15-го. В то время, как подготовка была уже в полном ходу, 11-го или 12-го числа, от перебежчиков были получены сведения, что из леса Вильер-Котерэ предстоит в ближайшем будущем большая танковая атака. Это заставило еще раз проверить и постараться улучшить наши оборонительные мероприятия. Важнейший участок к юго-западу от Суассона занимала дивизия, которая особенно успешно дралась на востоке

и на западе, также справлялась до сего времени со всеми получаемыми ею задачами. К тому же, она не участвовала в майских боях, и поэтому отдыхала столь значительный срок, больше которого дивизии вообще не могли отдыхать. В этом отношении условия у нас были не хуже, чем у противника. Далее к югу фронт одного дивизионного участка занимали две дивизии, но в которых наличный состав еще не пополнился до требуемой нормы, и которые еще не вполне отдохнули. Остальные были позиционные дивизии и занимали участки нормальной ширины. Позади в резерве имелось несколько дивизий. Укрепление позиций естественно еще не могло далеко подвинуться вперед. Высокие хлеба затрудняли обзор перед фронтом, и, что особенно важно, внутри наших позиций. Грип в этом районе был распространен во всяком случае не больше, чем на остальных частях фронта. Неприятельская атака, о которой мы имели сведения, не осуществилась. Я надеялся, что имевшиеся данные о ней в достаточной степени подбодрили войска. Фронт кронпринца германского обратил особое внимание на необходимость принять на всех оборонительных участках глубокое расположение.

Я находился в постоянных сношениях с штабами ударных армий. Прежде всего, я хотел выяснить, был ли, по их мнению и мнению войск, осведомлен противник о наших приготовлениях. Штабы полагали, что противник не осведомлен; только артиллерийский огонь на Марне стал оживленнее.

Я дал особое указание не выдвигать разведку на южный берег Марны. Но, несмотря на это, один саперный офицер перешел на противоположный берег и был взят в плен. Как выяснилось после сражения, он очень многое выболтал противнику. Так же поступил один подпрапорщик тяжелой артиллерии, который на р. Ардр попал в руки противника. На отдельных участках Антанта производила поиски разведчиков и захватывала пленных; что неприятель узнал от них, мне неизвестно. К сожалению, являлось также фактом, что по всей Германии велась безответственная болтовня о наступлении на Реймс. К моему величайшему удивлению, я впоследствии получил много писем с родины, указывавших на это явление. После сражения неприятельские радиотелеграммы открыто подтвердили, что наши планы стали своевременно известны противнику. Держать наши планы в тайне от войск было трудно, так как уже сильное сосредоточение артиллерийских и минометных частей, предшествовавшее каждому наступлению, раскрывало наши проекты.

Несмотря на все размышления, мы не нашли никакого другого выхода; мы были связаны неуклюжестью и громоздкостью современных методов наступления. Демонстративные мероприятия были предусмотрены, как и ранее, и в этом отношении все было сделано. Запрет почтовых сообщений не имел смысла, в виду того, что от

армии на родину протягивались слишком много связующих нитей: прекратить отпуска я не мог, так-как это было единственное, что верховное командование могло дать солдатам. Уже в феврале и марте, в виду тяжелых условий железнодорожного транспорта, увольнение в отпуск было задержано на продолжительное время, и многие штабы армий настаивали на скорейшем их возобновлении.

В то время, как военное начальство тщательно старалось сохранить тайну, многие немцы, со свойственным им зудом болтовни и стремлением блеснуть своей осведомленностью, оглашали самые важные и секретные дела, и тем самым ставили в известность о них противника.

Рано утром 15 июля началось наступление.

Наша переправа через Марну явилась большим достижением. Она удалась, хотя неприятельская оборона здесь была тщательно подготовлена; 7-я армия также ворвалась и в позиции между Марной и р. Ардр, которые неприятель упорно защищал. При этом особенно сильно пострадали расположенные здесь итальянские дивизии.

Приблизительно в 5 километрах южнее Марны наступавшие войска натолкнулись на большие силы противника, с которыми они не могли справиться без перехода многих батарей через реку. Здесь развитие боя остановилось. 16-го июля с тяжелым боем мы медленно подвигались вверх по течению Марны и р. Ардр.

Перед 1-й и 3-й армией противник планомерно отошел на вторую полосу укреплений, а мы прочно залегли перед ней по всему фронту.

В полдень 16 июля верховное командование уже отдало приказ 1-й и 3-й армиям приостановить наступление и, оттянув часть дивизий, устроиться для обороны. Продолжение наступления обошлось бы нам слишком дорого. Мы должны были удовольствоваться улучшением фронта наших позиций, которое явилось благодаря тому, что мы вновь заняли высоты, потерянные нами в начале 1917 г., и одновременно приобрели широкое передовое поле. Войска, оттянутые с фронта, должны были образовать резерв в распоряжение фронта германского кронпринца или верховного командования. Быстроте образования резерва я придавал особенно важное значение.

Если мы уже приняли тяжелое решение приостановить наступление 1-й и 3-й армий, то дальнейшее продвижение за Марну и оставление войск на ее южном берегу являлось нецелесообразным.

Но немедленный отход войск оказался невозможным, так как немногие мосты через Марну находились под огнем тяжелой артиллерии и постоянно обстреливались из пулеметов и бомбардировались неприятельскими летчиками. Перед тем, как начать отход, предстояло урегулировать условия отступательной переправы. 17 июля моментом для отступления была указана ночь с 20 на 21. Войскам, располо-

женным южнее Марны, пришлось пережить тяжелые дни, и они геройски выдерживали выпавшее на них испытание.

Верховное командование предполагало, что наступление возможно будет возобновить только севернее Марны, вверх по течению р. Ардр, чтобы полнее охватить Реймс, а может быть и захватить его. 16 июля фронт кронпринца германского уже получил соответственные указания. 17 июля днем я был в Ретеле для совещания с 1-й армией относительно продолжения наступления на Реймс. Я подчеркнул необходимость быстрых действий, чтобы на этом участке сражения инициатива также осталась в наших руках. Из доклада начальника штаба я заключил, что приготовления для возобновления этой атаки, несмотря на ее чисто местный характер, все же потребуют много дней. Мне не оставалось ничего другого, как примириться с этим. Я вновь просил фронт германского кронпринца ускорить образование резервов, и при этом указал на 18-ю армию и правое крыло 9-й армии, усиление которых теперь становилось необходимым.

Остальные фронты я считал уже сложившимися. Верховное командование еще твердо держалось решения начать наступление на фронте кронпринца Рупрехта во Фландрии, хотя наши надежды на то, что неприятель ослабит там свои силы, не сбылись. 16 июля началась планомерная переброска по железным дорогам артиллерийских, минометных и авиационных частей из района Реймса во Фландрию. В ночь с 17 по 18-е я поехал в штаб фронта кронпринца Рупрехта, чтобы еще раз лично ознакомиться с состоянием подготовки. Наступление должно было составить продолжение операции, приостановленной в конце апреля. Оно должно было начаться атакой 4-й и 6-й армии севернее Лиса с целью захвата господствующих высот между Поперингом и Бейльелем и холмистой местности у Газебрука.

18 июля утром, во время совещания в штабе фронта Рупрехта, я получил донесение о внезапной атаке французских танков юго-западнее Суассона, ворвавшихся в наши позиции. Фронт Германского кронпринца одновременно сообщил мне, что он на автомобилях перебрасывает на поле сражения войска, предназначавшиеся для продолжения наступления вверх по течению р. Ардр, и в первую очередь 20-ю пехотную дивизию. Я также немедленно отдал приказ двинуть находившуюся в распоряжении верховного командования 5-ю пехотную дивизию, которая была расположена северо-восточнее Сен-Кантена и подготовлена к быстрой переброске по железной дороге во всех направлениях; ей было указано следовать по железной дороге через Лан в район непосредственно к северо-востоку от Суассона. На этом участке железной дороги тунель был уже восстановлен.

Находясь, естественно, в сильном нервном напряжении, я довел до конца совещание в штабе фронта Рупрехта и отправился назад

в Авен. В этот день я последний раз видел кронпринца Рупрехта; как и всегда, между нами было полное согласие.

В Авен я прибыл в 2 часа дня. Генерал-фельдмаршал ожидал меня на вокзале, и мы немедленно отправились в служебный кабинет. Положение левого крыла 9-й армии и правого 7-й сложилось очень серьезное.

Генерал Фош уже 17 июля производил безрезультатные атаки на старом поле сражения в Шампани, на Реймских лесистых горах между р. Ардр и Марной и южнее Марны, а 18 июля столь же неудачно возобновил бои юго-западнее Реймса и южнее Марны, но успел захватить значительное пространство между р. Урк и р. Эн. После короткой и сильной артиллерийской подготовки и устройства туманной завесы, неприятель бросил на штурм густые массы пехоты, которым предшествовало такое количество танков, какого до сих пор еще ни разу не было сосредоточено на одном участке. При этом первый раз были применены маленькие, низкие быстроходные танки, которые, однако, позволяли пулеметам действовать поверх хлебов, тогда как последние мешали работе наших пулеметов, если они не располагались в специально приподнятых гнездах. И в этом бою действительность огня танков была невелика. Далее, здесь были замечены танки, которые служили лишь для подвоза людей. Они проходили через наши линии, высаживали своих пассажиров с пулеметами, чтобы создать в нашем тылу пулеметные гнезда, и затем отправлялись за новыми подкреплениями.

Наша пехота удержалась не везде; в особенности сдала юго-западнее Суассона дивизия, считавшаяся очень боеспособной. Образовавшийся здесь прорыв начал быстро расти в ширину, преимущественно в направлении на Суассон. Южнее также образовались большие впадины. Здесь имелось в резерве три несовсем свежие дивизии, которые были не одновременно введены в бой, но в результате им все же удалось задержать противника на высотах юго-западнее Суассона, западнее Парси-Тиньи и у оврага Савьер. Между р. Урк и Марной атака была отбита. Обстановка севернее р. Урк заставила отвести войска, которые дрались непосредственно к югу от реки, и где теперь противник сильно нажимал.

В таком приблизительно виде представилась мне обстановка после моего прибытия в Авен. Дело заключалось в крупном контрударе генерала Фоша на участок нашего фронта, образовавший выступ между Суассоном и Реймсом. В этом наступлении участвовали и английские дивизии. Главное направление неприятельского наступления пролегало на Суассон и вниз по течению р. Ардр, юго-западнее Реймса. Намерения Фоша несомненно сводились к тому, чтобы срезать этот выступ. На р. Ардр атака не удалась, но в направлении на Суассон французы овладели значительным пространством. Все

мероприятия, к которым мы могли прибегнуть для противодействия, приводились в исполнение. Верховное командование не было в состоянии сейчас же оказать большой помощи.

5-й пехотной дивизии, находившейся в пути в район северо-восточнее Суассона, пришлось отнести свою высадку в долину р. Элет, так как станции северо-восточнее Суассона вскоре начали обстреливаться неприятельской артиллерией. Вследствие этого ее прибытие задержалось, что было очень неприятно.

20-я пехотная дивизия могла полностью прибыть к вечеру 19 июля. Но при перевозке войск на автомобилях доставляется только пехота без лошадей и повозок, а все остальное должно следовать походным порядком. Таким образом, дивизия оказывалась совершенно разорванной на части и пехота оставалась без правильного снабжения продовольствием. Это нужно было постоянно иметь в виду при использовании дивизии.

На прибытие остальных дивизий, которые были двинуты фронтом кронпринца германского, можно было рассчитывать лишь позднее; их также подвозили на автомобилях.

В общем, надо было выжидать дальнейшего развития событий. Войска, которые были расположены южнее Марны, не могли быть сломя голову отведены назад. В целях сохранения порядка, приказ об отступлении в ночь с 20 на 21-е июля на северный берег Марны не был отменен. Не надо было распространять в войсках беспокойства. Отсюда вытекала необходимость продолжительного отстаивания также и района западнее Шато-Тьерри, который можно было очистить лишь одновременно с оставлением южного берега Марны.

Вследствие этого явилась необходимость держаться юго-западнее Суассона и на р. Ардр. Мы должны были иметь в виду, что сражение разрешится в ближайшие дни, и лишь после этого станет возможным принятие широких оперативных решений.

Фронт Рупрехта продолжал подготовку к наступлению. Он только должен был считаться с тем, что ему придется выделить несколько дивизий; наступление все же оставалось возможным.

Временно я отодвинул на второй план заботы о 18-й армии и правом крыле 9-й армии, так как противник не мог сразу атаковать по всему фронту.

19 июля опять было критическим днем, но оно в общем протекло сносно. В направлении на Суассон противник дальше заметно не продвинулся. Южнее, правда, он проник за дорогу Суассон—Гартень, но к вечеру был вновь отброшен сильной и яростной атакой 20-й пехотной дивизии. Таким образом положение было восстановлено. Юго-западнее Гартень противник продвинулся значительнее, но также не достиг ничего решительного. Южнее, в направлении на Шато-Тьерри, американские атаки, как и накануне, не удались.

Схема 39. Оборонительное сражение между Суассоном и Реймсом в июле 1918 года

Южнее Марны, между Марной и р. Ардр, сильные неприятельские удары вновь были отбиты. В Шампани также завязались бои местного значения.

В общем, обстановка стала значительно благоприятнее. Даже остатки тех частей, которые 18 июля были захвачены врасплох, 19 числа дрались в общем недурно.

20 июля 5-я пехотная дивизия должна была прибыть в район юго-западнее Суассона, а также новые дивизии могли подойти к р. Урк.

Я осведомлялся о причинах нашей неудачи 18 июля. Войска перестали уже ожидать неприятельское наступление. Известный мне начальник дивизии сообщил, что 17 числа он лично был в передовых окопах и вынес впечатление, что у противника царит глубочайшее спокойствие. В действительности, приказ об атаке стал известен французским войскам лишь за несколько часов до ее начала. Данные, которые были получены нами, непосредственно перед началом боя, еще не успели распространиться по фронту. Скорое наступление многочисленных быстроходных танков в высоких хлебах увеличило эфект внезапности. Надо иметь в виду и то, что дивизии были сильно ослаблены грипом и однообразием пищи. На боевом участке, который занимали две слабые дивизии, к тому же еще господствовало известное утомление, вызванное предыдущими боями. Все это углубляло действие внезапной атаки неприятеля. 19 июля нам удалось его преодолеть, и войска стали стойкими.

Решающее значение имело то, что некоторые дивизии с их артиллерией оказались на позиции все еще не эшелонированными в глубину. Они слишком сосредоточили свое внимание на продолжении наступления. Это было, конечно, похвально, но в их положении являлось тактической ошибкой.

Следствием того, что наши войска были захвачены врасплох, являлось чересчур поспешное введение в бой резервов.

Сражение между р. Эн и Марной требовало об'единенного руководства. В виду этого левое крыло 9-й армии южнее реки Эн было вновь передано в 7-ю армию.

На главных участках наступления, южнее Суассона и юго-западнее Реймса, 20-го и 21-го июля, в общем, мы вновь успешно отбили сильные атаки неприятельских масс, которые опять поддерживались большим количеством танков.

В ночь на 21-е июля отступление войск с южного на северный берег Марны было произведено в образцовом порядке. Этому много содействовало то, что 20-го числа французы на этом участке не атаковали. 21-го июля неприятельский натиск разразился здесь против уже очищенных позиций.

На следующий же день, после отхода германских войск с южного берега Марны на северный, был выравнен фронт между р.р. Урк и

Марной и между Марной и р. Ардр, что позволило улучшить в мелочах условия обороны.

22-го июля боевая деятельность прервалась паузой. Нам удалось окончательно ликвидировать неприятельский удар; в общем результате, сражение закончилось в нашу пользу [1]).

В эти дни верховному командованию предстояло принять ответственные решения. Положение 7-й армии в выгнутой к Марне дуге, помимо весьма неблагоприятного очертания фронта, было также очень трудным в отношении тыловых сообщений.

Мы уже не могли обеспечить железнодорожное движение между долинами р. Эн и р. Вель. Изгиб железной дороги восточнее Суассона находился под действительным огнем дальнобойных орудий, а вновь строющаяся ветка, которую мы по необходимости прокладывали несколько восточнее, не была еще готова, хотя над ней работали с величайшим напряжением. Прочие пути сообщения для переброски войск не имели значения. В виду этого, подкрепления, которые отправлялись в 7-ю армию, должны были высаживаться в долине р. Эн и даже еще севернее, вследствие чего они уже утомлялись, пока доходили до боевого фронта. Но как во время сражения на Сомме и во Фландрии, так и теперь, необходимость постоянной смены войск надо было считать твердо установленной. На ряду с подвозом разнообразного снабжения, требовалось доставлять огромное количество боевых припасов. Тыловые железнодорожные сообщения не могли справиться с этой задачей. Железные дороги могли бы быть заменены автомобильными транспортами с надлежащими запасами горючего, но таковых также не имелось. При таких неблагоприятных условиях нам пришлось бы продолжительное время бороться с противником, в распоряжении которого находилась такая сеть путей сообщения, лучше которой и не выдумать.

Что наше стратегическое положение в этом изгибе являлось сомнительным, было ясно само собой. Любой успех противника у Суассона или на р. Ардр мог получить огромное развитие. Удержаться продолжительное время в этом изгибе было невозможно, а новый удар на Реймс представлялся неимеющим шансов на успех.

Я командировал на боевой фронт нескольких офицеров и в том числе генерала фон-Лосберга, чтобы они дали мне картину его условий. Было замечено, что начальство и войска под Суассоном еще находятся под впечатлением боя 18-го июля, а также выяснено, что повсюду условия жизни войск очень тяжелы. В отступательных боях передовое поле в тактическом отношении оказалось мало полезным. При его очищении, беспорядок слишком легко передавался на расположенную позади главную линию сопротивления.

[1]) Удивительное заключение! Особенно в стратегическом отношении.
Примеч. редакц.

Эти данные, полученные верховным командованием, привели его вечером 22-го июля к решению отвести войска с Марны на линию Фер в Тарденуа—Виль в Тарденуа в ночь с 26-го на 27-ое июля. Само собой разумеется, что по этому поводу я находился в беспрерывном обмене мнениями с фронтом германского кронпринца и с 7-й армией. На указанной линии предполагалось оказать лишь короткое сопротивление, так как противник должен был вновь наброситься на нас, вводя в атаку свои массы, что должно было ему дорого обойтись. Отступление на прямую линию между Суассоном и Реймсом за р. Вель

имелось в виду на начало августа. Но прежде чем произвести его, надо было использовать полностью район к югу от р. Вель, и главным образом долину самой реки. Имевшиеся там богатые запасы были нам необходимы для жизни.

В связи с отступлением, наш фронт значительно сжался, и у нас и у противника освободились силы, которые можно было использовать для атаки на других участках. Слабость сил 18-й армии и правого крыла 9-й армии не могла быть в дальнейшем оправдана. Надо было уравновесить их подвозом подкреплений. Последние могли быть получены только с фронта кронпринца Рупрехта.

Наступление во Фландрии не могло дать быстрых и решительных результатов, так как противник по всем признакам изготовился встретить его. Если предположить, что неприятель здесь уклонится от штурма, как он уклонился восточнее у Реймса, то мы не могли расчитывать добиться решения. Если же он окажет сопротивление, то его многочисленные резервы окажутся в состоянии задержать нас, подобно тому, как они задержали нас 10-го и 11-го июля в направлении на Компьень. В виду этого, верховное командование решило отказаться от наступления во Фландрии, перейти на фронте Рупрехта к обороне и использовать избыток его сил на усиление 18-й, 9-й и 7-й армии, на что он несомненно был способен [1]).

Мы отдали соответственное распоряжение. Но каким образом нам удастся, и удастся ли вообще вновь захватить инициативу, после занятия позиции по р. Вель, я тогда еще не отдавал себе отчета. Фронт герцога Альбрехта получил указание — разработать проект наступления.

В виду предстоявших в 7-й и 1-й армии боев, а также для возможных арьергардных боев на других участках, верховным командованием для этих случаев указания о передовом поле были отменены.

23-го июля вновь последовала исключительно сильная неприятельская атака; в общем она была победоносно отбита по всему фронту

В ближайшие дни имели место лишь местные удары противника, которые нигде не удались.

В ночь с 26-го на 27-е июля позиции на Марне были планомерно и в большом порядке очищены; фронт отошел к северу. В последние дни генерал Фош вновь производил сильные, но попрежнему безрезультатные атаки; ему удалось лишь немного продвинуться в лесистой местности северо-западнее Фер в Тарденуа, которая тактически являлась для нас неблагоприятной. По донесению войск, противник понес при этом тяжелые потери убитыми и ранеными. У нас, естественно, также был большой расход сил. Теперь, как и во время

---

[1]) Читатель несомненно обратит внимание на то, что энергия принимаемых Людендорфом решений, начиная с начала июля, резко понижается, а приводимые им тактические и стратегические соображения не отмечаются уже прежним полетом и логичной последовательностью. Логику офицера генерального штаба постепенно заменяет логика самооправдания. Вместо полумеры—очищение изгиба у Шато-Тьерри, в виду отказа от наступления, следовало-бы, вероятно, покинуть весь район, захваченный в мартовском наступлении. Сами предположения Людендорфа для Рейнского (третьего) наступления оставляют широкое место для критики. К Фландрскому направлению наступления Людендорф все время относится как к второстепенной, не лежащей близко к сердцу, операции; когда там немцы действительно атакуют, то оказывается, что в бой введены войска второго сорта. Людендорф, во второй половине 1918 г., все более и более оказывается не в силах разрешать выпавшие на него задачи. *Прим. редакции.*

прежних оборонительных сражений, необходим был беспрерывный приток свежих дивизий.

Благодаря замечательной организованности работы на фронте германского кронпринца и в частности в 7-й и 1-й армии, эвакуация района прошла гладко. К тому же времени закончилась постройка второй железнодорожной ветки, и она существенно облегчила работу.

В ночь с 1-го на 2-е августа фронт был отведен за р. Вель Поспешно возведенные здесь позиции были заранее заняты войсками, чтобы поддержать отступающих. Противник вплотную следовал за ними и произвел энергичный напор на р. Вель, но всюду был отражен.

Этим закончилось маневренное, оборонительное сражение между Марной и р. Вель.

Это сражение было блестящим подвигом участвовавших в нем вождей и войск. Тень, павшая на них 18-го июля, теперь исчезла. Несмотря на большое напряжение сил германского солдата, он продолжал драться после 18-го июля и чувствовал свое превосходство над врагом. Но в некоторых дивизиях начали выявляться мало утешительные явления. Впоследствии, в числе других, мне был доставлен документ, проливавший очень серьезное освещение на настроение одной из этих дивизий; я передал его для дальнейшего расследования в 7-ю армию.

Как во всяком сражении, так и в боях, имевших место начиная с 15-го июля, потери были весьма значительны, особенно дорого обошлось нам 18-е июля и связанные с ним оборонительные бои, хотя во время последних нам удалось эвакуировать раненых и мы не потеряли значительного количества пленных. Убыль в боях была настолько велика, что нам пришлось решиться расформировать около десяти дивизий и распределить их в пехоту для пополнения по другим дивизиям. Остальные роды оружия, в главных чертах, сохранились в целости.

Вышедшие из сражений и дивизии и специальные войска были распределены позади всего западного фронта. В конце июля в связи с этими перебросками началось исключительно сильное железнодорожное движение, которое к началу августа еще значительно развилось и далее уже до конца не смогло сократиться. Войска, которые понесли сильные потери, должны были получить пополнение, отдохнуть и снова сплотиться.

Мне не удалось разобраться в размере потерь, которые понес неприятель после 15-го июля. Но, принимая во внимание массовую тактику Антанты, потери должны были быть значительны, и ни в коем случае не меньше наших. Армия Антанты также пострадала, и сражение обошлось противнику так же дорого, как и нам. Франция пыталась сберечь своих сынов, и выставила заметно больше сенегальских негров и мароканцев. Шесть американских дивизий, которые

участвовали в этом сражении, особенно сильно пострадали, не достигнув при этом каких-либо успехов. Повидимому, для пополнения этих дивизий, одна из них была расформирована. Несмотря на боевой задор отдельных американцев, низкая боевая ценность американских войск видна из того, что две храбрые германские дивизии, 201 пехотная и 4-я запасная (Эрзатц), которых я до этого времени расценивал лишь, как средние, выдерживали главный натиск многопревосходных американских сил в течение нескольких недель.

Убыль в английских и итальянских дивизиях была тоже значительна.

Тем временем фронт Рупрехта перешел к обороне, при чем для смены дивизий, уже давно находившихся на позициях, были использованы предполагавшиеся для наступления. Батальоны этих дивизий находились в удовлетворительном состоянии и многие из них уже с апреля не участвовали в боях. 18-я армия и правое крыло 9-й также были усилены. Перед тем 18-я армия уже потерпела неудачу в Аврской предмостной позиции, и одна из дивизий, растянутая там на широком фронте, была отброшена к реке.

Попытка победными усилиями германцев склонить народы Антанты к миру до прибытия американских подкреплений не удалась. Ударная сила армии оказалась недостаточна, чтобы нанести решительное поражение противнику, прежде чем подойдут значительные американские подкрепления. Я отдавал себе ясный отчет, что, в связи с этим, обстановка стала складываться для нас весьма угрожающе.

К началу августа мы приостановили наступление и перешли на всем фронте к обороне. Новые наступательные планы могли быть приняты лишь в том случае, если бы удалось пополнить и освежить дивизии, участвовавшие в последних боях. Перерыв, наступивший в операциях, в общем не бросался в глаза; таковой имел место после больших наступлений, состоявшихся 21 марта и 27 мая. Бои с 15 июля обошлись нам меньше, чем мартовское и майское наступление. Стремление к отдыху на этот раз имело такие же основания, как и прежде. Но даст ли нам противник оправиться, это было сомнительно.

Я предполагал, что неприятель будет продолжать наступление или на р. Вель, к которой противник надвигался все больше вплотную, или что фронт наступления расширится и охватит район между Эном и р. Уазой, где противник сильно опасался германской атаки. Далее, я считал вероятным, что неприятель произведет атаки между р.р. Уазой и Соммой, а может быть и против наших позиций у Альбера и в долине р. Лис и, наконец, в Зундгау. Но я полагал, что эти наступления будут иметь лишь частичный характер, так как противник в общем был ослаблен не менее нас. Атаки действительно состоялись; если они впоследствии развились в крупную борьбу на всем фронте,

то это об'ясняется, главным образом, значительными успехами, которые противник одержал 8 и 20 августа. Они выяснили противнику, что мы уже не прежние немцы, и вызвали его на развитие операций.

В начале августа я еще с уверенностью расчитывал на отражение предстоящих отдельных ударов и на возможность ответить на них контр-наступлением, хотя бы в меньшем, сравнительно с бывшим, масштабе. До сих пор выход из стратегических затруднений удавалось находить при самых серьезных обстоятельствах; у меня не было никаких оснований предполагать, что на этот раз нам не посчастливится.

В ожидании боев было образовано новое управление фронтом, в ведении которого дожны были перейти 2-я, 18-я и 9-я армии. Командующим этим фронтом был назначен генерал фон-Боен, а начальником штаба генерал фон-Лосберг. Новое распределение фронтов должно было вступить в силу между 10-м и 15-м августа. В первых числах августа я еще мог сказать генералу фон-Боену, что надеюсь иметь возможность передать ему окрепший фронт. К сожалению, события не оправдали моих надежд.

Если бы наш фронт оказался обороноспособным, то мне предстояло принять окончательные решения с имперским канцлером, который, впрочем, постоянно держался в курсе событий на фронте. Я не должен был скрывать от самого себя, что мне при этом предстояло похоронить много надежд. В этом смысле я обменивался мнениями с моими сотрудниками; я еще был поглощен этими мыслями, когда на меня обрушился удар 8 августа.

Финальная борьба летом и осенью 1918 года.

(Карты X и VII).

I.

8-е августа представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны. Более тяжелые переживания связаны лишь с событиями, которые после 15 сентября разыгрались на Болгарском фронте и явились приговором судьбы для четверного союза.

Сознание, что теперь надо думать в первую очередь только об обороне, заставило верховное командование в начале августа постепенно оттянуть назад фронт в долине р. Лис и распорядиться об очищении Анкрской и Аврской предмостных позиций, севернее и южнее Соммы. 3 и 4 августа предмостные позиции были нами оставлены.

По особо выраженному мною желанию, генерал фон-Куль отправился во 2-ю армию, чтобы еще раз обсудить оборонительные мероприятия на фронте Альбер—Морейль. Здесь были сменены свежими силами еще две дивизии, которые уже давно находились на позициях и казались особенно усталыми. В этом спорном выдающемся районе дивизионные участки были узки, дивизии были хорошо снабжены артиллерией и занимали глубокое расположение. При этом был использован весь опыт 18 июля. В отношении укрепления позиций здесь не было сделано так много, как, например, в 18-й армии, хотя последняя расположилась на них позднее.

Рано утром 8 августа преимущественно англичане, австралийскими и канадскими дивизиями, и французы, не в слишком превосходных силах, произвели атаку между Альбером и Морейль. Стоял густой туман, который искусственно был еще усилен; в атаке участвовали сильные отряды танков. Между Соммой и ручьем Люс неприятель глубоко ворвался в наш фронт. Находившиеся там дивизии позволили себя совершенно опрокинуть. Штабы дивизий были захвачены врасплох на своих стоянках неприятельскими танками. Район прорыва скоро рас-

ширился за ручей Люс; при этом наши войска, которые еще продолжали храбро драться у Морейля, были опрокинуты фланговым ударом. С севера Сомма представляла естественную границу, остановившую расширение прорыва. Наши войска, сражавшиеся на северном берегу, победоносно отбили такой же натиск. В районе юго-западнее Перонь находились дивизии, которые несколько дней тому назад были сменены, как усталые; штаб 2-й армии немедленно поднял их по тревоге и направил на поле сражения. Одновременно он выдвинул к месту прорыва все войска, какие он только мог собрать. Фронт Рупрехта отправил туда же по железной дороге свои резервы. 18-я армия часть своих резервов непосредственно ввела в бой с юго-востока, а другую часть выдвинула в район северо-западнее Руа. Я отдал приказ 9-й армии также выделить силы на поддержку, хотя она сама находилась под угрозой неприятельской атаки. Но естественно требовались целые дни, чтобы издали могли прибыть войска. Для их переброски были использованы в самом широком масштабе автогрузовые транспорты.

Еще до полудня 8 августа я получил полное представление об обстановке. Она была очень мрачной. Я немедленно командировал офицера генерального штаба, чтобы получить данные о состоянии войск.

Резервами 2-й армии удалось задержать дальнейшее продвижение неприятеля на Перонь, на линии южнее Брэй. В направлении на Руа противник распространился приблизительно до Арвилье; южнее р. Авр нам пришлось загнуть фронт, начиная от Мондидье.

Всего было на голову разбито от шести до семи германских дивизий, которые расценивались нами, как вполне боеспособные. Имелось на готове всего три или четыре дивизии и остатки разбитых, чтобы замкнуть обширное пространство между Брэй и Руа.

Положение было исключительно серьезным. Если бы противник продолжал сколько-нибудь энергично наступать, то мы бы не смогли удержаться западнее Соммы. Этот участок продолжала оборонять 2-я армия, 18-я же, оставив левое крыло на высотах, окаймляющих долину р. Матц, уклонила правое до Руа. Это передвижение было назначено в ночь с 9 на 10 августа. Если бы его не удалось выполнить, то на этом участке неприятель получил бы возможность одержать крупную победу.

9 августа противник еще продвинулся между р. Соммой и р. Авр, но на наше счастье ударная сила врага была не велика. Севернее Соммы 2-я армия также должна была несколько поддать назад свой фронт. Но южнее Соммы ей удалось создать, хотя и слабо занятый, но сильный фронт. В этот день войска дрались здесь значительно лучше, чем дивизии, действовавшие накануне между Соммой и ручьем Люс. Замечательно хорошо держались дивизии, кото-

рые перед сражением были сменены, как переутомленные. Мы удержали район северо-западнее Руа. В ночь на 10-е 18-й армии удалось выполнить свой трудный маневр. На следующее утро французы

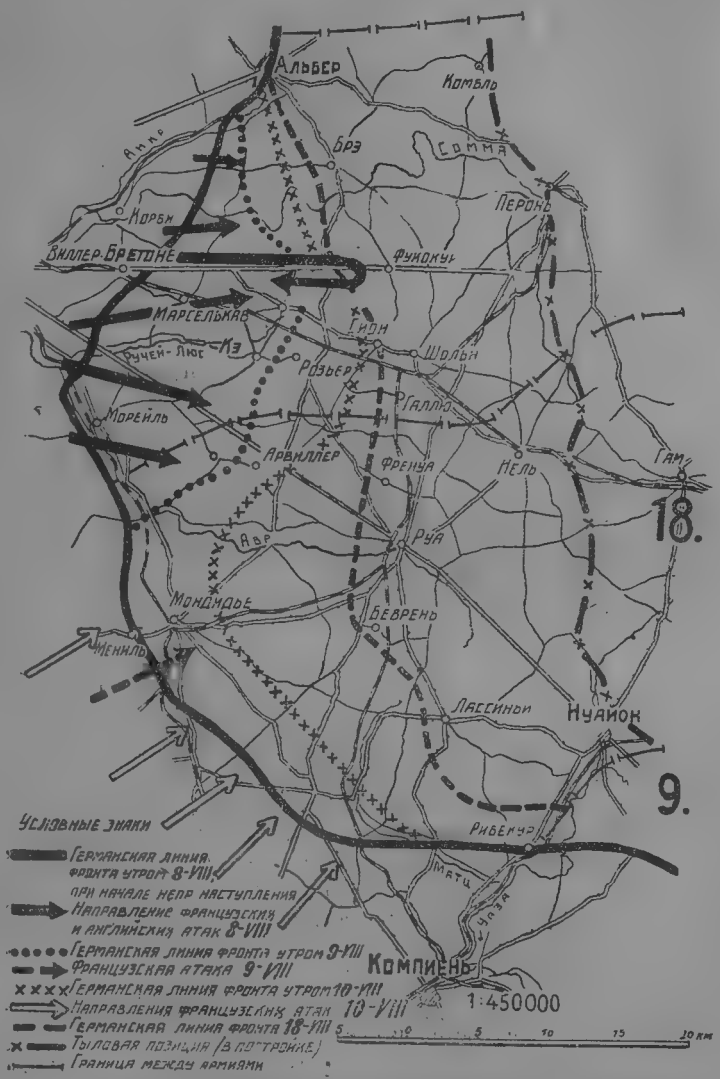


СХЕМА 41. ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ СОММОЙ и УАЗОЙ 1918 г.

энергично атаковали прежние позиции 18-й армии; оставшиеся там арьергарды планомерно отошли. Но, конечно, армии пришлось потерять много снаряжения.

Благодаря выдержке 2-й армии и вследствие уклонения назад в ночь на 10-е фронта 18-й армии, наше положение между Соммой и р. Уазой улучшилось. Начали прибывать резервы, усилившие фронт 2-й армии. 10-го и 11-го шли ожесточенные, но успешные для нас бои на позициях между Соммой и Авром; одновременно противник сильно наседал между Авром и р. Уазой.

В ближайшие дни местные бои происходили на всем фронте сражения. Наши войска опять укрепились, но тогда как 18-я армия являлась для обороны полноценной, 2-я оставалась внутренне неустойчивой.

2-я армия израсходовала очень много сил; ее резервы также сильно пострадали. Пехота некоторых дивизий, прибывая на поле сражения на автомобилях, выгружалась иногда на одном участке, а ее артиллерия вступала в бой на другом. Вследствие этого части сильно перемешались. В предположении, что противник будет продолжать атаки на фронте 2-й армии, надо было предвидеть, что эту армию потребуется усилить целым рядом дивизий, на которые мы не могли рассчитывать. В виду убыли пленными, наши потери были столь велики, что верховное командование опять оказывалось вынужденным расформировать несколько дивизий, чтобы получить укомплектование. Наши резервы таяли, а потери противника, наоборот, были необыкновенно скромны. Вследствие этого, соотношение сил значительно для нас ухудшилось. И оно должно было продолжать изменяться к нашей невыгоде по мере того, как на фронт поступало все большее количество американских войск. Мы больше не могли надеяться наступлением значительно улучшить наше положение. Таким образом, нам оставалось лишь держаться. Мы теперь безусловно должны были ожидать возобновления неприятельского наступления. Успех слишком легко дался противнику. Неприятельские радио-телеграммы были полны ликования и справедливо утверждали, что в германской армии уже нет больше старого духа. К тому же, противник захватил много чрезвычайно ценных для него документальных материалов. Антанта получила ясное представление о наших затруднениях в вопросе об укомплектовании, что давало ей лишнее основание неустанно развивать натиск.

Офицер генерального штаба, которого я командировал на поле сражения, описал мне состояние тех дивизий, на которые 8 августа удар обрушился в первую очередь, в таком виде, что я был поражен. Я вызвал начальников дивизий и строевых офицеров в Авен, чтобы обсудить с ними детали событий. Я услышал от них о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые, должен

откровенно сказать, не считал возможными в германской армии: наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: „штрейкбрехеры“ и „им еще мало войны“ [1]). Эти слова повторялись еще и впоследствии. Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния, и плыли по течению. В октябре, на заседании кабинета принца Макса, статс-секретарь Шейдеман обратил мое внимание на реляцию одной из дивизий о событиях 8 августа, представлявшей столь же мрачную картину. Я этой реляции не знал, но мог подтвердить ее содержание своими данными. Один батальонный командир, прибывший на фронт с пополнением незадолго до 8 августа, об'яснял эти явления недисциплинированностью солдат и духом, с которым наши солдаты прибывали с родины. То, чего я опасался и о чем беспрестанно предостерегал, на этом участке превратилось в действительность. Наш боевой механизм утратил свою полноценность и наша боеспособность пострадала, хотя значительное большинство наших дивизий продолжали геройски драться. 8-е августа подчеркнуло умаление нашей боеспособности; при создавшемся положении вопроса об укомплектовании, у меня не было надежды найти стратегическую комбинацию, которая позволила бы нам вновь закрепиться в выгодном положении. Наоборот, я пришел к убеждению, что у верховного командования не осталось под ногами твердой почвы, на которой до сих пор, поскольку это возможно на войне, я базировал свои мероприятия. С этого момента, как я тогда выразился, война приобрела характер бесшабашной азартной игры, что я всегда считал гибельным; я слишком высоко ценил судьбу германского народа, чтобы ставить ее на карту. Надо было кончать войну.

8-е августа открыло глаза обоим командованиям, как германскому, так и неприятельскому, как мне, так и генералу Фошу, который это сам подтвердил в „Daily Mail“. С этого дня началось великое наступление Антанты, финал мировой войны, при чем противник развивал все больше энергии, по мере того, как наш развал становился для него очевиднее.

Я считал возможным, что события, последовавшие за 15-м июля, могли поколебать доверие ко мне его величества и генерал-фельдмаршала. Кроме того, новое лицо, может быть, могло более беспристрастно оценить обстановку. В виду этого, как я уже упоминал, я самым серьезным образом заявил фельдмаршалу, что если у него нет ко мне полного доверия или если он считает это желательным, то он может заместить мою должность новым лицом. Он отказался. В том же духе я говорил о замещении моей должности с начальником воен-

---

[1]) Kriegsverlängerer, т. е. люди, затягивающие войну. *Прим. перев.*

ного кабинета в случае, если по отношению ко мне имеются какие-либо сомнения. Но император оказывал мне в эти дни совершенно исключительное доверие. Я был глубоко тронут, но меня все-таки беспокоило, правильно ли улавливает его величество общее положение. Впоследствии я успокоился: император сообщил мне, что после неудачи наступления в июле и после 8 августа он пришел к сознанию, что Германия уже не может выиграть войну.

8 августа вечером сообщение ставки кратко гласило о том, что противник на широком протяжении прорвал наш фронт южнее Соммы. На следующее утро меня немедленно вызвал генерал фон-Крамон из Бадена. Он сообщил мне, что мое сообщение вызвало большое беспокойство в Вене. Я не мог оставить его в сомнении относительно того, насколько серьезно я расценивал создавшееся положение. Несмотря на это, он просил меня обдумать, насколько вредно подействует резкое признание нашей неудачи на союзников, которые свое спасение видели только в Германии. То же повторилось 2 сентября.

Неудача на западном фронте произвела сильное впечатление на союзников. Император Карл выразил намерение прибыть в середине августа в Спа.

От Болгарии нельзя было ожидать ничего хорошего. Под впечатлением положения, создавшегося на западном фронте, а также вследствие Бухарестского мира и по причинам личного характера, на смену кабинета Радославова там образовался кабинет Малинова. Последний не являлся сторонником союза с нами, выбранные же им министры были нашими открытыми врагами и друзьями Антанты. После оккупации Болгарии Антантой, Малинов был удален, но назначенные им министры остались у власти. Имперский канцлер должен был предвидеть политику министерства Малинова и воздействовать на царя, чтобы оно не было сформировано в таком составе. Поведение отдельных болгар в Швейцарии вызывало большие сомнения. Но мы все это допускали. Нельзя было заблуждаться в том, что Болгария стремится к заключению мира. Характерным было также то, что болгарский военный уполномоченный генерал Ганчев стал лишь очень редко показываться в нашей ставке.

Как только я вполне уяснил себе обстоятельства, созданные 8-м августа, я решил как можно скорее приступить к совещанию с имперским канцлером и статс-секретарем министерства иностранных дел. Оно состоялось 14 августа в Спа.

13-го в помещении генерал-фельдмаршала, в гостинице Британик, совещались имперский канцлер, генерал-фельдмаршал, статс-секретарь фон-Гинтце и я. Я очертил военную обстановку, состояние армии, положение наших союзников и об'яснил, что мы не в состоянии наступлением склонить противника к миру. Склонить же противника

к миру исключительно оборонительными действиями, несмотря на подводную войну, едва ли явится возможным; в виду этого нам надлежало добиваться окончания войны дипломатическим путем. В настоящую минуту западный фронт держится, но при неуверенности, явившейся у военного руководства, вследствие неустойки отдельных частей, по обстоятельствам может потребоваться дальнейший отход фронта. Но я все-таки еще твердо надеялся, что армия удержится во Франции. События на западном фронте должны были произвести самое неблагоприятное впечатление на союзников. При таких условиях дух армии и народа приобретал еще более решающее значение, я на этом особенно серьезно остановился. В частности я указал на тот вред, который нам причинил князь Лихновский. Я вновь подчеркнул необходимость, чтобы наши государственные люди в своих речах считались с тем впечатлением, которое они создают за нашими пределами, и чтобы в Германии был учрежден имперский орган пропаганды и политического просвещения. Генерал-фельдмаршал умолчал о настроении на родине, но в оценке военного положения он высказался более оптимистично, чем я. Из всего сказанного статс-секретарь фон-Гинтце сделал очень ясный вывод о необходимости начать мирные переговоры и быть готовыми на крупные уступки.

Имперский канцлер только вкратце коснулся настроения на родине, не высказав ничего примечательного. Случай с князем Лихновским он обсуждал очень сдержанно, ссылаясь на имперский суд.

На следующее утро состоялось совещание под председательством его величества. Прежде всего обсуждался вопрос о настроении внутри империи. Имперский канцлер произнес несколько вступительных слов. Относительно морального напряжения сил я сделал те же заявления, что и накануне. Вслед за тем его величество предоставил слово статс-секретарю фон-Гинтце. Последний, не затрагивая обстоятельств на родине, прямо перешел к военно-политическому положению, которое он изложил в соответствии с тем, как я его очертил накануне, и пришел к такому же заключению. Он был морально потрясен, и слезы выступали у него на глазах. Император был очень спокоен, присоединился к мнению статс-секретаря фон-Гинтце и предложил ему попытаться завязать мирные переговоры через посредничество Нидерландской королевы. Он также указал на необходимость политико-просветительной работы и об'единенных и решительных действий правительства. Имперский канцлер говорил о поддержании авторитета внутри государства. В удобный момент дипломатия должна была развернуть свою деятельность. На этом заседание закончилось. Я был очень тронут и пожал руку статс-секретарю фон-Гинтце.

В это время в Спа пребывали император Карл, граф Буриан и генерал фон-Арц. В соответствии с положением, государственные люди, повидимому, обсудили вопрос о мире, и в частности о высту-

плении графа Буриана. В то время я об этом ничего не знал, но впоследствии мне говорил об этом статс-секретарь фон-Гинтце. Затем обсуждался еще польский вопрос. Граф Буриан твердо стоял на своем мнении. Мы прозевали удобный момент, чтобы придти с Австрией к окончательному соглашению.

В то же время его величество, в согласии с имперским канцлером, стремился разрешить польский вопрос в том смысле, чтобы Польша самостоятельно избрала себе монарха, но в экономическом отношении примкнула бы к Германии. При таком различии во взглядах придти к соглашению с Австро-Венгрией было невозможно. Принятое его величеством решение отвечало моим убеждениям и дало мне твердое руководящее основание. При этом мне было отчетливо ясно, что император всегда отрицательно относился к идее династической унии с Польшей.

С генералом фон-Арцем мы обсудили общее военное положение, создавшееся последними событиями, и выяснившуюся необходимость усилить западный фронт новыми австро-венгерскими дивизиями. До этого момента на запад прибыло всего две австро-венгерских дивизий. Генерал фон-Арц еще думал о наступлении в Италии, но в то же время полагал, что австро-венгерская армия не сможет выдержать предстоящей зимы. Это было мое последнее свидание с генералом фон-Арцом, в котором я глубоко уважал человека и солдата.

После отъезда императора Карла в Вену генерал-фельдмаршал и я немедленно возвратились в Авен. Я предполагал, что имперский канцлер также оставит Спа, чтобы на основании наших разговоров поставить в известность о положении Германии статс-секретарей и рейхстаг. Его долг требовал, чтобы он принял личное участие в ориентировке и политическом руководстве народа. Но он остался в Спа и предоставил переговорить с лидерами партий Эбертом, Грёбером, Штреземаном, графом фон-Вестарпом и Вимером вице-канцлеру фон-Пайеру и статс-секретарю фон-Гинтце. 21-го августа вожди партий были приглашены в министерство внутренних дел; на этом заседании статс-секретарь фон-Гинтце изложил военно-политическую обстановку и в соответствии с тем, что говорилось в Спа, пришел к заключению, что война должна быть как можно скорее ликвидирована. Он заявил, что использует все возможности, чтобы добиться мира. Присутствовавшие на заседании лица впоследствии сказали мне, что они вынесли чрезвычайно серьезное впечатление о нашем военном положении. Само собой разумеется, что статс-секретарь фон-Гинтце, принимая во внимание требования ведения войны, а также успешность намеченных шагов для заключения мира, должен был быть в своем докладе очень сдержан. Если бы наши намерения обсуждались в условиях широкой огласки, как это впоследствии и имело место, то это принесло бы большой вред и ведению войны, и заключению

мира. При характере наших врагов это привело бы к продолжению борьбы и к предъявлению нам таких мирных условий, которые являлись для нас гибельными.

По тем же основаниям, которые руководили статс-секретарем фон-Гинтце, я не имел возможности каким-либо путем предать гласности мои взгляды по вопросу о заключении мира. Этот шаг я неоднократно обсуждал то с одним, то с другим из моих ближайших сотрудников. Статс-секретарь фон-Гинтце переслал генералу фон-Бартенверферу отчет о заседании 14 августа. Мне пришлось еще обсуждать положение с различными министрами. В эти дни статс-секретарь Зольф приезжал в Авен. Вскоре я получил частное письмо из Веймара, из которого я узнал, какое впечатление вынес статс-секретарь Зольф из Авена. Лицо, которое находилось в ближайшем родстве с семьей Зольфа, рассказывало в Веймаре, что, по мнению Зольфа, я уже не думал о победоносном окончании войны, а генерал-фельдмаршал еще надеется на победу с божьей помощью.

Вице-канцлер фон-Пайер также прибыл в Авен, и передал мне от имперского канцлера формулировку нашей позиции в бельгийском вопросе, учитывавшую неблагоприятно сложившуюся военную обстановку. Я согласился на нее; мне казалось, что она должна лечь в основу переговоров, которые будет вести статс-секретарь министерства иностранных дел. Но вместо того, вице-канцлер фон-Пайер использовал ее для речи, которую он произнес в сентябре месяце в Штутгарте, и которая, своей новой точкой зрения на бельгийский вопрос, возбудила всеобщее внимание.

II.

Первые дни, последовавшие за нашим возвращением в ставку, были особенно тяжелы. Наше положение на западном фронте становилось все серьезнее. 14-го августа, когда его величество повелел приступить к завязке мирных переговоров, фронт был еще крепок, хотя в нем уже сказывалось чувство неуверенности.

После 8 августа, генерал фон-Боен вступил в командование своим фронтом, в составе 2-й, 18-й и 9-й армии, на несколько дней раньше, чем это первоначально предполагалось. Он, как и начальник его штаба генерал фон-Лосберг, всеми средствами стремились ускорить подготовку обороны своего участка. В середине августа бои на участке между Соммой и Уазой еще продолжались. Главный натиск противника направлялся по обе стороны Руа, который нам удалось удержать в упорном бою. Мы оборудовали и укрепили тыловую позицию, отчасти используя при этом прежнюю позицию на линии Бапом— впереди Перонь—вверх по Сомме—впереди Гам—высоты северо-восточ-

нее Нуайо на, расположение которой вызывало необходимость загиба левого крыла 17-й армии.

В долине р. Лис фронт Рупрехта отвел назад на несколько километров передовые позиции 6-й армии и готовился к дальнейшему скашиванию выступа, связанному с оставлением Кеммеля. Здесь также имелись тыловые позиции; прежние германские позиции были приведены в порядок. Особенного оживления боевой деятельности здесь не было, и лишь случайные выступления противника нарушали затишье. В середине августа появились признаки перехода англичан в наступление. Условия в 17-й армии были таковы же. После 15 августа, здесь стали чувствоваться признаки неприятельской атаки между Аррасом и р. Анкр, главным образом в направлении на Бапом. 17-я армия не должна была драться на своей передовой линии и готовилась принять бой лишь на позиции, расположенной в трех или четырех километрах позади. Передовые линии были заняты лишь боевым охранением, которое до боя должно было отойти на главную позицию. Это создавало возможность свести на-нет первый натиск противника и своевременно обнаружить его наступление.

К юго-востоку от участка, на котором шло сражение между Соммой и р. Уазой, 9-я и 17-я армии решительно перешли к обороне. Надо было ожидать атаки между Уазой и Эном; в середине августа она могла обрушиться в любой момент. Все, что 17-я армия дала 2-й, было ей полностью возмещено и она во всех отношениях была богато оборудована. Позади наиболее угрожаемого участка, в направлении на Кют и Нуврон, наготове стояли две ударные дивизии. Штаб армии превосходно все организовал и хорошо продумал.

Вероятность неприятельской атаки на р. Вель уменьшилась. На остальных участках фронта германского кронпринца, и на фронтах фон-Гальвица и герцога Альбрехта также не было особых оснований предполагать наступление неприятеля. Но в виду сильно подвинувшихся работ противника на всех фронтах, картина всегда могла неожиданно измениться.

Верховное командование должно было считаться с вероятностью распространения неприятельского наступления на фронт кронпринца Рупрехта, в особенности между Аррасом и р. Анкр, и на 9-ю армию, но в то же время оно не должно было забывать и других фронтов. Дивизиям, лишь в конце июля и начале августа вышедшим на отдых из боев 7-й и 1-й армии, не могло быть предоставлено значительной передышки. Часть из них уже теперь пришлось поставить в тылу фронта Рупрехта, что, конечно, существенно нарушало интересы этих частей. Такие многочисленные переброски ложились тяжелым бременем на железнодорожный транспорт на западе.

21-го августа англичане атаковали южнее Арраса, между Буале и р. Анкр. С этого начались бои на фронте кронпринца Рупрехта,

которые почти без перерыва затянулись до конца войны, и потребовали величайшего напряжения от штаба и армий этого фронта.

17-я армия своевременно уклонилась; натиск англичан на новые позиции потерпел неудачу. 22-го августа 17-я армия, с согласия вер-

ховного командования, произвела широко задуманный контр-удар. Он имел успех, но было бы лучше, если бы мы обошлись без него. Вслед за тем фронт английского наступления расширился на юг. Ожесточенные бои шли по обоим берегам Соммы, с центром тяжести между Альбером и Брей. Австралийцы не имели никакого успеха. Два пер-

вых боевых дня протекли для нас благоприятно. Я начинал надеяться, что, по крайней мере, здесь военное счастье вновь улыбнется нам. Но в ближайшие же дни англичане, при участии незначительного количества свежих сил, в очень упорных боях продвинулись в направлении на Бапом. Характерными для этих боев являются узкие и глубокие прорывы неприятельских танков, которые производились после короткой, но исключительно сильной артиллерийской подготовки, с устройством туманных завес. Массовое применение танков и искусственного тумана и в дальнейшем являлись нашими опаснейшими врагами. Представляемая ими угроза возрастала по мере того, как все больше падал дух наших войск, и наши дивизии слабели и становились утомленными. Глубина прорыва очень скоро выяснялась, но о его ширине часто не имелось точных сведений. Правильно направленный контр-удар резервов большей частью замыкал прорывы. Опасность заключалась в том, что местное командование слишком поспешно и недостаточно дружно расходовало имевшиеся войска.

При дальнейшем развитии наступления, противнику удалось ударом с севера оттеснить нас от р. Анкр. Расположенная на данном участке прусская дивизия всегда имела неважную репутацию, почему и была размещена за рекой; несмотря на это, она совсем сплоховала и внесла беспорядок в наш фронт. Боевые условия на изрытом воронками пространстве поля сражения на Сомме восточнее Альбера еще осложнялись плохими железнодорожными сообщениями, вследствие чего туда лишь с трудом могли доставляться резервы. К 25 августа обстановка здесь особенно обострилась, и можно было быть уверенным, что неприятель продолжит тут наступление.

Южнее Соммы, вдоль дороги на Перонь, происходили лишь частичные атаки. Неприятель беспрерывно атаковал 18-ю армию, но она блестяще удерживалась. В связи с ходом событий восточнее р. Уазы, левое крыло 18-й армии отошло ближе к Нуайону. Командующий 18-й армией генерал фон-Гутье действовал исключительно спокойно, и ему прекрасно помогал начальник его штаба подполковник Бюркнер.

Большой французский натиск между Уазой и Эном начался 20-го августа. Уже 17-го французы отбросили наше боевое охранение с передового поля на главную оборонительную линию. Как потом я узнал, при этом французам было оказано больше сопротивления, чем требовалось; боеспособность отдельных дивизий пострадала значительнее, чем я думал.

20-го августа атака разыгралась точно так, как мы предполагали, Но ударные дивизии у Кют не произвели контр-атаки. Здесь был проведен глубокий прорыв, представлявший большие неудобства для расположенных там войск, имевших в тылу р. Уазу. Противник прорвался также в направлении на Нуврон, но хорошая германская егерская дивизия вновь его отбросила—правда не совсем. Прочие

части главной линии сопротивления между обоими прорывами также не остались за нами в неприкосновенности. Обстановка сложилась так, что оставаться впереди р. Уазы и р. Элет казалось неблагоразумным. В виду этого, верховное командование должно было решиться в ночь на 21-е отвести правое крыло 9-й армии за р. Уазу, а в ночь на 22-е отойти центром за р. Элет, сохранив за собой район к северо-

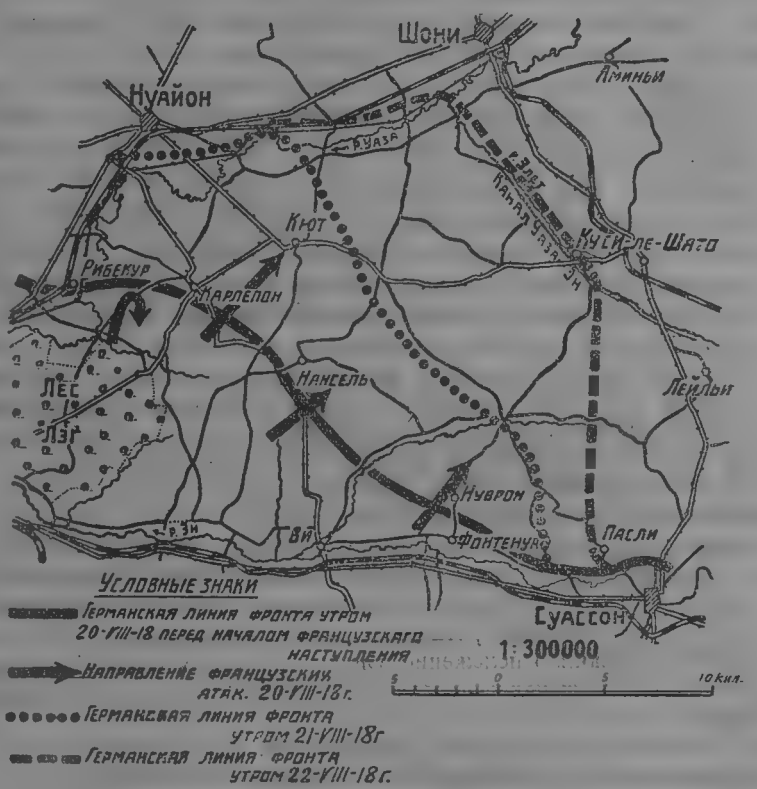


Схема 43. Оборонительное сражение между Уазой и Эном в августе 1918 г.

западу от Суассона. Несмотря на все старания и приготовления, сражение вновь закончилось неблагополучно. Нервы армии расшатались; войска уже не всегда выдерживали сильный артиллерийский огонь и натиск танков. Это вновь подвердилось. Мы опять понесли здесь тяжелые и невозместимые потери. 20-е августа тоже было траурным днем. Он прямо побуждал противника развивать далее наступление.

Я расчитывал, что неприятельские атаки продолжатся между Уазой и Эном в направлении на Лан. Направление удара представляло выгоды противнику, так как с его развитием нам было бы невозможно сохранить позицию 18-й армии севернее р. Уазы, а также и 7-й севернее р. Вель. Противник энергично напирал на линию Суассон—Шони, и здесь завязались упорные бои с переменным успехом. Чем они закончатся, еще нельзя было определить.

18-я армия, в состав которой поступили войска, отошедшие за р. Уазу, также находилась под угрозой удара с юга.

Вследствие обстоятельств, которые сложились восточнее Альбера и южнее р. Уазы, положение германских войск между Соммой и Уазой отнюдь не было обеспечено в той мере, как этого требовала общая обстановка. Ставить здесь что бы то ни было на карту являлось бы ошибкой. В виду этого фронты кронпринца Рупрехта и фон-Боена получили приказ отойти в последних числах августа на рекогносцированную позицию на линии восточнее Бапом—впереди Перонь—Сомма—впереди Гам—высоты севернее Нуайона. В виде ее тылового обеспечения, приводилась в порядок позиция Зигфрида. Фронт фон-Боена считал особенно важным удержаться на левом берегу Соммы впереди Перонь, так как это давало возможность фланкировать местность к северу от Перонь. Между Гам и Нуайоном положение фронта определялось каналом, который являлся хорошим препятствием для танков. Отход был произведен примерно в ночь с 26 на 27 августа.

В 17-й армии, которой предстояло лишь незначительно уклониться назад, и в 18-й армии движение прошло гладко и в хорошем порядке. На новых позициях неприятельский натиск был остановлен. Во 2-й армии дела обстояли иначе. Новый фронт северо-западнее Перонь не приобрел устойчивости. Дивизия, находившаяся юго-западнее города, уступила противнику левый берег Соммы, что, в свою очередь, усложнило положение войск на северном берегу. Отдельные дивизии опять сдавали; это вызвало большие потери других храбрых частей.

В течение этих событий, маршал Хег протянул свое наступление к северу до р. Скарпы, чтобы выйти в тыл позиции Зигфрида севернее линии Круазиль—Мевр. Для этого он должен был взять позицию Вотана, которая была создана в 1917 г. и тянулась с севера через Биаш-Сен-Васт на р. Скарпе—восточнее Монши—в направлении на Бюлькур.

Английское наступление началось 26-го августа вдоль дороги Аррас—Камбрэ.

Здесь войска сначала планомерно очистили передовые позиции. Первые бои протекли благоприятно. Затем английское наступление продвинулось к позиции Вотана. 2-го сентября сильный натиск танков преодолел все препятствия и окопы этой позиции, и таким обра-

зом проложил дорогу английской пехоте. Ровно в 2 часа дня генерал фон-Куль и начальник штаба 17-й армии подполковник фон-Павельсц сообщили мне, что уже нельзя расчитывать создать новый фронт впереди линий канала Арле—Мевр. Они испрашивали согласие верховного командования на отход 17-й армии за канал, с сохранением старых позиций севернее р. Скарпы. Мы не могли отрицать необходимости этого мероприятия. По соглашению с фронтом фон-Боена, и принимая во внимание обстановку на участке 2-й армии, мы должны были предпринять и следующий крупный шаг—отвести 2-ю и 8-ю армии на позицию Зигфрида. Правда, мы могли бы удержать левое крыло 18-й армии впереди позиции Зигфрида на канале Кроза, но это потребовало бы больше сил, чем оборона линии Сен-Кантен—Ла-Фер, перед фронтом которой лежала широкая долина р. Уазы. Верховное командованне отказалось от этой попытки, и отвело 18-ю армию полностью на позицию Зигфрида. В соответствии с этим отходом должны были передвинуться 9-я и даже правое крыло 7-й армии. Последнее оставило р. Вель и отошло за Эн, левое же крыло, начиная северовосточнее Фим, продолжало еще держаться на р. Вель.

Между тем 9-я армия находилась в тяжелом бою; в отдельные дни бои разростались в сражения огромной напряженности. Благодаря никогда не дававшей отказа предусмотрительности генерала фон-Карловица и начальника его штаба, подполковника Фаупеля, а также храбрости нескольких дивизий, в общих чертах 9-й армии удалось удержать свои позиции. Первая гвардейская пехотная дивизия, которой спокойно и уверенно командовал принц Эйтель-Фридрих, и испытанная гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия (спешенная) не хотели ничего знать о „танковых ужасах“ и дрались превосходно.

Мне было очень тяжело решиться отвести весь фронт от р. Скарпы до р. Вель. Но это давало сокращение фронта и экономию сил, что при наших исключительно больших потерях являлось плюсом, несмотря на то, что противник аналогично выигрывал. Условия жизни войск на позиции Зигфрида и восточнее улучшились, противник же должен был располагаться в опустошенном при отступлении в начале 1917 г. районе.

В ночь на 3-е сентября центр 17-й армии должен был отойти за канал Арле—Мевр. Прочие отступательные движения должны были быть произведены в один прием по ближайшим указаниям фронтов.

В целях экономии сил, 4-я и 6-я армии также произвели давно подготовленное очищение долины р. Лис.

Переговорив с начальниками штабов фронтов, верховное командование одновременно отдало приказ обследовать и укрепить позади обоих северных фронтов новую тыловую позицию, так называемую позицию Германа. Восточнее Брюгге она должна была примыкать

к голландской границе, затем тянуться к югу вдоль канала Секлоо до р. Лисс, вверх по течению последней до пункта восточнее Куртре, далее следовать по верхнему течению Шельды до пункта к юго-западу от Валансьена и, наконец, проходила южнее линии Сольм — Ле-Като—Гиз. Юго-западнее Марль позиция Германа смыкалась с позицией Гундинг-Брунгильда, которая была сооружена в 1917 г. и подходила к Эну приблизительно через Сиссон, и затем тянулась вверх по его течению. Продолжение системы обороны вверх по Эну составляли тыловые позиции фронта Гальвица, которые оканчивались у Паньи западнее Мозеля и включали позицию Сен-Миель, срезавшей Сен-Миельский выступ в равнине Вевра. Уже имевшиеся позиции мы должны были усилять в мере наличия рабочей силы.

Затем верховное командование обрекогносцировало вторую тыловую позицию западнее линии Антверпен—Брюссель—Намюр и далее вверх по течению Мааса (позиция Антверпен—Маас). В то же время приводились в готовность крепости в Эльзас-Лотарингии. Наконец, был отдан приказ, чтобы все неявлявшееся непосредственно необходимым военное имущество было вывезено из района к западу и к югу от позиции Герман — Гундинг-Брунгильда, а также подготовлять основательное разрушение железных и колесных дорог и каменно-угольных копей. Населенные пункты должны были подвергнуться той же участи лишь постолько, поскольку это вызывалось непосредственными тактическими требованиями.

Мы в широком масштабе приступили и к эвакуации в Германию; железнодорожная сеть оказалась для этой цели мало удовлетворительной. На севере, вследствие выступа голландской территории у Маастрихта, все линии вливались в Льежский узел; наши работы у Визэ не смогли разгрузить движения в этом узле. Южнее важные железнодорожные линии сливались на участке Шарлевиль—Монмеди, который представлял особенно удобную цель для атак неприятельских летчиков.

Подвоз из Германии был уже сведен к минимуму.

С отходом фронта на позицию Зигфрида, Авен уже не являлся подходящим пунктом для верховного командования, в виду чего мы возвратились в Спа, из которого в марте выезжали с такой верой в будущее и со столькими надеждами.

Наши силы были напряжены, но такое же напряжение требовалось и от противника, и на многих участках он атаковал все теми же дивизиями. Неприятель также, вероятно, понес потери, но он наступал, а мы, как и в 1917 г., все лишь давали барабанить по себе. Одновременно повторились и картины 1917 года; наши войска дрались лучше при наступлении, чем при обороне. По числу дивизий соотношение сил в начале сентября было благоприятнее для нас, чем в предыдущем году, но часть наших дивизий была очень слаба.

Нам пришлось переформировать наши батальоны с четырехротного в трехротный состав; добавочная пулеметная рота при каждом батальоне была сохранена. Необходимый для четырех рот обоз уже больше не отвечал наличному составу людей. Каждому батальону уже не нужно было четырех походных кухонь; двух или трех было вполне достаточно. Вследствие расформирования некоторой части наших дивизий и в виду появления на фронте дальнейших американских частей, соотношение сил для нас должно было в дальнейшем все больше ухудшаться.

Халупничество на фронте росло; халупниками приспособлялось много возвратившихся с родины отпускных. Возвращающиеся из отпуска все чаще запаздывали, и боевой фронт занимался все реже.

Военное министерство, наконец решило привлечь к отбыванию воинской повинности большое количество опротестованных. Результат этого мероприятия мог сказаться лишь по истечении некоторого времени. Какой внесут дух опротестованные—также было неизвестно. Из восточных дивизий мы уже давно извлекли все, что можно было использовать для боевых дивизий на западе. В это время наше положение на востоке улучшилось. Советское правительство заплатило первую и вскоре вслед за тем вторую часть возмещения военных издержек, на которое обязалась Россия; установились сношения с донскими казаками. Вследствие этого у нас освободилось еще несколько дивизий, но они представляли ничтожную боевую ценность, так как состояли из призывных старших сроков и не были подготовлены к требованиям западного фронта. В случае, если усилия правительства заключить мир остались бы безрезультатными, и война затянулась еще на следующую зиму и лето, то вывоз из Украины являлся для Австрии и для нас вопросом жизни. Заграждение, направленное против большевизма, сохраняло свое прежнее значение, и точно также нам было необходимо продолжать препятствовать Антанте создать новый фронт на востоке. В виду этого, в Финляндии были оставлены три германских спешенных кавалерийских полка и несколько орудий под командой генерала графа фон-дер-Гольца, и они оттуда зорко следили за Мурманской железной дорогой и за вратами Петрограда. Мы продолжали выполнять план, направленный против английского гарнизона в Баку.

Австро-Венгрия могла еще освободить одну или две дивизии для западного фронта.

Все это представляло незначительное численное возмещение для наших сил на западе—мы уже умолчим о моральных качествах этих подкреплений, по сравнению с возраставшими силами противника, и все большей уверенностью в победе, которую он приобретал. Было совершенно ясно, что печальные явления в германских вой-

ских не исчезнут, а наоборот участятся; вследствие постоянных отступлений и под разлагающим влиянием родины.

Верховному командованию было очень трудно подкрепить новыми силами фронты кронпринца Рупрехта и фон-Боена. Эта задача разрешалась бы легче, если бы верховное командование, начиная с 7-й армии в конце июля, а затем и из остальных вступивших в бой армий, главным образом, из второй, не считаясь ни с чем, выводило с фронта дивизии уже отработавшие или понесшие поражения.

В виду серьезности обстановки, верховное командование уже больше не надеялось сделать противника более склонным к миру посредством сбрасывания бомб над Лондоном и Парижем. В виду этого, оно не дало разрешения на использование бомб с особенно сильным зажигательным действием, которые были изготовлены к концу августа в необходимом количестве, и специально предназначались для обеих столиц. Ожидаемые от них крупные разрушения уже не смогли бы повлиять на общее развитие войны, а разрушение, только для разрушения, мы никогда не допускали. Граф Гертлинг также просил верховное командование не применять этих новых зажигательных бомб, в виду вероятных контр-мер неприятеля против наших городов. Но, принимая решение, я все же руководствовался лишь соображениями, основанными на военном положении.

Мы продолжали сбрасывать над Лондоном и Парижем бомбы другого образца, чтобы связать там вдали от фронта неприятельские оборонительные средства, и чтобы войскам не бросалось в глаза наше ослабление. Но я и в этом отношении больше не производил нажима. Еще несколько раз Париж слегка был бомбардирован, Лондон же; вследствие неблагоприятной погоды в данное время года, остался вне нашей досягаемости.

Я постоянно в высшей степени был озабочен духом и настроением армии и родины. Когда в августе военный министр посетил нас в Авене, я представил ему строевых офицеров, которые должны были, наконец, убедить его в дурном влиянии родины на дисциплину. Военный министр и прочие руководящие лица военного министерства постоянно оспаривали этот факт и не желали признать его в его полном объеме. Этот визит министра опять-таки остался бесплодным, несмотря на мои настойчивые к нему обращения.

Внутри страны наши попытки организовать пропаганду и просветить сознание германского народа не вышли за пределы первых начинаний. После моих двух-летних начинаний, в августе 1918 года имперский канцлер, наконец, решился создать центральное управление по внутреннему и заграничному обслуживанию прессы и пропаганды. Но оно не было приравнено к имперским министерствам, а было, в виде несчастного придатка, присоединено к министерству иностранных дел, и не получило никакого авторитета. Я должен был

довольствоваться достигнутым, так как нельзя было добиться ничего другого. Все мои много раз повторенные письменные и устные доклады и ходатайства перед имперским правительством о создании должности министра пропаганды остались без результата. Только министр или статс-секретарь, который бы охватывал общее военное, политическое и экономическое положение, был бы в состоянии руководить таким сильным боевым средством, как пропаганда, в соответствии с требованиями войны и момента. Он один мог бы решить, когда, где и каким путем предавать гласности данные государственного значения. Он должен был бы действовать по заранее и точно составленному плану. Полковник Гефтен, работа которого имела руководящее значение в новом управлении пропаганды, напрягал все свои силы, чтобы чего-нибудь достигнуть. Статс-секретарь Зольф произнес подготовленную полковником Гефтеном и очень важную речь. Но имперский канцлер, в день своего рождения в начале сентября, сказал что-то очень туманное. Вице-канцлер, также говорил речи, но он не находил тех слов, которые произнес Клемансо, когда германские войска стояли в 80-ти километрах от Парижа. Когда полковнику Гефтену пришлось столкнуться с новым имперским канцлером, принцем Максом Баденским, то в области пропаганды вся работа уже стала, хотя под гнетом событий она являлась особенно необходимой.

III.

Условия на западном фронте были в высшей степени напряженные. С середины августа, когда мы впервые заявили о необходимости стать на путь переговоров о мире, обстановка еще обострилась. У нас еще имелись основания расчитывать, что удастся сохранить положение; наш фланг и тыл на итальянском и македонском фронте были обеспечены. Но возможности изменить обстановку в сторону победы у нас уже не было. 3 сентября мы дали в этом смысле ответ на вопрос имперского канцлера. Запрос был пред'явлен представителем имперского канцлера при верховном командовании, графом Лимбург-Штирум; мы его предварительно ориентировали о нашем намерении отойти на позицию Зигфрида. Граф Лимбург-Штирум постоянно ставился в известность о всех событиях. Сам по себе запрос представлялся мне удивительным, так как имперский канцлер несомненно должен был быть в курсе нашего положения, начиная с 13 августа. Об'яснение заключалось в том, что граф Лимбург-Штирум не был в курсе переговоров 13 и 14 августа.

Верховное командование не имело никаких сведений от статс-секретаря фон-Гинтце, и мы не знали, что он должен в начале сентября отправиться в Вену, чтобы переговорить по вопросу о мире с графом Бурианом. Я считал крайне необходимым новое совещание

по этому поводу с статс-секретарем фон-Гинтце и имперским канцлером. Оно должно было состояться в первых числах сентября, сразу после нашего возвращения в Спа. Статс-секретарь фон-Гинтце изъявил свое согласие приехать немедленно, по возвращении из Вены. От вызова имперского канцлера отказались, из уважения к его преклонному возрасту.

Совещание со статс-секретарем фон-Гинтце в Спа состоялось 10 сентября. Он сообщил только, что граф Буриан намеревается обратиться с нотой ко всем воюющим державам и просить их высказаться относительно мира. Одновременно он добавил, что, по полученным им в Вене данным, австро-венгерская армия додержится только до зимы, так как жажда мира в Австро-Венгрии сильно растет. Относительно его личных попыток добиться мира, статс-секретарь фон-Гинтце заявил, что он твердо надеется на посредничество Нидерландской королевы, но на чем, собственно говоря, основывал он свои надежды, я из его слов заключить не мог. От циркулярного обращения графа Буриана он не ожидал никаких результатов и опасался даже, что оно может повредить посредничеству Нидерландской королевы. Он считал предпочтительным сделать определенный шаг, каковой он замыслил в Гааге. Я мог только примкнуть к этому мнению; прием графа Буриана был слишком расплывчат. В этот день я в первый раз осведомился о его планах.

Правда, по его ходатайству, император Карл, через генерала фон-Крамона, поставил генерал-фельдмаршалу определенные вопросы о наших стратегических планах и о нашем мнении относительно возможного шага к заключению мира. Генерал фон-Крамон просил меня лично по телефону дать возможно точный ответ, так как император Карл очень настаивает на нем. В своем ответе мне, конечно, приходилось быть сдержанным, так как пармские письма императора Карла показали, что между Веной и Францией существуют связующие нити. Ответ гласил, что германские войска останутся на западном фронте на занимаемой в настоящее время линии, и в особенности будут отстаивать позицию Зигфрида, и что мы высказываемся, чтобы шаг к миру был сделан немедленно, и лишь возражаем против приема, намеченного графом Бурианом. Я набросал этот ответ, и затем, до отправления, обсудил его с статс-секретарем фон-Гинтце.

Статс-секретарь фон-Гинтце надлежащим образом ставился в известность о военном положении. Он телеграфировал в министерство иностранных дел, как результат совещания в Спа от 11 сентября, что его величество и верховное командование согласны на немедленное обращение к королеве Нидерландской, и что надлежит заручиться на это согласием и участием союзных держав.

14 сентября нота графа Буриана была опубликована. Австро-Венгрия не отказалась от своего выступления в пользу намеченного

нами шага к миру. Считало ли австро-венгерское правительство наши планы лежащими в слишком большом отдалении, или побудили его к такому образу действий какие либо особые соображения, я не знаю. Император Карл заявил в об'яснительном письме его величеству, что телеграмма верховного командования убедила его спешно предпринять шаги к миру. Я сказал полковнику Гейе, что, может быть, все же хорошо, что выступление графа Буриана имело место. Я также держался мнения, что мы не должны отрекаться от предпринятого графом Бурианом шага.

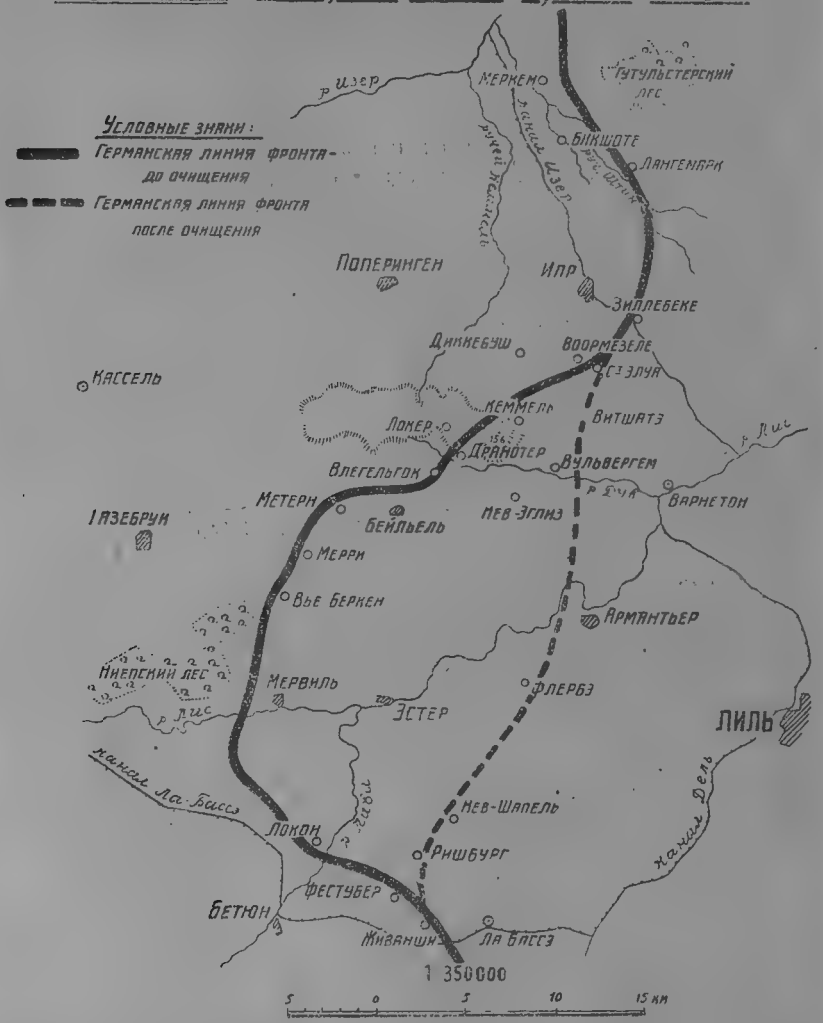
Я не могу разделить взглядов дипломатии, что предпринятый графом Бурианом шаг к миру сделал невозможным посредничество Нидерландской королевы. Он затруднил его, но ни в коем случае не исключил. Прежде всего я не могу найти основания, почему мы не обратились к посредничеству Нидерландов до опубликования ноты графа Буриана; время для этого у нас было. Я не думаю, чтобы статс-секретарь фон-Гинтце действительно серьезно обращался по этому поводу к голландскому посланнику в Берлине.

В эти дни я почти не занимался военно-политическими вопросами. Статс-секретарь фон-Гинтце говорил с верховным командованием о польских делах, в соответствии с указаниями, данными ему имперским канцлером. В моем ответе я счел своим долгом высказать мое мнение. 28 августа, на основании беседы с одним из берлинских поляков, статс-секретарь фон-Гинтце сделал нам предложение о целесообразном решении польского вопроса и урегулировании к нему наших отношений. В частности, он хотел обещать Польше Вильну, так как она постоянно представляла бы постороннее тело в Литовском государстве. Во всяком случае, Польша должна была взять на себя известное обязательство и непременно заключить желательную нам военную конвенцию.

В своем ответе статс-секретарю от 30 августа, верховное командование присоединилось к его мнению, и в связи с этим указало ему на отдельные пункты, которые рассматривались на прежних совещаниях и могли быть ему неизвестны. Так, например, в интересах нашей экономической и военной политики, мы подчеркнули необходимость установления железнодорожного союза с Польшей и обеспечения сообщения с Россией через Польшу. Я также считал безусловно необходимым теснее связать Польшу, так как не мог преодолеть своего недоверия к этому государству. Вильна раньше была обещана имперским канцлером литовцам. В виду этого надо было, естественно, опасаться, что передача Вильны Польше будет истолкована в Литве, как нарушение нашего слова. Задачей министерства иностранных дел являлось предотвратить связанные с этим невыгоды. Я держался относительно уменьшенной таким образом Литвы своей прежней точки зрения и обращал внимание на необходимость соеди-

нить ее, как самостоятельное государство, с Германией или Пруссией посредством личной унии. Вырванное из всякой последовательности, это мое письмо было использовано в рейхстаге для нападения на

Схема 44. Очищение изгиба у р. Лис 1918 г.



меня, как доказательство неясности моего политического мышления. История происхождения этого письма очень проста. Неясно только, каким образом оно распространилось из министерства иностранных дел.

Цели следует преследовать до последней возможности, лишь поскольку это не вызывает более крупных невыгод. В данном случае этого можно было не опасаться. Политика министерства иностранных дел покоилась на здоровом основании, и моя точка зрения была правильна.

Исходя из того же хода мыслей, мы еще в это время высказались за создание Балтики и за решение вопроса о короле Финляндии в духе пожеланий этой страны.

Мы также обсуждали со статс-секретарем фон-Гинтце обстановку, сложившуюся в Румынии. Явное военное превосходство Антанты оказывало сильное воздействие на правительство, находившееся в Яссах всецело под влиянием посланников Антанты. Его отношение к нам принимали все более оппозиционный характер. Непрочность Бухарестского мира теперь давала себя знать. Верховное командование, в согласии со статс-секретарем фон-Гинтце, очень серьезно обдумывало необходимость нового развертывания сил против Румынии, и наметило для него войска, которые предназначались к переброске с востока на запад. Генерал фон-Арц обещал свое содействие, если последует на то согласие императора Карла. Но последний, несмотря на военную необходимость, отказался от производства особого нажима на Румынию. Войска сохранили свое первоначальное назначение, но в результате попали в Сербию. Впоследствии австро-венгерское правительство само предложило вооруженное воздействие против Румынии, но было уже поздно.

Адмирал фон-Гольцендорф расстался со своей должностью; у него развилась сильная болезнь сердца. Начальником морского штаба был назначен адмирал Шеер. Он был исключительно светлой и решительной личностью. При первой же возможности я вступил с ним в контакт в Спа и обсудил положение на западном фронте и вопрос о подводной войне. Надо было предвидеть момент, когда явится необходимость очистить опорный пункт подводного флота в Брюгге. Адмирал Шеер не предполагал, что это окажет решающее влияние на действие подводной войны, так как в настоящее время подводные лодки из Фландрии уже огибали северную конечность Шотландии и больше не входили в канал. Само собой разумеется, что скопление подводных лодок на германском побережье являлось, по мнению адмирала, нежелательным.

Далее адмирал Шеер считал возможным расширить постройку подводных лодок и повысить их действительность. Он просил моего содействия, чтобы развить строительство подводных лодок. Адмирал Шеер говорил о значительном увеличении числа рабочих, которые ему было необходимо для расширения постройки подводных лодок. Я заявил ему, что в настоящий момент верховное командование не может предоставить ему рабочие руки, и согласился лишь откоман-

дировать несколько инженеров и техников; речь шла только о единичных лицах. Эти переговоры затянулись до середины октября. К этому времени положение стало исключительно серьезным, но несмотря на это я отдал приказ их откомандировать. Верховное командование не могло бросить меч, пока он не был еще выбит из его рук. Мы черезчур рано отказались и от преследования ясных и понятных политических целей и затем столь же преждевременно отказались от всякого усилия в вопросе о вооружении. Несмотря на все чрезвычайно тяжелые впечатления, я всетаки еще не превратился в человека, который до времени складывает оружие, и держался того мнения, что чем сильнее мы будем, тем в более благоприятных условиях предстанем мы на мирных переговорах.

Я произвел изменение в моем штабе, а именно я назначил полковника Гейэ своим старшим помощником, и он об'единил различные отрасли, которые до сих пор находились непосредственно в моем ведении. Он принимал их доклады, разрешение же важнейших вопросов я оставил за собой. Та работа, которую я вынес за эти годы, не могла пройти бесследно ни для одного человека. Меня призвали в верховное командование не для того, чтобы заключать мир, а чтобы выиграть войну, и я ни о чем другом, кроме этого, не думал. Я хотел подобно Клемансо и Ллойд-Джоржу призвать к этой задаче весь народ, но я не был диктатором, как об этом охотно постоянно твердят наперекор истине. Ллойд-Джорж и Клемансо распоряжались суверенными парламентами стран, так как это были „их парламенты". В то же время они находились во главе всей административной, т.-е. исполнительной власти. Я же, наоборот, не имел никакой, основанной на конституции, возможности непосредственно воздействовать на государственную власть в Германии, чтобы обеспечить проведение моих идей относительно требований, пред'являемых войной, и часто не встречал у соответственных инстанций необходимого понимания и энергии. Так как мира нельзя было достигнуть, то я попытался успешно закончить войну, что единственно могло нас спасти от той судьбы, с которой связаны наши сегодняшние страдания. Теперь я понял, что этот успешный конец недостижим, и видел, как надвигается несчастье, предотвращению которого я посвятил свою жизнь.

IV.

Пока все это происходило в Спа, фронты кронпринца Рупрехта, фон-Боена и кронпринца германского выполняли отход от Кеммеля и из долины р. Лис за канал Арлё—Мевр, на позицию Зигфрида и на р. Вель. Движения прошли гладко, и около 7-го сентября закончились даже в 18-й армии, которая совершала самый длинный путь.

Армии не повсеместно отошли в германские окопы, а местами удержали еще участки старых неприятельских позиций. Противник везде вплотную следовал за нами. Вскоре он возобновил свое наступление, которое устремилось с особой силой на левое крыло 17-й армии, на 2-ю и правое крыло 18-й на фронте от Мевра до Гольнона, и на левое крыло 9-й армии и крайний правый фланг 7-й между р. Элет и Эном. Здесь произошли ожесточенные бои, но фронт пришел в порядок, и лишь во второй армии постоянно проявлялась известная слабость. 18 и 19 сентября особенно сильные атаки обрушились на фронт Мевр—Гольнон; неприятель оттеснил на несколько километров левое крыло 2-й армии севернее Сен-Кантена к каналу Шельда-Уаза, вследствие чего и 18-й армии пришлось соответственно отвести назад свой крайний правый фланг. На остальном протяжении позиции удалось удержать; до 25 и 26 сентября продолжались упорные бои местного значения. Французы расширили свои атаки далее в направлении на Сен-Кантен. Само собой разумеется, что эти дни обусловили новый расход сил наших армий.

В середине сентября 9-я армия была из'ята из фронта Боена и передана в состав фронта кронпринца германского. В 9-й армии и на правом крыле 7-й шли беспрерывные бои. Фронт вводил здесь подкрепления из состава своих армий. Особое напряжение господствовало на участке по обе стороны Реймса, а начиная с 22 числа и по обе стороны Аргон, где 26-го загорелось новое большое сражение.

В тылу двух северных фронтов было приступлено к укреплению позиции Германа. В тылу фронта кронпринца германского также прилежно работали над укреплением позиций.

Работы по эвакуации тылового района от побережья до Мааса развивались; их ход часто нарушался весьма действительными воздушными неприятельскими атаками. Из этого района предстояло вывести огромное количество материалов, отказаться от которого было невозможно, учитывая требования дальнейшего ведения войны. Многие учреждения вели неправильную политику в отношении запасов, за что теперь приходилось платиться.

Перед фронтом фон-Гальвица, между Сен-Миелем и Мозелем, оживленное движение обнаружилось уже в конце августа; являлась вероятность американской атаки на этом участке. Верховное командование выдвинуло туда резервы; с начальниками штабов фронта и начальником штаба армейской группы С, участок которой угрожался атакой, я обсудил вопрос об очищении выступа, что уже давно было планомерно подготовлено. Несмотря на мои предупреждения, местное начальство чувствовало себя уверенным. Имея в виду расположенные за этим участком промышленные центры, верховное командование, к сожалению, отдало приказ об очищении выступа лишь 8 сентября. Весь южный участок армейской части С должен был

одновременно сразу оторваться от противника, подобно тому, как это в середине августа сделала 17-я армия. На передовых позициях должно было остаться лишь сторожевое охранение.

12 сентября последовала атака между р. Рюпт и Мозелем, и сопровождалась второстепенной атакой против северной оконечности изгиба на высотах у Комбра. Наши работы по эвакуации к этому времени еще не сильно подвинулись вперед; противник на обоих участках вторгся в наше расположение; одна из прусских дивизий на южной части фронта была прорвана. Резервы находились на недостаточно близком расстоянии, чтобы иметь возможность немедленно заполнить брешь. Высоты у Комбра занимала австро-венгерская дивизия, которая также могла бы лучше драться. Штаб армии уже в полдень отдал приказ об очищении выступа. Я был недоволен собой, а также и местным начальством. Первые полученные мной донесения гласили, что дальнейшее отступление происходит успешно. Это было вероятно, так как противник не производил нового нажима. На этом основании я проредактировал сообщение ставки, которое, как впоследствии выяснилось, было слишком оптимистично.

Дававшиеся мною официальные сообщения подверглись упреку в неточности. Но они всегда были беспристрастными и составлялись так, как это диктовала нам совесть по отношению к армии, германскому народу и к нашим союзникам. Вечерние донесения лишь вкратце излагали события дня. Дневные сообщения ставки основывались на донесениях, которые имелись у верховного командования до того момента, когда я его подписывал, что обыкновенно происходило в 10 ч. 30 м. утра. Я составлял сообщение преимущественно для армий. Каждый солдат имеет право на то, чтобы было упомянуто о том, что он сделал и перетерпел. И офицеры и солдаты войсковых частей гордились, если в сообщении ставки упоминалось об их действиях: оглашение подвига перед лицом всего мира заключало в себе элемент воодушевления. Для ведения войны это являлось существенным импульсом и создавало важный, толкающий на подвиг психологический момент. На родине также по праву гордились официальным признанием подвигов своих сынов. Каждое слово сообщения ставки тщательно взвешивалось. Крупные события излагались подробно, из мелких боевых действий могло упоминаться лишь самое важное. В спокойные моменты часто встречались такие сообщения: „ничего примечательного“, или „важных событий нет“; для сведущих лиц это означало, что на всех участках растянутого фронта германские мужи и днем и ночью преданно и самоотверженно выполняли свой тяжелый долг перед отечеством. Конечно, в моменты напряжения я бы предпочел лапидарный стиль подробному изложению; к их числу относятся и события, которые явились поводом к этим замечаниям. Но такое сообщение о фландрской

битве, как: „Лангемарк удержан, или потерян“ никого бы не удовлетворило.

Об утрате территории, если она оказывала влияние на очертание фронта, упоминалось, но лишь тогда, когда эти данные уже не могли повредить находящимся в бою войскам. Но ни один человек, даже, к сожалению, столь об'ективно мыслящий немец, не мог ожидать от меня, чтобы я сообщал о числе захваченных противником у нас орудий и пленных. Германский народ не был столь силен,

СХЕМА 45. БОИ В ВЫСТУПЕ У СЕН МИЗЛЬ 1918.

как мне именно в те дни так часто твердили. Постоянное чтение сообщений неприятельских ставок уже приносило достаточно вреда. Недоверие к сообщениям верховного командования местами доходило до того, что для проверки их достоверности их сравнивали с сообщениями неприятельских ставок. Это было чисто по-немецки.

Разве это не было крупной стратегической победой, когда, например, мы удержали в 1917 г. фландрский фронт, хотя бы мы терпели тактические неудачи и несли потери, как пленными, так и

материальной частью. Если я сообщал, что противник ворвался в район расположения нашей артиллерии, то отсюда естественно вытекало, что имелись потери пленными и орудиями. Разве этого было недостаточно? Или надо было глубже ворошить несчастье?

Верховное командование питало доверие к сознательности германского народа и поэтому допустило перепечатку сообщений неприятельских ставок. Впоследствии у меня создалось впечатление, что это было ошибкой. Противник вел у нас своими сообщениями форменную пропаганду и давил на наше настроение. Издать же дополнительное воспрещение перепечатки неприятельских сообщений мне казалось еще более сомнительным. Франция очень хорошо знала, что делала, недопустив у себя перепечатки наших сообщений, хотя мы совершенно не пользовались ими, как орудием пропаганды.

О том, что при составлении сообщений ставки я был связан также впечатлением, которое они производили на союзников, я уже говорил. Это было очень важно в нашем положении, так как наши союзники возлагали все надежды только на нас.

Несомненно, однако, нужно присовокупить, что комментарии телеграфного агентства Вольфа к сообщениям ставки, составлявшиеся в Берлине и предназначавшиеся исключительно для нейтральных стран, редактировались неудачно. Когда я разобрался в вызываемых ими недоразумениях, то, хотя и несколько поздно, я сейчас же пресек эти комментарии.

В равнине р. Вевр, несмотря на болезненные потери, нам все таки удалось очистить выступ и занять позицию Михель. 13 сентября боевая деятельность начала уже замирать. По полученным мною данным, надо было расчитывать на продолжение атаки против позиции Михель.

После 22 сентября картина на фронте фон-Гальвица изменилась. Атака позиции Михель стала менее вероятной, но казалось, что в ближайшие дни борьба, повидимому, должна начаться по обе стороны Аргон.

Фронт герцога Альбрехта также мог считаться угрожаемым, но ожидание атаки здесь было больше обосновано на опасениях моих сотрудников, чем на имевшихся у нас данных. Я же, напротив, держался взгляда, что расширение фронта атаки на район между Реймсом и Маасом является более вероятным, чем удар в Лотарингии.

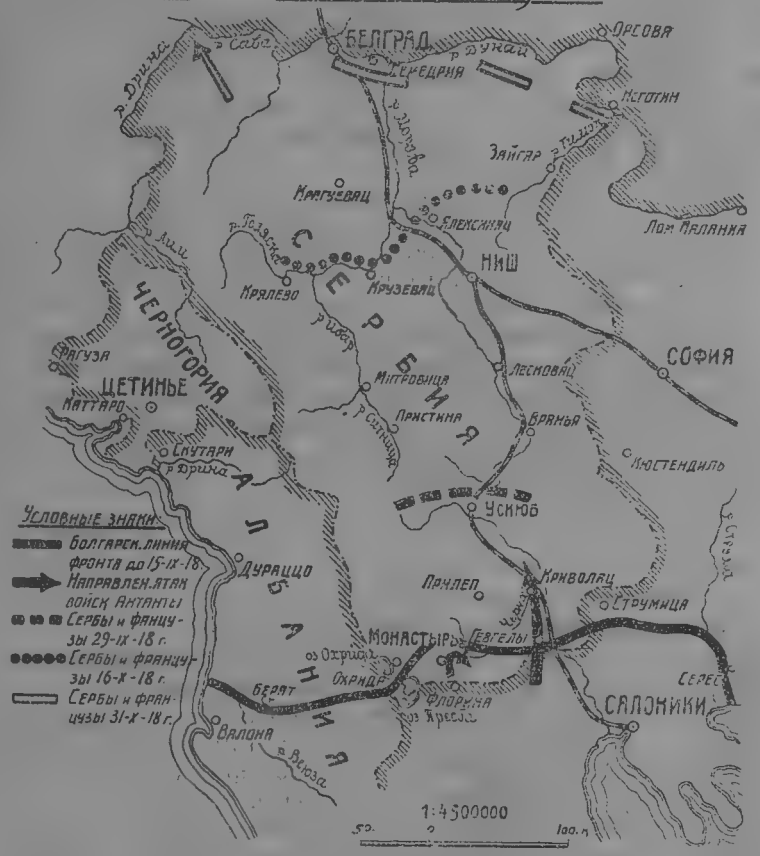
Войска были чрезвычайно истощены, наличный состав уменьшался, переутомление росло, и напряжение становилось все серьезнее, но фронт был в порядке, и лишь во 2-й армии местами все еще проявлялась известная неустойчивость.

Австро-венгерский фронт в Италии держался; пока что признаков наступления итальянцев не обнаруживалось.

Такова была обстановка, когда события в Болгарии вынудили верховное командование принять тяжелые решения.

15 сентября армии Антанты энергично атаковали в Македонии восточнее Вардара, а также в горах между Чарной и Вардаром, и с меньшими силами — у Монастыря. На обоих крыльях атаки

Схема 16. Разбал Болгарии.



не удались. Но в центре, где условия атаки представлялись наиболее трудными, расположенные там болгарские войска—2-я и 3-я дивизии—не оказали сопротивления, и просто покинули свои позиции. Только при таких обстоятельствах войска Антанты смогли так быстро продвинуться вперед в этом дико пересеченном горном районе, возвышенности которого надо отнести к разряду высоких гор;

этот район как будто был создан для обороны [1]). Генерал фон-Шольц намеревался своевременно подведенными резервами задержать болгар на второлинейной позиции, но вскоре ему пришлось разочароваться в своих надеждах: 2-я и 3-я болгарские дивизии без боя вполне планомерно отступали по двум направлениям—за Чарну и за Вардар, а болгарские резервы, равные по силам трем германским дивизиям, не вступили в бой. Германские войска, которые незадолго перед тем были усилены батальонами из Румынии, одни не могли закрыть образовавшегося прорыва. Спуск на север в долину Вардара, в направлении на Криволак, был открыт Антанте. Дальнейшие попытки организовать сопротивление также не удались. Болгарская армия направлялась домой. И лишь болгарские войска между озером Пресба и Чарной, которые непосредственно подчинялись германскому командованию, вначале держались лучше.

Уже 16, самое позднее 17 сентября, генерал Луков, который командовал войсками на Струме, телеграфировал царю, что он должен немедленно заключить перемирие. Он торопился как можно скорее официально порвать с нами и открыто броситься в об'ятия Антанты.

Вскоре после 15 сентября в мои руки попал секретный документ французского генерального штаба, из которого ясно вытекало, что французы уже не ожидают дальнейшего сопротивления со стороны болгарской армии. Пропаганда и деньги Антанты и представитель Соединенных Штатов в Софии, который там оставался, выполнили свое назначение. Антанта здесь также сделала обширную работу. Может быть сюда к тому же проникли большевистские течения из России. Царь и наш представитель в Софии ничего не заметили; зато генерал Джеков все предвидел; за несколько дней до начала сражения, которого можно было с уверенностью ожидать, он уехал в Вену, кажется, для клинического лечения уха.

Генерал фон-Шольц и германские штабы сделали все, что было в их силах. Везде, где командовали немцы, болгарская армия не распалась. Но на участке в высоких горах болгары отказались от установления германского командования. Зато они оставили здесь одного начальника дивизии, которого генерал фон-Шольц хотел удалить, так как имел основание ему не доверять; других же начальников в этом районе болгары многократно сменяли.

Теперь болгары утверждают, чтобы замаскировать свое отложение от нас, что они мне сообщали об образовании в их армиях солдатских советов, но это неправда. Столь же ложно утверждение, что мы не выполнили принятого на себя по договору обязательства—оста-

---

[1]) Наш опыт в Манчжурии в 1904 г., а равно опыт германцев в 1917 г. на итальянском фронте, казалось бы, заставляет отнестись скептически к оценке обороноспособности горных районов.

Примеч. ред

вить на болгарском фронте шесть германских дивизий. Этот договор относился исключительно к сербской кампании в 1915 году. Когда в августе 1916 г. я принял дела верховного командования, в Македонии находилось около одной германской дивизии. Соглашение утрачивало свою силу уже вследствие образования в 1916 г. в четверном союзе единого германского верховного командования. Последнее также свободно от нареканий, так как отношение сил обеих сторон на этом фронте приближалось к 1:2. У Антанты греческая армия не имела никакого боевого опыта, в то же время она не по внутреннему убеждению стала на сторону наших врагов. Болгарская армия долго отдыхала. Она имела возможность усилиться, и вместо требования нашей поддержки могла бы сама помогать нам на западе. Верховное командование знало, что болгарская армия больна, но все же ему казалось, что есть основание надеяться, что она выдержит предстоящую атаку, что и имело место там, где еще имелась воля продолжать драться. Правда, как и раньше, верховное командование и германское начальство в Болгарии расчитывали на местные неудачи, но никогда не ожидали полного рассеяния болгарской армии. Ходивший в Софии слух, что болгарская армия будет воевать лишь до 15 сентября, оказался подтвержденным самым печальным образом. Верховное командование не могло оказывать помощь при всяком крике о таковой. Оно должно было требовать, чтобы Болгария также что-нибудь делала, иначе нам ничто не могло бы помочь. Будем ли мы разбиты в Македонии или на западе, в конечном счете было безразлично. Мы не были в силах продолжать держаться хотя бы лишь на западе, и в то же время заменить на Балканах болгарский фронт германским. Это следовало бы сделать, если бы мы предполагали навсегда там утвердиться. Болгарское правительство ничего не сделало, чтобы поднять решимость воевать в народе и в армии, и укрепить в войсках дисциплину. Оно даже не оказывало помехи неприятельским влияниям и терпело травлю, которая велась против нас. Финал сотворили деньги Антанты, которыми были набиты карманы войск, возвращавшихся в Софию. В этом и ни в чем другом заключалась причина выхода Болгарии из четверного союза.

Никто не заблуждался относительно серьезности положения, создавшегося вследствие развала Болгарии.

На Турцию также обрушились большие испытания. Ее Палестинский фронт окончательно развалился. Германские офицеры и германские солдаты исполнили свой долг и в Палестине, и столь же геройски сражались на берегах Иордана, как и на других фронтах. Но наши силы были ограничены, и они могли поддерживать здесь турецкую армию также только известное время.

Англичане быстро продвигались вдоль железной дороги на Дамаск и к северу по побережью. Конечно, это еще не угрожало Кон-

стантинополю, но все таки сильно ослабляло сопротивляемость Турции. При преданности Энвера и Талаата даже это не могло явиться достаточным поводом для изменения Турцией своей позиции по отношению к Антанте. Но у последней освободилось много войск в Сирии, и теперь, вследствие отпадения Болгарии, Антанта могла в любой момент двинуться через Марицу и начать наступление на Константинополь, где у турок имелись лишь слабые силы. До сих пор охрану Константинополя несла болгарская армия, расположенная на Струме. Конечно, можно было еще подвезти подкрепления с Кавказа и даже может быть с Украины, но мы не могли широко организовать перевозку войск по Черному морю, так как у нас имелось здесь слишком ограниченное количество судов. Переброска войск все же началась немедленно. Несколько батальонов из Украины были в спешном порядке направлены на Константинополь. Но ничего решительного уже нельзя было достигнуть, и Константинополь должен был пасть, а падет ли он в ноябре или декабре, это для общего положения было безразлично. Надо было предвидеть, что тогда флот Антанты установить на Черном море сообщение с Румынией, а ее армии через Болгарию продвинутся на Дунай. Мы не могли расчитывать, что удастся заставить Румынию сохранить нейтралитет. Рано или поздно она, наверное, должна была выступить против нас.

Кроме того было совершенно ясно, что Антанта попытается освободить Сербию, и затем оттуда начнет наступление в Венгрию, а следовательно в двуединую монархию, чтобы нанести ей смертельный удар.

Наш фронт на Балканах пошатнулся; являлось вопросом, удастся ли нам создать новый фронт в Сербии и Болгарии, в крайнем случае на Дунае. Первоначально мы не могли точно выяснить обстановку в Софии, а также установить, распространилась ли деморализация на всю болгарскую армию. Сербские войска годами сражались вне пределов своей земли, и дали этим блестящий пример прекрасной любви к отечеству. Болгары могли бы сделать тоже самое. Ни одной пяди территории Старой Болгарии не было еще занято.

Если болгарская армия отпала, то Германии и Австро-Венгрии надо было посылать большие силы на Балканы.

В нашем положении надо было сделать все возможное, чтобы укрепить нашу позицию на Балканском полуострове, и тем самым воспрепятствовать Антанте нанести удар в Венгрию, во фланг Германии и Австрии. Мы перебросили одну германскую дивизию из Севастополя через Болгарию и Румынию в Софию. Генерал фон-Арц также отправил одну австро-венгерскую дивизию из Украины через Румынию в Сербию. В Сербию также были направлены три германские дивизии с восточного фронта, предназначавшиеся на запад, и уже находившиеся в пути к западному фронту. Кроме того, туда же были пере-

брошены две дивизии с итальянского театра войны, которые генерал фон-Арц предоставил в наше распоряжение для западного фронта. Наконец, верховное командование, несмотря на тяжелую борьбу на западе, послало в Сербию альпийский корпус, только что выведеный из боя. Он еще сохранил горное снаряжение, что было крайне необходимо для сербских гор. Таким образом, западный фронт был ослаблен на шесть—семь дивизий.

Одна германская дивизия должна была собраться в Софии, чтобы образовать опору для царя, а остальные имелось в виду сосредоточить у Ниша. В виду плохих условий, в которых приходилось совершать перевозки войск, окончания их едва ли можно было ожидать ранее середины октября.

Скоро стало ясно, что от Болгарии ждать больше нечего. Дивизия из Софии была подтянута к Нишу. Царь отрекся от престола и покинул страну. Правительство совершенно вступило в фарватер Антанты. Болгарская армия частью разошлась, а частью позволила себя обезоружить. С часу на час надо было ожидать, что болгары заключат перемирие, и таким образом целиком окажутся в руках Антанты. В германских войсках, сражавшихся среди болгарской армии, сохранился порядок; в то время, как войска Антанты неудержимо стремились вверх по Вардару на Ускюб, германские части, находившиеся западнее Ускюба, отошли в безукоризненном порядке на Митровицу, а восточнее — на Софию. Возможность образования нового фронта в Сербии находилась существенным образом в зависимости от боеспособности австро-венгерских войск.

Обстановка в Румынии оставалась в высшей степени неясной и напряженной. Верховное командование могло собрать там лишь слабые силы, в том числе германские войска с Кавказа.

На востоке большевики продолжали оставаться враждебными к нам. Наша политика не приобрела нам в Великороссии друзей, которые могли бы нам помочь.

Вопрос, удастся ли нам в Сербии и Румынии вновь обеспечить с фланга Австро-Венгрию и наш западный фронт, и сохраним ли мы нефтяные промыслы Румынии, оставался под большим сомнением.

В Италии надо было с уверенностью ожидать наступления, и как теперь там будут драться австро-венгерские войска, было совершенно неясно.

Условия борьбы могли в дальнейшем еще значительно ухудшиться. Трудно было лишь сказать, пойдет ли это ухудшение медленным или порывистым темпом. Представлялось вероятным, что финал наступит в ближайшее время; так в действительности и случилось на Балканском полуострове и на австро-венгерском фронте в Италии.

В этих условиях я чувствовал, что на мне лежит тяжелая ответственность—ускорять окончание войны и толкнуть правительство на решительные мероприятия. С 11 сентября верховное командование не имело никаких сведений о попытке завязать мирные переговоры через посредство королевы Нидерландской. Время с середины августа было потеряно совершенно бесплодно. Ноту графа Буриана замолчали. В виду стремления противника уничтожить нас, дипломатия оказалась поставленной перед невозможной задачей. Этот ход мыслей создался у меня не молниеносно, а постепенно нарастал с начала августа в страшной внутренней борьбе с самим собой; он заставил меня 26 сентября обратиться к статс-секретарю фон-Гинтце с просьбой прибыть в Спа.

V.

Тем временем обстановка в Берлине складывалась весьма неотрадно; борьба за власть вновь резко выступила на первый план. Атака, которую повел депутат Эрцбергер на графа фон-Гертлинга, представляла ее внешнее проявление и вызвало сильную бурю. Указания императора от 14 августа о придании деятельности правительства централизованного и решительного характера осуществлены не были. Я не имею полного представления о событиях того времени. Я не считал, что положение имперского канцлера серьезно пошатнулось; до сих пор, при его большом парламентарном опыте, ему всегда удавалось удержаться. Берлинские события заставили статс-секретаря фон-Гинтце отложить свой приезд на воскресенье 29 сентября. Через графа Лимбург-Штирум просьба прибыть в Спа была также передана имперскому канцлеру. На этот раз я на этом не настаивал, так как в начале сентября мне было указано иметь в виду преклонный возраст графа Гертлинга; однако, я был бы очень доволен, если бы имперский канцлер прибыл, так как мне самому было важно шире выяснить себе точку зрения на предстоящие мероприятия.

На западе опять возобновились сильные бои.

Восточнее Ипра Антанта произвела атаку и на старом фландрском поле сражения отбросила нас повсюду с передовых позиций, местами даже с главных позиций, прикрывавших расположение артиллерии. Мы были вынуждены отвести армию на тыловую позицию.

27 сентября противник сильным ударом в направлении на Камбрэ продвинулся за канал, хотя здесь оборона была организована наилучшим образом. Далее к югу до р. Вель нам удалось удержать наши позиции.

26 сентября крупные сражения начались в Шампани и на западном берегу Мааса. Французы и американцы, атакуя здесь, задавались широкими целями. К западу от Аргон мы остались господами

положения и блестяще отразили атаку. Между Аргонами и Маасом собралась большая армия американцев, которая и прорывала наш фронт. Вступление в войну Америки приобретало все более решающее значение. Нам удалось замкнуть прорыв; 27-го мы, в общем, сражались успешно, 28-го, за исключением планомерных отходов с целью выравнять наш фронт, мы удержали свои позиции.

На всем западном фронте опять шла большая борьба.

29-го и в последующие дни бои продолжались с обыкновенным напряжением. Особых данных для принятия внезапных решений не имелось. Для последующего это утверждение представляется мне равноценным с тем фактом, что с середины августа правительство не смогло чего-либо достичь в отношении приближения к миру. Меня это совершенно не удивляло. Должно ли было теперь верховное командование выжидать, пока на путь заключения мира выступять Турция или Австро-Венгрия, на которых решительные удары обрушивались в первую очередь? Это было бы несомненно удобно, но находилось в противоречии с моим пониманием ответственности. Неужели верховное командование, после своих многочисленных письменных докладов и настояний, могло еще надеяться, что правительство сумеет вызвать под'ем народных сил или сделает шаг к миру через посредничество Голландии? Имелись ли для последнего какие-либо шансы? Долг повелевал отказаться наконец от безнадежной потери времени и пустых слов. Надо было обратиться к противнику с предложением мира и перемирия. Этого требовало военное положение, ухудшение которого развивалось слишком явными шагами. Мы безусловно могли еще не сдаваться на благоусмотрение противника. Надо было прямо поставить противнику вопрос и заставить его говорить. Прозвучит ли его ответ тоном примирения или порабощения? Посколько я оценивал Клемансо и Ллойд Джорджа, надо было готовиться к худшему. Но Вильсон часто провозглашал свои условия необычайно торжественным образом. Он и Америка, представителем которой он являлся, повидимому связали себя с ними своей честью. Кроме того, в виду решающего для войны значения выступления Америки на французском театре борьбы, без которого Антанта уже давно была бы положена на обе лопатки, казалось возможным, что Вильсон сможет настоять перед Англией и Францией на своих условиях, с которыми он был теснейшим образом связан. Это надо было выяснить. Если бы этот взгляд на Вильсона подтвердился, то мы могли принять за основу переговоров его 14 пунктов, которые были суровы, но зато определенно формулированы. Если же в этом предстояло разочароваться, и противник собирался натянуть тетиву слишком туго, а военные вожди неприятеля решили отказать нам даже в том уважении, которого заслуживала наша мужественная борьба, то надо было продолжать далее войну, как бы бесконечно

тяжело это не было. Тогда, может быть, правительство и народ, усмотрев наконец, что стоит на карте для Германии, в этой борьбе поднялись бы на требуемую высоту героизма.

Исходя именно из этих соображений, я еще не отказывался от надежды на новый под'ем родины. Если противник ответит так же, как в январе 1917 г., то, при сколько-нибудь удачном руководстве, этот ответ должен был вызвать в народе настроение решимости и единства, что не могло бы не отразиться благоприятно на нашей духовной боеспособности. Не подлежало сомнению, что это немедленно бы сказалось в войсках и отразилось бы на всей нашей экономике, и к тому же тем действительнее, чем скорее это имело бы место. Если противник желал говорить с нами лишь языком войны, то тем самым он давал нам возможность вновь настроить наш военный инструмент, при помощи которого мы могли бы весьма внушительно ответить. Это не было утопией. Франция, Сербия и Бельгия выстрадали гораздо больше нас и все-таки держались. Я думал, что если район военных действий приблизится к Германской границе, то каждый солдат на фронте, который знает, что из себя представляет театр войны, поле сражения и даже этапный район, в душе почувствует необходимость защищать все то дорогое, чем для него является родина; и если война всей своей силой уничтожения и разрушения будет угрожать германской территории, то все 70 миллионов германского народа решительно, как один, поднимутся и могущественно развернут еще имеющуюся в них исполинскую силу. Сможет ли истекшая кровью и больше нас выстрадавшая Франция долго продержаться после очищения ее территории, также было под вопросом. Наше положение ни в коем случае не было таковым, чтобы оно могло оправдать капитуляцию перед германским народом и его будущим поколением; но в то же время, если только это было возможно, нам необходимо было вступить на путь к миру.

Я медленно подошел к этому тяжелому решению, и чувствовал только свой долг и внутреннее стремление действовать, независимо от того, что скажут люди, менее осведомленные о нашем военном положении. При всех крупных решениях, которые мне приходилось принимать во время мировой войны, я всегда действовал с полным сознанием своей ответственности. Но я также знал, что на меня будут клеветать, и что на меня свалят ответственность за все несчастья. Но личные огорчения не могли повлиять на мои решения.

28-го сентября в 6 часов вечера я пошел в комнату генерал-фельдмаршала, которая была расположена этажем ниже. Я изложил ему мои мысли о предложении заключить мир и установить перемирие. Хотя бы мы продолжали удерживаться на западном фронте, наше положение могло только продолжать портиться, вследствие событий на Балканах. Перед нами теперь стояла всего одна задача—

без промедления приступить к ясным и определенным действиям. Генерал-фельдмаршал слушал меня с большим вниманием и ответил, что вечером он намеревался сказать мне тоже самое; долго ломая себе голову над оценкой обстановки, он также пришел к выводу, что такой шаг необходим. Мы также сошлись во мнениях, что перемирие должно быть заключено на условии упорядоченного планомерного очищения нами оккупированных областей и возобновлении боевых действий на границе Германии. Первое представляло огромную военную уступку. Об очищении областей на востоке вопрос не поднимался, и я думаю, что в данном случае Антанта признала бы опасность большевизма, которая угрожала также и ей.

Мы расстались с генерал-фельдмаршалом, крепко пожав друг другу руку, как люди, которых любовь соединяет вплоть до гробовой доски, и которые держатся вместе не только в счастливые минуты, но и при самых тяжелых жизненных переживаниях. Наши имена были связаны с самыми крупными победами мировой войны. Теперь мы также сошлись в том, что нашим долгом является связать наши имена с предстоящим шагом, для избежания которого мы сделали все возможное на земле.

VI.

Беседа между генерал-фельдмаршалом и мной от 28-го сентября устанавливала общие основания для предстоящего совещания с статс-секретарем фон-Гинтце. Заседание состоялось 29-го в 10 часов утра в гостинице Британик; на нем присутствовал также полковник Гейе.

После кратких приветствий, статс-секретарь фон-Гинтце прямо перешел к изложению внутреннего положения, совершенно не касаясь внешней политики. Он считал, что положение графа фон-Гертлинга настолько пошатнулось, что он не мог дольше держаться; его собственное положение также стало по его мнению непрочным; при создавшихся внутренних условиях в Берлине предстояло полное изменение режима и образование парламентского министерства. Он говорил также о возможности революции. До этого момента я предполагал, что верховному командованию придется обсуждать дальнейшие шаги, которые оно считало необходимым предпринять с прежним имперским канцлером и с прежним статс-секретарем министерства иностранных дел. Смена лиц, занимающих эти посты, в этот момент во всех отношениях являлась невыгодной и должна была вызвать замешательство и промедление. При таких коренных переменах на некоторое время неизбежно теряется общая связь. Но какие бы решения ни были приняты его величеством, для верховного командования правительство оставалось правительством, независимо от произведенных в нем перемен и преобразований. Будущие руководители государства, вероятно, поймут ту ответственность, которую они возьмут

на себя, принимая власть в таких условиях. Долгом верховного командования являлось защищать свои взгляды перед новым правительством совершенно так же, как и перед старым, и заботиться о том, чтобы при смене правительства интересы армии не пострадали, если действительно представлялось возможным достигнуть перемирия на приемлемых условиях.

Несмотря на мои возражения, статс-секретарь фон-Гинтце считал преобразование всего нашего правительственного режима необходимым. Он не думал, что это преобразование вызовет большие затруднения; я же не мог углубиться в этот вопрос, так как был недостаточно в курсе берлинских событий.

Далее, статс-секретарь заявил, что они не обращались к посредничеству королевы Нидерландской, и что к дальнейшим шагам к миру еще не приступлено. Таким образом, ничего положительного сделано не было.

Тогда генерал-фельдмаршал и я изложили обстановку и наши взгляды на условия перемирия. Статс-секретарь фон-Гинтце также полагал, что самое правильное обратиться с ходатайством о перемирии и мире к президенту Вильсону. Швейцарский посланник в Вашингтоне вновь говорил германскому правительству о высоких идеалах Вильсона. Само собой разумеется, что такой окольный путь в Лондон и Париж, как через Вашингтон, должен был оттянуть перемирие, и что, избирая такой путь, нечего было и думать заключить перемирие через один или два дня; привести к нему он мог лишь через продолжительное время. Это также не противоречило мнению, которое генерал-фельдмаршал и я составили себе о положении. В виду этого мы согласились на предложение статс-секретаря фон-Гинтце, хотя и возбудили, в целях скорейшего осведомления, вопрос о том, чтобы отправить теперь же ноту, как Вильсону, так и в Англию и Францию.

После совещания мы немедленно поехали к его величеству, который прибыл из Касселя в Спа. Статс-секретарь фон-Гинтце сначала повторил свой доклад о внутренне-политических условиях, добавив к нему теперь соображения об обращении к президенту Вильсону по вопросу о заключении мира и перемирия. Затем генерал-фельдмаршал изложил обзор военного положения, который я лишь вкратце подтвердил. Император был необыкновенно спокоен. Он выразил свое согласие на обращение к Вильсону. Днем имперскому канцлеру прибывшему в это время, был передан составленный статс-секретарем фон-Гинтце высочайший манифест о введении в Германии парламентской системы. Верховное командование познакомилось с ним лишь после его оглашения. Имперский канцлер, граф Гертлинг, не считал себя в силах провести его в жизнь и вышел в отставку. В Берлине начались поиски нового парламентского имперского канцлера

Это являлось своеобразным приемом, при котором монарх лишался всякой инициативы.

На мой вопрос статс-секретарю фон-Гинтце, когда новое правительство будет образовано и войдет в свои полномочия, и к каковому времени нота может быть согласована с союзниками и отправлена, он указал мне на вторник 1 октября.

Первоначально я рассчитывал на эту дату.

По желанию статс-секретаря графа фон-Редерн, который также прибыл в Спа и должен был, как и вице-канцлер, вести переговоры с представителем парламента, еще 29 сентября вечером верховное командование командировало в Берлин майора барона фон-дем-Бушэ. Он должен был там, в случае, если имперскому правительству это покажется необходимым, дать рейхстагу отчет о военном положении.

По моей просьбе, генерал-фельдмаршал решил 30 сентября вечером отправиться вместе с его величеством в Берлин, чтобы лично представлять верховное командование в Берлине. Вследствие условий на фронте, к сожалению, я не мог отлучиться из Спа.

Еще 1 октября вечером майор барон фон-дем-Бушэ имел в присутствии вице-канцлера фон-Пайера краткий разговор с прибывшим тем временем в Берлин принцем Максом Баденским, которому он сделал те же заявления, которые на следующее утро он должен был огласить лидерам партий рейхстага. Те же мысли он развил вице-канцлеру фон-Пайеру в разговоре, происходившем с глазу на глаз.

Верховное командование отклонило предложение графа фон-Редерна, чтобы майор барон фон-дем-Бушэ высказался в палате господ. Мне казалось, что здесь имелось намерение воздействовать на внутреннюю политику Пруссии. Предполагалось непосредственным нажимом на палату господ заставить ее отказаться от занимаемой ею позиции в вопросе о конституции Пруссии.

2 октября в 9 часов утра вице-канцлер фон-Пайер представил майора барона фон-дем-Буше партийным лидерам рейхстага. Вице-канцлер фон-Пайер остался присутствовать. Майор барон фон-дем-Бушэ знал мои взгляды и мои намерения, и перед докладом даже их записал. Его доклад был чрезвычайно дельным. Он изложил военную обстановку на Балканах, создавшуюся вследствие отпадения Болгарии, и даже, может быть, осветил ее слишком оптимистически, а также представил верную картину положения западного фронта, при чем похвально отозвался о наших войсках. Как указывал наш долг, особенно подчеркнуто было чрезвычайно серьезное положение вопроса об укомплектовании и указано, что мы больше не в состоянии пополнять потерь. Численность батальонов уменьшилась до 540 человек, и этот состав батальонов удалось сохранить лишь це-

ною расформирования 22 дивизий, т.-е. 66 пехотных полков. Действия танков также были очерчены.

Майор барон фон-дем-Бушэ закончил следующим образом:

„Некоторое время мы еще можем продолжать войну, наносить противнику тяжелые потери и опустошать оставляемую нами территорию, но выиграть этим мы уже ничего не можем.

Это сознание и ход событий привели генерал-фельдмаршала и генерала Людендорфа к решению предложить его величеству прекратить войну, чтобы избежать дальнейших жертв со стороны германского народа и его союзников.

Великое германское наступление 15-го июля было немедленно приостановлено, как только выяснилось, что продолжение его находится в несоответствии с приносимыми жертвами; точно также и теперь, когда выяснилось, что продолжение войны является безнадежным, надлежит решиться ее прекратить. Для этого время еще не упущено. Германская армия еще достаточно сильна, чтобы удерживать противника в течение месяца, чтобы достигать местных успехов и требовать от Антанты новых жертв. Но каждый день приближает противника к его цели и уменьшает его склонность заключить приемлемый для нас мир.

В виду этого нельзя терять времени. Каждое 24 часа могут усугубить положение и шире открывают противнику глаза на нашу настоящую слабость.

Это могло бы повлиять самым нежелательным образом на шансы мира и на слагающуюся на войне обстановку.

Ни армия, ни родина ничем не должны проявлять своей слабости. Одновременно с предложением мира, на родине должен быть образован единый фронт, который бы свидетельствовал о непреклонной воле продолжать войну, если противник не согласится на мир, или захочет навязать мир, унизительный для Германии.

Если же случится последнее, то стойкость армии будет зависеть вполне от стойкости родины и от того духа, который будет передавать родина армии".

Майор барон фон-дем-Бушэ в своем докладе описал мою программу и мой образ мыслей не только депутатам рейхстага, но также новому правительству, которое должно было выйти из их рядов. Солдат, который в течение четырех лет ведет тяжелую борьбу, располагая недостаточными средствами, не восприимчив к опасности, но иначе рассуждает человек, которому неожиданно раскрывают глаза на все эти величайшие трудности.

Я в течение двух лет писал правительству о недостаточности пополнений. Закон о вспомогательной службе и мои старания изменить его в сторону все большего использования женского труда, а также мои настояния о преследовании на родине уклоняющихся и

дезертиров, были глубоко обоснованы не только программой Гинденбурга, но и недостатком людей на фронте. Все то, на чем я настаивал в целях поднятия духовной боеспособности германского народа, составляло чрезвычайно важные вопросы для ведения войны, и за разрешение которых имперский канцлер нес ответственность перед всем народом. Здесь все находилось в теснейшей связи: если бы настроение было твердым, то уклоняющиеся и дезертиры оставались бы на фронте, опротестованные охотнее бы освобождались на родине, недостаток в пополнении выступал бы менее ярко, и легко бы преодолевались моральные потрясения боя. Имперские канцлеры не обратились с этими мыслями к рейхстагу, являвшемуся представителем германского народа, хотя верховное командование настоятельно их об этом просило. Все это фактически, вероятно, было скрыто от рейхстага, равно как и мои взгляды на военное положение и на необходимость заключения мира, начиная с 8-го августа. В ином случае нельзя понять, как в Берлине образовалось противоположное представление о положении.

Я был поражен действием, которое произвел доклад майора барона фон-дем-Бушэ, и, по его возвращении, вторично спросил его, не говорил ли он иначе, чем мы предварительно условились. Он мне показал записку, которой он дословно придерживался в своей речи. Эта записка лежит передо мной, когда я пишу эти строки. Может быть воздействие на слушателей доклада майора фон-дем-Бушэ оказалось более сильным, вследствие глубокого впечатления, которое всегда оставляла его личность—этого я не знаю, это еще лежит в пределах человеческой логики. Майор фон-дем-Бушэ также обратил внимание на сильную расшатанность нервов у членов рейхстага.

Серьезные и достойные слова о причинах, обусловливающих наше несчастье, которыми он закончил свою речь, заглохли, не встретив отклика; я полагаю, что в виду сильного возбуждения, они вообще не были правильно поняты. Непростительным является то, что доклад майора фон-дем-Бушэ немедленно получил широкую огласку, и к тому же в таком виде, что он должен был чрезвычайно сильно повредить нам. Наши слабые стороны не могли быть более точно освещены нашим врагам, чем это имело место теперь.

Удивительно, каким образом старое правительство не предупредило майора фон-дем-Бушэ, что в числе слушателей находится один поляк. Правительство должно было бы знать, что все, что он услышит, он немедленно разгласит внутри страны и за границей.

Исходя из предположения, что новое правительство может быть составлено к 1-му октября, и будучи проникнут чувством долга по отношению к армии, я в течение 30-го сентября и 1-го октября в Спа вел переговоры с представителями имперского канцлера и министерством иностранных дел, а также, в согласии с генерал-фельдмарша-

лом, я передал майору фон-дем-Бушэ, чтобы он настойчиво требовал, чтобы нота была послана 1-го, в крайности утром 2-го октября.

Мною, главным образом, руководила мысль сохранить человеческие жизни, и убеждение, что чем скорее мы обратимся с предложением заключить перемирие, тем благоприятнее окажется наше положение к началу переговоров. В данный момент наше положение не было угрожающим, но через две или три недели для германской армии могло иметь решающее значение, будет ли перемирие заключено на 24 часа раньше или позднее, или получит ли она в тот же срок, если нам придется вести войну дальше, моральный под'ем с родины. В виду этого промедление составления кабинета за намеченный статс-секретарем фон-Гинтце срок являлось непростительным. По этому поводу я часто беседовал со своими сотрудниками, и действовал лишь стоя на этой точке зрения. В остальном мои взгляды определялись сказанным статс-секретарю фон-Гинтце и докладом майора барона фон-дем-Бушэ. Это являлось вполне цельным воззрением. Для меня совершенно непостижимо, каким образом создалось представление, будто бы я сказал, что: „если перемирие не будет заключено через 24 часа, то фронт развалится". Между совещанием в Спа от 29-го сентября и докладом майора барона фон-дем-Бушэ от 2-го октября, которые тождественны по высказанным взглядам, не произошло никаких событий на фронте, которые бы могли за этот промежуток времени изменить мои мнения.

Я несколько раз просил статс-секретаря фон-Гинтце, чтобы он, в целях обеспечения преемственности работы, поскольку против этого не встретит возражений новый имперский канцлер, оставался на своем посту, но эти усилия оказались тщетными. Чтобы ускорить назначение принца Макса, генеральный штаб подготовил в ночь с 1-го на 2-е октября прямой телефонный провод для облегчения императору сношений с великим герцогом Баденским. Я всегда в жизни держался взгляда, что раз тяжелое решение уже принято, то надо действовать. Нельзя было терять ни одного дня, уже не говоря о том, что нельзя было допустить, чтобы все осталось без последствий, как часто случалось с возбуждаемыми мной вопросами.

Я еще раз подчеркиваю, что в то время мы еще не находились в крайности и не нуждались в заключении перемирия в течение ближайших суток, но являлась вообще необходимость вступить в сношение с противником. Я лучше кого бы то ни было знал, что это еще не означало заключить перемирие, так как правильнее нового правительства оценивал неприятельский образ мышления. Мои мысли были тягостны, но спокойны; я держался в стороне от берлинских событий и находил об'яснение лишь в том, что депутаты, не осведомленные своевременно и застигнутые теперь врасплох, естественно, болезненно взволновались и превратно поняли майора барона фон-дем-Бушэ.

Принц Макс и новое правительство не были достаточно в курсе дел, чтобы полностью представить себе общее положение.

Поздно ночью 1-го и в течение 2-го октября меня многократно вызывал полковник фон-Гефтен и дал мне картину тех затруднений, которые встречало образование нового правительства, а в связи с этим и отправление ноты. 30-го сентября я ориентировал его в событиях в Спа и приобщил его полностью к моему ходу мыслей, что надо подтолкнуть правительство на быстрые и энергичные действия. Полковник Гефтен не должен был „неотступно теснить" правительство, но подчеркивать ему те тяжелые последствия, которые может вызвать каждый лишний день промедления и бездействия. Днем 30-го сентября статс-секретарь фон-Гинтце, в противовес полковнику фон-Гефтену, заявил, что новое правительство будет образовано не позже 12-и часов дня 1-го октября, и в тот же день вечером мирное предложение может быть отправлено.

1-го октября вечером, после разговора с полковником фон-Гефтеном, я вполне разобрался, что ожидания статс-секретаря фон-Гинтце оказались ошибочными. Тогда я указал полковнику фон-Гефтену следить за тем, чтобы не произошло излишней потери времени, и, в виду берлинских событий, примирился с отсрочкой отправления ноты.

3-го октября состоялось первое заседание нового кабинета, на котором генерал-фельдмаршал присутствовал, как представитель верховного командования. Он высказался в том же смысле, какое имели наши заявления от 29-го сентября стаст-секретарю фон-Гинтце, и дал имперскому канцлеру следующую записку, в которой он, с моей точки зрения, правильно изложил взгляды верховного командования:

„Верховное командование настаивает на поставленных им в понедельник 29-го сентября с. г. требованиях о немедленном обращении к нашим врагам с предложением мира.

Вследствие развала Македонского фронта и связанного с ним нашего ослабления на западе, и вследствие невозможности пополнить весьма значительные потери, которые наши войска понесли в последних боях, по-человеческому разумению нет более никаких шансов принудить противника к миру.

Противник, с своей стороны, постоянно вводит в бой новые свежие резервы.

Пока что, германская армия еще крепко спаяна и победоносно отражает все атаки. Но положение с каждым днем обостряется, и может принудить верховное командование к принятию тяжелых решений.

В этих условиях является необходимым прекратить борьбу, и таким образом избежать бесполезных для Германии и ее союзников жертв. Каждый упущенный день стоит жизни тысячей храбрых солдат.

Подписал: фон-Гинденбург".

В вышеприведенном документе, к пункту о настояниях верховного командования от 29-го сентября заключить мир, генерал-фельдмаршал от руки сделал примечание, что при этом имеется в виду проложить путь к заключению лишь достойного мира.

4-го октября генерал-фельдмаршал возвратился в Спа. 5-го числа была отправлена первая нота Вильсону.

На составление ноты и на ход политических переговоров верховное командование больше уже не имело никакого влияния. Я считал текст ноты недостаточно решительным, и предложил более мужественные выражения, но не встретил сочувствия. Факт, что мы становились на почву 14 пунктов Вильсона, к сожалению, был для нас слишком очевиден. Они отвечали получившему в Германии господство социал-демократическому мировоззрению, а число их совпадало с 14-ю пунктами австро-венгерской ноты, пред'явленной ею в конце июля 1914 г. Сербии.

2-го октября я послал телеграмму, в которой подчеркнул, что „14 пунктов Вильсоновской ноты могут служить основанием для мирных переговоров, но не должны толковаться, как условия противника, коим мы подчиняемся". Генерал-фельдмаршал в Берлине стал на ту же точку зрения, но не встретил сочувствия среди присутствовавших статс-секретарей. Только вице-канцлер фон-Пайер поддержал генерала-фельдмаршала. Впоследствии мне было дано следующее об'яснение: все статс-секретари придерживались того мнения, что хотя Эльзас-Лотарингский и Польский вопрос стали вопросами международными, однако, отказ от Эльзас-Лотарингии и значительной территории на востоке еще не являлся предрешенным.

В Спа была созвана комиссия для разработки вопросов о перемирии. Председателем комиссии был назначен генерал фон-Гюндель, а имперский канцлер командировал в нее статс-секретаря фон-Гинтце. Кроме того, в нее вошли генерал фон-Винтерфельд, майор Бринкман и капитан флота Ванзелов.

Среди войск мы пытались соответственной агитацией изгладить то деморализующее впечатление, которое производило предложение мира и перемирия.

После 29-го я беседовал об этом предложении со многими начальниками штабов. Те из них, которые охватывали общую обстановку, считали этот шаг правильным, те же, которые находились на спокойных участках, не могли понять его необходимости. Большим удовлетворением для меня было то, что доверие ко мне тогда еще не поколебалось.

VII.

5-го октября в своей первой большой речи в рейхстаге принц Макс защищал ту же точку зрения, на которой стояли генерал-фельдмаршал и я относительно необходимости продолжать войну в случае неприемлемости условий.

Принц Макс сказал: „Далекие от малодушия, с твердой верой в наши силы, за нашу честь и свободу, за счастье наших потомков мы готовы принести еще более тяжелые жертвы, если это является неизбежным".

Затем он добавил: „Я знаю, что каковы бы ни были результаты нашего мирного предложения, Германия пойдет с твердой решимостью, сплоченная во-едино, как на заключение честного мира, так и на последнюю борьбу на жизнь и на смерть; германский народ готов вступить в нее, если ему не будет другого выхода. Я не испытываю робости при мысли, что нам выпадет этот второй жребий, так как я знаю те огромные духовные силы, которые еще и теперь имеются в германском народе, и знаю, что неоспоримое убеждение в том, что каждый в последнем случае будет сражаться за нашу жизнь, удвоит наши духовные силы".

Президент рейхстага высказался в том же смысле:

„Как каждый солдат на фронте, так и каждый немец на родине готов, если это потребуется, принести любую жертву для своего отечества".

Это были прекрасные, бодрящие слова, которые укрепили во мне убеждение, что если, на крайний случай, придется продолжать войну, то между имперским канцлером, рейхстагом и верховным командованием будет господствовать полное согласие. Но и имперскому канцлеру и рейхстагу не хватало сознания, что каждый немец уже находился в борьбе на жизнь и на смерть уже с 1914 года, и что эта борьба за существование требовала от всех нас любых жертв. Тысяча разнообразных лозунгов, которые изнутри и извне отравляли душу нашего народа, затмили в Германии значение этой борьбы. И это сознание проснулось впервые в народе и в национальном собрании в мае 1919 г., когда стали известны неслыханные условия мира. Тот же президент опять говорил такие же бодрящие слова, которые, на первый взгляд, казалось, требовали энергии и действия; официальный телеграф не решился даже широко их распространить. И на этот раз слова вновь остались только словами. Наступил момент, когда эти слова должны были взывать к отечеству.

В эти дни я настойчиво шел по своему тяжелому пути. Позднее, после получения второй ноты Вильсона, мне стало совершенно ясно, что Вильсон не может или не хочет настоять на своем, что сила на стороне Клемансо и Ллойд-Джорджа и что мы должны стать рабами. Для меня это означало, что как раз наступили условия, когда действительно надлежало обратить в дела мысли о дальнейшем ведении войны, не довольствуясь пустыми словами. Я ожидал от принца Макса и его правительства, когда они и Германия признали, что они стоят у могилы, в которой похоронены их надежды на мир, который мог бы дать перемирие, они приступят к реализации своих торжественных уверений.

С моей стороны может было бы правильнее и умнее, если бы я уже в начале октября определенно поставил правительству вопрос, на который, в конце концов, оно и само должно было натолкнуться: хочет ли германский народ продолжать сражаться за свою честь, хочет ли правительство призвать всех до последнего человека и еще раз зажечь в народе пламя священного одушевления? Я и посейчас думаю, что в эти дни призыв к родине прозвучал бы, не дав удовлетворительных результатов. Несмотря на 4 года войны, ее значение, как выяснилось из речей, произнесенных 5 октября, еще оставалось неясным, и правительство и народ еще не сознавали всей серьезности положения. Противник тогда еще не обнажил своих намерений уничтожить нас, как это стало явно каждому лишь после оглашения второй ноты Вильсона.

Принц Макс полагал, что для нас было бы выгоднее, если бы нота была отправлена на неделю позже, после того, как он успел бы выявить детальную программу целей войны, которая бы засвидетельствовала перед всем миром, что у нас нет разногласий с основными пунктами Вильсона, и что мы готовы принести тяжелые национальные жертвы для их осуществления.

5-го октября мы уже стали на почву принципов Вильсона. Что же еще в дальнейшем могло случиться?

То обстоятельство, что после того, как с середины августа время было потеряно, и я, не выступая публично, все время воздействовал на имперского канцлера в сторону быстрых энергичных действий, не отразилось вредно на нашем общем положении. Но разглашение того обстоятельства, что верховное командование страшилось и торопило с заключением перемирия, наоборот, принесло столько же, если еще не больше вреда, чем те искаженные выводы, которые были сделаны из доклада майора фон-дем-Бушэ.

Неужели принц Макс и его единомышленники действительно предполагали, что если бы тот же шаг был предпринят в середине октября, то он был бы признан проявлением человеческого благородства и нашел бы особенно дружественный прием у Антанты. Ведь наши враги твердо стояли на почве реальности и национальных интересов. Они также были слишком умны, чтобы поддаться на это. Они столь же ясно оценивали общее военное положение, как и германское верховное командование. Они также были осведомлены об обстановке, в которой находилась германская армия и сама Германия, они знали слабые места австро-венгерской армии в Италии и состояние Австро-Венгрии. Из многочисленных показаний пленных, которые, к сожалению, часто заходили слишком далеко, Антанта должна была получить совершенно ясное представление о слабом наличном составе германских батальонов и о числе расформированных верховным командованием дивизий. Упадок духа в народе и в армии

также не мог укрыться от ее внимания. Все, что происходило в Берлине, было ей известно. Наши враги также уверенно расчитывали на наш внутренний развал, как в свое время они ждали развала Болгарии. Они, несомненно, гораздо острее нас сознавали, что способ, которым осуществлялся рескрипт его величества графу Гертлингу от 29 сентября, указывал путь для революции 9-го ноября.

Предложение мира, не сопровождаемое предложением заключить перемирие, также не произвело бы никакого впечатления на противника, при его решимости уничтожить нас. Это доказывают наши прежние предложения, которые Антанта рассматривала, как нечестные и неискренние, а также шаг, предпринятый графом Бурианом. При образе мышления наших врагов, решение Германии заключить мир получало ясные и определенные очертания лишь в том случае, если одновременно ему сопутствовало предложение заключить перемирие. Одно предложение заключить мир могло бы иметь успех только при условии, что противник готов нам построить золотой мост, и при наличии возможности сговориться с ним в кратчайшее время. Разве уже забыта продолжительность переговоров в Бресте и Бухаресте? А теперь переговоры должны были стать еще более многоглагольными. Надо было предвидеть, что заседания будут длиться бесконечно. Неужели все это время армия, лишенная всякой поддержки родины, должна была, может быть, бесполезно продолжать истекать кровью. А если во время этих длительных переговоров наше военное положение ухудшится—разве это вновь не должно было отразиться на содержании мирного договора?

Только посредством предложения перемирия можно было скоро разобраться, правы ли те, которые верили в возможность заключить достойный мир, который бы я охотно приветствовал, или мы стоим перед миром насилия, что должно было пришпорить нас на новые усилия. Мы не могли терять времени, так как армия жаждала притока сил с родины.

Антанта должна была обнаружить свою подоплеку, а мы должны были соответственно сообразовать свои действия. Теперь уже не осталось никаких сомнений об истинных намерениях наших врагов. Я надеюсь, что те, которые настойчиво говорили о примирении человечества и о соглашательском мире, по крайней мере теперь честно сознаются, что они неправильно оценивали противника, а с начала революции—и все человечество, и что мир еще не созрел для подобных учений.

Неужели мы еще будем верить, что рабочие государств Антанты в вопросе о соглашательском мире пойдут рука об руку с защитниками идей примирения всего человечества?

Уже давно начал брезжить рассвет для германского народа. 5-го февраля 1919 г., после победы правительственных войск в Бремене, „Форвертс“ писал следующее:

„Как социал-демократы, мы особенно сожалеем, что дело зашло до насильственных мер. Мы, само собой разумеется, противники таковых. Но быть противником насилия еще не означает подчиняться без сопротивления всякому насильственному акту противной стороны. Любовь к миру может выдвигаться на первый план только там, где ее встречают таким же чувством. Но кто по принципиальному отвращению не может решиться на насильственные меры и ответить на насилие насилием, тот, в конечном счете, укрепляет господство насилия—именно у соседа".

Встав на эту точку зрения, „Форвертс" возвратился к своим взглядам 1914 г. Он защищал те самые убеждения, представителем которых я был в течение всей своей жизни. Никому не доставляет удовольствия обращаться к насилию—внешнему или внутреннему. В 1914 г. мы должны были взяться за оружие, чтобы вступить в борьбу с тем господством насилия, под власть которого мы теперь подпали.

Теория есть нечто, весьма отличное от практики.

VIII.

Ответ президента Вильсона на наше предложение от 5-го октября был получен в Берлине по радио 9-го октября. В военном отношении он выдвигал, как предпосылку для заключения перемирия—очищение оккупированной территории на западе. К этому требованию мы были готовы. Путь для дальнейших переговоров нота оставляла открытым.

По желанию принца Макса, я поехал в Берлин. Мы вели с ним с глазу на глаз продолжительную беседу. Я уже был знаком с принцем Максом; он дважды приезжал в ставку. Во время его приездов мы имели продолжительные беседы и выслушивали друг друга с большим интересом. У нас не было много общего. Вице-канцлер фон-Пайер указал теперь на него, как на единственного возможного кандидата для занятия поста имперского канцлера. В общем, я мог удовольствоваться этой кандидатурой. Я считал принца Макса, как принца и офицера, подходящим лицом для того, чтобы ввести нас в новую эпоху. Я предполагал, что он будет давать, но в то же время и тормозить. Ведь он все же принадлежал к старой династии, которая горячо принимала к сердцу величие Германии. Таким образом, в столь трудные времена, он мог, казалось, принести пользу германскому народу. Эти надежды не исполнились.

Принц Макс предложил мне дать ответы и об'яснения по целому листу вопросов, на которые в точности ответить вообще было невозможно, но которые зато очень характерно обрисовывают, насколько в Берлине мало понимали сущность войны. Я ответил, по сколько

это представлялось возможным. Мои ответы не выходили из круга тех идей, которыми я руководствовался до сего времени. Я не имел основания изменять свою точку зрения. Нота Вильсона оставляла еще надежду, что нам удастся заключить мир, который не обрекал бы нас на уничтожение.

Во время нашего разговора с глазу на глаз, принц Макс попросил меня расстаться с генералом фон-Бартенверфером, полковником Бауером и подполковником Николаи. Я ограничился вопросом, что им вменяется в вину. На это принц Макс ответил, что он, собственно говоря, не ясно разбирается в этом вопросе и только повторяет то, что ему было сказано. Тогда я обратился к нему с просьбой дать мне точные данные, и заявил, что, в интересах этих лиц, я произведу добросовестное расследование. Верховное командование таковых не получило. Если бы мне были переданы определенные жалобы, то я счел бы своим долгом дать по ним полное удовлетворение, но я не мог выгонять добросовестных и преданных людей на основании злобных сплетен и недостоверных слухов. Эта просьба меня очень болезненно уколола. В такое время, вот в чем заключались заботы германского правительства в Берлине!

Принц Макс выразил желание выслушать мнение о современной обстановке других высших начальников. Но представление о всей обстановке могло дать только верховное командование. Условия в каждой армии были различны; из положения отдельной армии делать заключение о всем фронте было невозможно. В виду этого я отклонил предложение принца Макса. К тому же, вся ответственность ложилась исключительно на генерал-фельдмаршала и на меня. Император всегда мог требовать отзывов от любых начальников, но имперский канцлер не имел на это права, так как до сих пор армия еще подчинялась своему царственному военному вождю. В начале ноября, уже после моей отставки, два командующих армиями высказали свое мнение в кабинете министров, и по существу их оценка обстановки покрывалась моей. Они также указывали на то влияние, которое оказывает настроение родины на состояние войск, и высказывались в пользу продолжения войны, как и я это требовал впоследствии.

Как это бывает всегда, при поражении любой армии, будут высказываться и печататься суждения, которые лишь постолько выдерживают критику, посколько они воздерживаются от каких-либо окончательных выводов, которые неясны самому автору. Условия во всех армиях и на всем нашем растянутом фронте были слишком разнообразны, и обобщения являлись невозможными; а, между тем, личный опыт, приобретенный на определенном участке, слишком часто стремятся обобщить. Последнее приносит такой же вред, как и громкие лозунги, которыми была отравлена наша политическая жизнь. В науке громкие слова считаются самым явным признаком полуграмотности.

Те офицеры, которые полагают теперь, что они заранее все предвидели, поступили бы лучше, если бы своевременно обратились, как прямые и искренние люди, к верховному командованию, которому они все же доверяли, и изложили бы ему мысли, которые их угнетали. Я получал лишь незначительное число подобных писем, и в тех случаях, когда в них заключалось что-нибудь новое, я вызывал к себе их авторов, чтобы обсудить с ними означенные вопросы. Таким образом я, например, познакомился с капитаном Бакгаузом 78 полевого артиллерийского полка, и он дал мне очень существенные об'яснения.

Наступил час, когда надлежало окончательно выяснить—желает ли германский народ продолжать войну, если переговоры с противником не приведут к приемлемому для нас миру? В утвердительном случае была пора приступить к соответственным приготовлениям. Из суждений печати верховное командование получило благоприятное представление относительно возможности продолжать войну. После своей речи 5 октября, принц Макс еще ничего не сделал для осуществления выраженных им тогда, на крайний случай, намерений. Я обратился по этому поводу с соответственным запросом. Мне также нужно было знать на какую точку зрения станет новое правительство в вопросе о восточных областях, чтобы сообразовать с ней военные мероприятия верховного командования.

Последовательный ход событий в России не был известен новому кабинету; его охватывал лишь вице-канцлер фон-Пайер. Я не знал, являлись ли и теперь те же взгляды руководящими, что и в феврале. В виду исключительного значения этого вопроса, я считал необходимым обменяться мнениями. Я спросил принца Макса, как правительство оценивает большевистскую опасность, и нуждаемся ли мы в дальнейшем в Украине для нашего снабжения? Для разрешения последнего вопроса требовалось предварительно разобраться и вопрос совместно с Астро-Венгрией.

Я принял участие в одном из заседаний военного кабинета, состоявшемся в непосредственной связи с моей беседой с имперским канцлером.

Рассматривался „лист вопросов“; все было подвергнуто весьма последовательному обсуждению; особых решений принято не было. На этом же заседании обсуждалась статья Вальтера Ратенау о „Levée en masse“ [1]), напечатанная в „Vossische Zeitung“. Такие громкие выражения были мне не совсем понятны. Условия были теперь совершенно иные, чем в 1870—71 году. Однако, германский народ имел еще энергию и силы, которые надо было выявить и использовать. Следовательно, еще находились люди, которые вместе со мной ве-

[1]) Поголовное ополчение. *Прим. перевод.*

рили, что германский народ, несмотря на все сделанные им невероятные усилия, может дать еще большее напряжение. Жаль только, что они не раньше выступили с этими предложениями. Для меня это являлось особенно примечательным и у меня воскресали новые надежды, когда за продолжение войны начали высказываться люди, которые в остальном совершенно расходились со мной во взглядах.

При закрытии заседания кабинета, принц Макс благодарил меня за мой приезд. В согласии с генерал-фельдмаршалом я подчеркнул в кратком ответе, что верховное командование будет лойяльно поддерживать новое правительство.

Кабинет был слишком многоголовый. Правда, он носил название военного кабинета, но не имел ничего общего с кабинетами наших врагов.

Вечером на короткое время меня еще посетили различные руководящие в общественной жизни лица, и спрашивали меня, действительно ли верховное командование является инициатором предложения перемирия и мира. Я особенно резко подчеркнул правильность этих сведений, и уже 9 октября, после того, как я убедился, что это не вызовет вредных военных последствий, я дал подобное же сообщение для печати. Моим долгом перед правительством принца Макса было давать такие об'яснения; подробно же раз'яснять всем мои предположения и чувства не входило в мои обязанности.

Ответ на первую ноту Вильсона был отправлен с обоюдного согласия правительства и верховного командования. Мне удалось присовокупить к началу ответа вопрос, становится ли Англия и Франция также на точку зрения этих 14 пунктов. Верховное командование не принимало никакого участия в составлении внутренне-политической программы, с тоном которой оно не могло соглашаться. Наши действия вновь показывали недостойную торопливость—выбрасывать за борт все, что до сих пор было для нас свято. Противник должен был с удовольствием наблюдать, как мы все ближе приближались к перевороту.

Во всем мире внезапно замолкли разговоры о соглашательском мире со всеми его идеальными лозунгами. Впрочем, это было неудивительно; пресса всего мира по мгновению ока повиновалась неприятельской пропаганде, а последняя перестала нуждаться в этом понятии. Антанта с его помощью достигла своей цели, и теперь могла сбросить свою маску и домогаться насильственного мира. Но и у нас слова о соглашательском мире звучали уже лишь робко. Те люди, которые до сих пор являлись глашатаями этой идеи, и утверждали легкую осуществимость мира, основанного на праве и примирении, не нашли в себе гражданского мужества откровенно признаться, что они ошиблись в намерениях неприятеля, и лишь смутили народ и ввергнули его в несчастье. Часть их не остановилась перед тем, чтобы отказаться от германского мышления и оценивать мир на

основании 14 пунктов Вильсона, как мир справедливый. Мы уже теряли собственное достоинство. Они вели энергичную травлю против меня: своим преждевременным предложением перемирия я навлек новое несчастье, а раньше, безмерностью своих требований, препятствовал заключению всякого мира. Таким образом, гнев народа и армии направлялся на меня. Если бы те, которые прежде говорили только о соглашательском мире, сосредоточивали свою мысль на войне и на ужасах поражения, и если бы они поддержали мои усилия—извлечь из народа его последние силы и сохранить его духовную боеспособность, то мне не пришлось бы теперь выступать с предложением перемирия. Впоследствии это все станет ясно.

12 октября была отправлена вторая нота в Америку.

IX.

Тем временем сражение, загоревшееся в конце сентября на западном фронте, продолжало развиваться. Противник прикладывал величайшие усилия прорвать фронты кронпринца Рупрехта и фон-Боена в направлении на Гент и Мобеж, а также в районе стыка фронтов кронпринца германского и фон-Гальвица по обе стороны Аргон, в направлении на Шарлевиль—Седан. Начиная с 1915 г., одна и та же идея ложилась в основу всех наступательных операций Антанты. До сих пор осуществить ее ей не удавалось, вследствие нашего сопротивления и наступавшего истощения сил противника. Теперь мы были ослаблены, и та или другая дивизия всегда оказывалась не на высоте требований положения. Число халупников позади фронта росло с ужасающей быстротой. Тыловые власти, которые должны были препровождать в свои части одиночных людей, уже не справлялись со своей задачей. Впереди дрались герои, но для обширного протяжения фронта число их являлось слишком недостаточным, и они чувствовали себя покинутыми. Глаза солдата смотрели на офицера, на котором лежала вся тяжесть боя. С преданными ему людьми офицер делал чудеса храбрости. Командиры полков, бригад и даже начальники дивизий с офицерами и кучкой солдат, состоявшей часто из их писарей и денщиков, лично восстанавливали положение. Они отражали попытки прорыва сильно превосходящего, но также уже шедшего в бой без воодушевления противника. Мы можем гордиться этими людьми, которые совершали геройские подвиги. Но расход сил был велик; все лучшее оставалось на кровавой арене. Часть наших батальонов уже представляла всего две роты. Верховное командование отменило отпуска. Отпускные, находившиеся в данный момент на родине, должны были, в виду трудного положения транспорта, временно задержаться там. Они оставались на родине долее, чем это было желательно. В критические дни ноября в Германии должно

было бы находиться лишь незначительное количество отпускных. К сожалению, это было не так.

Срок, предоставляемый дивизиям для отдыха и для приведения в порядок своего снаряжения и обмундирования, становился все короче. К хорошим частям пред'являлось больше требований, чем к невполне надежным. Это также вело к досадным последствиям, так как они не отдавали себе отчета, почему им так часто приходится затыкать пустые места, и охота, с которой они шли в бой, частенько начинала падать. Тяготы и лишения все росли, а силы истощались. Было чрезвычайно трудно уравнивать нагрузку, и в то же время выручать ослабевшие участки. Участились случаи, когда дивизии, находившиеся во второй линии, поспешно вводились в бой, и происходило полнейшее смешение частей.

К первам начальников, находившихся на фронте, пред'являлись все большие требования, но, несмотря на эту тяжелую нагрузку, они не утратили ясного понимания крайности, в которой находилось отечество, и сохранили гордое мужество. Ничто не могло подорвать его.

В начале октября 4-я армия в непрерывном бою была оттеснена на Рулэ и Менин; ее правое крыло удержалось на Изере, ниже Диксмюде, а левое у Армантьера. Произошел целый ряд местных боев, окончившихея безрезультатно. 14 октября противник возобновил наступление. В направлении на Рулэ он захватил город и продвинулся далее. Куртрэ также было потеряно. В направлении на Менин противник, наоборот, одержал лишь незначительные успехи. У Вервика он был отбит. 15 октября противник также одержал ряд местных успехов, и армия была вынуждена отойти на линию Диксмюде—Торгут—Ингельмунстер—Куртрэ. Численный состав дивизий 4-й армии был очень слаб. Если противник не одержал более крупных успехов, то это об'ясняется, помимо образцового управления 4-й армией, лишь тем, что неприятель также шел в бой уже неохотно. 4-й армией продолжал еще командовать генерал Сикстфон-Армин. Начальником его штаба был теперь майор Гумзер, одаренная в военном отношении личность.

Условия в 4-й армии стали столь критическими, что верховное командование должно было решиться временно вывести ее из соприкосновения с противником и сократить ее фронт. Она получила приказ отойти на позицию Германа, за канал Экло и за р. Лис. Тем временем, база подводного флота была эвакуирована. 17 октября, когда я вновь поехал в Берлин на совещание относительно второй полученной ноты Вильсона, маневр 4-й армии находился в стадии выполнения.

Между тем, 17-й армии пришлось пережить тяжелый период после неприятельского прорыва 27 сентября у Камбрэ. Сильные бои

с чрезвычайно изменчивыми успехами продолжались по обе стороны Камбрэ до 8-го октября; город мы удержали. 2-я армия сражалась не так счастливо, и в первые дни октября она была потеснена на ле-Кателэ. Противник также продвигался в направлении на Богаин. 2-я армия увлекла с собой и правое крыло 18-й армии, которая также вела тяжелую борьбу. 8-го октября в районе Ле-Кателэ и южнее последовал новый тяжелый удар и вновь отбросил ее назад. Так как резервов не хватало, то верховное командование было вынуждено в ночь на 9-е отвести 2-ю армию на позицию Германа. Левое крыло и центр 17-й армии должны были последовать за этим движением до половины пути между Камбрэ и Валансьеном, правое же крыло сначала заняло позицию западнее Дуэ, вблизи города. 18-я армия должна была, как и 2-я, отойти на позицию Германа, но левое крыло она могла оставить у Ла-Фер.

Нам было очень тяжело решиться отвести 2-ю и 18-ю армии на позицию Германа, постройка которой еще далеко не была закончена. Я надеялся, что армии дольше смогут удержаться на позиции Зигфрида. На многих участках севернее Сен-Кантена, с позиции Зигфрида мы уже были вытеснены в боях начала октября, но общее направление фронта нам все-таки удавалось сохранять. Эвакуация территории перед позицией Германа также еще не была вполне закончена.

Отступательное движение прошло гладко. 10 октября противник уже повел атаку на новые позиции, но был отбит. 11-го он одержал местный успех на участке 18-ой армии северо-восточнее Камбрэ, который был, однако, нами вполне локализирован. В последующие дни до 17 числа, новые бои протекали на участках 2-й и 18-й армии, в общем, успешно для нас.

Отход 4-й армии за р. Лис обусловил необходимость отвести также на позиции Германа за Шельду 6-ю и 17-ю армии. 17 октября 6-я армия стояла еще западнее Лиля, а в ночь на 18-е должна была очистить город. Южнее к этому движению должно было присоединиться правое крыло, а затем и вся 17-я армия.

С отходом на позицию Германа связывалось расформирование фронта Боена. Он стал слишком узок и не мог организовать внутри себя надлежащего кругооборота сил. 2-я армия отошла к фронту Рупрехта, а 18-я—к фронту кронпринца германского. На фронте кронпринца германского 9-а армия вошла в состав 7-й, так как и здесь, по условиям тыловых сообщений, не имелось пространства для лишней армии. Генерал фон-Карловиц был назначен командующим 2-й армией, а генерал фон-дер-Марвиц получил 5-ю армию, которая стояла под Верденом. Начальником его штаба был назначен мой помощник, подполковник Ветцель. Для генерала фон-Гальвица было образовано особое управление фронта, так как здесь опять

подтвердилось, что совмещение работы штаба фронта и штаба армии в одной инстанции влечет значительные невыгоды.

В виду необходимости экономить войска, в конце сентября фронту кронпринца германского было указано оставить угол Лафо, отстаивание которого опять начало поглощать много сил, и отойти на позицию за линией р. Уаза—канал Эн, которую мы занимали после неудачного боя 22 октября 1917 года.

2 октября левое крыло 7-й армии и правое 1-й также планомерно отошли на позицию, являвшуюся исходной для наступления, начавшегося 27 мая 1918 г. Но еще мы не успели закончить этот маневр, как одна дивизия, против всяких ожиданий, допустила прорыв на высотах северо-восточнее Фим. Центр 7-й армии твердо держался на Шмен-де-Дам, против которого безрезультатно направлялись неприятельские атаки.

Оборонительное сражение в Шампани и на Маасе по обе стороны Аргон приняло благоприятное направление; несмотря на особенно значительное превосходство сил противника именно на этом поле сражения. Здесь противник превосходил нас по численности много больше, чем на обоих северных фронтах. Но наше командование отличалось здесь особым спокойствием и находилось на более высоком уровне, чем у неприятеля, и противник лишь медленно подвигался вперед [1]).

Сильный натиск неприятеля продолжал направляться на левые крылья 1-й и 3-й армии; в первых числах октября на фронте кронпринца германского, под влиянием этого натиска, созрело решение прервать здесь бой, и отвести все части на позицию Гундинг-Брунгильда, т.-е. примерно на линию, проходившую на пол-пути между Ланом и Марлем, через Сиссон—и затем от Ретеля вверх по Эну до Гранпрэ. Верховное командование не могло дать фронту новых подкреплений, в которых являлась нужда, несмотря на то, что фронт очень экономно расходовал свои силы, а оба северные фронта поглощали слишком много. В виду этого, оно одобрило намеченное движение, и в несколько дней, к 13 октября, оно было планомерно закончено.

В первые дни октября фронт кронпринца германского начал отводить наши войска от Реймса за р. Сюип. В ночь с 10 на 11 был очищен весь фронт, начиная от Шмен-де-Дам и до Аргон включительно, при чем 3-я армия предварительно отбила сильные неприятельские атаки. Утром 13 октября 7-я, 3-я и 2-я армии уже располагались на новых, хорошо укрепленных позициях и находились в полной

[1]) Неудача последнего решительного наступления Фоша в Шампани и Аргоннах (конец сентября—начало октября) подтверждается и французскими источниками.

Прим. ред.

готовности к отражению неприятеля. Эвакуация местности, лежавшей перед новым фронтом, была приблизительно закончена. Бои конца сентября—начала октября двух последних упомянутых армий являлись полным и блестящим оборонительным успехом, которым могут гордиться и начальники и войска. Командующие армиями генерал фон-Эйнем и генерал фон-Мудра и начальники штабов фон-Клевитц и Гассэ вновь оказали незабываемые отличия.

Между рекой Уазой и Эном противник сильно наседал во время отступательного движения фронта кронпринца германского; вскоре здесь завязались упорные бои за наши новые позиции. В излучине Эна против Ретеля неприятель продвигался осторожнее. Но зато вскоре он произвел попытку форсировать изгиб Эна Вузье—Гранпрэ, что, однако, сразу ему не удалось. На фронте 5-й армии в долине р. Эр, западнее Мааса, американцы продолжали производить очень сильный напор, и бой распространился также и на восточный берег Мааса. Но атаки молодых американских войск, несмотря на их численное превосходство, отбивались с большими потерями. Их успех 26 сентября об'ясняется исключительно отказом одной германской резервной дивизии, и тем обстоятельством, что на другом участке их удар пришелся хотя и против храброй, но уже выбившейся из сил дивизии, которая к тому же была растянута слишком широко.

Атаки против позиции Михель и против фронта герцога Альбрехта в ближайшее время представлялись мало вероятными.

Таким образом, 17-го октября обстановка на всем фронте западнее Мааса характеризовалась тем, что мы везде отошли на тыловые позиции. Правое крыло находилось еще в движении. Особенно тяжело сказывалось, что армии при отступлении на позицию Герман-Гундинг-Брунгильда утратили очень много оборудования, важного для комфорта войск. Так, были потеряны вошебойки, и это являлось очень досадным обстоятельством [1]). Верховное командование расчитывало, что наступление неприятеля будет продолжаться в направлении на Гент и Мобеж, между р. Уазой и Эном и между верхним Эном и Маасом, распространяясь и на правый берег Мааса. Далее, приходилось считаться с очень большим расходом наших сил и нервов. На многих участках мы действовали успешно, на других противник, несмотря на все свое превосходство, должен был удовольствоваться незначительными результатами. Исход дальнейших боев зависел исключительно от внутреннего состояния войск. Являлась необходимость приковать всех к фронту, и воодушевить особенной жаждой боя. Воздействие, которое оказало предложение перемирия, явилось неблагоприятным; утомление войной возросло. Родина, в противовес, не оказывала ни-

[1]) Людендорф согласен признать трофеями военных побед Фоша только вошебойки...

Прим. ред.

какого сильного воздействия, и политико-просветительная работа там заглохла. По этому поводу ко мне поступало много жалоб из армий. Родина и правительство должны были, наконец, выявить, имеют ли они еще желание воевать, так как только таким путем можно было надеяться поднять моральные силы войск. Одни приказы и раз'яснения политико-просветительного характера, которые доставлялись войскам из Спа, были бессильны разрешить эту задачу. Теперь связь между армией и родиной чувствовалась сильнее, чем когда-либо. Войска требовали, чтобы было выяснено, что они могут ждать от родины.

Работы по эвакуации района в тылу новых позиций усердно продолжались. Железнодорожный транспорт работал беспрерывно с исключительным напряжением. Предстояло перебросить невероятное количество военного снаряжения, на что должны были уйти недели и месяцы. Я придавал особое значение основательной подготовке разрушения железных дорог и мостов, что неизбежно должно было отразиться на операциях и дальнейшей эвакуации нашего инвентаря вглубь Германии. Я часто обсуждал вопросы эвакуации и разрушений с начальниками штабов. Как и всегда, мы стремились в высшей степени щадить интересы населения, что могут подтвердить свидетельства местных жителей. Однако, они просят не оглашать их показаний в нашу пользу. Они опасаются, как к ним отнесутся в Париже. Из Брюсселя на фронт ездила нейтральная комиссия, которая получила представление о нашем попечении и заботах, а также об опустошениях, которые причиняли неприятельская артиллерия и летчики. Страдания населения являлись следствием условий войны, а не нашего образа ведения войны. Мы действовали безукоризненно, но Антанте надо было возводить на нас обвинения, чтобы продолжать настраивать Вильсона на свой лад.

В более глубоком тылу шли усиленные работы по укреплению позиции Антверпен—Маас. Я приказал рекогносцировать новую позицию вдоль германской границы.

На итальянском фронте было спокойно, но ходили слухи о предстоящей атаке Антанты. Таковой надо было ожидать с большой опаской; австро-венгерские войска очень плохо сражались в Сербии.

На Балканском полуострове события продолжали развиваться не в нашу пользу; Болгария сложила оружие перед Антантой.

Катарро был оставлен, и база подводного флота перенесена в Полу.

В Сербии генерал фон-Кевес был поставлен во главе войск, предназначенных для защиты Венгрии. Ему подчинялись войска, которые под командой генерала фон-Пфланцер-Балтина отошли из Албании в Черногорию, и союзные войска на Мораве, находившиеся в ведении 11-й германской армии генерала фон-Штейбена. Генералу

фон-Кевесу предстояли трудные задачи. Австро-Венгерские войска были низкого качества, германские войска состояли из людей старших сроков призыва и находились в слабом составе. Альпийский корпус был истощен.

Австро-венгерские части должны были в долине р. Моравы южнее Ниша прикрыть развертывание германских и австро-венгерских дивизий. Они дрались плохо, и 12-го октября сосредоточение должно было быть отнесено на высоты севернее города. Надо было расчитывать и на дальнейшее отступление. 16-го мы уже располагались севернее Алексинача на высотах обоих берегов Моравы. Севернее Западной Моравы установилась связь с германскими частями, отступавшими через Митровицу.

Войска, отступавшие через Софию, ушли дальше на Лом-Паланку, с целью переправиться там через Дунай. Французские дивизии следовали за ними, и 17-го октября достигли Дуная. Беспокойство в Румынии росло.

Штаб армии Шольца передвинулся в Румынию, и по указанию генерал-фельдмаршала фон-Макензена взял на себя оборону Дуная. Постепенно прибывали подкрепления с Кавказа и из Украины.

Таким образом, положение в Сербии и на Дунае не являлось обеспеченным, но и полного развала еще не было.

У Адрианополя и ниже по течению Марицы уже находились английские войска. Турецкая граница была очень слабо прикрыта. Германские войска и представители германской власти в Константинополе готовились, в случае атаки Антанты, сесть в городе на пароходы и отправиться в Одессу.

Таково было общее военное положение, которым я должен был руководствоваться, устанавливая свою точку зрения на вторую ноту Вильсона.

X.

Ответ Вильсона на нашу вторую ноту не давал нам ничего, и также не указывал, становится ли Антанта на почву его 14 пунктов. Но он требовал прекращения подводной войны, рассматривал ведение нами войны на западе, как противное международному праву, и в туманных выражениях вновь сильно вмешивался в вопросы нашей внутренней политической жизни. После этого у нас не могло быть никаких сомнений относительно намерений наших врагов и преобладающего влияния Клемансо и Ллойд-Джорджа. Вильсон не был склонен противодействовать обширным требованиям Англии и Франции. Нам надо было принять тяжелое решение, надо было ясно и просто ответить, хотим ли мы сдаться на гнев и милость Антанты, или правительство призовет народ к последней отчаянной борьбе. Мы должны были твердо, с достоинством ответить на ноту, подчеркнуть

наше искреннее желание установить перемирие, и в то же время энергично выступить в защиту чести нашей храброй армии. Мы не имели права складывать то оружие, которое представляла подводная война, так как это означало бы вступление на путь капитуляции.

17-го октября в Берлине состоялось заседание военного кабинета, посвященное обсуждению ноты; на нем присутствовали полковник Гейэ и я. Я просил прибыть на заседание также генерала Гофмана. В этот день на фронте в 18-й армии шел тяжелый бой.

Имперский канцлер опять поставил различные вопросы и вначале, обращаясь ко мне, высказал следующее: Мы получили теперь новую ноту, в которой Вильсон повысил свои требования; Вильсон, повидимому, был поставлен внешними влияниями в затруднительное положение. Как кажется, Вильсон расчитывает, что мы дадим возможность продолжать переговоры с нами и преодолеем сопротивление сторонников войны. Прежде чем дать ответ на ноту, надо дать себе ясный отчет в условиях военного положения Германии.

У меня было другое представление об образе мышления наших противников, и в данный момент я видел лишь нависшую над нами волю противника нас уничтожить.

По отношению к многочисленным вопросам, которые мне были поставлены, я занял следующую принципиальную точку зрения:

„Ко мне уже раньше был обращен целый ряд вопросов, точно ответить на которые было совершенно невозможно. Война не представляет из себя задачника по арифметике. На войне приходится иметь дело с большим количеством вероятностей и невероятностей, и что в действительности произойдет, никто знать не может. Когда в августе 1914 года мы прибыли в Восточную Пруссию и отдали приказ для сражения под Танненбергом, мы также не знали, как разовьются события, и двинется ли Ренненкампф или нет. Он не пошел, и сражение было выиграно. На войне приходится иметь дело с элементом солдатского счастья, и может быть оно вновь обратится к Германии.

Я могу вам высказать только свое убеждение. Ответственность за все, что я скажу, я буду нести, как несу уже эту ответственность в течение четырех долгих и тяжелых лет".

В частности обсуждался вопрос, возможно ли путем переброски на запад всех или части дивизий с востока настолько усилить западный фронт, чтобы можно было расчитывать на его продолжительное сопротивление. Но прежде чем ответить, мне необходимо было знать какие силы верховное командование могло взять с востока? Правительство предварительно должно было ответить на мои два вопроса— о большевистской опасности и о ценности для нас Украины. Если правительство изменило точку зрения, на которой стояло в феврале, то ему следовало бы об этом заявить. В данный момент на востоке, т. е. в России и в Румынии, находилось 26 дивизий, состоявшие

исключительно из людей старше 35-летнего возраста, и имевшие батальоны слабого состава. В Литве на 18 кв. клм. приходился один солдат. На западе же теперь мы располагали 185 дивизиями; много дивизий там пришлось расформировать. Дивизии, только что переброшенные на запад с востока, плохо дрались в условиях борьбы на западном фронте. До меня доходили очень неблагоприятные отзывы о них. Несмотря на недостаток людей, пополнения из войск с восточного фронта принимались очень неохотно. Дух их был скверный, и они оказывали дурное влияние на товарищей. По мнению генерала Гофмана, войска были развращены искушениями, которым они подвергались в виде взяток, которые давали еврейские торговцы, а также большевистской пропагандой; с родины также содействовали падению нравов и духа. Насколько продвинулась эта подготовительная работа, выяснилось лишь в начале ноября. Отзыв генерала Гофмана о малой пригодности восточных дивизий для борьбы на западе подтверждал имевшийся у меня опыт. Таким образом нельзя было ожидать, что эти дивизии дадут войне какой-либо новый оборот, который бы заставил дипломатов противника сесть за один стол с нашими для ведения мирных переговоров. Восточные дивизии не обладали необходимой для запада боеспособностью. Но для всех задач на восточном фронте, в том числе и для наступления на советские войска, эти дивизии еще казались вполне пригодными.

Наша завеса против большевиков стала уже очень тонкой, и едва ли была достаточной. Генерал Гофман и я подчеркнули, что опасность большевизма очень велика, и настаивали на необходимости сохранить пограничный кордон.

Правительство, как таковое, повидимому не заняло никакой принципиальной точки зрения на большевизм; ясно и определенно оно не высказывалось по этому поводу. Несмотря на протест председателя имперского военного суда генерала фон-Линкера, оно выпустило из исправительного дома Либкнехта; затем созерцало, как Иоффе в Берлине раздавал деньги и воззвания, и подготовлял революцию. Мы и главнокомандующий во внутренних провинциях делали неоднократные предупреждения, но наши слова бросались на ветер. В эти дни генерал Гофман, благодаря своим связям с Зольфом, как будто бы наконец открыл глаза некоторым членам правительства. Социалисты большинства, как партия, признали великую опасность большевизма. „Форвертс“ с одной стороны предостерегал от большевизма, но в то же время с другой стороны настойчиво прокладывал ему дорогу своими нападками на авторитет и разжиганием классовой ненависти. В конце октября Иоффе был наконец выслан, и мы вновь перешли к состоянию войны с Россией. Таким образом необходимость оборонительных мероприятий против большевиков получила прочные основания.

На том же заседании я еще раз подчеркнул неизмеримое военно-экономическое значение Области Главнокомандующего Востоком.

Вопрос об очищении Украины не мог быть разрешен, так как предварительно не состоялось никакого подготовительного обсуждения, на котором этот вопрос был бы полностью освещен, а одним взмахом руки разрешить его было невозможно. Граф Редерер стоял за оставление Украины; гражданское население получало оттуда слишком мало.

Статс-секретарь Зольф подчеркивал большое значение Украины, и хотел продолжать оккупацию, руководствуясь требованиями гуманности. Я, напротив, мог и в этом вопросе исходить только из одного соображения: что полезнее Германии.

Статс-секретарь фон-Вальдов также не внес ясности в этот вопрос. Но, в конечном счете, надо же было в нем разобраться. Я просил имперского канцлера исчерпывающим образом обсудить этот вопрос. В феврале верховное командование с согласия правительства оккупировало Украину, не только имея в виду большевистскую опасность, а исходя из глубокого убеждения, что Украина необходима нам для того, чтобы прокормить четверной союз. С помощью Украины Австро-Венгрия смогла пробарахтаться еще в течение лета. Если она нам не дала ожидаемого хлеба, то мы все-таки получили оттуда скот, лошадей и много сырья. Война еще продолжалась; в Румынии был полнейший неурожай; мы опять авансом с'ели часть своего урожая в виде ранней жатвы. Германия и другие государства четверного союза могли получить необходимый нам добавок продовольствия из Украины; без ее помощи в начале лета 1919 года неизбежно должен был наступить тяжелый кризис. Осенью 1918 г. правительство больше уже не возвращалось к вопросу о значении Украины. Если бы мы тогда очистили эту территорию, что потребовало бы много времени, то мы могли бы постепенно освободить десять небоеспособных дивизий; выигрыш не покрывал бы убытков, которые мы бы при этом понесли.

Я остаюсь при убеждении, что на востоке не оставалось ни одного лишнего человека.

Затем мы перешли к обсуждению основного вопроса, что может и хочет дать родина армии. От ответа на него зависело все дальнейшее. Я надеялся, что в недрах правительства вопрос представлялся ясным. Однако, это было не так. Новый военный министр высказал более благоприятные данные о могущих быть переданными в армию укомплектованных, чем те, которые я имел до сих пор. Он говорил о 600.000 человек. Я не мог проверить этой цифры. На меня произвело особенно глубокое впечатление, что войсковые части, расположенные на родине, могут немедленно выделить от 60.000 до

70.000 человек. Почему же их не дали раньше? Я заявил, что если я получу укомплектования, о которых здесь говорилось, то я с уверенностью буду смотреть на будущее. Однако, пополнения должны прибыть как можно скорее. Министр обещал не задержать их отправку ни на один день.

Далее, я перешел к вопросу о духовном состоянии войск и родины, имевшему столь решающее значение, и высказал мысли, которые я столь часто развивал уже в этих записках. Я подчеркнул, что в данный момент армия особенно нуждается в моральной поддержке.

По желанию имперского канцлера, все три присутствующие парламентские статс-секретари должны были высказаться о настроении Германии.

Статс-секретарь Грёбер говорил не прямо по вопросу.

Статс-секретарь Шейдеман высказался очень серьезно. Он охотно верил, что мы еще можем мобилизовать для армии сотни тысяч людей, но считал ошибочным предполагать, что эти сотни тысяч улучшат настроение войск. „Рабочие все более и более приходят к заключению, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца". Статс-секретарь Шейдеман считал причиной столь печального настроения нужду в продовольствии, которую он ставил в связь с недостатком в вагонах. Я немедленно обещал принять все возможные меры, чтобы устранить этот недостаток, поскольку это зависело от меня. В общем, в его словах заключались тяжелые обвинения нашему правительству, которое с 1914 г. допустило такой упадок духа. Речь статс-секретаря Шейдемана являлась об'явлением политического банкротства, к которому внутри государства привели имперский канцлер и партии большинства.

Статс-секретарь Гаусман полагал, что призыв к народу произвел бы сильное действие.

Статс-секретарь Эрцбергер отсутствовал; в эти дни он потерял своего сына, который также хотел служить своему отечеству.

Вице-канцлер фон-Пайер не смотрел на настроение столь серьезно, как статс-секретарь Шейдеман, и высказал совершенно в моем духе приблизительно следующее:

„Когда поступила вторая нота Вильсона, то настроение совершенно пало, и все увидели, что речь идет о жизни и смерти, но и в этом настроении вновь произошла коренная перемена. Все увидели, что мы, как нация, прежде всего обречены на экономическую гибель. Теперь каждый может решить сам, можем ли мы это допустить. Если мы скажем людям: существует еще возможность, если вы выдержите. Если же вы не сможете держаться еще несколько недель, то вы должны итти на то, что Германия будет вычеркнута из круга народов. Вы должны помнить, что вы возьмете на себя тяжелое бремя в виде

уплаты военных издержек, которое вас задушит. Этим путем мы сможем еще раз поднять германский народ.

Правда, мы находимся в очень тяжелом положении, но мы преждевременно не должны складывать оружия, и если нам удастся так составить ноту, что населению все станет совершенно ясно, то не все еще будет потеряно".

Статс-секретарь Фридберг говорил в том же духе и полагал: „Во всяком случае мы должны действовать, не теряя времени".

На ряду с вопросом о пополнении, существовал еще вопрос о под'еме морального напряжения, от которого зависело все. Почему же те, которые знали его положение, не обратились раньше с призывом? Это остается для меня неразрешенной и роковой загадкой.

Об общем нашем военном положении я не мог сказать ничего нового. О западном фронте я повторил то же, что уже говорил 10-го октября: „Я считаю, что прорыв нашего фронта возможен, но не считаю его вероятным. Если вы ставите вопрос о том, что лежит у меня на душе, то я могу только ответить: я прорыва не боюсь".

Изменение к худшему оставалось возможным в любой момент, но в течение последних боев не случилось ничего для нас неожиданного. Фронт держится не лучше и не хуже, чем раньше. Наши войска давали те результаты, на которые расчитывало верховное командование. Как мне представлялось, наступательный порыв противника шел на убыль.

Переговоры с Вильсоном до сих пор не привели ни к какому результату. Мы сохраняли полную свободу решений и могли продолжать или прервать переговоры. В обоих направлениях мы могли действовать, не будучи ничем связаны. Разве развитие вооружений является преступлением, если вы честным образом стремитесь к миру, и вам в нем отказывают? Разве является преступлением отказ от искренне желанного соглашения, если противник требует большего, чем вы можете дать? Разве кто нибудь бросил Троцкому обвинение в нелойяльном образе действий, когда в начале февраля он отказался подписать мирный договор? В искренности нашего тяготения к миру никто не мог сомневаться. С другой стороны, это было наше полное право—до последнего защищать нашу жизнь и честь. Долгом правительства перед народом являлось применить все доступные средства, чтобы при заключении искренне-желанного соглашения с Антантой, по крайней мере, не быть вынужденными на слишком тяжелые уступки. Простейшее умозаключение приводило к выводу, что чем сильнее мы будем в военном отношении, тем в лучших условиях сможем вести переговоры.

Теперь положение было таково, что продолжение войны являлось нашим долгом, если мы не хотели сдаться на милость врага, не оставлявшего нам больше никаких надежд. Проявление энергии

с нашей стороны могло лишь улучшить, но ни в коем случае не ухудшить наше положение. К этому стремились лучшие элементы армии и очень значительная часть народа.

Большая часть германского народа еще могла и хотела отдать армии свои последние силы. Обязанностью правительства являлось превратить это желание в действительность. Я высказался в этом смысле. В общем, я высказал те же мысли, о которых говорил имперский канцлер 5-го октября, а также поставил на обсуждение, не следует ли депутата Эберта, как лидера социал-демократии, включить в состав правительства, чтобы через его посредство повысить силу сопротивления народа и влить новые силы для дальнейшего ведения войны. В согласии с адмиралом Шеером, отказаться от подводной войны я считал невозможным. Она беспрерывно пожирала силы Англии, и выпустить из рук такое оружие по первому же окрику противника было бы таким признанием слабости, что хуже нельзя было и придумать. Это должно было страшно повысить неприятельские аппетиты.

Тогда статс-секретарь Зольф бросил мне упрек в том, что я изменил свое мнение. Я был поражен: ведь правительство в крайнем случае также хотело продолжать войну. Даже если я теперь давал более уверенную оценку обстановки, чем раньше, то каждый благоприятный штрих в характеристике нашего военного положения мог и должен был лишь радовать статс-секретаря, так-как это облегчало ему ведение переговоров. К тому же, в этот момент мое внимание отнюдь не было приковано к разрыву переговоров. Я жаждал лишь внести ясность в наше мышление и в нашу конечную волю. Я еще раз резюмировал все сказанное мною в следующих словах:

„Теперь, как и прежде, я полагаю, что мы, при малейшей возможности, должны стремиться начать переговоры об установлении перемирия. Но мы можем принять лишь такие условия перемирия, которые сохраняют за нами возможность упорядоченной эвакуации оккупированной территории. Последнее требует по крайней мере двух или трехмесячного срока. Мы также не можем согласиться на какие либо мероприятия, которые лишили бы нас возможности возобновить военные действия; между тем, нота дает основание для заключения, что последнее входит в требования неприятеля. Условия перемирия стремятся нас обезоружить. Прежде чем мы решимся на дальнейшие шаги, противник должен, наконец, сказать, в чем, собственно, заключаются его условия. Мы не должны просто порвать с Вильсоном; наоборот, нам нужно поставить ему вопрос: „Скажите же, наконец, ясно, что нам делать. Но если ваши требования будут направлены против нашего национального достоинства или лишат нас возможности защищаться, то наш ответ будет во всяком случае отрицательным.

Таким образом, я продолжаю стоять на своей прежней точке зрения".

Затем я перешел к вопросу о разрушениях, которые, по данным Антанты, мы производили при отступлении.

„Мы считали своим долгом принять все меры, чтобы разрушения были ограничены пределами, вызываемыми военными требованиями. Нельзя взять на себя ответственности, что дома останутся в целости; кров сильно облегчает положение противника. Ведь неприятель также разрушал дома. В Лиле мы оставили неповрежденными электрическое освещение, водопровод и трамвай, но телеграф, телефоны и железные дороги были разрушены. Но самый большой вред причинили английские пушки и летчики.

На армии не может лежать ответственность за отдельных необузданных людей, но я все время боролся с такой необузданностью. Я прошу подчеркнуть это в ноте, которая будет отправлена Вильсону, так-как армия в праве этого требовать".

На этом заседание закончилось. Статс-секретарь Грёбер и Гаусман, рядом с которыми я сидел, выразили мне свое удовольствие за то, что я поднял их настроение. Я в бодром настроении возвратился в Спа.

На заседании речь шла также о катастрофе, о которой в конце сентября или начале октября верховное командование якобы кричало на всех углах. Последнее, в связи с утверждением статс-секретаря Зольфа, что я изменил свою точку зрения, заставило меня еще раз переговорить с майором бароном фон-дем-Бушэ о докладе, который он сделал в начале октября. Он вновь мог только сослаться на написанный текст своей речи. Полковник фон-Гефтен также никогда не высказывался в таком смысле.

Повышенное настроение держалось в Берлине до полудня 19-го октября, но затем оно радикально изменилось.

Я не знаю ближайших подробностей происшедших событий. Но почему же статс-секретари, в словах которых 17-го числа было столько уверенности, не переходили к делу? Ведь они знали, что стояло на карте? Мне столь же непонятно заявление статс-секретаря Конрада Гаусмана, сделанное им 12-го мая 1919 г. и встреченное бурными аплодисментами: „Если бы наши войска, если бы наши рабочие 5-го и 9-го ноября знали, какой облик примет мир, то армия не сложила бы оружия и продолжала бы держаться". Случившееся уже можно было ожидать 17-го октября. Мировая история подтверждает это неоспоримо. Мы предостерегали от капитуляции. В конце концов, необходимо было только стать на почву действительности. Надо было лишь перестать обманывать себя и народ, и найти в себе решимость перейти к делу, которая всегда была у верховного командования.

20-го октября к нам в Спа был прислан новый проект ответа. Подводная война прекращалась, и мы вступали на путь капитуляции со всеми его отрицательными последствиями. Генерал-фельдмаршал

и я вновь указали на это; еще раз прозвучали наши предостерегающие голоса. Мы предложили обратиться с призывом к народу. Мы отказались принять какое либо участие в этом проекте ответа. Военный кабинет императора был этим очень взволнован, но почему, я не знаю. Мы были людьми, которые имели собственные мнения, и шли по тому пути, который мы считали правильным, и по которому постоянно следовали.

Ответ Вильсону был отправлен 20-го октября. Подводная война была принесена в жертву. Эта уступка Вильсону глубочайшим образом задела армию и особенно флот; у моряков настроение должно было невероятно понизиться. Кабинет сложил оружие.

22-го октября имперский канцлер заявил: „Кто честно становится на точку зрения справедливого мира, тот одновременно берет на себя обязательство не склониться без боя перед насильственным миром. Такое правительство, которое бы этого не понимало, заслуживало бы презрения воюющих и трудового народа". Но от его слов ничто не изменилось. За этими словами не последовало никаких действий. Ничего не делалось, чтобы поднять настроение на родине и в армии. Принц Макс и его сотрудники вынесли собственный приговор.

Только военный министр работал, чтобы изготовить укомплектование. Но и в этой области ничего не удалось достигнуть, так как часть запасных отказывалась ехать на фронт. Правительство уступило.

XI.

23-го или 24-го октября был получен ответ Вильсона. Это было меткое использование нашего малодушия. Теперь он ясно высказывал, что условия перемирия могут быть лишь таковыми, которые лишат Германию возможности возобновить военные действия и дадут союзным державам неограниченное право установить в подробностях мир, на который идет германское правительство. С моей точки зрения, никто больше не мог сомневаться в необходимости продолжать войну. На основании впечатлений, вынесенных мною из заседания 17-го октября, я полагал, что народ еще возможно привлечь к продолжению войны, хотя опять были потеряны драгоценные дни.

На западе в эти дни события развивались следующим образом:

4-я армия закончила отступление на позицию Германа, происходившее в тесном соприкосновении и в непрерывных боях с наседавшим противником. 19-го октября были очищены Брюгге, Тиль и Куртрэ. 20-го бои шли на реке Лис, у Дейнце противник переправился на восточный берег и пытался сильным напором между р. Лис и Шельдой оттеснить нас от р. Лис. 25-го бои опять приняли характер сражения, в котором противник медленно продвигался к Шельде

в направлении на Гент—Уденардэ. Между р. Лис и Шельдой бои распространились также и на 6-ю армию

17-го октября 6-я и 17-я армии оставили Лиль и Дуэ и, в связи с 4-й армией, отступили за канал Дель в направлении Авельгем—Турнэ и Валансьен. 20-го противник подошел к этим городам. Местные жители вновь начали принимать участие в боях.

На южном крыле 17-й и во 2-й и 18-й армии шли тяжелые бои 17 и 18 октября противник энергично атаковал между Ле-Като и р. Уазой. Мы были вынуждены отвести фронт в районе к юго-западу от Ландреси до р. Уазы и за канал Самбра—Уаза. 19-го в боях наступила пауза, а с 20-го октября неприятельские атаки стали распространяться к северу. Неприятель продвигался через Сольм и Ле-Като в направлении на Ландресси. Бои обошлись нам дорого. Войска дрались не везде хорошо, но часть дивизий вновь действовала блестяще. Повторялось все то же явление.

Фронт кронпринца германского сначала задержал левое крыло 18-й армии на р. Уазе, выше Ла-Фер. Попытки противника переправиться через р. Уазу были отбиты. 20-го октября мы отошли на позицию Германа между р. Уазой и р. Сер, противник вплотную подошел к ней. Здесь также развились жестокие бои.

7-я и 1-я армии были атакованы между реками Сер и Эном, но полностью удержали свои позиции. 25-го октября они отразили с большими потерями сильный натиск неприятеля

Далее противник произвел сильный напор на р. Эн, до участка Вузье—Гранпрэ, в долине р. Эр и на высотах левого берега Мааса. Бои были очень тяжелыми, поглощали много сил, но не привели ни к каким существенным изменениям нашего фронта. Как и раньше, бои распространялись на восточный берег Мааса, но также не произвели здесь никаких изменений в положении. Далее к юго-востоку вплоть до швейцарской границы было боевое затишье.

25-го октября вечером весь западный фронт находился в величайшем напряжении. Бой шел на всем пространстве от голландской границы до Вердена. Армия больше ничего не получала от родины. Какое-либо поощрение отсутствовало. Это было чудо, что войска еще столь геройски дрались. Работы по эвакуации территории продолжались, несмотря на чрезвычайно трудные условия эксплоатации железных дорог.

Постройка позиции Антверпен—Маас медленно подвигалась вперед. Верховное командование должно было считаться с необходимостью в начале ноября отвести туда, в целях большего сокращения, фронт. Само собой разумеется, что это сокращение представляло такие же выгоды и для противника. В виду разрушения железных дорог, сила неприятельского наступления на севере должна была уменьшиться. Надо было ожидать, что теперь он предпримет наступление в Лотарингии.

24-го октября в Италии началось наступление итальянцев. Сначала удар был направлен на горный участок, и лишь 26-го с полной силой обрушился на фронт по р. Пиаве. 25-го вечером еще не произошло особенно значительных событий. Австро-венгерский фронт еще держался, однако, я все же предполагал, что Австро-Венгрия вскоре заключит мир. В виду этого, по соглашению с баварским военным министерством, были приняты первые оборонительные мероприятия на тирольской границе.

В Сербии генерал фон-Кевес был вынужден отдать приказ об отходе за Дунай. На румынской границе по Дунаю и против румынской армии, расположенной на противоположном берегу Серета, не произошло никаких перемен, и там все продолжало еще балансировать.

Порыв германского народа во всех отношениях улучшил бы наше положение. Сколько времени мы могли бы еще воевать, нельзя было сказать. Психика неприятеля была нам неясна. Но без труда нельзя было разбить великую нацию, если в ней имелась налицо воля. Это уже показала Франция в 1870—71 году и буры в борьбе с Англией. В „Sunday Pictorial" от 12 января 1919 г. Винстон Черчиль оценивал военное положение Антанты следующим образом:

„Еще бы немного, и подводная война, направленная против морской торговли, вместо того, чтобы привлечь на нашу сторону Америку, привела бы нас неизбежно к сдаче, вследствие голода...

Такой же спорный характер борьба имела до конца. Но в результате мы выиграли, так как вся нация работала дружно и без колебаний....

Чем ближе мы ознакамливаемся с условиями борьбы, тем отчетливее мы сознаем, на каком маленьком, тонком и опасном волоске висел наш успех".—

25-го октября генерал-фельдмаршал и я в Берлине, куда мы вновь отправились, доложили его величеству наши взгляды. Мы должны продолжать воевать. Новый начальник гражданской канцелярии императора, его превосходительство фон-Дельбрюк, был против. Он воздерживался от собственного мнения, но полностью стоял на точке зрения принца Макса. К нашему удивлению, он также не знал, что мы уже в середине августа говорили с имперским канцлером о мире. Император не принял никакого решения, но проявил ко мне доверие. Он направил фельдмаршала и меня к имперскому канцлеру. Последний был болен. В 9 часов вечера нас и адмирала Шеера принял его превосходительство фон-Пайер. Он лично держался очень холодно и совершенно иначе, чем при наших прежних встречах. Конечно, он знал, что кабинет хочет моей отставки, так как я защищаю точку зрения необходимости продолжать войну. Тут же присутствовал военный министр, который ни в рейхстаге, ни внутри кабинета министров

не выступал на защиту императора и армии; в противном случае ему пришлось бы покинуть свой пост. Наступил чрезвычайно печальный момент; было ясно, что правительство больше не желает воевать. Оно считало своим долгом идти на все жертвы. Может быть оно уже слышало рокот революции 9-го ноября? Надеялось ли оно спасти отечество от нее посредством капитуляции перед внешним врагом? Я говорил серьезно и взволнованно. Я предостерегал от воли противника уничтожить нас и от надежд на Вильсона.

Я предостерегал от большевизма в Германии и от травли, направленной на офицеров, которая теперь развивалась с особенной силой. В России это также явилось решительным моментом переворота.

Я предостерегал против попыток пошатнуть положение императора в армии. Его величество был нашим верховным главнокомандующим, вся армия видела в нем своего главу, мы все присягали ему в верности. Этих невесомых данных нельзя было недооценивать. Они вошли в нашу плоть и кровь и тесно связывали нас с императором Все, что направляется против императора, направляется и против сплоченности армии.

Только очень близорукие люди могли расшатывать положение офицерского корпуса и верховного главы армии в такой момент, когда армия подвергалась величайшему испытанию. Это был самый тяжелый удар, направленный против порядка в армии и государства, притом в момент, когда армия была призвана спасать государственный порядок. Впоследствии это в гораздо большей степени разрушило дисциплину в войсках, чем требование спешного очищения левого берега Рейна, которому мы подчинились.

В начале ноября я в том же смысле высказался нескольким социал-демократическим вождям. Они также не могли понять, что представлял император для армии, и не только для нас, старых офицеров, но также и для рядовых солдат. После 9-го ноября было много примеров, подтвердивших мой взгляд.

Я не вошел с вице-канцлером фон-Пайером в обсуждение событий, которые до полудня разыгрались в рейхстаге и касались верховного командования. Я имел по поводу них лишь одно непонятое мною извещение. 24-го вечером, перед самым моим отъездом из Спа, мне было представлено, для разъяснения войскам 3-й ноты Вильсона, нижеследующее обращение к армиям, уже подписанное фельдмаршалом и отвечавшее господствовавшему в ставке взгляду. Мне казалось необходимым, чтобы верховное командование стало на определенную точку зрения к ноте Вильсона, согласовавшуюся со взглядами Берлина, чтобы уменьшить разлагающее действие этой ноты на армию. Телеграмма армиям гласила:

К сведению всех войск.

„Вильсон говорит в своем ответе, что он хочет предложить своим союзникам вступить в переговоры о перемирии, но условия перемирия должны в такой степени обезоружить Германию, чтобы она не могла вновь возобновить военные действия. Он согласен лишь в таком случае начать мирные переговоры с Германией, если последняя, в виду своих внутренних условий, пойдет всецело на подчинение требованиям союзников. В противном случае, он признает лишь безусловную сдачу.

Ответ Вильсона требует военной капитуляции, в виду чего он для нас, солдат, неприемлем. Он является доказательством того, что стремление противника уничтожить нас, приведшее в 1914 г. к войне, продолжает существовать в полном об'еме. Далее он является свидетельством того, что слова „справедливый мир" употребляются нашими противниками только для того, чтобы ввести нас в заблуждение и сломить нашу силу сопротивления. В виду этого, ответ Вильсона для нас, солдат, может лишь явиться указанием на необходимость крайнего напряжения сил для продолжения сопротивления. Если противник придет к сознанию, что несмотря ни на какие жертвы, нельзя прорвать германский фронт, то он согласится заключить такой мир, который обеспечит будущее Германии и интересы широких народных масс".

Подписал: фон-Гинденбург"

Действующая армия.
24 октября 10 часов вечера.

Я был настолько занят, что составлявший телеграмму майор, имея в виду предстоящую поездку по железной дороге, сначала понес ее на подпись к генерал-фельдмаршалу, и лишь затем ко мне. Обыкновенно все бумаги, которые подписывал фельдмаршал, сначала представлялись мне для скрепления. Приказ не отвечал ответу, который был послан Вильсону 20-го октября. Я усумнился и спросил майора, действительно ли тенденция приказа отвечает взглядам правительства. Он ответил мне утвердительно. Телеграмма находилась в соответствии с указаниями, которые полковник фон-Гефген и тайный советник фон-Штумм дали представителям прессы от лица министерства иностранных дел. У меня вновь зародилась надежда, и я дал свою подпись.

Впоследствии выяснилось, что утверждение, что содержание телеграммы отвечает мнению правительства, не верно. В виду этого, полковник Гейэ задержал распространение этой телеграммы. Но из Ковны, где революционные организации уже контролировали телефонные разговоры, она дошла до сведения независимой социал-де-

мократии, а следовательно и рейхстага. Кроме того, она, по обыкновению, была сообщена, без права оглашения, представителям печати. 25-го октября, в полдень, на заседании рейхстага разразился поток негодования по адресу верховного командования. Правительство не двинуло пальцем в его защиту, хотя в этот момент верховное командование еще являлось авторитетом для мощной армии. Я был извещен об этом лишь поздно вечером 25-го числа. В противном случае я переговорил бы по этому поводу с вице-канцлером фон-Пайером. Вся история, как этот приказ зародился, была затем сообщена правительству. Но тем временем извращение действительности достигло своей цели—я был отрешен.

25-го октября совещание в имперском министерстве внутренних дел продолжалось $1^1/_2$ или 2 часа. В коридоре меня ожидали генерал фон-Винтерфельд и полковник фон-Гефтен. Я был глубоко взволнован и мог им только сказать: „Больше уже надеяться не на что, Германия погибла". Они также были потрясены.

В германской ноте от 27-го октября говорилось о нашем согласии капитулировать.

26-го октября в 8 часов утра, находясь еще в том же душевном настроении, как и накануне вечером, я написал прошение об отставке. Я исходил в нем из взгляда, что после вчерашнего разговора с вице-канцлером фон-Пайером я пришел к убеждению, что правительство больше неспособно подняться на подвиг. Тем самым оно ставит его величество, отечество и армию в положение, в котором удержаться нельзя. Так как я имею репутацию человека, затягивающего войну, то, принимая во внимание позицию, которую правительство заняло по отношению к Вильсону, мой уход может явиться теперь облегчением для Германии. В виду этого я просил его величество меня всемилостивейше уволить.

В 9 часов утра 26-го генерал-фельдмаршал по обыкновению пришел ко мне. Я отложил в сторону свое прошение, так как решил доложить о нем фельдмаршалу лишь после того, как оно будет доставлено его величеству. Генерал-фельдмаршал был свободен в своих решениях, и я не хотел оказывать на него какого-либо влияния. Но он увидал бумагу, и она привлекла его внимание. Он просил меня не отправлять прошения; я должен остаться и не имею права покидать императора и армию. После продолжительной внутренней борьбы, я согласился. Я пришел к убеждению, что должен оставаться на своем посту, и предложил генерал-фельдмаршалу сделать попытку еще раз переговорить с принцем Максом. Последний нас не принял; он все еще был болен. Пока я ждал приема, полковник фон-Гефтен доложил мне, что правительство добилось у его величества моей отставки, и что внешним поводом к этому был выставлен вышеуказанный приказ

по армии. Император в ближайшее время должен был вызвать меня в замок Бельвю. Меня уже ничего больше не удивляло; сомнений о моей участи у меня не оставалось. Еще не успел закончиться разговор с полковником Гефтеном, как мы, в неурочное время, были неожиданно вызваны к его величеству.

По дороге от здания генерального штаба до замка Бельвю я сказал генерал-фельдмаршалу о только что полученных мною сведениях. Впоследствии я узнал, что принц Макс заявил императору, что если я останусь, то кабинет подаст в отставку.

Император, по сравнению с предыдущим днем, совершенно изменил тон, и высказал, обращаясь исключительно ко мне, свое несогласие с приказом по армии от вечера 24-го октября. Мне пришлось пережить самые горькие минуты моей жизни. Я почтительно доложил его величеству о создавшемся у меня болезненном впечатлении, что я не располагаю больше доверием его величества, в виду чего я всеподданнейше прошу меня уволить. Император выразил свое согласие.

Я уехал оттуда один. Императора я больше не видел. Возвратившись в здание генерального штаба, я с глубокой скорбью сказал моим сотрудникам, в том числе и полковнику фон-Гефтену, что через две недели у нас больше не будет императора. Им это тоже представлялось ясным. 9-го ноября Германия и Пруссия стали республиками.

Генерал-фельдмаршал еще зашел ко мне на минутку в мою комнату. Я мог только показать мое прошение об отставке, которое три часа тому назад он помешал мне отправить. На том мы расстались.

Я немедленно сдал свою должность. Я отправил свое прошение об отставке, которое было подписано утром; теперь следовало бы изменить его текст.

26-го вечером я возвратился в Спа, чтобы попрощаться со своими сотрудниками, с которыми в течение долгих лет делил радость и горе, и привести в порядок личные дела.

Днем 27-го октября я был в ставке, и после обеда распрощался Я был взволнован. Мне было больно в такой тяжелый момент расставаться со своими сотрудниками и с армией. Но при моих взглядах на отношения между мной, как офицером, и моим военным вождем, как бы бесконечно тяжело это мне ни было, я не мог поступить иначе, чем поступил. В течение всей своей солдатской жизни, я следовал только по одному пути, а именно по прямому пути долга. Мною руководила только одна великая мысль—любовь к отечеству, к армии и к наследственному царствующему дому; я жил этой мыслью последние четыре года. У меня была единственная забота—

сломить стремление неприятеля уничтожить нас и обеспечить Германию от нового нападения неприятеля.

27-го октября, находясь в расцвете сил, я закончил в Спа свою военную карьеру, которая открыла передо мной обширное поле для творчества, но в то же время возложила на меня такую ответственность, которую лишь немногим людям приходилось нести.

Вечером я покинул Спа. В Ахене я отыскал помещение своего первого ночлега во время войны. Я думал о Льеже. Я показал там себя, как бойца, и с тех пор не изменился. Мои мускулы сохранили свою упругость. Я возвратился на родину.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

С конца октября события приняли галопирующий темп. На западе 4-го ноября германская армия, еще твердо сплоченная, под сильным натиском противника отошла от Вердена на позицию Антверпен—Маас. Эльзас-Лотарингский фронт был в полном порядке и находился в ожидании неприятельского натиска.

В сражении в Верхней Италии, продолжавшемся с 24-го октября до 4-го ноября, австро-венгерская армия совершенно рассеялась.

Неприятельские войска подвигались к Инсбруку. Верховное командование принимало обширные меры по обеспечению южной границы Баварии. На Балканском театре мы удерживали линию Дуная.

Мы остались одинокими на свете.

В начале ноября подготовленная независимой социал-демократией революция вспыхнула прежде всего во флоте. Правительство принца Макса не нашло сил задушить в его зародыше революционное движение, которое вначале, следуя русскому образцу, имело лишь местный характер. Оно выпустило управление из своих рук и предоставило дела собственному течению.

В 12 часов дня 9-го ноября имперский канцлер принц Макс самовольно об'явил об отречении императора. Старое правительство отдало приказ войскам, равносильный запрету действовать оружием, и затем исчезло.

Император оказался перед совершившимся фактом, и по совету, который ему был дан в ставке, уехал в Голландию. Кронпринц последовал за ним, после того, как в Берлине отклонили его ходатайство продолжать службу на каких угодно условиях. Монархи германского союза также отреклись от своих престолов.

9-го ноября Германия, лишенная твердого управления и какой бы то ни было воли, и оставшаяся без своих монархов, развалилась, как карточный домик. Исчезло все, для чего мы жили, и за что истекали кровью в течение тяжелых четырех лет. У нас больше не было отечества, которым мы могли бы гордиться. Государственный и общественный порядок был уничтожен. Всякий авторитет пропал. Хаос

большевизм и террор, эти звучащие не по немецки слова и не немецкие по своему существу, совершали свой въезд в германское отечество. Продолжительная и планомерная подпольная работа уже давно подготовила и создала на родине рабоче-солдатские советы. Для этого налицо оказались люди, которые, будучи на фронте, могли бы обеспечить германскому народу другой исход войны, но до сих пор оставались в тылу, как „незаменимые“ или как дезертиры.

Большинство запасных частей, в которых уже давно пустили корни идеи переворота, перешли на сторону революционеров.

Этапные части, в том числе войска на территории оккупированных на западе и востоке областей, в которых переворот также был хорошо подготовлен, забыли дисциплину и порядок, и, сломя голову, грабя по дороге, устремились домой. Войска из Румынии и с фронта по Дунаю отступили в Венгрию, но здесь позволили себя задержать.

На западном боевом фронте с изъявления свыше торопились создать солдатские советы и боялись, что они не будут достаточно скоро образованы.

Новая власть и ее буржуазные попутчики отказались от всякого сопротивления и, не имея на то законного права, подписали капитуляцию и предали Германию на милость беспощадного врага.

Западная армия еще в порядке отошла за границу и отступила за Рейн, но затем, вследствие поспешной демобилизации и непосредственного соприкосновения с революционными толпами родины, также поддалась разложению.

Люди, которые безукоризненно вели себя на фронте, в нервном развале этих дней пожертвовали армией и отечеством, и думали лишь о самих себе. Это относится также и к офицерам, которые отбросили в сторону свой профессиональный долг и забыли свое историческое назначение. Мы переживали такие сцены, которые после 1806 года ни один пруссак не считал возможным. Тем выше надо ценить преданность тех офицеров, унтер-офицеров и солдат, которые и при новых условиях в прежнем духе предложили себя в распоряжение отечества.

Везде происходило хищение военного добра и полностью уничтожалась способность отечества к обороне.

Исчезла гордая германская армия, которая выполнила невиданные в истории дела и в течение четырех лет противостояла превосходному противнику, охраняя границы родины. Победоносный флот был выдан противнику. Новые германские правители, не сражавшиеся сами до сего времени на фронте, торопились помиловать дезертиров и прочих военных преступников, в том числе частью и самих себя и своих ближних друзей. Власти и солдатские советы усердно и решительно работали, чтобы уничтожить все следы военной жизни. В этом выражалась благодарность новой родины германским солда-

там, из которых миллионы проливали за нее кровь и отдавали свою жизнь. То разрушение вооруженных сил Германии, которое произвели сами немцы, являлось столь трагичным преступлением, какого еще никогда не видел мир. Над Германией пронесся опустошающий поток, но это наводнение не являлось проявлением элементарных сил природы, а являлось последствием слабости германского правительства в лице имперского канцлера и падения германского народа, оставшегося без руководства.

Люди, которые в течение десятков лет смущали германский народ, давая ему бессовестные обещания, и в течение всего этого времени вели систематическую травлю и подрывали авторитет в государстве и в армии, вскоре оказались вынужденными отказаться от пропагандируемых ими до сих пор начал. Теперь надо было создать новый авторитет и новую армию, чтобы противопоставить внутри государства силу против силы, в чем прежде никогда не встречалось надобности. В это сумрачное время неожиданно образовался просвет, отечество было спасено, но не созданными революцией войсками, а добровольческими формированиями, сохранившими дух и дисциплину 1914 года; человечество оказалось еще недостаточно созревшим для мнимых благ революций. То, что представлялось завоеванием революции, могло быть достигнуто и легальным путем, и при этом не потребовалось бы самоуничтожения. Это была безумная, преступная шутка, которую сыграли над германским народом в самый тяжелый для него момент. За этот невероятный проступок ему пришлось расплачиваться своей жизнью и своими идеалами.

Мир созерцал с удивлением эти события и не мог понять; слишком невероятным являлся развал гордой и могущественной Германской Империи, наводившей ужас на своих врагов. Антанта еще опасалась нашей силы, которая в действительности была уже уничтожена, и продолжала делать все возможное, чтобы использовать благоприятный момент, поддерживая посредством пропаганды процесс нашего внутреннего разложения, и вынуждала нас заключить мир илотов.

Германия глубоко опустилась, и по собственной вине. Она больше не является великой державой и не представляет самостоятельного государства. Ее достояние и ее существование находятся в опасности.

Германия вышла из мировой войны ослабленная во всех отношениях; ее окарнали и лишили областей и части населения, принадлежавших ей в течение многих поколений.

Она потеряла все колонии.

Германский торговый флот исчез с океанского простора. Ее экономические силы подорваны, а что осталось, то поставлено в за-

висимость от усмотрения победителя. Жизнь 70 миллионов немцев стоит на колеблющейся почве.

Контрибуции, возложенные на нас, непосильны.

Вина, которая ложится на революцию, не ограничивается этим миром. Она наложила на германский народ тяжелое ярмо, и сделала жизнь под этим рабским игом совершенно невыносимой. Народу грозит полное истребление.

Революция поощряет неохоту к работе и искореняет сознание, что работа важнее заработка. Она препятствует деятельности творческих сил и вычеркивает всякое проявление личности. На место личности является господство массы и посредственности. Импульс, необходимый для восстановления государственной и экономической жизни, поставлен под вопросом, если не сгинул на долгое время.

Родина настолько обессилена миром, что не может сохранить существующее население.

В Германии проливается братская кровь. Германское достояние уничтожено. Государственные деньги растрачены и употреблены на эгоистические цели; финансы Империи, отдельных государств и общин расшатываются с каждым днем. Народ, с пониженным нравственным чувством, разгуливает, пользуясь свободой революции; низменные инстинкты получили полный простор и не считаются ни с чем. Везде господствует беспорядок, страх перед работой, обман и погоня за чрезмерной наживой. Рядом с миллионами могил павших за отечество и на глазах многих калек, на которых покоится наш взор, во многих местах ведется отвратительная, разгульная жизнь. Германия представляет отталкивающее и недостойное зрелище, которое вызывает неописуемую грусть в сердце каждого истинного немца, и возбуждает презрение у врагов и нейтральных страх.

Появляются немцы, которые на глазах врагов возводят на Германию ложное обвинение в бесчинных поступках, чтобы понравиться врагам, и снискать их милость. А германцы, которые верно служили своему отечеству, выдаются правительством противнику, чтобы увеличить его триумф. Это было кульминационным пунктом нашего самоунижения, которое вызвало стыд и отвращение у германского народа.

Революция превратила немцев в париев среди других народов, внешний союз с коими потерял всякую ценность, в илотов на службе у иноземцев и иностранного капитала, в людей, которые сами перестали себя уважать.

„Через двадцать лет германский народ проклянет те партии, которые хвалятся теперь, что они сделали революцию". Эта огромного значения истина была высказана одним социал-демократом своим товарищам на втором конгрессе советов в апреле 1919 г. в Берлине.

Мир явился заключительным аккордом судьбы германского народа в настоящем. Перед нами лежит мрачное будущее, и его лишь освещают подвиги героев „Скапа Фло!"

Все фигляры и обманщики рассеялись; массовый гипноз начинает исчезать. Перед нами пустота, самообман, болтовня, надежды на других, вера в призраки и храбрость на словах — плохое утешение для будущего; эти приемы не годятся нам в настоящем, как никогда не помогали и в прошлом.

Нужно совсем иное.

Каждому немцу пред'является требование — бесстрашно мыслить, мужественно действовать, самоотверженно подчиняться национальной дисциплине и забыть о собственном я. Только таким путем возможно восстановить народное достоинство, что является необходимой предпосылкой для возрождения Германии. Это первая заповедь.

Любовь к земле и к ремеслу, любовь к работе, неустанная творческая деятельность, железное прилежание и свободная инициатива в экономической жизни, учитывающая, однако, нужды людей, с которыми приходится совместно работать. Дружная деятельность бедных и богатых, рук и голов, построенная на взаимном доверии и олицетворенная в понятии трудового долга, и свобода для великого честного труда лежат в основе всех немецких добродетелей и являются необходимым условием для нового возрождения. Это наша вторая заповедь.

Германец должен вновь стать сознающим свой долг, искренним, правдивым и отважным; должна установиться строгая нравственность. Это третья заповедь. Слова Фихте, что требование быть немцем, равносильно требованию иметь характер, должны опять стать истиной. Только таким путем мы сможем вновь начать себя уважать, а только самоуважением мы можем принудить и других уважать нас.

Немцы и каждый отдельный немец могут обрести самих себя только в национальном единении и национальном воспитании, в немецкой работе, в упорном труде, в сохранении человеческого достоинства, при ясном понимании жестокой действительности и полного лишений безутешного будущего. Такая работа поможет нам вновь заслужить себе отечество и преисполнит нас вновь старым духом самоотверженной любви к нему, духом, который откроет нам возможность жить для наших идеальных ценностей, для германской культуры, для процветания и безопасности родины и для ее нового укрепления. И если судьба потребует, то мы должны идти на смерть, как шли герои этой гигантской борьбы.

Огромны были достижения германского народа в течение четырех лет войны; они являются явным свидетельством находящихся

внутри нас сил, которые теперь потрясены революцией. Народ свершивший такие подвиги, имеет право на жизнь. Лишь бы только у него хватило силы сбросить кандалы, в которое он сам себя заковал. Лишь бы только он нашел руководителей, которые бы, как полководцы на войне, с сильной волей и твердой решимостью охотно шли навстречу ответственности и оросили бы свежим и укрепляющим нектаром народную жизнь. Лишь бы нашлись люди, которые бы со своими преданными последователями сумели об'единить лучшую часть народа для творческой деятельности и сплотить национальную силу.

После пережитого глубокого падения, вспомним героев, павших за величие Германии, которых теперь столь недостает отечеству, что бы научиться вновь быть немцами, и гордиться тем, что мы немцы!

Дай бог.

Оглавление

ЧАСТИ ВТОРОЙ.

Стр.

Наступление Антанты в первой половине 1917 года 3

Отход на позицию Зигфрида.—Указания для оборонительных боев на западе.—Русская революция.—Об'явление войны Америкой.—Сражение при Аррасе и двойное сражение Эн-Шампань.—Бои в изгибе Витшате и германские атаки местного значения.—Бои на востоке.—Имперский канцлер фон-Бетман и граф Чернин.—Смена канцлера и мирная резолюция.—Патриотическое просвещение и обеспечение пострадавших от войны.—Добруджский, литовский и эльзас-лотарингский вопросы.

Сражение во Фландрии и развал России летом и осенью 1917 г. 64

Бои во Фландрии, под Верденом, 11-е сражение на Изонцо, взятие Риги.—Подготовка к наступлению в Италии.—Третье фландрское сражение.—Сражения за „угол Лафо" и под Камбрэ.—Итальянская операция 1917 года.—Македонский и турецкий театр военных действий.—Островная операция на Балтийском море и перемирие на восточном фронте.—Вопрос о мире.—Внутренние условия Германии.—Основы мирных переговоров на востоке.

Подготовка к наступлению на западе в 1918 году 116

Решение наступать.—Мирные переговоры в Брест-Литовске.—Большевизм; мир с Украиной и срыв переговоров с Троцким.—Совещания в Гамбурге.—Возобновление военных действий на востоке.—Брест-Литовский мир и прелиминарный мир с Румынией.—Снаряжение и обучение войск для наступления.—Поддержка союзников, состояние наших укомплектований; настроение в армии.

Наступление на западе в 1918 году 161

План наступления.—Большое сражение во Франции.—Сражения у Арментьера и у Кеммеля.—Новые решения.—Обстановка на других фронтах; поход в Финляндию.—Сражение при Суассоне и Реймсе и австро-венгерское наступление в Италии.—Упадок моральной боеспособности.—Наша политика на востоке.—Наступательное сражение на Марне и в Шампани.—Контр-атака Фоша юго-западнее Суассона.

Финальная борьба летом и осенью 1918 года 237

8-е августа и его последствия.—Возбуждение вопроса о заключении мира.—Обострение положения, отход на позицию Зигфрида, новые совещания о приступе к мирным переговорам.—Расширение неприятельских атак на западе и развал Болгарии.—Решение верховного командования о заключении перемирия.—Введение в Германии парламентской системы.—Первая нота Вильсону.—Правительство и вопрос о перемирии.—Ответ президента Вильсона.—Продолжение боевых действий, отход на позиции Германа и Гундинг-Брунгильды.—Заседание кабинета 17-го октября.—Конец моей военной карьеры.

Послесловие 310

ПЛАНЫ.

I. Германское наступление на западе 1918 г.

II. Германское отступление 1918 г.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Москва, Смоленский б., 53, тел. 2-15-20.

Центральный Книжн. Склад ВВРС—Арбат, Глазовский, I, тел. 2-45-98.

ИЗДАНИЯ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1 НОЯБРЯ 1923 Г.

А

ЛИТЕРАТУРА ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ.

I.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.—ВОЕННОЕ ИСКУССТВО. — СТРАТЕГИЯ. — ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

Васильев, Ф. И. Стратегический очерк войны 1914—18 гг. Румынский фронт. 131 стр. Ц. 60 к.

Вацетис, И. И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. Стратегический очерк. Действия 1 и 2 русских армий и 8 германской армии. 105 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гражданская война. Материалы по истории Красной армии. Том I. 508 стр. с картами. Ц. 1 р. 75 к.

Гусев, С. И. Уроки гражданской войны. 2 изд. 46 стр. Ц. 20 к.

Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г. 109 стр. Ц. 50 к.

Дюпон. Высшее германское командование (с немецкой точки зрения). Пер. с франц. Брагинского. С предисловием Жоффра. 91 стр. с 2 схем.

Жоффр. 1914—1915 гг. Подготовка войны и ведение операций. 66 стр. с 1 схем. Перев. с франц. М. Брагинского.

Зайончковский, А. М. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Часть VI. Период от прорыва юго-западного фронта в мае 1916 г. до конца года. 137 стр. с 3 схемами. Ц. 1 р.

Какурин, Н. Русско-польская кампания 1918—1920 гг. Политико-стратегический очерк, посвященный доблестным войскам Запфронта. 75 стр. Ц. 40 к.

Каменев, С. С. Новые приемы боя. 24 стр. с 6 схем. в тексте и 1 цв. схемой в прил. Ц. 30 к.

Каменский, М. П. Гибель 20-го корпуса 8/21 февраля 1914 г. С 10 схемами, 2 кроками, и 2 отч. карточками. 202 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Котляревский, С. А., проф. Австро-Венгрия в годы мировой войны. 111 стр. Ц. 65 к.

Краев, М. Как воевали прежде. С 12 рис. в тексте («Библ. Кр-ца» № 1). Ц. 25 к.

Лодзинское сражение (Прорыв у Бржезин). Мировая война в отдельных операциях. Пер. с нем., под ред. П. И. Изместьева. 107 стр., 18 л. черт. Ц. 1 р. 10 к.

Людендорф, Э. Мои воспоминания о войне 1914—18 гг. Ч. I. 320 стр., 8 схем. Ц. 4 р. 50 к.

Маниковский, А. Боевое снабжение русской армии в 1914—18 гг. Ч. 1. 181 стр. Ц. 1 р.

Михеев, С. Военно-исторические примеры. Вып. I. Изд. 2. 60 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Михеев, С. Военно-исторические примеры. Вып. II. 89 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Мозер-Отто. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—18 гг. Пер. А. И. Мялковского. 160 стр., 6 карт. Ц. 1 р. 10 к.

Незнамов, А. А. Современная война. Ч. I. 261 стр., 4 схемы. Ц. 1 р. 25 к.

Незнамов, А. А. Стратегический очерк войны 1914—18 гг. Ч. III. 84 стр., 13 сх. Ц. 50 к.

Незнамов, А. А. Стратегический очерк войны 1914—18 гг. Ч. IV. 133 стр., 12 схем. Ц. 1 р. 20 к.

Основная военная задача момента (дискуссия на тему о единой военной доктрине). Стенографический отчет 2-го дня совещания военных делегатов XI Съезда РКП (апрель 1922 г.). 128 стр. Ц. 20 к.

Саджент, Г. Х. Стратегия на западном фронте (1914—18 гг.). Перевод с английского под ред. проф. В. Ф. Новицкого. 153 стр. с 2 схемами на отд. листах.

Свечин, А. История военного искусства. Ч. III. Новейшее время (1814—1914 гг.). 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Сборник трудов военно-научного Общ. при Воен. Акад. РККА. Кн. IV. 217 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Троцкий, Л. Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. 33 стр. Ц. 25 к.

Троцкий, Л. Перспективы и задачи военного строительства. 30 стр. Ц. 30 к.

Фрайс, А. и Вест, К. Химическая война. Пер. с английск. члена Арткома М. Н. Соболева. 506 стр., 121 рис. в тексте. Ц. 3 р. 50 к.

Фрунзе, М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия. 29 стр. Ц. 5 к.

Цихович. Стратегический очерк войны 1914—18 гг. Ч. I. 240 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Фон-Шлиффен. Канны. Пер. с нем. А. А. Свечина и А. Е. Снесарева. 214 стр., альбом схем (101 схема). Ц. 3 р. 50 к.

II.

ПЕХОТА.—АРТИЛЛЕРИЯ.—КАВАЛЕРИЯ.—ОБЩАЯ ТАКТИКА.

Белолипецкий, В. Передвижение пехоты («Библиотека Красноармейца»). 32 стр. Ц. 10 к.

Брухмюллер, Г. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. Пер. А. Таубе, под ред. А. Бурова. 165 стр. Ц. 3 р.

Временный французский устав маневрирования пехоты. Ч. I и приложения 1920—1921 гг., пер. под ред. Н. П. Сапожникова. 177 стр. Ц. 1 р.

Временный французский устав. Ч. II. и прилож. от 1 февраля 1920 г. 25 черт. в тексте и на отдельных листах. Стр. 251.

Довгилевич, Н. И. и Иванов, А. Т. Одобренный артиллерийским к-том «Сборник сведений об орудиях, лафетах, снарядах и зарядах в русских и метрических мерах». 704 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Зигель, П. Пособие для разведки в артиллерии. Маневрен. война. 74 стр.

Иванов, А. Методика преподавания материальной части артиллерии. 82 стр. Ц. 40 к.

Как артиллерия наблюдает. С 20 рис. 52 стр. Ц. 35 к.

Красная конница. Сб. трудов кавсекции ВНО при Военной Акад. и Отдел. ВНО при Высшей Кавшколе. 122 стр. с 26 схем., 6 черт. и 6 табл. Ц. 1 р. 25 к.

Кюльман, Ф. Курс общей тактики. Ч. I. Пер. с франц., под ред. А. Е. Снесарева. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лиддель-Гарт. Основы тактики пехоты. С пред. А. Макса. Пер. И. Ринк. 54 стр. Ц. 50 к.

Муратов, В. Бои за населенные пункты. 95 стр., 2 л. чертежей. Ц. 50 к.

Ростовский, Н. Что такое пулемет и как стреляют из него. 22 стр. Ц. 10 к.

Сапожников, Н. Взаимодействие войск. 26 стр. Ц. 10 к.

Смысловский, Е. Обязанности артиллериста. 50 стр. Ц. 15 к.

Смысловский, Е. Организация артиллерии. 38 стр. Ц. 30 к.

Столбин, Б. Современная артиллерия. 101 стр. Ц. 70 к.

Тайзен. Наступление с примкнутыми к другим войскам флангами и оборона в маневренной войне. Пер. с немецк., под ред. В. Белолипецкого. 84 стр. Ц. 50 к.

Шапошников, Б. Конница (кавалерийские очерки). Изд. 2. 266 стр. Ц. 1 р. 10 к.

III.

ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО. — АВИАЦИЯ. — СВЯЗЬ.—БРОНЕВОЕ ДЕЛО.—ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ДЕЛО.—ВОЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ. — ТОПОГРАФИЯ.

Автомобильное дело. Сборник статей Гвиу. 73 стр., 6 рис. в тексте. Ц. 1 р.

Баженов, В. И. Магнетизм и электро-статика (Пособие для радио-школ). 70 стр. Ц. 70 к.

Болотов. Временные железно-дорожные мосты. 98 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Ветчинкин, В. Инж.-мех. О падении и планировании в среде переменной плотности (Труды Центр. Аэрогидродинамического института В. С. Н. Х.). 37 стр. Ц. 30 к.

Гусев, А. В. Служба связи. 30 стр., 3 л. черт. Ц. 20 к.

Добряков, А. И. Земляные работы. 159 стр., 218 черт. Ц. 60 к.

Кржвицкий, А. Исследования средств механической перевозки грузов. Ч. I. 112 стр., 12 л. таблиц. Ц. 1 р.

Ле-Энаф и Корнек. Французские железные дороги и война. Пер. с франц. Се-

ребренникова, с предислов. ген. Гаскуэна. 284 стр. с 24 схемами. Ц. 2 р. 50 к.

Крюгер, Р. Танки (Перевод с немецкого). 108 стр. Ц. 40 к.

Михеев, С. Техника и тактика танков. С 7 черт. и 3 рис. в тексте. Ц. 50 к.

Муратов, В. Бронепоезда. Тактический очерк. 19 стр. Ц. 5 к.

Найденов, В. Ф. Измерительная фотография. 120 стр. Ц. 75 к.

Невский, Г. Г. Полевое военно-инженерное дело. Руководство по фортификации. 2 изд. 370 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Невский, Г. Г. Групповое укрепление. Современные формы полевого фортификационного укрепления. 56 стр., 1 черт. Ц. 40 к.

Прандтль, проф. Подъемная сила и лобовое сопротивление несущих поверхностей в теории. Пер. с нем. И. Н. Веселовского, под ред. В. П. Ветчинкина. 63 стр. Ц. 20 к.

Строев, М. Какие нам нужны аэропланы (тактические заметки). 94 стр. Ц. 40 к.

Теодори, Г. И. Военно-топографические разведки. 43 стр. Ц. 15 к.

Чаплыгин, С. А., проф. К общей теории крыла монопланa. 53 стр., 1 черт. Ц. 40 к.

Шабашев, Н. И. Привязное воздухоплавание в военном деле и применение его в России в войну 1914—17 гг. 45 стр., 1 черт. Ц. 25 к.

Юрьев, Б. Н. Графо-аналитический способ расчета гребного винта. 45 стр. Ц. 25 к.

Яцук. Помощь авиации действиям партизанов. 70 стр. Ц. 25 к.

IV.

УЧЕБНИКИ. — ПОСОБИЯ. — ИНСТРУКЦИИ. — РУКОВОДСТВА. — ПРОГРАММЫ. — ВОЕННЫЕ ИГРЫ.

Афанасьев, П. Практические указания по оборудованию ящика с песком, как перспективного плана. 15 стр. Ц. 10 к.

Балясный, С. Букварь красноармейца. С иллюстрациями. 47 стр. Ц. 15 к.

Башинский, Р. Необходимые сведения по стрельбе и пособие к пользованию таблицами стрельбы из 76,2 мм. франц. полевой скорострельной пушки. 32 стр. Ц. 25 к.

Башинский, Р. И. Пособие для службы при 76,2 мм. франц. полевой скорострельной пушке. Описание матер. части (с чертежами). Уход за нею. 67 стр. Ц. 50 к.

Бобинский, А. Руководство по полев. телефонному делу. Станцион. телефон. устройства. 226 черт. в тексте. Под ред. А. В. Гусева и Н. А. Коростылева. Одобрено в.-техн. Советом связи, как руководство для изуч. полев. телефон. дела в войсках и вузах. 196 стр. Ц. 1 р.

Военная игра «Разведчик». 8 стр. с 1 картой.

Войнилович-Няньковский, В. Б. Учебник английского языка. Ч. I. 382 стр. и поурочн. словарь (24 стр.). Учебник принят в качестве руков. в Военной Академии РККА. Ц. 4 р.

Гимнастика. Вып. I серии «Физич. подгот. РККА и доприз. молод.». С 254 рис. и 19 схемами в тексте.

Гусев, А. Телеграф и телефон. Пособие для практических занятий по телеграфн. и телефон. делу в полевых телеграфно-телефон. частях. 2 исправл. и дополн. изд. 196 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Дзержкович, А. Описание разрядки ручных химических гранат. 9 стр. Ц. 10 к.

Инструкция для применения зенитной артиллерии. 15 стр. Ц. 10 к.

Инструкция осматривающим оружие в войсках. 52 стр. Ц. 20 к.

Масленников, М. Н. Задачник красноармейца. 114 стр. Ц. 60 к.

Масленников, М. Н. Метрическая система мер. Почему в России вводится метрич. сист. мер. 23 стр.

Михеев, С. и Свенцицкий, В. Курс военной топографии. Со 105 черт. в тексте. Пособие для вузов. 135 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Наставление для ведения военных игр с комсоставом РККА. 30 стр. Ц. 25 к.

Наставление для ухода за лошадью. 30 стр. Ц. 10 к.

Наставление для ведения стрелковых занятий с комсоставом РККА. 8 стр. Ц. 25 к.

Поправочные данные к таблицам стрельбы из 76,2 мм. (3 дм.) полевой скорострельной пушки. 23 стр. Ц. 25 к.

Пособие для обучения военно-служащих, поступающих в части полевой и легкой артиллерии. 98 стр. Ц. 25 к.

Пособие для обучения красноармейцев, поступающих в саперно-дорожно-мостовые роты инженерн. батальонов. 64 стр. Ц. 25 к.

Пособие для практического ведения специальных занятий с младшим комсоставом в артиллерии. 56 стр. Ц. 25 к.

Реек, Н. Управление боем. Руководство для строевых начальников. Перевод с эстонского К. Тракман. Под ред. А. Кук. 181 стр. Ц. 90 к.

Руководство для службы в полевой артиллерии. 76 мм. (3 дм.) горная пушка образца 1909 г. Отдел 1. Устройство пушки и уход за ней. 55 стр., 5 приложений, 12 черт. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство для устранения неисправностей и повреждений в оружии средствами войсковых оружейных мастерских. Одобрено Арткомом Гау.

Сверчков, И. Автомат Федорова. Составлен по поручению опытн. оружейного полигона Высш. стрелк. школы, под ред. М. Энвальда. 30 черт. в тексте. 41 стр.

Указания для выбраковки и разделения на категории каналов орудийных стволов по степени их разгара от стрельбы. 14 стр. Ц. 3 к.

Указания о составлении и вычерчивании полей невидимости. 8 стр., 8 черт. Ц. 10 к.

Указания по борьбе с воздушным флотом противника средствами войсковых частей. 57 стр. Ц. 20 к.

Учебник географии РСФСР и сопредельных стран. Составлено по П. Белохе (для вузов). 130 стр. Ц. 60 к.

Федотов, М. М. и Файвуш, Я. А. Радиоразведка в различных фазисах современной войны. Пособие для учебных радио-частей войск связи Красной Армии. 48 стр. с черт. Ц. 35 к.

Фомин, Н. В. Правила хранения и содержания воздухоплавательного имущества. С 10 черт. 54 стр. Ц. 25 к.

Эльснер, Н. Е. Уход за обозным имуществом в условиях мирного и военного времени. С 7 черт. в тексте. 142 стр. Ц. 60 к.

Энвальд, М. Ружейно-стрелковое дело. Краткое пособие по теории и технике ведения руж. огня на боевом поле для кр-цев и мл. комсостава. С 5 черт. в тексте. Изд. 2, дополн, 50 стр. Ц. 50 к.

V.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ.

Авиновицкий, Я. Л. Советские военно-учебные заведения за 4 года (1918—22 гг.). 52 стр. Ц. 20 к.

Белицер, А. В. Пироплазмоз лошадей. Руководство для лечения. 20 стр. Ц. 5 к.

Иностранные армии. Вооруженные силы иностранных государств. 523 стр. с 14 рис., 10 схем. в тексте и 18 отдельн. картами (Под. ред. М. Рыбакова, В. Сухова, И. Троицкого). Приказом Главкома СССР № 38 от 10 октября с. г. этот сборник рекомендован к самому широкому распространению среди комсостава РККА и флота. «Этот справочник должен явиться настольной книгой нашего комсостава». Ц. 3 р. 50 к., в переплете—4 р.

Каталог № 1 изданий ВВРС с 1 января по 15 июня 1923 г. 32 стр. Ц. 10 к.

Лангенбахер, Л. Теория ковки. 8 изд. 90 стр. Ц. 70 к.

Льготы для семей красноарм., военморов, курсантов, командиров, комиссаров, политработников, инвалидов гражд. войны по единому с/х налогу. Настен. табл. Ц. 10 к.

Невский, В. Нормальный каталог полковой красноармейской библиотеки. 186 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Отчет о деятельности отдела Воен. Лит. при РВСР и ВВРС с 1 янв. 1921 г. по 31 дек. 1922 г. (подробный каталог изданий). Стр. 263. Ц. 25 к.

Положение о перевозке войск по железным дорогам и водою, утвержден РВСС и НКПС, с прил. 66 черт. (4 на отд. лист.), 6 форм перев. документов на отд. лист. и 3 схем в тексте. Ц. 3 р. 50 к., в переплете—4 р. Приказом Главкома СССР № 37 от 8 октября с. г. Штабам округов предложено озаботиться приобретением необходимого количества экз. «Положен. о перевозке войск» для распределения его по частям войск. Ц. 3 р. 50 к. в переплете — 4 р.

Рабоче - крестьянская военная [illegible] Краткая характеристика и необход. справки для поступающих. 48 стран. Ц. 50 к.

Унтилов, В. А. Руководство по всем видам личного денежного довольствия РККА и флота. Вып. I. 60 стр. Ц. 20 к.

Унтилов, В. А. Льготы и преимущества военнослужащих Красной Армии и Флота. Изд. 2. 50 стр. Ц. 25 к.

Унтилов, В. А. То же. Вып. II. 93 стр. Ц. 60 к.

ЛИТЕРАТУРА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Асеев, Н. Софрон на фронте; в стихах. 14 стр. Ц. 10 к.

Бессребренник, Козьма. Про Фоку, от которого не было проку. 16 стр. Ц. 5 к.

Блюмин, И. Что читать по политграмоте. Руков. для самообразоват. чтения.

Горев, М. Голод. 40 стр. Ц. 5 к.

Горлов, Н. Два красноармейца. 32 стр.

Горловский. Под знаменем рабочего класса и РКП. Вып. 6 серии пособий политрукам к политуставу. 101 стр. Ц. 40 к.

Городецкий, С. Пан-Жупан, долой обман (Друж. беседа красноармейца с польским паном). «Б-ка красноармейца» № 1. 15 стр. Ц. 10 к.

Городецкий, С. Знай боярскую Румынию, чтоб не быть тебе разинею («Б-ка красноармейца» № 2). 15 стр. Ц. 10 к.

Итоги и перспективы школьного строительства в Красной Армии. Работы 2-го Всеарм. совещан. Нач. школьн. отдел. пуокров, пуармов 20 — 26 мая 1923 г. Ц. 40 к.

Коренев, Г. За новый мир. Красноармейский чтец-декламат. 200 стр. Ц. 1 р.

Курдюмов, В. С. Масютин-часовой (Пьеса). 48 стр. Ц. 20 к.

Лапчинский, А. Красноармейцу от летчика. 19 стр. Ц. 5 к.

Лозовский, А. Против новой войны (Франкфуртская конференция). 19 стр. Ц. 10 к.

Митницкий, Л. Герой Кнопкин. Повестушка с рис. М. Черемных. 43 стр. Ц. 10 к.

Неверов, А. Я хочу жить. 47 стр. Ц. 20 к.

Новые дивизии. 28 стр. Ц. 25 к.

Окулов, А. Там, где смерть (Пьеса) («Б-ка красноармейца» № 4). 31 стр. Ц. 10 к.

От Вашингтона до Генуи. 130 стр. Ц. 50 к.

Памятка здоровья. Как сохранить здоровье во время войск. сборов и как беречь его дома. 20 стр. Ц. 15 к.

Памятка коммунисту, комиссару, политруку и политпросветработнику Красной Армии и Флота. 56 стр. Ц. 10 к.

Памятка красноармейцу, уходящему в отпуск. 7 стр. Ц. 3 к.

Положение и программы партпросвещения Красной Армии. 36 стр. Ц. 30 к.

Раковский, Х. Боярская Румыния. 50 стр. Ц. 15 к.

Раковский, Х. Грядущая революция (в Лозанну и обратно). 40 стр. Ц. 20 к.

Сарабьянов, В. Об антирелигиозной пропаганде. 91 стр. Ц. 50 к.

Сборник статей о парт. и политпросветработе в Красной Армии и Флоте в мирное время. 217 стр. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство в России и политика Советской власти в деревне. 200 стр. Ц. 50 к.

Троцкий, Л. Весенние происки врагов. 31 стр. Ц. 5 к.

Троцкий, Л. Фронтов нет—опасность есть (Доклад на IX Съезде советов). 47 стр. Ц. 10 к.

Труды I-го Всероссийского Съезда библиотечных работников Красной Армии и Флота 15 — 25 декабря 1920 г. Под ред. Е. Хлебцевича и А. Тьебара (Библиотека Политпособий № 2). 128 стр. Ц. 25 к.

Трунин, А. Подвижные игры в Красной Армии. Под ред. И. Коробочкина. 56 стр. Ц. 75 к.

Тухачевский, М. Война классов. Статьи 1919 — 21 г.г. 140 стр. Ц. 50 к.

Ударов, Д. Как победить. 96 стр. Ц. 25 к.

В

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ.

Приказ Р. В. С. Р. № 279 1923 г. к пятилетию Красной Армии. Обложка и иллюстрации (в 6 красок) работы худ. Ю. П. Анненкова. Ц. 1 р. 50 к., на лучшей бумаге—2 р.

Портрет Л. Д. Троцкого (раб. худ. Ю. П. Анненкова, фототипия; 46 × 62 сант.). Ц. 1 р.

„ВОЕННАЯ МЫСЛЬ и РЕВОЛЮЦИЯ“

Ежемесячный журнал объемом 15—20 печ. лист., под общей редакцией С. С. Каменева, В. А. Антонова-Овсеенко, П. П. Лебедева, Д. А. Петровского, В. П. Полонского и К. В. Скерского.

«В. М. и Р.» ставит своей задачей разработку вопросов военной теории и практики с точки зрения интересов революции и Союза Советских Республик. Журнал включает отделы: военно-политический, международной политики, стратегии и тактики, военной истории, воздушного флота, применения химии в военном деле, военно-технический, военно-экономический и морской обороны Республики.

В отделах «Военная жизнь за границей» и «Военная жизнь Союза Советских Республик» освещается военная жизнь иностранных государств и Советской Республики.

В библиографическом отделе помещаются рефераты и отзывы о военных изданиях Англии, Франции, Германии, С.-А. Соединенных Штатов, Польши и др. государств; дается всесторонняя исчерпывающая библиография русских изданий как чисто-военных, так и связанных с военным делом.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ДОСТАВКОЙ:

На год . . . . . 30 руб. черв.
„ 6 мес. . . . . 15 „ „
„ 3 „ . . . . . 8 „ „

НА ИНЫЕ СРОКИ ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Цена отдельного номера 3 руб. чёрв.

Подписавшиеся на журнал «Военный Вестник» при подписке на журнал «Военная Мысль и Революция» пользуются скидкой 20%

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Смоленский бульвар., 53. Телефон 6-50, добавочн. 4-59.

ВОЕННЫЕ КАЛЕНДАРИ на 1924 г.

ВОЕННЫЙ ЕЖЕГОДНИК на 1924 г.

Справочная записная книжка и календарь для командного и политического состава

ВОЕННЫЙ ЕЖЕГОДНИК СОДЕРЖИТ:

1. **Календарь.** 2. **Листки для ежедневных записей с хронологией гражданской войны.** 3. **Политический отдел,** в который входит: а) обзор состояния промышленности и сельского хозяйства СССР, б) биографии вождей революционного движения, в) декларация об образовании Союза ССР и договор между союзными республиками, г) резолюции XII парт-съезда по национальному вопросу, д) политический словарик наиболее употребительных слов. 4. **Военный отдел:** а) военно-учебные заведения, б) очерки о войсковых соединениях по тактике, вождению войск, в) схема вооруженных сил, г) порядок прохождения службы в Красной Армии и 5. **Справочный отдел.**

Военный ежегодник должен явиться незаменимой карманной справочной книжкой для каждого командира и политработника Красной Армии.

Размер — 343 стр. карманного формата.

Отрывной Еженедельн. Красноармейский Календарь

На красочной стенке раб. худ. А. Радакова и А. Баранского.

На каждую неделю помещена «Революционная памятка».

На всех листках портреты вождей революции и другие иллюстрации.

Заказы адресовать в В.В.Р.С.

При покупке скидка от 15 до 30% в зависимости от числа приобретаемых экземпл.

Государственная тип. имени Евг. Соколовой, просп. Красных Командиров, 29.

Петрогублит № 12312. Тираж 200.000.

Карта IX.

Германское Наступление на Западе в 1918 г.

Германское отступление
1918 г.
Условные знаки:
Германская линия фронта к началу неприятельского наступления 18-VII-1918 г.
Германская линия фронта 2-IX-18 г.
XXXXX во Фландрии 14-X-18 г.
Германские стратегические тыловые позиции
МАСШТАБ 1:1000000
10 5 0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 КМ.
ПОЗ. ГЕНТ-ГЕРМАН
ПОЗ.-ЛИС
ПОЗ. АНТВЕРПЕН МААС
П. ВОТАНА
ПОЗ. ГЕРМАНА
ПОЗИЦ. ЗИГФРИДА
ГУНДИНГ-БРУНГИЛЬДА ПОЗИЦ.
ЭН-ВЕЛЬ-ПОЗ.
ПОЗ. МИХЕЛЯ
ПОГРАНИЧНАЯ ПОЗИЦИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
ШВЕЙЦАРИЯ
АНТВЕРПЕН
БРЮССЕЛЬ
ДЮНКИРХЕН
КАЛЭ
БУЛОНЬ
ЛЬЕЖ
НАМЮР
АХЕН
АРРАС
АМЬЕН
РЕЙМС
ПАРИЖ
МЕЦ
НАНСИ
СТРАСБУРГ
ТРУА
КОЛЬМАР

BIBLIOTHECA
UNIV. JAGELL.
CRACOVIENSIS

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульвар, 53. Телефон № 2-15-20.

ЦЕНТР. СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Арбат, Глазовский пер. 1. Тел. 2-45-98.

А. ФРАЙС и К. Д. ВЕСТ

Химическая война

508 стр., с 121 рис. в тексте.

ДАННЫЕ СОВРЕМЕННОЙ ХИМИИ

Гл. I и II из сб. статей

под ред. проф. Haller'a (Париж, 1922 г.)

37 стр. Ц. 40 к.

Ген. ФАЙЕЛЬ

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ОГНЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ СРЕДСТВ

74 стр., с 6 черт.

ГЕРМАНСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ

ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ АРТИЛ.

Вып. 18. БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА (1922 г.)

108 стр.

Г. БРУХМЮЛЛЕР

ГЕРМАНСКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ВО ВРЕМЯ ПРОРЫВОВ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

165 стр., с 6 прил. Ц. 3 р.

ФРЕЙТАГ ЛОРИНГОФЕН

ВЫВОДЫ ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

80 стр.

Г. САДЖЕНТ

СТРАТЕГИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

(1914—1918 г. г.)

153 стр., с 2 карт.

ЛЕ-ЭНАФ и БОРНЭК

Французские жел. дор. и война

С предисл. ген. Гаскуэна

282 стр., 24 схемы. Цена 2 р. 50 коп.

ДЮПОН

Высшее Германское Командование в 1914 г.

92 стр.

А. СВЕЧИН

История военного искусства

Ч. III. НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ (1814—1914 г. г.)

Цена 1 р.

Ф. КЮЛЬМАН

Курс общей тактики

Ч. I., Ц. 1 р. 50 к.

МЕДДЕЛЬ-ГАРТ

Основы тактики пехоты

54 стр., с 10 черт.

Н. МОРОЗОВ

ТАКТИКА ПЕХОТЫ

Изд. 2. Стр. 280, 96 рис.

ГЕФЛЬ

Новые тактические задачи

64 стр.

ЖОФФР

1914—1915 г. г.

ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ И ВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

66 стр., со схем.

ФАЛЬКЕНГАЙН

Верховное командование

194 стр., с 5 сх. и 7 карт.

Высший Военный
Редакционный Совет

Государственное
Издательство